

ISSN 2411-1503

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра археологии, этнографии и музеологии

Лаборатория междисциплинарного изучения
археологии Западной Сибири и Алтая

НИИ гуманитарных исследований

**СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ**

Сборник научных статей

Выпуск XXIII

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2017

УДК 902(571.150)(08)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)я431
С 689

Ответственные редакторы:
А.А. Тишкин, В.П. Семибратов

Редакционная коллегия:
*В.В. Горбунов, С.П. Грушин, Ю.Ф. Кирюшин,
Д.В. Папин, Н.Н. Серегин, Т.В. Тишкина, Я.В. Фролов*

С 689   **Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края** [Текст] : сборник научных статей / отв. ред. А.А. Тишкин, В.П. Семибратов. – Вып. XXIII. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. – 264 с.

ISSN 2411-1503

В сборнике опубликованы материалы докладов XXIII научно-практической конференции (с международным участием) «Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края», посвященной 80-летию Алтайского края. Рассматриваются различные вопросы, связанные с проблемами сохранения, изучения и использования археологических, исторических и архитектурных памятников.

УДК 902(571.150)(08)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)я431

ISSN 2411-1503

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ПРОБЛЕМЫ ФИКСАЦИИ, ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

<i>Богданова О.В.</i> К вопросу об охране памятников старины в России в начале XX в.	7
<i>Бородовский А.П., Горохов С.В.</i> Картография объектов археологического наследия на территории Каракольского природного парка	13
<i>Вальков И.А., Миляев Г.А.</i> Комплекс курганных групп Сухая Речка в Локтевском районе Алтайского края	20
<i>Вистингаузен В.К., Киреев С.М., Челтанов М.С.</i> Идентификация Аккаинской пещеры	23
<i>Гизбрехт М.Ю.</i> Объект культурного наследия регионального значения «Амбар усадьбы Е.И. Рязанцева»: сохранение и использование	25
<i>Казakov А.А.</i> Новые памятники одинцовской культуры в Первомайском районе Алтайского края	29
<i>Кимеев В.М.</i> Проблемы сохранения и музеефикации археологических памятников Притомья	34
<i>Киреев С.М.</i> Майминский археологический комплекс: тридцать лет исследований и наблюдений	39
<i>Сайберт В.О.</i> Результаты археологической разведки в Тальменском районе Алтайского края в 2016 г.	44
<i>Федорук А.С., Редников А.А.</i> Некоторые результаты мониторинга объектов археологии Шипуновского и Локтевского районов Алтайского края в 2012–2016 гг.	48

РАЗДЕЛ 2. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ

<i>Борисов В.А., Илюшин А.М., Онищенко С.С.</i> Средневековое жилище в раскопе №10 на комплексе археологических памятников Торопово-7	54
<i>Вальков И.А., Федорук А.С.</i> К вопросу о функциональном назначении костяных коньков	60
<i>Головченко Н.Н.</i> Случайные находки из окрестностей с. Повалихи (Алтайский край)	64
<i>Горбунов В.В., Папин Д.В.</i> Местонахождение МГК-1 – новый памятник фоминского этапа кулайской культуры	66

Грушин С.П., Кирюшин К.Ю., Кобзев В.Л. Поселение Шибяево – новый памятник периода ранней бронзы на правом берегу Верхней Оби	70
Грушин С.П., Кунгуров А.Л., Леонтьева Д.С. Новые находки каменных орудий на неолитических поселениях Алтайского края	73
Грушин С.П., Миляев Г.А., Вальков И.А. Результаты археологической разведки в долине р. Мельничной Залесовского района Алтайского края	78
Дашковский П.К. Исследования Краснощековской археологической экспедиции на Алтае в 2001–2016 гг.: обзор экспедиционных работ	83
Дашковский П.К., Ожиганов А.Н. Продолжение исследования курганов скифского времени на могильнике Инской дол	88
Зиняков Н.М., Илюшин А.М. Поселение Кыргай-2 – памятник периода развитого средневековья в Среднем Притомье	91
Иванов Г.Е. Новый тип кельтов периода поздней бронзы	97
Казаков А.А. Поселение Пикет-1	100
Кирюшин К.Ю. Комплекс неолита – раннего энеолита поселения Новоильинка-III (Северная Кулунда)	104
Ковалевский С.А. Об алтайском варианте ирменской культурно-исторической общности (по материалам погребально-поминального обряда)	109
Кунгуров А.Л. Первые археологические находки около с. Точильного (Алтайский край)	114
Лихачева О.С. Бронзовый кинжал с зооморфным навершием из Бийского краеведческого музея	118
Мамадаков Ю.Т., Бородаев В.Б., Белоусов Р.В. Археологическая разведка в Смоленском районе Алтайского края весной 2015 г.	123
Мерц И.В., Кукушкин И.А., Мерц В.К. Случайная находка каменного сверленного клевца в северо-восточной части Сарыарки (Казахстан)	125
Пилипенко С.А. Новое средневековое погребение из многослойного грунтового могильника Кротовский Елбан в Сузунском районе Новосибирской области	130
Серегин Н.Н., Матренин С.С. Китайский «импорт» из памятников Алтая хуннуско-сяньбийского времени	135
Соенов В.И. Находка железного палаша на Алтае	142
Тишкин А.А., Илюшин А.М. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа предметов торевтики из памятника Мусохраново-1 в Кузнецкой котловине (по материалам раскопок курганов №5 и 6) ...	150

Фролов Я.В., Тишкин А.А. Атрибуция предметов поздней бронзы из «старых поступлений» археологической коллекции Алтайского государственного краеведческого музея	159
Шалахов Е.Г. Ритуал «умерщвления» вещей в сейминско-турбинских захоронениях: к постановке вопроса	165
Ширин Ю.В. Опыт археологического исследования пещер Горной Шории	169
Шмидт А.В., Сурков Д.А. Неолитический комплекс памятника Няксимволь-1 (материалы раскопок 2016 г.)	175

РАЗДЕЛ 3. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ, АРХИТЕКТУРЫ И ЭТНОГРАФИИ

Заречнева И.Г. Тайны памятника деревянного зодчества «Аптека Крюгер» (Барнаул)	180
Иванова Л.В. Забор и ворота в сакральных представлениях русских Зауралья	186
Кунгуров А.Л. Карамышевский сторожевой пост (Алтайский край) ...	195
Меньков С.В. Борьба с традиционной праздничной культурой на Алтае в 1920-е гг.	198
Пилипенко С.А., Миняйло А.П. Украинизмы в регионально ограниченной лексике Новосибирска (к вопросу о влиянии переселенцев на речь жителей города)	201
Тишкин А.А., Серов В.В. Определение состава металла в монетах Китая (конец 30-х – начало 90-х гг. XVIII в.)	203
Тургунбаев Е.М. К вопросу использования казахских шежире как этнографического источника	212
Целищева М.А., Дышлок М.А. «Купеческий особняк» – памятник архитектуры конца XIX – начала XX в.: история и современное использование (г. Барнаул, ул. Короленко, 63)	216
Целищева М.А., Слуцкий М.А. Памятник архитектуры «Заведения искусственных и минеральных фруктовых вод»: история и современное использование (г. Барнаул, пр. Красноармейский, 10)	220

РАЗДЕЛ 4. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

Горбунов В.В. История поступления археологических коллекций эпохи средневековья с территории Алтая в собрание Алтайского государственного краеведческого музея	227
---	-----

Кротов А.В., Мелехин В.А., Рехтина К.П. Историческая библиография в вопросе сохранения культурного наследия	235
Мелехин В.А., Кротов А.В., Мамешина Н.С. Культурвиталистское осмысления физической культуры как элемента культурного наследия социальной жизни	239
Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. О музее Зайсана рода Майман	243
Тишкина Т.В., Дидик З.Г. История создания и опыт деятельности Муниципального бюджетного учреждения культуры «Мамонтовский районный краеведческий музей»	248
Целищева М.А. Памятник промышленной архитектуры «Змеевский сереброплавильный завод»: история и вопросы музеефикации	257
Список сокращений	263

РАЗДЕЛ 1. ПРОБЛЕМЫ ФИКСАЦИИ, ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

О.В. Богданова

Томский государственный университет, Россия

К ВОПРОСУ ОБ ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Проблемы сохранения культурного наследия России вот уже на протяжении двух столетий активно обсуждаются в обществе. Сегодняшняя система охраны памятников не позволяет представить, что еще в начале XX в. на повестке дня стояли вопросы о сносе в Петербурге Гостиного двора, Биржи на стрелке Васильевского острова, здания Большого театра и других не менее значимых памятников. Тем не менее как в начале XX в., так и в начале XXI в. памятники старины остаются очень уязвимыми. Поэтому обращение к опыту предшествующих поколений в деле охраны памятников поможет сегодня избежать уже допущенных ошибок и просчетов.

До середины XIX в. решение вопросов охраны памятников в России не имело системного характера. Вышли отдельные указы (1718, 1722, 1771 и 1826 гг.), циркуляры Министерства внутренних дел (МВД) о доставлении сведений об останках древних зданий (1826 г.), анкеты с вопросниками о древних памятниках, описания некоторых городов (1770-е гг.). В 1839–1842 гг. вышло два тома предшественника современного свода памятников, а в 1846–1853 гг. было подготовлено издание «Древности Российского государства». Законами, защищавшими памятники от разрушений, были в основном только строительные уставы 1832, 1842 и 1857 гг. Последний Строительный устав 1900 г. внес некоторые изменения в дело охраны памятников России, но из-за отсутствия специальных государственных органов, занимавшихся этой проблемой, не оказал значительного влияния. Таким образом, в 1-й половине XIX в. главными направлениями памятничкоохранительной деятельности были выявление памятников и их фиксация.

Наибольшие изменения в деле охраны памятников начались с середины XIX в. В первую очередь это связано с возникновением в 1846 г. Императорского Русского археологического общества (ИРАО), и в 1864 г. – Московского археологического общества (МАО). Охрана памятников стала приоритетным направлением в деятельности МАО. Перед открытием МАО на заседании, состоявшемся 3 ноября 1864 г., его председатель А.С. Уваров сказал: «Не только мы, но и наши предки не умели ценить

важность родных памятников, и без всякого сознания, с полным равнодушием, безобразно исправляя старинные здания или восстанавливая их заново, они не понимали, что каждый раз вырывали страницу из народной летописи» [Особенности охраны памятников..., эл. рес.]. В 1869 г. в Москве состоялось открытие I Археологического съезда, на котором было признано, что вопрос сохранения памятников древности требует незамедлительного и безотлагательного решения. Именно там был представлен проект закона об охране памятников, подготовленный МАО и оглашенный на съезде А.С. Уваровым. Уже тогда в «Проекте мер к сохранению памятников старины» предлагалась следующая систематизация памятников:

1. Памятники архитектуры, к которым принадлежат здания, как каменные, так и деревянные, и все искусственные насыпи, как то: валы, городища и курганы.

2. Памятники письменности, т.е. рукописи и старопечатные книги.

3. Памятники живописи: иконы, стенописи и пр.

4. Памятники валяния, резьбы и изделия из золота, серебра, меди и железа (см.: [Законодательство по охране памятников в России..., эл. рес.].

Разработка вопроса была поручена специальной комиссии, в состав которой вошли члены Московского и Петербургского археологических обществ. В 1848 г. вышел Указ «О наблюдении за сохранением памятников древности». В 1859 г. была создана Императорская археологическая комиссия (ИАК), в обязанность которой входило давать разрешения на археологические раскопки. В 1876 г. Александром II была учреждена Комиссия по вопросу о сохранении древних памятников в России, которая разработала Проект правил, опубликованный в 1877 г. Одними из важных положений, которые предлагались в Проекте, было создание в Петербурге Центральной археологической комиссии и ее филиалов по всей территории России, а также проведение инвентаризации всех имеющихся памятников древностей и составление на них чертежей и описаний [Султанов, 1885, с. 236–237]. К сожалению, проект так и не был реализован. Таким образом, во второй половине XIX в. попытки создать государственную систему охраны памятников не достигли своей цели.

Наиболее остро вопросами охраны памятников начали заниматься с начала 1900-х гг. Вопрос о ценности памятников Петровской и последующих эпох был поднят и деятелями круга «Мир искусств» (Бенуа). Постоянные дискуссии по охране памятников шли на страницах журналов «Мир искусства», «Художественные сокровища России», «Столица и усадьба», «Зодчий», «Старые годы». Именно в эти годы создавались многие документы и правила, которые впоследствии стали основополагающими в деле охраны памятников.

В сентябре 1901 г. вышел циркуляр МВД, который был разослан по губерниям. Согласно этому документу необходимо было предоставить сведения о количестве исторических памятников, созданных не позднее начала XVIII в. (по этому списку насчитывалось 4108 памятников).

Наконец, в 1904 г. при МВД была учреждена правительственная Комиссия по пересмотру действующих постановлений об охране древних памятников и зданий. Важным моментом стало обращение министра внутренних дел П.А. Столыпина к министру иностранных дел с просьбой доставлять в МВД образцы законодательных актов по охране исторических памятников в странах Западной Европы. Это был очень положительный момент в деле охраны памятников. Ведь уже тогда в Европе существовали законы, защищавшие памятники, чего не было в России. В 1910 г. на страницах журнала «Зодчий» писали: «Вопрос о сохранении памятников прошлого – вопрос сложный. Что следует охранять, что можно разрушить? В России менее чем где-либо имеется такта для решения подобных вопросов» [Курбатов, 1910, с. 401]. И там же приводили примеры, что в Германии уже тогда чуть ли ни законодательным путем было запрещено применять вид некоторых озер и болот.

В 1908 г. на XIV археологическом съезде в Чернигове зодчим Н.А. Султановым был представлен проект законодательных мер. По итогам съезда Комиссия по сохранению древних памятников при МАО составила окончательную редакцию Проекта для предоставления в МВД. Главные положения этого документа:

- разделение на 17 археологических округов;
- централизация и подчинение центральному правительственному учреждению;
- право правительства на принудительное отчуждение движимых и недвижимых памятников;
- введение гражданской или уголовной ответственности за уничтожение и повреждение памятников;
- запрещение вывоза памятников за границу.

В 1908–1909 гг. появился ряд документов, свидетельствующих об оживлении в деле охраны памятников. Одним из таких стал Проект положения о Синодальной архивно-археологической комиссии.

Продолжалось активное участие в деле охраны памятников общественных организаций. Важным моментом стало создание в 1909 г. Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (ОЗС). С начала 1910-х гг. в российских городах (Новгород, Ярославль, Ростов Великий, Казань, Орел и др.) создаются отделения общества, организируются кружки.

В 1910 г. было выработано новое «Положение об охране древностей». Проект закона «О мерах по охранению памятников древности» и «Положение» обсуждали целый год и затем отправили на рассмотрение в III Государственную Думу, которая после ее роспуска в 1912 г. оставила принятие решения IV Государственной Думе. Позднее Проект был признан неприемлемым и не получил правительственного одобрения. Так закончилась попытка создания единой государственной системы в деле охраны памятников.

Особую активность в то время в деле охраны памятников проявили русские зодчие. Ведь именно они должны были выработать кардинальные меры «лечения» памятника от разрушения. Приведем частные примеры участия зодчих в памятникоохранительной деятельности в начале XX в., тем более, что уже к 1890-м гг. полностью сложилась практика, когда к рассмотрению проектов по реставрации древних памятников привлекались специалисты из Академии художеств, Святейшего Синода, МВД и других учреждений [Савельев, 2003, с. 178]. Этому предшествовало решение Александра III о том, что вопросы реставрации древних памятников архитектуры должны были решаться только с согласования Императорской археологической комиссии и Академии художеств.

Проблемы охраны памятников постоянно обсуждались в Императорском Санкт-Петербургском обществе архитекторов, на съездах русских зодчих, на страницах прогрессивных архитектурно-художественных журналов.

Так, на одном из собраний Императорского Санкт-Петербургского общества архитекторов, проходившем в 1905 г., открыто обсуждался проект правил о сохранении памятников древностей в России [В Императорском..., 1905, с. 484]. Острую дискуссию вызвал вопрос о самом понятии «памятник древности». Несмотря на то, что это понятие вместо бытовавшего ранее термина «древности» утвердилось еще в середине XIX в., оно до сих пор воспринималось неоднозначно. Одна часть присутствовавших на заседании была за то, чтобы к «памятникам древностей» могли относиться только памятники архитектуры. Вторая часть придерживалась мнения о том, что в это понятие должны входить все памятники, имеющие историческое значение. При этом, с одной стороны, памятниками исторического значения могли быть признаны те здания и сооружения, которые имели связь с определенным историческим лицом (и даже здесь имелось два мнения). С другой стороны, это те здания, которые сами по себе могли служить характеристикой эпохи.

Следующий момент, который обсуждался на собрании, состоял в установлении определенного срока, по достижении которого здание или сооружение, находящееся в ведении правительственного, церковного или общественного учреждения, могло считаться «памятником» и подлежать охране. Предлагался срок в 150 лет. Несомненно, это было совершенно несправедливо, поскольку не учитывались ценностные характеристики памятника. К тому же, как отмечали присутствующие на собрании, многие ценные здания, еще не достигшие возраста 150 лет, подвергались искажению и даже уничтожению.

На собрании была также высказана мысль о том, чтобы для лучшего сохранения памятников разделить Российскую империю на археологические округа, но одновременно говорилось о вреде в этом вопросе централизации. В каждом округе предлагалось сделать фотографии имеющихся памятников, которые должны храниться в местном органе,

а также быть переданы в центральный орган по охране. Благодаря этой коллекции фотографий можно было бы иметь представление обо всех имеющихся в России памятниках старины, причем «независимо от вкусов общества и пристрастия его к тому или иному стилю» [В Императорском..., 1905, с. 484].

Последовало и предложение по поводу памятников старины, находящихся в частной собственности. Предлагалось включить их в общий список, тем самым обеспечить ремонт и содержание этих памятников не за счет самих хозяев, а за счет охранительных органов.

В связи с подобными предложениями по охране памятников на собрании предложили реформировать Губернские ученые архивные комиссии таким образом, чтобы в их состав вошли, помимо ученых-археологов, еще и архитекторы, художники и фотографы, а по отдельным вопросам предусматривалось привлечение компетентных лиц других профессий.

На собрании отмечали необходимость проведения периодической проверки памятников и установления строгих правил вывоза их за границу, а вот введение уголовной ответственности за перемещение, изменение или разрушение памятников имело неоднозначную оценку. Одни были против уголовной ответственности, а главным считали «широкое распространение просвещения». Так, предлагалось ввести в школах изучение хотя бы элементарных сведений об археологии и искусстве, проведение экскурсий, открытие музеев, библиотек, а также чтение общедоступных лекций. Вторая часть была за введение карательных мер, поскольку пока просвещение достигнет своих целей, от многих памятников не останется и следа. При этом приводили пример западноевропейских государств, где уже тогда была введена необходимая юридическая охрана.

Охрана памятников стала одним из главных вопросов, обсуждаемых на IV съезде русских зодчих, проходившем в 1911 г.

Зодчие были активными пособниками памятникоохранительной деятельности. Наиболее известные из них – архитектор В.В. Суслов, архитектор и археолог П.П. Покрышкин и гражданский инженер Н.А. Султанов.

В.В. Суслов сразу же после окончания Академии художеств в 1883 г. по заданию академии провел обследование огромного количества памятников древней русской архитектуры, причем особое внимание он уделял наиболее подверженным разрушению деревянным постройкам, сосредоточенным на севере России. Зодчий посетил побережье Белого моря, Мурманский берег, Северную Двину, Онегу, места сосредоточения деревянного зодчества в Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерниях. В этих поездках В.В. Суслов собрал и богатый археологический материал. Древнерусскую архитектуру зодчий запечатлел в рисунках, которые впоследствии экспонировались на различных выставках (в настоящее время хранятся в Академии художеств).

Вершиной его деятельности стала реставрация храма Софии в Новгороде, выполненная с 1893 по 1900 г. [Реставрация памятников архитектуры, 1988, с. 36].

К первому десятилетию XX в. относится окончательное становление новых методов реставрации памятников в российской практике, во многом связанное с именем архитектора и археолога П.П. Покрышкина, являвшегося также активным членом Археологической комиссии. Наиболее значимой его работой была реставрация церкви Спаса на Нередице в Новгороде в 1902–1908 гг. [Реставрация памятников архитектуры, 1988, с. 38].

Выпускник Института гражданских инженеров Н.А. Султанов, впоследствии ставший его директором (1895–1903 гг.), был реставратором, историком архитектуры, преподавателем. Он активно участвовал в работе Комиссии по вопросу о сохранении древних памятников в России, учрежденной в 1876 г., как представитель от Петербургского общества архитекторов [Савельев, 2003, с. 178]. Многие памятники того времени были выполнены по проектам Н.А. Султанова. Он был членом МАО, затем «сверхштатным» членом Археологической комиссии, затем председателем технико-строительного комитета МВД. Им выполнены проекты реставрации Троицкой церкви в Останкино, Никитского монастыря в Москве, Дмитровской башни Кремля в Нижнем Новгороде (в преддверии Всероссийской выставки 1896 г.), дворца царевича Дмитрия в Угличе, проведено обследование стен Смоленского и Псковского кремлей и пр.

В 1900-х гг. остро встал вопрос и о сохранении памятников церковной старины. В связи с разрушением этих памятников директор Императорского Санкт-Петербургского археологического института Н.В. Покровский выступил с Проектом «О мерах к сохранению памятников церковной старины», в котором предлагалось учредить центральный орган охраны при Святейшем Синоде и местных епархиальных органах. Н.В. Покровский негативно относился к переносу памятников в музеи столицы и ратовал за то, чтобы памятники оставались на местах. Центральный комитет охраны памятников церковной старины должен был находиться непременно при центральном духовном управлении и опираться на авторитетную духовную власть, которая назначала бы председателя и членов комитета [К вопросу об охране..., с. 361]. В состав комитета должны были войти три специалиста: один – по вещественным памятникам церковной древности, другой – по древним рукописям и третий – по архивоведению. К участию в работе комиссии должны были привлекаться и другие специалисты, например архитекторы, члены технико-строительного комитета при Святейшем Синоде, представители других ведомств и учреждений. Комитет должен был «заботиться о том, чтобы памятники, имеющие историческую и научную важность, как то: древние иконы, церковная утварь, памятники древнего церковного зодчества, не только не уничтожались, но и не искажались неумелыми исправлениями и реставрациями» [К вопросу об охране..., с. 362]. Комитет обо всех нару-

шениях должен был сообщать высшей духовной власти и предоставлять центральному духовному управлению ежегодные отчеты, а также должен иметь право открывать местные комитеты «по охранению памятников церковной старины». Причем в каждом таком комитете должен быть специалист, который смог бы правильно определить ценность памятника.

Многочисленные попытки создания государственной системы охраны памятников не достигли своей конечной цели и в начале XX в. К 1917 г. не создано центрального государственного органа охраны памятников, не было закона о запрещении вывоза памятников за границу, не введено ни гражданской, ни уголовной ответственности за порчу и уничтожение памятников, не составлены списки памятников. Тем не менее изучение дореволюционного опыта показывает, что было достигнуто понимание проблем, стоявших перед памятникоохранительной деятельностью.

Библиографический список

В Императорском Санкт-Петербургском обществе архитекторов // Зодчий. 1905. №45. С. 484–485.

Законодательство по охране памятников в России в XVIII – начала XX в. [Электронный ресурс]. URL: www.art-con.ru Мастерская ARTconservation (дата обр. 26.02.17).

К вопросу об охране памятников церковной старины // Зодчий. 1906. 3 сент. (№36). С. 361–362.

Курбатов В. К вопросу о сохранении старины // Зодчий. 1910. 10 окт. (№41). С. 401–405.

Особенности охраны памятников истории рубежа XIX–XX веков [Электронный ресурс]. URL: www.infourok.ru...ohrani-pamyatnikov...vekov-1200382.html (дата обр. 15.02.2017).

Реставрация памятников архитектуры : учеб. пособие для вузов / С.С. Подъяпольский, Г.В. Бессонов, Л.А. Беляев, Т.М. Постников ; под общ. ред. С.С. Подъяпольского. М., 1988. 264 с.

Савельев Ю.Р. Николай Султанов. СПб., 2003. 240 с.

Султанов Н.В. Успехи русской археологии в царствование императора Александра II // Вестник изящных искусств. 1885. Т. 3, вып. 3–4. С. 236–237.

А.П. Бородовский, С.В. Горохов

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

КАРТОГРАФИЯ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КАРАКОЛЬСКОГО ПРИРОДНОГО ПАРКА

Ширина долины р. Урсул от с. Шибе до с. Каракол Онгудайского района Республики Алтай составляет около 1,5 км, еще более расширяясь в приустьевых участках многочисленных притоков (реки Талда, Шибелик, Туэкта, Каракол). Такие природно-географические параметры во

многим обусловили возможность значительной концентрации объектов археологического наследия на территориях, прилегающих к южному склону Семинского хребта, расположенных также в пределах границ Каракольского природного парка «Уч-Энмек» [Бородовский, Горохов, 2014; Особо охраняемые..., 2008, с. 17–18]. Систематическое археологическое обследование этой территории началось еще в 80–90-е гг. XX в. Однако предпочтения исследователей были достаточно избирательны и в основном сосредотачивались на выявлении и изучении петроглифических местонахождений Бичикту-Бома [Мартынов, 1984; 1985; 1995]. В начале нового тысячелетия изучение петроглифов отечественными и зарубежными исследователями было продолжено [Кубарев, Со Гилсу, Со Джинсу, 2003, 2004; Кубарев и др., 2005; Мартынов, Елин, Еркинова, 2006]. В это же время картографирование археологических памятников, включая территории Каракольского природного парка, осуществлялось бельгийскими археологами. Однако при обследовании трассы проектируемого магистрального газопровода «Сила Сибири – 2» («Алтай») в 2011 г. авторам пришлось выполнить такую работу еще раз, поскольку археологическая картография, составленная бельгийскими археологами, существенно отличалась от отечественных принципов и требований к такой документации.

Всего в ходе изысканий было выявлено, картографировано и описано значительное скопление курганных групп эпохи раннего железа: Туекта-Нефтебаза-4, Туекта-Нефтебаза-7, Туекта-Нефтебаза-8, Туекта-Нефтебаза-11, Каракол-Ипподром-1, Каракол-Ипподром-2, Бичикту-Боом-1 и одиночный курган Кадыевка. В 2013 г. часть из этих археологических памятников была учтена в Своде объектов культурного наследия Республики Алтай [2013, с. 95, 106]. Учитывая такие обстоятельства, считаем, что публикация сводной картографии и описание упомянутых объектов археологического наследия особоохраняемых природных территорий и заповедников Горного Алтая представляется в настоящее время достаточно актуальной [Соёнов, Суразаков, 2001; Бородовский, 2014; Бородовский, Гилберт, 2014]. Характеристика всех археологических памятников приведена вниз по течению р. Урсул с запада на восток в пределах как самой территории Каракольского природного парка, так и его ближайших окрестностей.

Туекта-Нефтебаза-4. Курганы, расположены на правом берегу р. Урсул (расстояние до реки – 0,17 км), в 3 км к востоку от с. Талда. Площадка, на которой находится памятник, ровная, представляет собой луг и является надпойменной террасой р. Урсул. Географические координаты: N 50.84100°, E 85.81651°. Высота над уровнем моря – 953 м. Датировка: эпоха палеометалла. Объекты в составе памятника: четыре кургана. Расстояние между крайними северным и южным сооружениями составляет 135 м, между крайними западным и восточным – 86 м. Все объекты полностью задернованы. Насыпи округлой в плане формы. Диаметр курганов – 10–25 м, высота – 0,10–0,55 м. В центральной части насыпей некоторых курганов расположены грабительские воронки (рис. 1.-1; 2.-1).

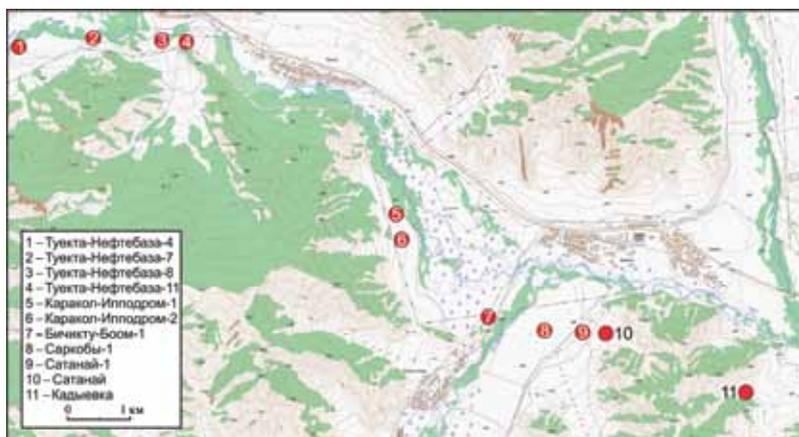

Рис. 1. Карта расположения вновь выявленных археологических памятников

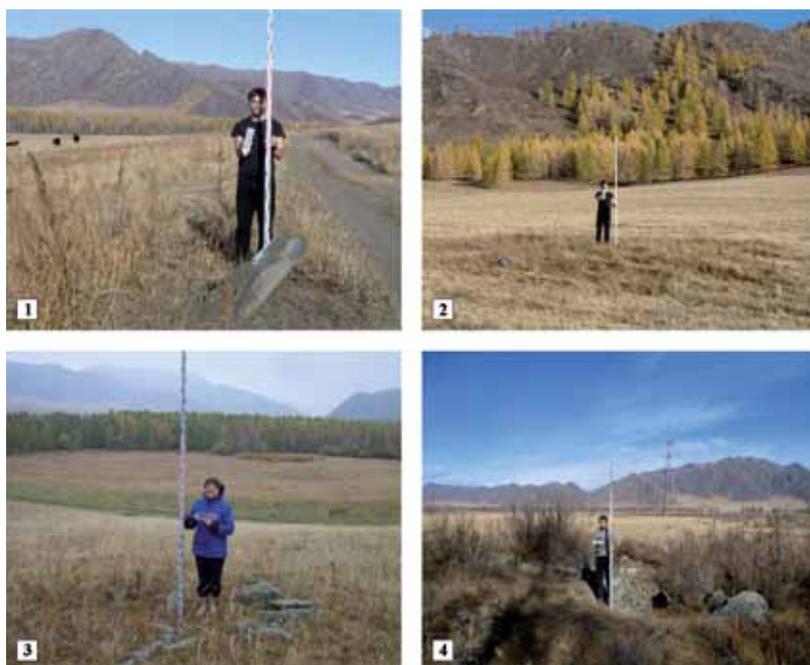

Рис. 2. Основные виды выявленных археологических объектов:
1 – Туекта-Нефтебаза-4, менгир на поле кургана; 2 – Туекта-Нефтебаза-7, задернованный курган; 3 – Туекта-Нефтебаза-11, частично задернованный курган; 4 – Бичикту-Боом-1, грабительская воронка на кургане

Тукта-Нефтебаза-7. Курганы находятся на правом берегу р. Урсул (расстояние до реки – 70 м) в 0,9 км к югу от одноименного села. Памятник расположен на надпойменной террасе р. Урсул, на ровной площадке, представляющей собой луг. Географические координаты: N 50.84239°, E 85.83353°. Высота над уровнем моря – 954 м. Датировка: эпоха палеометалла. Объекты в составе памятника: три кургана. Расстояние между крайними северным и южным сооружениями составляет 170 м. Курганы образуют цепочку, вытянутую по линии С–Ю. Все объекты полностью задернованы. Насыпи округлой в плане формы. Диаметр курганов – 10–25 м, высота – 0,35–0,60 м. В центральной части насыпей некоторых курганов расположены грабительские воронки (рис. 1.-2; 2.-2).

Тукта-Нефтебаза-8. Курганы находятся в 0,8 км к востоку от с. Каракол на правом берегу р. Урсул (расстояние до реки – 0,2 км). Курганы расположены на надпойменной террасе р. Урсул, на ровной площадке, представляющей собой луг. Географические координаты: N50.84225°, E85.84900°. Высота над уровнем моря – 949 м. Датировка: эпоха палеометалла. Объекты в составе памятника: 13 курганов. Расстояние между крайними юго-западным и северо-восточным объектами составляет 390 м, между крайними северо-западным и юго-восточным – 138 м. Все объекты полностью задернованы. Насыпи округлой в плане формы. Диаметр курганов – 4–20 м, высота – 0,10–0,55 м. В центральной части насыпей некоторых курганов имеются грабительские воронки (рис. 1.-3).

Тукта-Нефтебаза-11. Курганы расположены в 0,75 км к западу от с. Каракол на правом берегу р. Урсул (расстояние до реки – 0,35 км), на высокой надпойменной террасе р. Урсул, представляющей собой луг с незначительным наклоном с запада на восток. Географические координаты: N 50.84209°, E 85.85460°. Высота над уровнем моря – 946 м. Датировка: эпоха палеометалла. Общее количество объектов в составе памятника – 26, из них 20 курганов, две кладки, четыре менгира. Расстояние между крайними северным и южным сооружениями составляет 300 м, между крайними западным и восточным – 226 м. Насыпи курганов округлой в плане формы. Диаметр – 1–10 м, высота – 0,10–0,25 м. В центральной части насыпей некоторых курганов имеются грабительские воронки. Все объекты полностью задернованы. Кладки округлой формы диаметром 1,0–1,2 м и высотой 0,1 м. Поверхность всех кладок полностью задернована. В пределах курганной группы расположено четыре менгира. Один из них находится в северной части памятника на юго-западной поле кургана. Размеры объекта составляют 0,50 × 0,30 × 0,15 м. Другой менгир расположен в центральной части памятника между курганами. Размеры объекта – 0,45 × 0,20 × 0,15 м. Еще два менгира расположены в южной части памятника, в 4 м к юго-западу от кургана. Размеры одного камня – 0,55 × 0,25 × 0,20 м. Размеры другого менгира – 0,40 × 0,20 × 0,15 м. Все менгиры расположены горизонтально на поверхности (рис. 1.-4; 2.-3).

Каракол-Ипподром-1. Курганы расположены в 2,3 км к западу от с. Каракол на правом берегу р. Урсул (расстояние до реки – 0,27 км), на надпойменной террасе р. Урсул, на лугу с незначительным наклоном в сторону реки. Географические координаты: N 50.81760°, E 85.90351°. Высота над уровнем моря – 924 м. Датировка: эпоха палеометалла. Общее количество объектов в составе памятника – 24, из них 23 кургана и менгир. Протяженность памятника с севера на юг составляет 571 м, с запада на восток – 144 м. Насыпи курганов округлой в плане формы. Диаметр – 4–10 м, высота – 0,1–0,4 м. Все объекты полностью задернованы. В центральной части насыпей некоторых курганов имеются грабительские воронки. Менгир расположен в южной части памятника между курганами, горизонтально на поверхности. Размеры объекта составляют 0,50 × 0,15 × 0,15 м (рис. 1.-5).

Каракол-Ипподром-2. Курганы расположены в 2,1 км к западу от с. Каракол на правом берегу р. Урсул (расстояние до реки – 0,27 км), на надпойменной террасе р. Урсул, на лугу, имеющем незначительный наклон в сторону реки. Географические координаты: N 50.81393°, E 85.90467°. Высота над уровнем моря – 896 м. Датировка: эпоха палеометалла. Объекты в составе памятника: два кургана. Расстояние между крайними северным и южным сооружениями составляет 40 м. Насыпи округлой в плане формы. Диаметр курганов – 6–12 м, высота – 0,15–0,55 м. В центральной части насыпей некоторых курганов имеются грабительские воронки (рис. 1.-6).

Бичикту-Боом-1. Курганы расположены в 0,3 км к северо-востоку от с. Бичикту-Боом, на левом берегу р. Каракол (расстояние до реки – 0,2 км, до автодороги Каракол – Бичикту-Боом – 0,1 км), на ровной площадке между отрогом и заболоченной местностью. Географические координаты: N 50.80308°, E 85.92468°. Высота над уровнем моря – 877 м. Датировка: эпоха палеометалла. Объекты в составе памятника: пять курганов. Они объединены в цепочку, ориентированную по линии СЗ–ЮВ. Расстояние между крайними северо-западным и юго-восточным археологическими объектами составляет около 42 м. Насыпи округлой в плане формы. Диаметр курганов – 5 м, высота – 0,35–0,50 м. В центральной части насыпей некоторых курганов имеются грабительские воронки (рис. 1.-7; 2.-4).

Саркобы-1. Курганы расположены в 1,17 км к северо-востоку от с. Бичикту-Боом, на правых берегах рек Урсул и Каракол (расстояние до р. Урсул составляет 1,19 км, до р. Каракол – 0,55 км), на пологой надпойменной террасе р. Каракол, представляющей собой ровный луг. Географические координаты: N 50.80115°, E 85.93744°. Высота над уровнем моря – 884 м. Датировка: эпоха палеометалла. Объекты в составе памятника: пять курганов. Протяженность памятника с севера на юг составляет 168 м, с запада на восток – 180 м. Насыпи курганов округлой в плане формы. Диаметр – 4–20 м, высота – 0,1–0,6 м. У целого ряда насыпей

некоторых курганов имеются грабительские воронки. В центральной части некрополя расположен курган значительных размеров. Диаметр насыпи кургана – 40 м, высота – 1,1 м. В центральной части насыпи выявлена западина округлой формы диаметром 6 м и глубиной 0,5 м. Она заполнена камнями, собранными с окружающего луга при его расчистке для использования в сельскохозяйственных целях. Поверхность кургана полностью задернована (рис. 1.-8).

Сатанай-1 (курганы). В 1 км к югу – юго-востоку от устья р. Каракол, в 1,8 км к востоку – северо-востоку от с. Бичикту-Боом, в устье лога, на ровной поверхности, представляющей собой луг. Географические координаты: N 50.80103°, E 85.94622°. Высота над уровнем моря – 893 м. Датировка: эпоха палеометалла. Объекты в составе памятника: два кургана. Расстояние между крайними западным и восточным сооружениями составляет 22 м. Объекты частично задернованы. Диаметр курганов – 8–10 м, высота – 0,15–0,20 м (рис. 1.-9).

Сатанай. Курганы расположены в 1,2 км к юго-востоку от устья р. Каракол, в 2,1 км к востоку – северо-востоку от с. Бичикту-Боом, на ровной поверхности, представляющей собой луг. Географические координаты: N 50.80090°, E 85.95151°. Высота над уровнем моря – 912 м. Датировка: эпоха палеометалла. Объекты в составе памятника: восемь курганов. Расстояние между крайними северным и южным сооружениями составляет 150 м, между крайними западным и восточным – 62 м. Объекты частично задернованы. Диаметр курганов – 10 м, высота – 0,2 м (рис. 1.-10).

Кадыевка. Одиночный курган расположен в 1,1 км к югу от р. Урсул, в 1,6 км к югу – юго-востоку от с. Курота, на ровной поверхности, представляющей собой луг с незначительным наклоном к северо-востоку. Географические координаты: N 50.79309°, E 85.98296°. Высота над уровнем моря – 945 м. Датировка: эпоха палеометалла. Объект в составе памятника: курган. Сооружение полностью задерновано. Диаметр – 10 м, высота – 0,2 м (рис. 1.-11).

Общее количество картографированных курганов на обследованной территории составило 83 объекта, кладок – 2, менгиров – 5. Относительно последней разновидности археологических объектов следует заметить, что именно южные склоны Семинского хребта являются территориями их наиболее заметного присутствия. Поскольку на Северном Алтае, возможно, вследствие более влажного климата и более интенсивного процесса почвообразования менгиры либо единичны (горная долина Нижней Катунь – Чултуков лог-1, 2), либо вообще еще не выявлены (долина р. Семь).

В целом в долине р. Урсул и ее притоках, включая территорию Каракольского природного парка, объекты археологического наследия эпохи палеометалла располагались на высоте менее тысячи метров над уровнем моря [Бородовский, 2015]. Такой пространственно-высотный

параметр не позволил сформироваться (или сохраниться) линзам мерзлоты в курганах с массивными каменными надмогильными конструкциями эпохи раннего железа на территориях у южного склона Семирского хребта. Данная особенность была выявлена археологическими раскопками М.П. Грязнова и С.И. Руденко еще в 20-е и 40-е гг. XX в. [Баркова, 1978; Руденко, 1960]. Учитывая современные тенденции деградации мерзлоты под курганами в более высокогорных районах Алтая [Молодин, Полосымак и др., 2000, с. 12], рассчитывать на такие особенности погребальных комплексов в устье р. Каракол не приходится. Кроме того, для всех картографированных археологических объектов, несмотря на достаточную их задернованность, характерна значительная степень антропогенного воздействия, которая повлияла на их сохранность.

Библиографический список

- Баркова Л.Л. Курган Шибэ и вопросы его датировки // АСГЭ. 1978. Вып. 19. С. 37–44.
- Бородовский А.П. Археологические исследования трассы магистрального газопровода «Алтай» (Республика Алтай) // Археологические изыскания в Западной Сибири и на сопредельных территориях. Новосибирск, 2015. С. 163–167.
- Бородовский А.П. Реконструктивное археологическое обследование побережья Телецкого озера на территории Алтайского государственного биосферного заповедника // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. Вып. 1. Барнаул, 2014. С. 6–9.
- Бородовский А.П., Гилберт А. Археологические исследования в Алтайском заповеднике // Заповедная территория. 2014. №10 (33). С. 11.
- Бородовский А.П., Горохов С.В. Археологические памятники долин р. Шибелик и Кулдауйры у южного склона Семирского хребта // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX. Барнаул, 2014. С. 64–70.
- Кубарев В.Д., Им Се Гвон, Сонг Хва Соб, Чанг Мёнг Су, Пак Гын Гунн, Ри Ха Ву, Кубарев Г.В., Хохлова О.Н., Ким Хо Сук, Банг Кук Чжин. Исследования Российско-Корейской экспедиции на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XI, ч. I. Новосибирск, 2005. С. 364–367.
- Кубарев В.Д., Со Гилсу, Со Джинсу. Обследование петроглифов Алтая в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX. Новосибирск, 2003. С. 377–380.
- Кубарев В.Д., Со Гилсу, Со Джинсу. Обследование петроглифов Алтая в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X. Новосибирск, 2004. С. 306–308.
- Мартынов А.И. Исследование петроглифов в долине Каракола // Археологические открытия 1982 года. М., 1984. С. 218.
- Мартынов А.И. О древних изображениях Каракола // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1985. С. 80–86.
- Мартынов А.И. Средневековые сцены охоты на плитах Бичикту-Бом // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 178–185.

Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М. Бичикту-Бом – святилище Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2006. 346 с.

Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000. 318 с.

Особо охраняемые места Алтая. Экскурсии и правила посещения охраняемых и священных мест Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2008. 32 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 360 с.

Свод объектов культурного наследия Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2013. 288 с.

Соёнов В.И., Суразаков А.С. Археологические памятники особо охраняемых природных территорий Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2001. 68 с.

И.А. Вальков, Г.А. Миляев

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КОМПЛЕКС КУРГАННЫХ ГРУПП СУХАЯ РЕЧКА В ЛОКТЕВСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Исследование проведено за счет гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

В ходе организованной летом 2016 г. разведки Локтевским археологическим отрядом Алтайского государственного университета обследовались берега р. Алея на участке от с. Устьянки до с. Советский Путь. Результаты разведки позволили дополнить археологическую карту данного района достаточно интересным комплексом курганных групп Сухая Речка-I–VI, выявленных недалеко от с. Покровки.

Курганные могильники Сухая Речка-I–VI расположены примерно в 3 км к востоку от с. Покровки на выступах сопок, которые являлись, видимо, достаточно удобными площадками для организации погребальных памятников (рис. 1). На площадках, отделенных друг от друга водостоками, обнаружены группы курганов, которые образуют цепочки, вытянутые по направлению ЮЗ–СВ (рис. 2). Все курганы (всего 37 в шести группах) схожи по своему виду и имеют каменно-земляные насыпи, зачастую с небольшой западиной в центре. Средний диаметр курганов составляет около 7–8 м. На двух курганах были установлены каменные стелы, и на двух имеются каменные приклады.

Сухая Речка-I. Курганная группа, состоящая из 10 курганов, вытянутых цепочкой по линии ЮЗ–СВ. Насыпи каменно-земляные. Один курган (№1) находится чуть в стороне, к востоку от основной цепочки. Курган №5 имеет приклад из камней, примыкающий к насыпи кургана с восточной стороны. Размеры курганов колеблются в пределах от 4 до 7 м по диаметру, от 0,1 до 0,3 м в высоту.

Рис. 1. Комплекс курганных групп Сухая Речка-I-VI на топографической карте

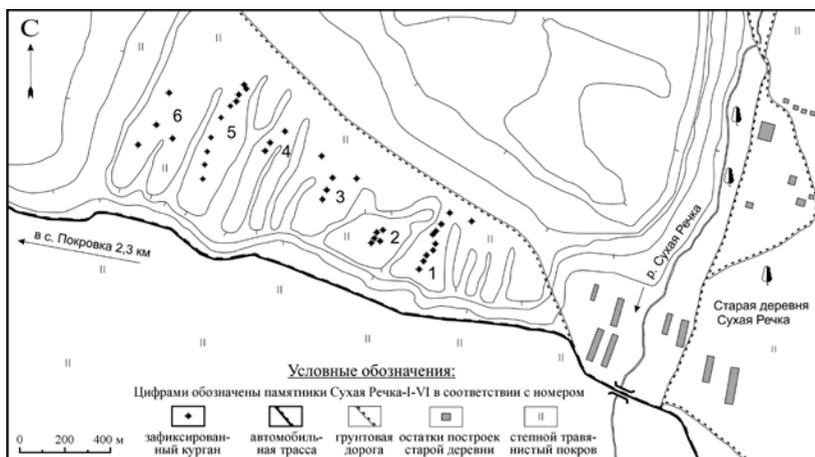

Рис. 2. Глазомерный план местности с обозначением расположения памятников Сухая Речка-I-VI

Сухая Речка-II. Данная курганная группа находится в 200 м к западу от группы Сухая Речка-I и состоит из пяти курганов, расположенных плотно друг к другу, тем не менее, также образующих цепь. Как и в первом случае, один из курганов находится восточнее основной цепи. Насыпи курганов каменно-земляные. Расположенные в группе курганы имеют диаметр от 5 до 8 м и высоту от 0,1 до 0,4 м. В западной части насыпи кургана №2 имеется каменная стена.

Сухая Речка-III. Курганная группа расположена в 350 м к северо-западу от группы Сухая Речка-II и включает пять каменно-земляных

насыпей, три из которых расположены цепью, вытянутой по линии ЮЗ–СВ, а две из них, находящиеся к северо-востоку от цепи, расположены по разным от нее сторонам на приблизительно равном удалении. Курганы имеют диаметр от 5 до 8 м и возвышаются над современной поверхностью на высоту от 0,1 до 0,35 м.

Сухая Речка-IV. Курганная группа расположена в 300 м к северо-западу от памятника Сухая Речка-III и включает в себя три кургана, расположенных цепью по линии ЮЗ–СВ. Курганы имеют каменно-земляные насыпи, которые возвышаются над современной поверхностью на высоту от 0,2 до 0,6 м. Диаметр курганных насыпей составляет от 7 до 10 м. Характерной особенностью кургана №3 является то, что он имеет неглубокую, но достаточно большую по площади западину диаметром более 5 м.

Сухая Речка-V. Курганная группа расположена в 300 м к западу от группы Сухая Речка-IV и состоит из 10 курганов, имеющих каменно-земляную насыпь. Курганы вытянуты практически ровной цепью по линии ЮЗ–СВ. Диаметр курганов колеблется в пределах от 5 до 14 м. Высота курганных насыпей составляет от 0,15 до 0,8 м.

Сухая Речка-VI. Курганная группа расположена в 250 м к западу от группы Сухая Речка-V и состоит из четырех курганных насыпей, три из которых вытянуты по линии ЮЗ–СВ, а четвертая примыкает к цепи с запада. Все курганы также имеют каменно-земляную насыпь и диаметр в пределах от 7 до 11 м. Высота курганных насыпей над современной поверхностью составляет от 0,2 до 0,6 м. По внешним признакам в группе выделяется курган №4, находящийся в юго-западной части цепи. Данный курган имеет две западины, а также каменную стелу, расположенную в южной части.

В целом следует отметить, что подобные курганы, имеющие каменно-земляные насыпи аналогичных размеров, достаточно широко распространены как на территории Локтевского района, так и на прилегающих предгорных территориях. Нередко встречаются и курганы с установленными каменными стелами и каменными прикладами. Так, расположенные на мысу курганы с каменно-земляными насыпями андроновского времени исследовались В.А. Могильниковым [1997] на памятнике Гилево-VI. Однако в большинстве своем подобные каменно-земляные насыпи с выступающими из дерна камнями характерны для более поздних эпох [Могильников, 2001, с. 115]. В пользу этого свидетельствует и наличие на памятниках Сухая Речка-I-VII грубых каменных стел и каменных прикладов, что позволяет предположительно отнести данные курганные группы к эпохе раннего железного века – средневековья. Подтверждением этого являются результаты исследований комплекса курганных могильников Гора Тараскина, демонстрирующего схожую с наблюдаемой на Сухой Речке планиграфическую и картографическую ситуацию [Грушин, 2014]. Безусловно, на сегодняшний день

невозможно дать точную культурно-хронологическую характеристику данным объектам. Не стоит, однако, исключать возможность их принадлежности к единому комплексу.

Библиографический список

Грушин С.П. Археология Рудного Алтая: исследование древних и средневековых памятников у горы Тараскина. Барнаул, 2014. 118 с.

Могильников В.А. Андроновские курганы Гилево-VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VIII. Барнаул, 1997. С. 104–108.

Могильников В.А. Гилево-IX, курган 3 – памятник хуннского времени северо-западных предгорий Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XII. Барнаул, 2001. С. 113–117.

В.К. Вистингаузен¹, С.М. Киреев², М.С. Челтанов³

¹*Алтайское краевое отделение Русского географического общества, Алтайский край, Россия;*

²*Национальный музей им. А.В. Анохина, Горно-Алтайск, Россия;*

³*Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия*

ИДЕНТИФИКАЦИЯ АККАИНСКОЙ ПЕЩЕРЫ

Проблемы идентификации Аккаинской пещеры, исследовавшейся в 1934 г. Моннармом, подробно рассмотрены ранее в работе одного из авторов настоящей статьи [Вистингаузен, 2013], где приведена полная библиография. В настоящее время вопрос идентификации данного объекта может считаться решенным. С.М. Киреевым в архиве Национального музея им. А.В. Анохина найдено дело с отчетом Моннара. Согласно письму С.М. Киреева от 24 марта 2016 г., посланному В.К. Вистингаузену по электронной почте, дело носит название: «Моннар. Отчет обследования Бирюлинской пещеры. 1934 г.». Содержание отчета следующее:

1. На развернутом листе форзаца карандашные чертежи разрезов шурфов.

2. Письмо Моннара директору Ойротского областного музея с перечислением «Материалов обследования Аккаинской пещеры (в окр. с. Бирюля Майминского аймака)».

3. «Отчет об исследовании Бирюлинской пещеры» (5 тетрадных листов).

4. Карандашный схематический план окрестностей с. Бирюля.

5. Карандашный рисунок «Большой сталагмит Аккаинской пещеры с. Бирюля».

6. План Бирюлинской пещеры (ватман, цвет, 38 × 49 см, масштаб 1 м = 1 см).

7. План Аккаинской пещеры (миллиметровая бумага, цвет, 35 × 58 см).

В том же году М.С. Челтановым и Т.Б. Семиренко был снят новый план пещеры в Каменном логоу, правом притоке р. Ак-Каи, левого притока р. Бирюли (левого притока р. Маймы). Пещера известна под названием Каменная и является памятником природы Республики Алтай [Челтанов, 2016] (рис. 1). Протяженность пещеры по этому плану составляет около 150 м. При сравнении его с планом Аккаинской пещеры из отчета Моннара выявилась идентичность объектов, изображенных на чертежах. Таким образом, Каменная и Аккаинская пещеры являются одним и тем же объектом, имеющим два названия (одно – в списке памятников природы, другое – в списке объектов культурного наследия Республики Алтай).

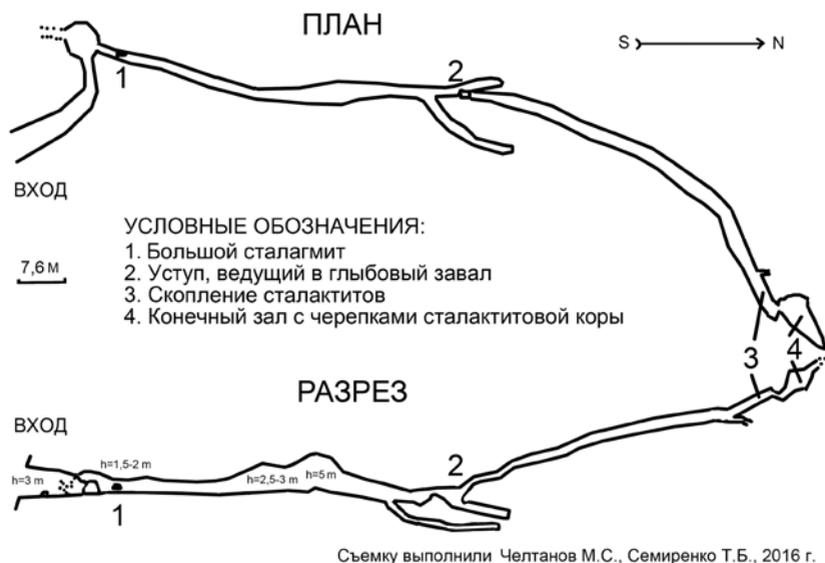

Рис. 1. План и разрез Аккаинской (Каменной) пещеры

Поскольку название «Аккаинская» имеет приоритет перед названием «Каменная», второе из них следует упразднить и пользоваться только первым. Во избежание дальнейшей путаницы желательно внести правку и в список памятников природы Республики Алтай. Это можно произвести при очередной экспертизе памятников природы республики.

Следует отметить, что в Каменном логоу, а также в соседнем с ним Вороньем имеется еще около 40 других пещер и гротов меньших размеров. Практически во всех из них есть рыхлые отложения, и существует большая вероятность того, что они также содержат культурные слои. Аккаинская пещера имеет наибольшую абсолют-

ную высоту из них (рис. 2). Кратчайший путь подъема к ней идет от памятника Вале Воякиной, имеющего координаты N 51°44'22,26" и E 85°59'37,2".

Рис. 2. Вход в Аккаинскую пещеру. Фото М.С. Челтанова

Библиографический список

Вистингаузен В.К. Бирюлинские пещеры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XVIII–XIX. Барнаул, 2013. С. 88–95.

Челтанов М.С. К вопросу изучения пещеры Каменной // Вестник молодых ученых. №17. Горно-Алтайск, 2016. С. 254–258.

М.Ю. Гизбрехт

Музей Природы и Человека, Ханты-Мансийск, Россия

ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ «АМБАР УСАДЬБЫ Е.И. РЯЗАНЦЕВА»: СОХРАНЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

По данным государственного учета на 1 января 2017 г. на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (далее – ХМАО – Югры) находится 136 объектов культурного наследия регионального значения, одним из которых является памятник архитектуры «Амбар усадьбы Е.И. Рязанцева», построенный в 80-х гг. XIX в. Объект деревянного зодчества находится в с. Селяирово Ханты-Мансийского района ХМАО – Югры по адресу: ул. Колхозная, 9а.

Рис. 1. Современное состояние амбара-завозни

По типу строения памятник определяется как амбар-завозня. Так называли хозяйственные постройки, основные ворота которых позволяли въезжать запряженным саням либо телегам и производить разгрузку непосредственно в помещении. Амбар-завозня, наряду с реконструированным домом купца и амбаром-новоделом, входит в архитектурный ансамбль «Музей-усадьбу сельского купца Рязанцева» – ныне структурное подразделение бюджетного учреждения ХМАО – Югры «Музей Природы и Человека» (далее – МПЧ).

Местность, где сейчас находится село, относилась к Селияровской остяцкой волости (Самаровской волости) и входила в Сургутский уезд Тобольской губернии с момента его основания – в конце XVI в. [Туров, 2006, с. 121–130]. Само село, прежде называвшееся деревней Горшковой, основано между 1696 и 1721 гг. русскими поселенцами на путях следования ямщиков из Сургута в Самарово [Туров, 2007, с. 43]. Последующие источники это подтверждают. Так, по результатам переписи душ в 1763 г., в Самаровском ведомстве Сибирской губернии было выявлено 16 селений, среди которых числилась и деревня Горшковая (будущее Селиярово). На тот момент там насчитывалось 13 дворов с общим количеством населения 53 человека [Завьялова, 2012, с. 73–78]. В 1893 г. там состояло 25 дворов, где проживало 202 человека, к началу XX в. в селе числились 222 жителя, а в 1913 г. в Успенском селияровском приходе насчитывалось 177 дворов и 857 прихожан.

Усадьба купца Рязанцева была построена в начале XIX в. на юго-восточной окраине села, на берегу протоки. Амбар-завозня возведен позднее – в 1880-е гг. – в северной части усадьбы.

Евгений Иакимович (Акимович) Рязанцев, православного вероисповедания, из государственных крестьян, родился в 1834 г. в с. Любич Луховицкой волости Зарайского уезда Рязанской губернии. Образование получил в сельском училище. К 1850 г. стал главой и единственным

кормильцем семьи. В Самаровской волости появился не позднее начала 1859 г., женившись на уроженке с. Селяярово. В этом же году у Рязанцевых родился первенец. В историю Самаровской волости Евгений Иакимович войдет как крупный рыбопромышленник, к началу 1880-х гг. держащий всю торговлю в близлежащих деревнях и остяцких юртах. Кроме того, купец Рязанцев славился на весь край как благотворитель и меценат в просвещении.

В 1903 г. после смерти Евгения Иакимовича рыбный промысел семьи Рязанцевых еще держался на исходном уровне, но в 1908 г. происходит окончательное деление единого хозяйства на три части по числу сыновей: Ивана, Семена, Ефстафия.

В 1918 г., после прихода на Обский Север советской власти, решением партийной и комсомольской ячеек строевые пески Рязанцевых переданы в государственный фонд, а рыболовных снасти, продукты и все товары конфискованы. В 1922 г. умер Семен Евгеньевич Рязанцев, в этом же году был расстрелян Иван Евгеньевич Рязанцев. Единственная дочь купца Ольга Евгеньевна с мужем Федором Пачгановым были раскулачены и посланы под Свердловск. В 1933 г. вместе с женой арестован самый младший сын – Евстафий Рязанцев, однако в этом же году выпущен из-под стражи. На этом история рода теряется.

С 30-х гг. XX столетия в доме купца Рязанцева располагалась школа, а придомовые постройки использовались сотрудниками учреждения под хозяйственные нужды. Позже в амбаре-завозне был обустроен склад пиломатериалов.

Процесс придания статуса объекта культурного наследия амбару-завозне инициирован в ноябре 2004 г., когда архитектором ООО «НПО «Северная археология-1» Е.Н. Петровой было представлено экспертное заключение в Службу государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры.

В 2005 г. приказом Департамента культуры и искусства ХМАО – Югры от 29 декабря 2005 г. №284/01-12 амбар-завозня включен в список вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность. В 2006–2007 гг. амбар-завозня приобрел новую кровлю, рядом построено дополнительное помещение – амбар-новодел и возведена ограда. Примечательно, что архитектурный ансамбль в количестве трех единиц соответствует первоначальному количеству построек в домашнем хозяйстве Рязанцевых. В 2007 г. в переделанном купеческом доме был организован и открыт музей истории села.

Приказом Департамента государственной собственности ХМАО – Югры от 3 февраля 2007 г. №4030 **«Музей-усадьба сельского купца Рязанцева» со всеми строениями** передан в оперативное управление МПиЧ в качестве филиала, впоследствии став его структурным подразделением.

В декабре 2008 г. специалистом ООО НППО «СибСпецСтройРеставрация» А.Я. Авериним проведен осмотр состояния амбара и составлено его архитектурное описание. Согласно данной документации памятник представляет собой прямоугольное в плане, ориентированное по линии ЮЗ–СВ двухэтажное деревянное здание из срубов с двускатной тесовой кровлей, без подвала, общей высотой от уровня земли до конька 6,51 м и размером 6,3 м × 36 м. Состоит из четырех основных частей, две из которых разделены по высоте открытой галереей, опирающейся на консоли внутренних стен. Части амбара с галереями разделены на секции, каждая из которых имеет свой выход наружу. Постройка за историю существования переносу не подвергалась, возможно, за исключением юго-западной части, где наблюдаются отметки на венцах, характерные при разновременной сборке частей общей конструкции.

Венцы срубов рубились в «обло», бревна диаметром от 0,18 до 0,23 м подгонялись очень плотно. В 11–13-х венцах от пола вырублены пазы для продольных балок межэтажного перекрытия.

Амбар-завозня выполнен в традиционном русском сибирском стиле, характерном для хозяйственных помещений, декор представлен в карнизе и деревянных колоннах второго этажа. Общий объем здания – 1439 куб. м.

Несмотря на сохранившуюся первоначальную планировочную структуру, состояние памятника является неудовлетворительным: утрачены венчающий карниз, оригинальное ограждение и лестница на второй этаж, просел юго-западный край постройки, пол под центральными воротами из-за сезонных колебаний температур перекошен, в нескольких местах наблюдается гниение ввиду протекания кровли.

В 2008 г. Служба государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры инициировала подготовку научно-проектной документации на реставрационные работы. Процент утрат оценен в 38% от первоначального облика. Несмотря на готовность документации, ввиду отсутствия бюджетного финансирования указанные работы так и не начались.

Рис. 2. Макет памятника после реставрации

В 2011 г. Постановлением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 16 декабря 2011 г. №465 указанный объект включен в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

В 2014 г. техническое состояние памятника было вновь изучено согласно акту от 7 августа 2014 г. Состояние кровли-новодела признано неудовлетворительным из-за нарушения принципов реставрирования, нижние венцы из-за установленного в 2005–2007 гг. внешнего забора плохо продуваются и начали гнить.

В 2017 г. МПиЧ намерен актуализировать научно-проектную документацию на реставрационные работы объекта культурного наследия с дальнейшей возможностью провести собственно работы в 2018 г. После всех необходимых мероприятий, с 2019 г. здание амбара-завозни будет использоваться не только как памятник – объект туристского показа, но и как помещение для экспозиций музея-усадьбы с возможностью проводить небольшие интерактивные представления и выставки.

Библиографический список

Завьялова Л.М. «...и на той земле дворами ставица...» (Самаровская волость в XVIII–XIX веках) // Роль полевых исследований в сохранении исторического и культурного наследия Югры. Ханты-Мансийск, 2012. С. 73–78.

Туоров С.В. Селиярово – русское село на Средней Оби: четыре века дрейфа в ландшафте и этнической среде // Роль полевых исследований в сохранении исторического и культурного наследия Югры. Ханты-Мансийск, 2006. С. 121–130.

Туоров С.В. Успенская церковь в с. Селияровском // Православие на Обь-Иртышском Севере: материалы к историко-культурному атласу. Екатеринбург, 2007. С. 43.

А.А. Казаков

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ОДИНЦОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРВОМАЙСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Введение в научный оборот новых источников всегда радует, позволяет либо утвердиться в существующей концепции, либо взглянуть на нее с новой, неожиданной стороны, либо пересмотреть уже сложившиеся представления. В этом контексте задержки введения в научный оборот больших блоков материала существенно тормозят поступательное развитие науки. Эти комплексы обрастают легендами, вокруг них строятся умозрительные, околонуочно-фантастические гипотезы. Наличие этих комплексов и их закрытость, неизвестность, довлеет над исследователем, не позволяя выдвигать концепции без оглядки на существующий, но неизвестный легендарный материал. Когда в научных

дискуссиях эти комплексы упоминаются, подразумевается, что знающий эти материалы априори более компетентен, а значит, и его концепция более близка к истине.

Так случилось с могильником Осинки, материал которого более 38 лет (!) – с 1970 г. – оставался неизвестным широкому кругу исследователей и лишь в 2008 г. был введен в научный оборот [Савинов, Новиков, Росляков, 2008]. В настоящее время эта же судьба постигла материалы легендарного могильника Горный-10 [Абдулганеев, Папин, Семибратов, 1998; Абдулганеев, 2007], исследование которого завершилось в 2003 г. и который до сих пор остается легендой, не позволяющей к себе апеллировать при построении различных научных гипотез.

Но если крупные комплексы важного материала рано или поздно будут опубликованы, то судьба мелких, небольших коллекций, происходящих со сборов, случайных находок, других малочисленных слабодокументированных коллекций зачастую бывает очень печальной [Казаков, 2016]. В этом плане радуют публикации материалов подобного рода, так как мелочей, малозначащего неинформативного материала, в научном познании просто не бывает. Одним из примеров является публикация Артуром Леонидовичем Кунгуровым [2001] небольших коллекций с поселенческих комплексов Верхнего Приобья.

Будучи сторонником пополнения источниковой базы новыми материалами, введения в научный оборот всего имеющегося корпуса источников, публикую материалы 1984–1993 гг., которые, несмотря на свою уже достаточно длительную историю, по праву могут считаться новыми, так как вводятся в научный оборот впервые.

Это материалы городища Усть-Лосиха-1, открытого А.Л. Кунгуровым [2006, с. 352] в 1984 г., и поселения Утопша-3 [Кунгуров, 2006, с. 358], открытого Е.В. Григоровым в 1993 г.

Городище Усть-Лосиха-1 входит в состав археологических памятников, образующих фирсовский археологический микрорайон. Расположено на юго-восточной окраине с. Санниково, в 3 км выше юго-западной оконечности устьевого мыса р. Лосихи, правого притока р. Оби, на кромке борта долины высотой 8 м [Кунгуров, 2006, с. 352]. В непосредственной близости от него находится городище Усть-Лосиха-2, относящееся к единцовскому этапу единцовской культуры (2-я половина V – VI в. н.э.) [Казаков, 2014, с. 26, 35]. Проведенный сотрудником НПЦ «Наследие» Я.В. Фроловым мониторинг этого памятника показал, что в настоящее время он не разрушается и находится примерно в том же состоянии, что и в момент открытия. Основными разрушающими городище факторами являются склон террасы (часть городища уже разрушена) и проходящая по площади памятника автодорога. У основания террасы имеются заболоченные участки (рис. 2).

Ограниченная площадку городища площадью около 13000 кв. м располагается на краю террасы и окружена системой, состоящая из рва шириной до 4 м и находящегося перед ним вала шириной до 3 м. В запад-

ной части линии ров – вал прослежен разрыв (въезд) шириной около 4 м. На граничной площадке зафиксировано 12 западин подпрямоугольной формы, расположенных по периметру рва. Одна западина (13-я) расположена за пределами линии вал – ров севернее въезда на городище.

Стационарных работ на памятнике не проводилось. Подъемный материал из сборов на склоне в культурно-хронологическом отношении принадлежит к староалейской культуре раннего железного века. Это свидетельствует о многослойности городища Усть-Лосиха-1, которое было возведено древними насельниками на месте бывшего в этом месте поселения (местонахождения) староалейской культуры. Само городище этим временем датироваться не может, так как обладает крайне специфическими планиграфическими признаками, позволяющими отнести его с большой долей уверенности к одинцовскому этапу одинцовской культуры и датировать 2-й половиной V – VI в. н.э. Незначительные метрические характеристики линии вал – ров не позволяют ей служить фортификационным сооружением: расположение вала передо рвом, наличие западин вдоль линии рва внутри укрепленной площадки, хорошая визуализация западин на современной поверхности, их форма и размеры, количество западин и т.п. [Казаков, 2014].

Поселение Утопша 3 входит в состав группы памятников, состоящей из трех поселений, расположенных у с. Бобровки. В этом месте А.Д. Сергеев в 1955–1958 гг. проводил сборы подъемного материала [Бородаев, 1991]. Им и последующими исследователями в урочище Утопша, расположенном в 3,5 км к юго-западу от с. Бобровки, зафиксированы поселение, относящиеся к эпохам бронзы и раннего железного века (Утопша-1), и городище, вероятнее всего, фоминского этапа кулайской культуры [Кунгуров, 2006]. В 1993 г. во время работ на могильнике Обские Плесы Е.В. Григоровым открыто еще одно поселение в составе этого комплекса, получившее название Утопша-3. В этом же году им снят глазомерный план обнаруженного поселения (рис. 1).

На момент открытия несколько жилищных западин были потревожены дорогой, проходящей по площади поселения. В целом сохранность памятника хорошая.

На поселении визуально зафиксировано 77 западин подпрямоугольной формы, которые визуально делятся на три типа: большие, средние и малые. Больших и средних западин насчитано 33. Вероятнее всего, это западины, оставленные жилищами. Малых западин, возможно, от хозяйственных построек, насчитано 44. Впечатление единого комплекса «жилище – хозяйственная постройка» создает и планиграфическое расположение больших и малых западин, когда большой либо средней западине (жилищной) сопутствует малая (хозяйственная). Причем малые западины расположены с северо-западной части большой (жилищной) западины. Однако это лишь предположение (по поводу функционального назначения западин), требующее проверки.

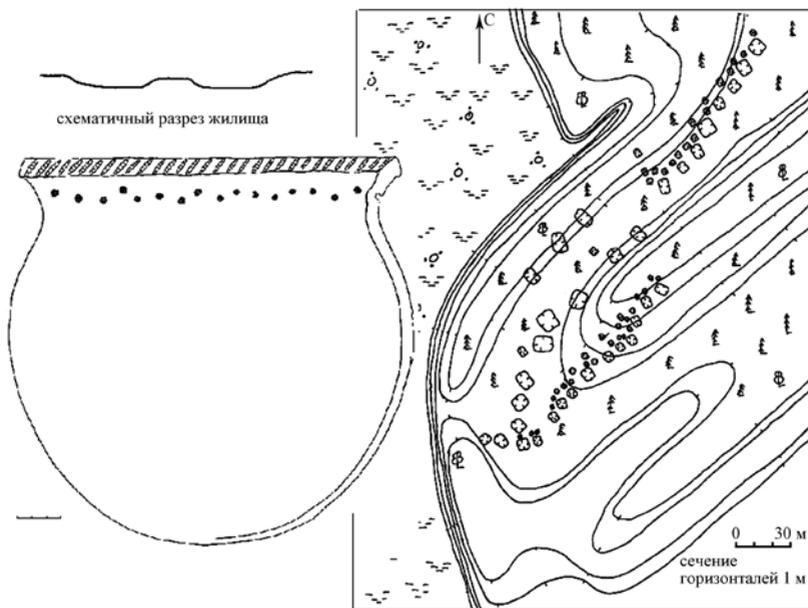

Рис. 1. Поселение Утопша-3

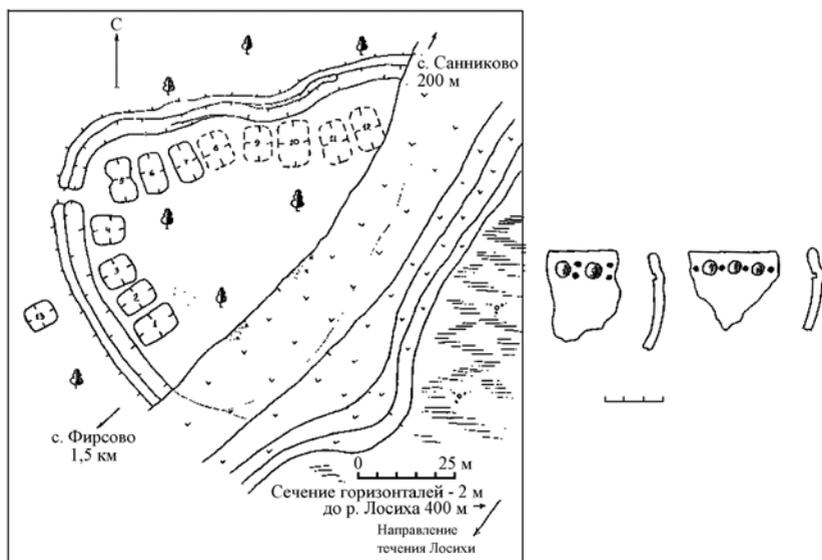

Рис. 2. Городище Усть-Лосиха-1

Кроме того, на поселении можно выделить три группы западин: две из них расположены параллельными рядами, ориентированными по линии СЗ–ЮВ, третья, состоящая из самых крупных западин, образует две цепочки, ориентированных в том же направлении, и расположена между двумя уже выделенными группами. Таким образом, поселение имеет хорошо выраженную внутреннюю планировку.

Развал сосуда, обнаруженный Е.В. Григоровым во время съемки глазомерно плана в разрушении одной из западин, обладает признаками, позволяющими отнести его к керамическому комплексу тимирязевского этапа одинцовской культуры Барнаульско-Бийского Приобья. Это круглодонность сосуда, хорошая профилировка венчика, тонкостенность, плотное, хорошо отмученное тесто, орнаментация рядом ямок по шейке. Наиболее показательный признак – срезанный наружу венчик, орнаментированный гребенчатым штампом.

Об этом же говорят и планиграфические данные. Так, имеющие хорошо выраженную внутреннюю планировку жилые комплексы зафиксированы на городище Акутиха-1, которое хорошо датируется нумизматической находкой. На этом же городище мы встречаем комплексы «жилище – хозяйственная постройка». Кроме того, на городище Акутиха-1 мы наблюдаем те же схематические разрезы крупных жилищных западин с небольшой возвышенностью в центре. Оба памятника имеют в своем составе большое количество жилищных западин. На поселении Утопша-3 так же, как и на городище Акутиха-1, отмечается скопление наиболее крупных западин без привязанных к ним хозяйственных построек [Казаков, 2014, с. 5–9].

Примерно схожие планиграфические особенности (большое количество западин, внутренняя планировка жилого пространства) мы наблюдаем и на поселении Малый Гоньбинский Кордон-2/10, относимом к одинцовской культуре и предварительно датированном (по незначительному количеству подъемного материала) V–VI вв. [Казаков, 2014, с. 37–38].

Таким образом, планиграфические особенности поселения Утопша-3 и развал сосуда, происходящий с его площади, позволяют достаточно уверенно датировать этот памятник VII–VIII вв. и в культурном отношении отнести к тимирязевскому этапу одинцовской культуры.

Интересно, что неизвестные ранее автору материалы городища Утопша-2 и поселения Утопша-3 позволили подтвердить выдвинутую гипотезу о наличии закономерностей в макропланиграфическом распределении крупных поселенческих комплексов, включающих в свой состав по несколько самостоятельных памятников. Так, от этого комплекса (Утопша-2, Утопша-3) до ближайшего крупного комплекса поселений и городищ Малый Гоньбинский Кордон-2 по прямой примерно 40 км (расстояние измерено при помощи программы Google Планета Земля). Используя выделенную закономерность расположения крупных комплексов фоминско-одинцовских памятников (примерное расстояние между комплексами – порядка 40 км), автор предположил наличие именно в этом месте подобного комплекса [Казаков, 2015, с. 95]. И эта

гипотеза подтвердилась. Будем надеяться, что согласно той же гипотезе в ближайшее время подобные крупные комплексы памятников этого периода будут открыты и на оз. Шибаетово, и близ с. Солдатово.

В заключение хотелось бы призвать исследователей не задерживать публикации материала и как можно более полно вводить их в научный оборот, включая и малозначительные на первый взгляд комплексы, которые в последующем могут быть просто-напросто утеряны.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т. Красногорский район в древности // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XVI. Барнаул, 2007. С. 237–304.

Абдулганеев М.Т., Папин Д.В., Семибратов В.П. Картографирование археологических памятников Красногорского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. С. 157–162.

Бородаев В.Б. Новые археологические материалы из окрестностей с. Бобровка Первомайского района // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 50–53.

Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул, 2014. 152 с.

Казаков А.А. Макропланиграфические данные поселений как источник для исторических реконструкций // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. №3 (36). С. 90–97.

Казаков А.А. К археологической карте Бийского района и верховьев р. Оби // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского. Вып. XXII. Барнаул, 2016. С. 109–116.

Кунгуров А.Л. Материалы эпохи поздней древности, раннего и развитого средневековья с поселенческих комплексов Верхнего Приобья // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул, 2001. С. 54–62.

Кунгуров А.Л. Памятники археологии Первомайского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XV. Барнаул, 2006. С. 327–385.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск, 2008. 424 с.

В.М. Кимеев

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И МУЗЕФИКАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИТОМЬЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект №17-11-420003 «Этнокультурное наследие коренных малочисленных народов и русских старожилов Притомья: трансформация в современной социокультурной среде и подходы к актуализации»)

В современном Кузбассе, где все очень гордятся большими достижениями в исследовании археологических памятников различных эпох, как-то скромно умалчивают о степени их сохранения в составе

существующих музеев под открытым небом. Таких памятников, где музеефицированы археологические памятники, официально насчитывается четыре: МАУ Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская писаница», МБУ музей-заповедник «Трехречье» в п. Усть-Кабурза с филиалом – экомузеем «Тазгол» в п. Усть-Анзас Таштагольского муниципального района и МБУ экомузеев-заповедник «Тюльберский городок» Кемеровского муниципального района.

Если в известном на всю Россию музее-заповеднике «Томская писаница» областные власти и опытные сотрудники музея с 1988 г. не только бережно сохраняют и используют уникальный памятник наскального искусства, но и дополнительно создали богатую и информативную экспозицию в отдельном стационарном объекте на своей территории – «Музее петроглифов». Дополнительно в отдельных деревянных закрытых сооружениях были реконструированы погребения с подлинными предметами, найденными при многолетних экспедиционных раскопках сотрудниками кафедры археологии Кемеровского государственного университета (КемГУ). Музеефикация памятника наскального искусства в музее-заповеднике включала целый комплекс мероприятий. На первом этапе были начаты реставрационные, восстановительные работы на самом памятнике и созданы зоны показа с пояснительными текстами. Одновременно проводились работы по благоустройству: сооружение лестниц, смотровых площадок, ограждений, накопителя для экскурсионных групп, навесов; оборудование мест отдыха посетителей. На втором этапе было установлено видеонаблюдение, выделены охранные зоны, оформлены предупреждения и указатели, приобретено необходимое оборудование, предусмотренное особенностями музеефицированного памятника. Опыт такой удачной музеефикации отражен в многочисленных публикациях и нескольких диссертациях [Каплунов, 2016, с. 13–14].

Совершенно иная картина вырисовывается с другими археологическими открытиями. Так, в середине 2000-х гг. бесследно уничтожено поселение «Люскус», частично раскопанное археологами в 1970-х гг. на окраине г. Кемерово, при варварском захвате этого мысовидного участка на высокой правобережной террасе р. Томи и строительстве там кавказскими бизнесменами развлекательного комплекса с пивными корпусами на фундаменте и беседками [Бобров, 1979, с. 47–59].

При прокладке в 1960-х гг. вблизи современного музея-заповедника «Кузнецкая крепость» объездной дороги частично срыта площадка известного памятника «Маяково городище». Для продолжения раскопок и дальнейшей музеефикации нужен генплан, на который уже много лет нет средств, хотя памятник включен в зону охраны музея-заповедника. Полностью забетонирован участок бывшего деревянного Кузнецкого острога при реставрации Преображенского собора РПЦ в 1990-х гг. Все эти памятники находятся в непосредственной близости от современного музея-заповедника «Кузнецкая крепость» и могли бы стать объектом музейного показа для

туристов. Материалы из раскопанных непосредственно внутри крепости погребений скифской эпохи выставлены в стационарных витринах внутри служебного помещения – кирпичного здания солдатской казармы. Реконструкция на месте расположения этого памятника, как и стоянки эпохи палеолита, возможно опять же только после разработки генплана музея-заповедника [Ширин, 1990, с. 69–112; 2015, с. 4–75; и др.].

Результаты многолетних раскопок поселения «Танай» в Промышленновском районе планировалось включить в качестве музейного объекта под открытым небом в существующий с 2010-х гг. одноименный музейно-туристический комплекс. Однако все осталось на уровне неосуществимого проекта, а сам памятник просто рекультивирован, и информация о нем сохраняется только в многочисленных научных статьях [Бобров, 1995, с. 75–78; 2000, с. 199–203; и др.].

Полностью уничтожены и частично застроены площадки других бывших притомских острогов: Верхотомского, Сосновского и Мунгатского, которые также предлагались в 1990-х гг. к музеефикации в составе экомузеев – «Калмаки», «Мунгатский острог» и даже «Томская писаница». Однако все это не реализовано из-за равнодушия местных властей и жителей, а также из-за отсутствия средств [Голубев, Кимеев, 2016, с. 38–45; Каплунов, Скрыбина, 2014, с. 291–295].

Самая печальная ситуация складывается в последние два десятилетия с исследованными археологическими памятниками в Горной Шории и в Кемеровском районе. Случайно местными жителями-шорцами при строительстве объектов экомузеев «Тазгол» в п. Усть-Анзас в 1995 г. был обнаружен средневековый могильник с обрядом трупосожжения. Наиболее ценные находки из «могилы кыргызского воина» были переданы в музей археологии КемГУ, а на месте раскопа установлены каменная стела и каменное изваяние в оградке, которые включены в экспозицию экомузеев «Тазгол». Невозможность проведения дальнейших перспективных раскопок могильника из-за отсутствия заинтересованности со стороны таштагольских властей препятствует расширению экспозиции. Постоянное обрушение прибрежной нижней террасы правого берега р. Томи и устья р. Анзас, где в 1995 г. обнаружено поселение бронзовой эпохи, приведет к его окончательной гибели. Разрушаются также реконструированное поселение средневековых плавильщиков на второй надпойменной террасе, памятник народной архитектуры «Дом мрасского миссионера», построенный по завещанию Василия Вербицкого в конце XIX в., а также дома и хозяйственные постройки начала XX в. Не реконструирована по именуемому проекту Троицкая миссионерская церковь конца XIX в., хотя каменный фундамент был сооружен еще в 1992 г. [Кимеев, 2008, с. 204–210; Васютин, 1997, с. 168–172; Бобров, 1996, с. 100–105].

По заказу таштагольских властей в 2008–2009 г. археологом Ю.В. Шириним был раскопан многослойный могильник Пызас-2 IX–VII вв. до н.э. на окраине п. Усть-Кабырза, где с 2010 г. стал создаваться

по планам областных властей музей-заповедник «Трехречье». Найдены останки двух скелетов, а рядом набор бронзовых изделий: бронзовые ножи, орнаментированный глиняный сосуд, бронзовые и каменные бусы, бронзовое зеркало и шейная гривна. В других слоях могильника обнаружены материалы раннего железа и средневековья, которые указывают на устойчивые этнокультурные связи населения Алтая, современной Горной Шории и степей Среднего Енисея с эпохи бронзы до этнографической современности [Кимеев, Ширин, 2011, с. 60–66, 205–207].

Находки после исследований были переданы и выставлены в витрине Музея этнографии и природы Горной Шории. Проект реконструкции и музеефикации раскопок многослойного памятника архитектора В.Н. Усольцева и этнографа В.М. Кимеева в виде некрополя так называемой «Кабырзинской принцессы» включал в себя две могилы с костяками и копиями бронзовых предметов под прозрачными колпаками из оргстекла. Экспозиция под открытым небом должна была дополниться каркасной конструкцией с крышей, выставочной галереей и деревянной срубной многоугольной юртой для охраны объекта. За некрополем, на поляне на берегу ручья, предполагалось реконструировать поселение древних металлургов в виде нескольких плавильных печей, ящиков с рудой и древесным углем и наковален, а также стан рыбаков с амбаром для хранения рыбы, кольями для просушки сетей и лодкой-долбленкой. Однако областные и районные власти распорядились вместо этого вкопать в центре площадки памятника две деревянные статуи (мужчины и женщины), символизирующие, по их замыслу, погребенных «священных героев» – «предков» современных шорцев [Кимеев, 2013, с. 61–66]. Сам музей-заповедник «Трехречье» в настоящее время состоит из комплекса построек-наводолов так называемого «Гулага» с бараками, вышками и забором в память о репрессиях «сталинского режима». Хотя на самом деле в п. Усть-Кабырза вплоть до середины 1990-х гг. находилась обычная колония-поселение осужденных уголовников советской эпохи. На горе у турбазы «Дом на Мрассу» в 2013 г. срублена небольшая деревянная православная часовня, откуда иногда выбегает для развлечения туристов артист в одежде «снежного человека». Внизу на террасе у самого дома сооружены жертвенник в виде круга из каменных плит и костровище, где для туристов проводятся шаманские обряды солистами ансамбля «Чылтыс» с «шаманкой» и бубном.

На грани гибели находится частично раскопанный и музеефицированный в 1998–2000 гг. памятник – ритуальное городище «Городок» начала XX в., где проводились обряды кремации на укрепленной площадке 50 × 50 м со рвом, земляным валом и деревянным заплотом из полубревен. Внутри располагались несколько временных жилищ с плавильной печью и следами кремации [Ширин, 2004, с. 69–112]. Согласно генеральному плану экомuzeя, разработанному новокузнецкими и томскими архитекторами, были частично реконструированы раскопанные

участки городища: входные ворота с примыкающим рвом и мостовой перемычкой; часть земляного вала с реданами и забором-заплотом из столбов и полубревен; три железоплавильные печи под навесом с рядом стоящими наковальней и ящиками с железной рудой и древесным углем; жертвенник «тайелга» в виде сруба на помосте с жердью и вывешенной на ней шкурой жертвенного барана и рядом расположенным холмом из кальцинированных костей и пепла от костра; одно из трех раскопанных каркасных жилищ с плавильной печью, каменной наковальней и кучкой кальцинированных костей, скопившихся при сжигании трупов умерших; конический шаманский чум из колотых полубревен [Кимеев, Глушкова, 2010, с. 15–23; Кимеев, 2014, с. 31–43].

После реконструкции городища, включенного в список памятников федерального значения, в 2009 г. была произведена частичная реставрация оборонительного комплекса и навеса над плавильным комплексом печей. На дальнейшие раскопки городища, реконструкцию еще одного раскопанного двухкамерного каркасного жилища, реставрацию имеющегося но уже сгнившего жилища, чума шамана и жертвенника «тайелга» у районных и областных властей нет ни средств, ни желания, несмотря на то, что это единственный в области сохранившийся и музеефицированный археологический памятник федерального значения – ритуальный жертвенник-городище. Нет проекта детальной планировки второго археологического памятника раннего средневековья на территории экомузeya-заповедника – поселения «Городок»-3, где в 2000 г. были найдены фрагменты керамики, обожженных камней, кусочки обожженной глины предположительно от бронзолитейных форм. Все попытки сотрудников экомузeya летом 2016 г. подготовить этот памятник, также федерального значения, к дальнейшим раскопкам путем очистки от старого березняка натолкнулись на противодействие со стороны сторожей примыкающей к экомузeyу базы практик биологов КемГУ при попустительстве со стороны руководства университета и районных властей. Создается впечатление, что власти, некоторые сотрудники биологии и руководство КемГУ сознательно стремятся к закрытию экомузeya, а значит, к гибели археологических памятников и реконструированного оборонительного комплекса Сибирского острога из четырех срубных башен и Казачьей караульной избы.

Библиографический список

Бобров В.В. Поселение на реке Люскус // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979. С. 47–59.

Бобров В.В. Танай-I – могильник корчажской культуры // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Вып. VI. Барнаул, 1995. С. 75–78.

Бобров В.В. Использование археологических памятников в системе экомузeya // Проблемы охраны и использования историко-культурного наследия Сибири. Кемерово, 1996. С. 100–105.

Бобров В.В. Танайский микрорайон как культурное место эпохи поздней бронзы в Кузнецкой котловине // Святилища. Археология ритуала и вопросы семантики. СПб., 2000. С. 199–203.

Васютин А.С. Древние торговые пути Горной Шории // Шорский сборник. Вып. II: Этноэкология и туризм Горной Шории. Кемерово, 1997. С. 68–172.

Голубев М.Е., Кимеев В.М. Остроги Притомья: история изучения и архитетоника // Археология Южной Сибири. К 40-летию кафедры археологии Кемеровского государственного университета. Вып. 37. Кемерово, 2016. С. 38–45.

Каплунов В.А. Комплексный музей-заповедник на основе археологического памятника как тип современного музея : автореф. дис. ... канд. культурол. Кемерово, 2016. 20 с.

Каплунов В.А., Скрыбина Л.А. К вопросу о создании архитектурно-этнографического комплекса «Русские Притомья» в музее-заповеднике «Томская писаница» // Баландинские чтения. Новосибирск, 2014. С. 291–295.

Кимеев В.М. Экомuzeи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектоника, функции. Томск, 2008. 450 с.

Кимеев В.М. Этноархеологический комплекс экомuzeя-заповедника «Трехречь» в Горной Шории: проблемы реконструкции // Интеграция археологических и этнографических исследований: в 2 т. Иркутск, 2013. Т. 2. С. 61–66.

Кимеев В.М. Экомuzeи Притомья на рубеже XX–XXI веков // Вестник КемГУКИ. 2014. №28. С. 31–43.

Кимеев В.М., Глушкова П.В. Древние дороги тюльберов. Кемерово, 2010. 64 с.

Кимеев В.М., Ширин Ю.В. Тайны Кабырзинской принцессы. Кемерово, 2011. 272 с.

Ширин Ю.В. Археологическое изучение Кузнецкого острога // Разыскания: Историко-краеведческий альманах. Кемерово, 1990. Вып. 1. С. 91–96.

Ширин Ю.В. Городище «Городок» и его окрестности в древности // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2004. Вып. 4. С. 69–112.

Ширин Ю.В. Материалы археологических разведок на р. Томи // Из Кузнецкой старины. Новокузнецк, 2015. С. 4–75.

С.М. Киреев

Национальный музей им. А.В. Анохина, Горно-Алтайск, Россия

МАЙМИНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС: ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ И НАБЛЮДЕНИЙ

Северный Алтай, на территории которого находится Майминский археологический комплекс, географически расположен на стыке гор, тайги и степей. На протяжении многих веков и тысячелетий этот регион являлся своеобразным перекрестком миграций древних племен, границей расселения полукочевых и оседлых народов, контактной зоной различных культур, что нашло свое отражение в многочисленных археологических памятниках, относящихся к различным эпохам и этническим группам.

Майминский археологический комплекс расположен в Республике Алтай, на правом берегу нижнего течения р. Катунь на трех высоких древних террасах, сложенных из мелкого речного песка и галечника и покрытых мощным слоем гумуса. Всего в комплекс входит 21 археологический памятник начиная от эпохи палеолита до раннего средневековья. Все памятники занимают площадь не более 3 кв. км [Киреев, 1988, с. 161–181; 2010, с. 208].

Расположение памятников в широкой плодородной долине р. Катунь, с обильной растительностью, вблизи гор, богатых дичью, на удобных для земледелия и выпасов скота широких террасах, и в пойме реки исключительно способствовало ведению комплексного многоотраслевого, экономически наиболее оправданного хозяйства. Там успешно можно было заниматься пастушеским скотоводством, земледелием, рыбной ловлей, охотой. Наличие поблизости природного сырья (камня, металла, дерева, глины, песка и пр.) способствовало развитию различных ремесел.

Исследование Майминского археологического комплекса имеет более чем 80-летнюю историю. Начиная с 30-х гг. XX в. работы (раскопки, разведки, осмотр, мониторинг) там проводили С.М. Сергеев, Б.Х. Кадиков, А.П. Окладников, В.И. Молодин, С.С. Зяблицкий, А.С. Суразаков, С.М. Киреев, В.А. Кочеев, М.Т. Абдулганеев, П.И. Кудрявцев, Н.Ю. Кунгурова, Ж. Буржуа, Л. Ван Хооф [Киреев, 1992а, с. 43–46; Кунгурова, 1992, с. 25–26; Киреев и др., 2008, с. 20–42].

На памятниках комплекса раскопано 177 курганов и грунтовых погребений и 2797 кв. м площади поселений различных эпох [Киреев и др., 2008, с. 20–42], в том числе единственное поселение поздней бронзы с остатками большого жилища [Киреев и др., 2002, с. 49–51] и крупное поселение гунно-сарматской эпохи [Абдулганеев, 1993, с. 3–5].

В результате исследований археологических памятников комплекса получен обширный вещественный материал: керамика различных эпох, форм и размеров, технологии, орнаментации, орудия труда, предметы быта и домашнего обихода, оружие, украшения, детали одежды, лошадиной сбруи и другие категории предметов. Это позволило выделить новые культуры: быстрианскую (середина VI – II в. до н.э.) [Киреев, 1992б, с. 54–58] и майминскую (II в. до н.э. – V в. н.э.) [Абдулганеев, 1993, с. 3–5; Киреев, 1986, с. 165–191], северный вариант пазырьковской культуры [Абдулганеев и др., 2004, с. 246–253], а также уточнить и конкретизировать вопросы хронологии и этапы развития древнего населения северо-западных предгорий Алтая. В определенной мере восстановлены образ жизни, устройство жилищ и планиграфия поселений, погребальный обряд, вооружение и военное дело, антропологический состав населения, демография, духовная культура, искусство, верования.

Получена широкая возможность реконструкции хозяйства древнего населения периода поздней бронзы и раннего железного века (IX в. до н.э. – IV в. н.э.), которое носило комплексный характер с преимуще-

ством скотоводства и значительной долей земледелия, охоты, рыболовства, собирательства [Гальченко, Полосина, 1992, с. 64–66]. Достаточно развитым был целый ряд ремесел: гончарное, косторезное, металлургия железа, бронзы, серебра и золота, обработка камня, дерева, кожи и пр.

Материалам, полученным с памятников комплекса, и их интерпретации посвящены 42 публикации. Среди 21 памятника: 12 поселений (I, II, III, VIII, IX, XI, XII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII), четыре могильника (IV, VI, VII, XIX), три местонахождения (V, X, XIII), одно городище (XX) и один сторожевой (наблюдательный) пункт (XXI). Большая часть из них – это памятники раннего железного века, значительны неолитические материалы, периода поздней бронзы, гунно-сарматского времени. Все поселения преимущественно многослойные.

Начиная с 1983 г. автором ежегодно проводится наблюдение над состоянием изменения памятников Майминского археологического комплекса. Последнее подробное комплексное обследование микрорайона проведено летом и осенью 2016 г. В результате этого появилась возможность сравнения состояния памятников, динамики изменения не только археологических объектов, но и окружающей природной и антропогенной обстановки, происходящей на Майминском археологическом комплексе за последние 30 лет.

1. Отмечено значительное усиление антропогенного воздействия, особенно начиная с конца 90-х гг. XX в. до настоящего времени. Археологический комплекс находится в зоне долговременной, достаточно интенсивной многообразной хозяйственной деятельности, в результате чего многие его памятники были или полностью разрушены, или в различной степени пострадали от вековой распашки террас, карьерных работ, дорог, хозяйственных построек и пр. Продолжается масштабная разработка трех крупных песчаных и песчано-гравийных карьеров, открыты два новых и происходит процедура отвода земель под другие карьеры. Рядом с комплексом проведена трасса газопровода, на майминских террасах и межтеррасных долинах ведется интенсивная распашка, хотя к настоящему времени она еще не достигла размеров площадей конца 1980-х гг. Там проходят многочисленные производственные, проселочные и полевые дороги, проведены линии электропередачи. Зафиксированы три случая целенаправленных грабительских раскопок курганов на могильниках Майма-IV и Майма-VII с целью поиска старинных вещей и золота для их продажи.

2. Среди всех памятников комплекса полностью раскопаны поселение Майма-III (1216 кв. м), могильник Майма-IV (49 курганов), Майма-VI (16 курганов), Майма-XIX (7 курганов) и наблюдательный пункт Майма-XXI (36 кв. м). Исследована значительная часть могильника Майма-VII (165 курганов) и поселений Майма-I (988 кв. м) и Майма-XII (382 кв. м). Частично раскопаны и исследованы памятники Майма-IX, X, XV [Киреев и др., 2008, с. 20–42].

3. Уничтожены полностью или в значительной мере археологические памятники Майма-II, V, VIII, XI, XIV, XVI, XVII, XVIII. На поселениях Майма-II и XVIII было раскопано соответственно 51 кв. м в 1956 г. и 104 кв. м (1992–1993 гг.). В связи с этим вызывает удивление следующий пример. Поселение Майма-II, известное еще как Майминская палеолитическая стоянка, частично раскопанное в 1956 г. Б.Х. Кадиковым, было поставлено на государственный учет как памятник федерального значения и подлежало охране. Но, несмотря на это, оно на протяжении 1970-х – начала 1980-х гг. систематически и планомерно подвергалось разрушению карьером. А.С. Суразаковым в 1984 г. и автором в 1986–1987 гг. удалось исследовать лишь его небольшой окраинный участок с очень слабо насыщенным культурным слоем и произвести сборы керамики в буртах карьера. И как казус выглядит тот факт, что в декабре 2012 г. администрация Майминского сельского поселения получила от районной прокуратуры предписание об организации охранных мероприятий памятника. Справка автора о полном разрушении объекта была принята с радостным облегчением.

4. В настоящее время, по данным многолетних наблюдений и обследования Майминского комплекса, все сохранившиеся полностью или частично памятники Майма-I, VII, IX, X, XII, XIII (кроме городища Майма-XX) находятся в крайне аварийном состоянии, и в отношении их существует угроза полного или значительного разрушения, исходящая преимущественно от разработки карьеров и распашки земель.

5. На протяжении изучаемого периода наши наблюдения показали, что под воздействием антропогенного влияния, осуществляемого в плановой, а также хаотичной бессистемной хозяйственной деятельности, и общеглобальных природных явлений произошло некоторое изменение ландшафта микрорайона. Не останавливаясь на подробной их характеристике, так как это может быть темой отдельной специальной работы, отметим лишь наиболее характерные из этих изменений:

– изменения общей увлажненности поймы Катуня под майминскими террасами в сторону ее осушения;

– частичное изменение рельефа и большая эрозия почвы и подпочвенных слоев в результате разработок карьеров, особо интенсивно происходящих с 2004–2005 гг., распашки земель, многочисленных проездных дорог, размывов троп и пр.;

– уменьшение естественного покрова кустарниковых пород, частичные вырубki осинника и березняка. Зато на местах археологических раскопов 1980-х – начала 1990-х гг. выросли небольшие березовые рощицы;

– в результате сокращения поголовья и резкого снижения выпаса скота в 1900–2000-е гг., а также практически полного запустения пашни в эти годы, значительно сократились площади сорных растений. Немного чище стали ручьи, протекающие в логах;

– сокращение видового и количественного состава мелкой фауны. В 1980-е – начале 1990-х гг. на болотцах дикие утки выводили свои помосты. Неоднократно можно было наблюдать там ондатр, белых луней, сычег. На стенках карьеров устраивали свои гнездовья колонии стрижей. В последние 6–8 лет видовой состав несколько изменился. Появились бобы, осенью на несколько дней заходят лоси. После почти десятилетнего перерыва вновь появились многочисленные гнездовья стрижей. Также осенью на озерцах и болотцах в увлажненной пойме останавливаются на некоторое время стаи перелетных птиц: дикие гуси, утки.

Так как археологический комплекс расположен недалеко от столицы Республики Алтай г. Горно-Алтайска, около оживленного въезда в республику, в живописном месте рядом с р. Катунью, где имеются леса, луга, богатая растительностью поймы, автором в 2000 г. была составлена обстоятельная докладная записка Главе Республики Алтай С.И. Зубакину. В ней предлагалось организовать постоянно действующий научно-просветительский комплекс, как это было реализовано впоследствии на проекте «Перекресток миров». Но предложение осталось без ответа, хотя и было инициировано самим Главой, посетившим некоторые памятники Майминского комплекса.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т. Майминская культура (предварительные итоги и перспективы изучения) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 3–5.

Абдулганеев М.Т., Киреев С.М., Кунгурова Н.Ю., Ларин О.В. Могильник Майма-4 (по раскопкам 1998 г.) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 246–253.

Гальченко А.В., Полосина Я.Ю. Анализ остеологического материала поселения Майма-3 // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск, 1992. С. 64–66.

Киреев С.М. Поселение Майма-I в предгорьях Алтая // Материалы по археологии Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 165–191.

Киреев С.М. Майминский археологический комплекс // Проблемы изучения древней культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 161–182.

Киреев С.М. Курганы Майма-XIX // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992а. С. 43–46, 182–185.

Киреев С.М. Погребения быстринской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992б. С. 54–58.

Киреев С.М. Майминский археологический комплекс // Краткая энциклопедия Республики Алтай. Новосибирск, 2010. С. 208.

Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск, 2008. 143 с.

Киреев С.М., Эбель А.В., Алехина Е.В., Буржуа Ж., Ван Хооф Л. Предварительные итоги исследования поселения Майма-XII в 2000 г. // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 49–51.

Кунгурова Н.Ю. Палеолитические находки в поселении Майма-I в Горном Алтае // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 25–26.

В.О. Сайберт

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ В ТАЛЬМЕНСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 2016 г.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

В Тальменском районе находится большое количество памятников археологии. В настоящее время на его территории известно около 60 объектов археологического наследия. Обнаружены и исследовались памятники различных культур и эпох. Одной из проблем изучения древней истории района является мониторинг современного состояния известных памятников, поэтому это стало целью работы.

Первые памятники на территории Тальменского района известны уже с 1883 г. благодаря исследованиям Н.М. Ядринцева, который упоминает курганы у с. Таскаево (ныне Новотроицк-1–III). В последующие годы сведения об археологических памятниках появлялись в виде случайных находок. Работы по изучению древностей района были начаты местными тальменскими краеведами. Благодаря исследованиям А.И. Зайцева, Ю.Н. Старова и О.Н. Мамцова эта территория привлекла внимание специалистов.

Первое научное изучение района связано с именем А.П. Уманского, свои работы он начал еще в 1956 г. с обследования у с. Новотроицкое. В 1959 г. экспедицией под его руководством проведена разведка по маршруту, пролежавшему по левому берегу р. Чумыша. В ходе работ открыт ряд памятников в окрестностях сел Кашкарагаиха, Зайцево, Шишкино, Усть-Чумыш, поселка Мостовой [Нижнее Причумышье..., 1997, с. 10].

Дальнейшее археологическое изучение в Тальменском районе продолжил почти через 20 лет А.Б. Шамшин, который, выполнив необходимые обследования, в 1978 г. составил первую археологическую карту Нижнего Причумышья. В ходе экспедиции были выявлены аварийные памятники района: поселения Речкуново-III, IV, а также Усть-Чумыш-I, Усть-Чумышская Пристань-I, Зайцево-II, курганная группа Зайцево-I. Получены материалы от поздней бронзы до раннего средневековья [Нижнее Причумышье..., 1997, с. 11].

В 1978 г. Ю.Ф. Кирюшиным был открыт комплекс городищ и поселений Малый Гоньбинский Кордон-2. Разведочные работы на этих памятниках проводились в 1991–1993 гг. [Кирюшин, 1979; Кирюшин, Казаков, 1996, с. 68].

В Тальменском районе исследования вел С.В. Неверов, под руководством которого раскапывался могильник Шадринцево-I.

Экспедицией Института археологии АН СССР под руководством В.А. Могильникова в 1980–1981 и 1983–1991 гг. велись исследования на могильнике Новотроицк-I–III, где было раскопано свыше 70 курганов, под насыпями которых исследовано около 300 погребений [Нижнее Причумышье..., 1997, с. 11–20].

В 1992–1993 гг. на территории района работала комплексная экспедиция Тальменского краеведческого музея под руководством В.К. Вистингаузена. Ими были открыты памятники Усть-Тальменка, Матюшово, Грянуха, Гришино озеро, База отдыха, Барсуково, Лепечиха и др. [Нижнее Причумышье..., 1997, с. 40].

В 1993 г. экспедицией Алтайского государственного университета исследованы два комплекса городищ Малый Гоньбинский Кордон-2/6–2 и Малый Гоньбинский Кордон-2/6–6. В 1997 г. обследования на территории комплекса памятников Кокуйское проводили А.А. Казаков, Д.В. Папин. В последующие годы исследование территории Тальменского района не проводилось [Казаков, Грушин, Сайберт, 2015, с. 312–315].

Таким образом, на территории Тальменского района производились в основном работы по выявлению новых памятников, а также отдельные аварийные раскопочные работы. Обнаруженные памятники концентрируются большими группами такими, как комплексы Кокуйское, Малый Гоньбинский Кордон-2, Новотроицкие курганы, и представлены в основном древними курганными группами и комплексами городищ и поселений.

В сентябре 2016 г. Тальменский археологический отряд (ТАО) Алтайского государственного университета под руководством автора проводил археологическое обследование на территории Тальменского района Алтайского края. Районом разведочных археологических мероприятий был выбран участок с расположенным на нем комплексом городищ и поселений эпохи раннего средневековья Малый Гоньбинский Кордон-2 и поселения Кислянский Рыбак-I. Разведочный маршрут ТАО пролегал вдоль протоки р. Оби на юге Тальменского района от санатория-профилактория «Обский плесы». Общая протяженность маршрута составила 12 км. На исследуемом участке известно 12 объектов археологического наследия, представленных городищами и поселениями (рис. 1).

Первым было обследовано поселение Кислянский Рыбак-I, расположенное на оконечности боровой террасы правого берега р. Оби, в 3,9 км к юго-западу от с. Кислухи, в 1,74 км к юго-западу от дачного поселка «Кислянский рыбак», на территории санатория-профилактория «Обские плесы». Памятник открыт в 2014 г. М.В. Карповым, тогда же был снят топографический план памятника и определены его границы. При обследовании памятника в 2016 г. произведены сборы подъемного материала на краю осыпающейся террасы, представленного в основном фрагментами керамики и одним скребком.

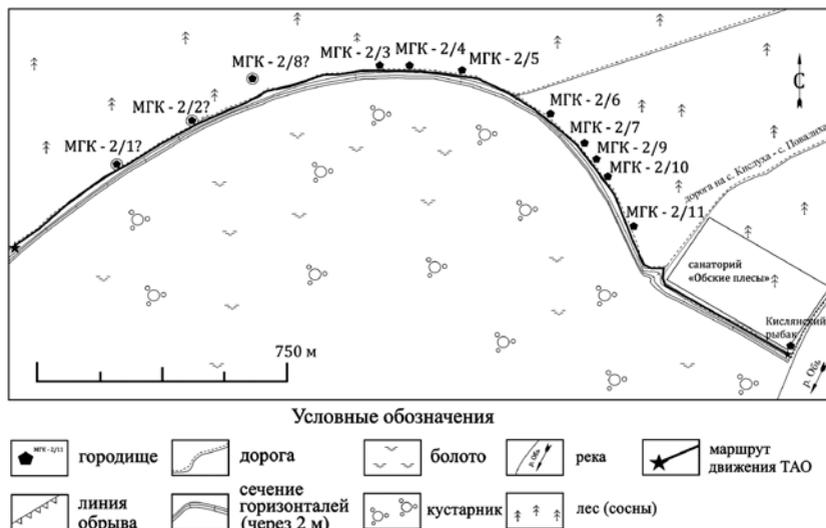

Рис. 1. Топографический план местности с маршрутом движения ТАО

Керамический комплекс состоит из 182 фрагментов, из них 36 экз. с орнаментом. Сосуды украшены оттисками «гребенчатого штампа», рядами ямок, которые накладывались поверх других элементов, оттисками угла лопаточки, «S-образным мелкозубым» штампом, а также елочкой из «гребенчатого» и «гладкого» штампов. Срезы венчиков орнаментированы оттисками «гребенчатого» штампа (рис. 2). Описанная совокупность орнаментальных приемов, зафиксированных на керамике, характерна для начальных этапов одинцовской культуры, которые датируются 2-й половиной IV – V в. н.э. [Казаков, 2014, с. 136].

В ходе работ также был обследован комплекс городищ и поселений Малый Гоньбинский Кордон-2. Памятник открыт в 1978 г. Ю.Ф. Кирюшиным, детальное обследование проведено А.А. Казаковым в 1991 г., в результате этого комплекс был отнесен к хронологическому отрезку I–VIII вв. [Кирюшин, Казаков, 1996, с. 68–72].

Комплекс памятников Малый Гоньбинский Кордон-2 (МГК-2) состоит из 10 отдельных городищ и поселений, расположенных на краю боровой террасы, возвышающейся над поймой на 5–10 м. По кромке террасы проходит полевая дорога.

При обследовании комплекса МГК-2 в 2016 г. проведены сборы подъемного материала, представленного несколькими фрагментами керамики. Определены примерные границы каждого памятника, снятие границ проводилось по визуально фиксируемым объектам, таким как ров, вал, жилищные западины, а также объектам, расположенным

на кромке террасы. Получены GPS-координаты угловых точек данных границ, составлен топографический план местности с маршрутом движения ТАО. В связи с распашкой и лесопосадкой на оконечности террасы ранее известные поселения МГК-2/1, МГК-2/8 и городище МГК-2/2 в 2016 г. не фиксировались.

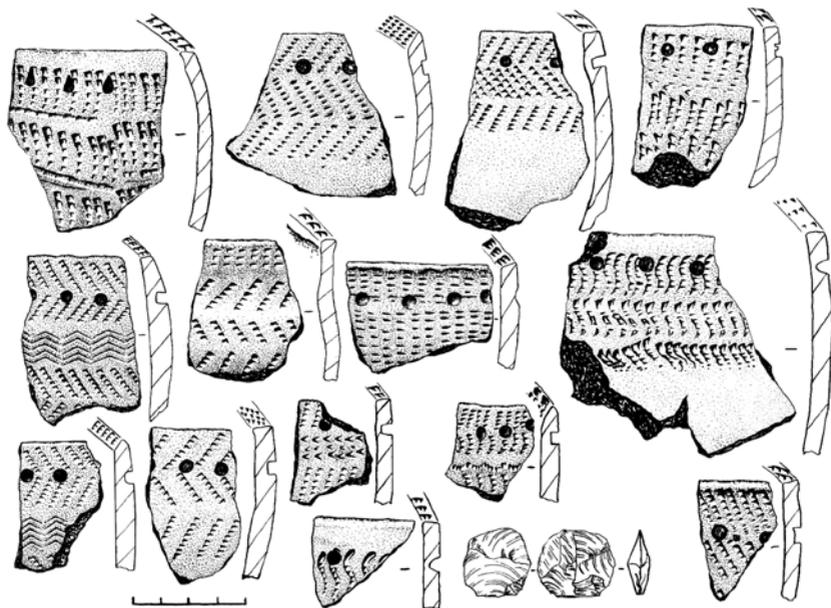

Рис. 2. Подъемный материал с памятников Кислянский Рыбак-I, МГК-2/7 и МГК-2/10

Осуществленный мониторинг продемонстрировал, что памятники находятся в неудовлетворительном состоянии и их расположение на кромке террасы в скором времени приведет к разрушению. По краю комплекса памятников МГК-2 проходит полевая дорога, что приводит к его разрушению в этой части. Таким образом, изучение памятников важно не только с точки зрения получения новых сведений о культуре населения в эпоху раннего средневековья, но и в связи с аварийным состоянием объектов. Поскольку вопросы хозяйственно-культурных традиций населения одинцовской культуры Барнаульско-Бийского Приобья актуальны на сегодняшний день, то комплекс обследованных памятников является перспективным для дальнейшего изучения.

Библиографический список

Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул, 2014. 152 с.

Казаков А.А., Грушин С.П., Сайберт В.О. Малый Гоньбинский Кордон-2/6 – новый памятник одицовской культуры Барнаульско-Бийского Приобья // Археология Западной Сибири и Алтай: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015. С. 312–315.

Кирюшин Ю.Ф. Работы Алтайской экспедиции // Археологические открытия 1978 г. М., 1979.

Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Комплекс археологических памятников Малый Гоньбинский Кордон-2 (по материалам разведки 1991 г.) // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул, 1996. С. 68–72.

Нижнее Причумышье. Очерки истории и культуры. Тальменка, 1997. С. 10–40.

А.С. Федорук^{1,2}, А.А. Редников^{1,2}

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края (НПЦ «Наследие»), Барнаул, Россия

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ МОНИТОРИНГА ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИИ ШИПУНОВСКОГО И ЛОКТЕВСКОГО РАЙОНОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 2012–2016 гг.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

В 2012–2016 гг. авторами осуществлена серия полевых выездов в Шипуновский и Локтевский районы Алтайского края. Материалы Масальского и Второкаменского сельсоветов Локтевского района введены в научный оборот ранее [Редников, Федорук, 2015, с. 99–102], остальные публикуются впервые.

Данные районы входят в число «лидеров» края по количеству выявленных и поставленных на учет памятников археологии. В рабочей документации НПЦ «Наследие» имеется информация о более чем 130 объектах археологического наследия (далее ОАН), расположенных в Шипуновском районе. Из этого числа 106 поставлены на государственный учет решением исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов от 12.09.1991 №420 и постановлением Алтайского краевого Законодательного собрания от 28.12.1994 №169. Большинство из них – погребальные комплексы, среди которых присутствуют отдельные курганы, курганные группы, курганные могильники, могильники и грунтовые могильники. Поселенческие памятники представлены поселениями и одной стоянкой. Время бытования основной массы объектов на сегодняшний день не выяснено. Среди датированных присутствуют комплексы широкого хронологического диапазона – от эпохи энеолита до средневековья.

В Локтевском районе зафиксировано около 250 памятников археологии. Большая часть поставлена на охрану Указом Президента Российской Федерации от 20.02.1995 №176, решением исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов от 21.05.1991 №225, постановлениями Алтайского краевого Законодательного собрания от 28.12.1994 №169, от 11.03.1998 №83 и от 01.03.1999 №60. Типологически они очень разнообразны: преобладают курганные могильники (представлены как отдельными курганами, так и группами курганов), известны поселения, стоянки, местонахождения, горные выработки.

В задачи авторов входило уточнение современного состояния стоящих на государственном учете объектов археологического наследия и актуализация их «привязок». На подготовительном этапе к каждому выезду детально прорабатывался маршрут отряда с учетом информации о местоположении памятников, состоянии дорог и т.д., что позволило поэтапно отработать территорию всех муниципалитетов Шипуновского района и большинства – Локтевского (Александровского, Второкаменского, Георгиевского, Гилевского, Золотухинского, Кировского, Локтевского, Масальского, Николаевского, Новомихайловского, Покровского, Самарского, Успенского и Устьянского).

В общей сложности было обследовано около 300 стоящих на учете объектов археологического наследия (Шипуновский район – более 100, Локтевский район – более 180). Для каждого из памятников был составлен отражающий современные «привязки» ситуационный план, выполнено краткое текстовое описание его состояния, осуществлена фотофиксация общего вида и отдельных участков, а также современных разрушений (при наличии).

К числу последних, как показали результаты работ, в настоящее время относятся: сельскохозяйственная распашка, норы диких животных (лисица, барсук), сопутствующие им охотничьи шурфы и целенаправленное ограбление археологических объектов. Из этого перечня чаще других памятникам наносит вред распашка. Она носит повсеместный характер и затрагивает десятки курганов. Причем очевидно, что распашка некоторых насыпей началась совсем недавно. В Локтевском районе при обследовании памятника «Павловка-3, курганный группа» с пашни был поднят фрагмент каменной зернотерки, у ОАН «Павловка-4, курганный группа», «Устьянка-8, курганный группа» и «Устьянка-9, одиночный курган» найдены вывернутые техникой камни, формой и размерами напоминающие стелы. Имеющиеся на курганах древние западины для выравнивания поверхности заваливаются камнями и почвой, видимо, с целью дальнейшей распашки. Зафиксировано также несколько случаев срезания насыпей курганов тяжелой техникой. Существенно влияют на сохранность объектов норы животных. Они зафиксированы на большом количестве древних объектов. Но больший вред наносят сопутствующие им охотничьи шурфы. Только в Шипунов-

ском районе последние выявлены на семи ОАН. В ряде случаев они глубоко проникают и даже полностью прорезают насыпи курганов. Но особо вопиющие случаи связаны с деятельностью «черных копателей». В Локтевском районе поврежден единственный в своем роде на территории края объект «Локоть-1а, одиночный курган с усами» – при обследовании памятника в июне 2015 г. в центре курганной насыпи был зафиксирован свежий грабительский шурф (2 × 2 м и глубиной более 2 м). В Шипуновском районе на объекте «Защита, курганная группа» в центре курганной насыпи также присутствовал современный грабительский шурф размерами 2 × 2,5 м и глубиной 0,8 м. Из его стен торчали кости животных, в том числе череп и нижняя челюсть лошади. По наиболее серьезным случаям повреждения были составлены и переданы в Управление Алтайского края по культуре и архивному делу акты о причинении вреда объектам археологического наследия.

Основным результатом работ стало получение огромного объема уточненной информации, что позволило внести актуальные корректировки в документацию к памятникам. Часть материалов была использована при создании генпланов сельских поселений Шипуновского (Баталовский, Горьковский, Белоглазовский, Ельцовский, Ильинский, Комарихинский, Нечунаевский, Пороженский, Тугозвонковский и др.) и Локтевского (Александровский, Кировский, Масальский, Покровский, Успенский и др.) районов, на которых отражены предполагаемые границы всех памятников археологии, расположенных на территории сельсоветов.

Кроме того, в ходе поездок нами зафиксирован ряд объектов археологического наследия, ранее не отмеченных на карте районов.

«Кривулина-2, курган». Располагается в Урлаповском сельсовете Шипуновского района, в 6 км на юго-запад от с. Урлапово, в 0,5 км юго-западнее ур. Симонино, в 1,9 км восточнее летней фермы, на правом берегу р. Волчихи (Кривулихи). Курган находится на ранее распаханном поле, ныне используемом под выпаса. Диаметр насыпи – 17 м, высота – 0,1 м. Насыпь повреждена норами животных. Датировка объекта не ясна.

«Андреевский курган-IV». Находится в Зеркальском сельсовете Шипуновского района, в 5,4 км на восток – юго-восток от пос. Андреевка, в 1,4 км на северо-запад от урочища Аношкино. Курган стоит на краю поля, у лесополосы. Диаметр насыпи – 17 м, высота – 0,4 м. Насыпь опаживается, повреждена норами животных. В центре имеется древняя грабительская воронка крупных размеров. Датировка объекта не ясна.

«Защита-2, курган». Объект выявлен в Горьковском сельсовете Шипуновского района, в 3,6 км на запад – юго-запад от с. Защита, в 0,7 км на юго-запад от края государственной лесозащитной полосы, на углу распаханного поля. Диаметр насыпи – 32 м, высота – 0,6 м. Насыпь распаживается. Датировка объекта не ясна.

«Воробьево-1, курган». Расположен в Войковском сельсовете Шипуновского района, в 5,4 км на северо-запад от с. Воробьево, в 0,5 км от границы с Усть-Калманским районом, на распаханном поле, у дороги. Диаметр насыпи – 24 м, высота – 0,4 м. Курган распахивается. Датировка объекта не ясна.

«Воробьево-6, курган». Находится в Войковском сельсовете Шипуновского района, в 4,1 км на северо-запад от с. Воробьево, в 0,4 км к юго-западу от зернотока, на высокой гриве среди поля, в настоящее время используемого под выпас. Диаметр насыпи – 40 м, высота – 0,2 м. В недавнем прошлом курганная насыпь распахивалась. Датировка объекта не ясна.

«Воробьево-7, курган». Выявлен в Войковском сельсовете Шипуновского района, в 5,9 км на запад – северо-запад от с. Воробьево, в 0,6 км от трассы с. Войково – с. Воробьево, на распаханном поле. Диаметр насыпи – 36 м, высота – 0,4 м. Края курганной насыпи распахиваются. Датировка объекта не ясна.

«Первомайский-2, курган». Располагается в Родинском сельсовете Шипуновского района, в 2,7 км на север – северо-запад от пос. Первомайский, на распаханном поле между лесополосой и трассой пос. Первомайский – с. Бобровка. Диаметр насыпи – 14 м, высота – 0,3 м. Насыпь распахивается. Датировка объекта не ясна.

«Павловка-25, курганный могильник». Расположен на территории Александровского сельсовета Локтевского района, в 1,4 км к западу от с. Павловки, на третьей надпойменной террасе правого берега р. Алея, рядом с бывшим скотоогильником. Визуально в рельефе выражена одна каменно-земляная насыпь диаметром 8 м и высотой 0,3 м. Курганная насыпь опахивается, но края распаханы. В центре насыпи прослеживается грабительская западина. Датировка памятника не ясна. Состояние аварийное.

«Павловка-26, курганный могильник». Выявлен на территории Александровского сельсовета Локтевского района, в 3,1 км на запад – северо-запад от с. Павловки, на высокой террасе р. Тушканихи. Визуально в рельефе четко выражено три каменно-земляные насыпи, тянущиеся цепочкой с юго-востока на северо-запад. Курган №1 имеет диаметр насыпи 12 м, высота – до 0,2 м. Курган №2 находится в 0,35 км к северо-западу от кургана №1. Диаметр курганной насыпи – 17 м, высота – 0,5 м. Курган №3 расположен в 0,045 км к северо-западу от кургана №2. Диаметр курганной насыпи – 15 м, высота – 0,5 м. Датировка памятника не ясна. Все курганные насыпи распахиваются.

«Павловка-27, курганный могильник». Находится на территории Александровского сельсовета Локтевского района в 3,7 км на северо-запад от с. Павловки, в 0,57 км к западу от р. Тушканихи, в урочище им. М. Горького. Зафиксирована одна каменно-земляная насыпь диаметром 14 м и высотой 0,2 м. Насыпь распахивается. Датировка памятника не ясна.

«Павловка-28, курганный могильник». Расположен на территории Александровского сельсовета Локтевского района, в 6 км на северо-запад от с. Павловки, на водоразделе р. Тушканихи и безымянного ручья. Имеется одна распахиваемая каменно-земляная насыпь диаметром 12 м и высотой 0,1 м. Датировка памятника не ясна.

«Гилево-22, курганный могильник». Находится на территории Гилевского сельсовета, в 2,8 км на север – северо-восток от с. Гилево, на водоразделе рек Стрелка и Ровок, в 0,36 км на запад от р. Ровок. Визуально в рельефе четко выражены две каменно-земляные насыпи, тянущиеся цепочкой с северо-востока на юго-запад. На кургане №1 отмечены следы ограбления в древности, курган №2 подвергается опашке. Курган №1 имеет диаметр насыпи 14 м, высота – до 0,3 м. Курган №2 расположен в 0,59 км к юго-западу от кургана №1. Диаметр курганной насыпи – 18 м, высота – 0,8 м. Датировка памятника не ясна.

«Кировский-8, одиночный курган». Выявлен на территории Кировского сельсовета Локтевского района, в 2,5 км на север – северо-восток от пос. Кировский, в 0,5 км на запад от автодороги на с. Георгиевку, в 0,4 км к юго-западу от водокачки. В рельефе читается одна распаханная каменно-земляная насыпь диаметром 10 м и высотой 0,2 м. Датировка памятника не ясна.

«Степной-10, одиночный курган». Расположен на территории Кировского сельсовета Локтевского района, в 2,8 км на север от моста через р. Солонку, на трассе г. Горняк – с. Староалейское, в 2,5 км на юго-запад от с. Вторая Каменка. Визуально зафиксирована одна каменно-земляная насыпь диаметром 12 м и высотой 0,1 м. Насыпь распахивается. Датировка памятника не ясна.

«Устьянка-30, курганная группа». Находится на территории Устьянского сельсовета Локтевского района, в 3,1 км на запад – северо-запад от кладбища с. Устьянки и в 1,9 км к западу от р. Сухая Речка. В рельефе четко выражены четыре каменно-земляные насыпи, тянущиеся цепочкой с юга – юго-востока на север – северо-запад. В центральной части кургана №3 прослеживается фрагмент выступающей на поверхность каменной ограды. Все курганы имеют следы ограбления в древности. Курган №1 имеет диаметр насыпи 20 м и высоту до 0,2 м. Курган №2 расположен в 27 м к северу – северо-западу от кургана №1. Диаметр курганной насыпи – 6 м, высота – 0,2 м. Курган №3 находится в 54 м на север – северо-запад от кургана №2. Диаметр курганной насыпи – 16 м, высота – 0,4 м. Курган №4 расположен в 65 м на север – северо-запад от кургана №3. Диаметр курганной насыпи – 14 м, высота – 0,3 м. Датировка памятника не ясна.

«Устьянка-31, одиночный курган». Расположен на территории Устьянского сельсовета Локтевского района, в 8,7 км на северо-запад от с. Устьянки и в 6 км на северо-восток от с. Покровки. Памятник расположен на возвышенности. Визуально в рельефе четко выраже-

на одна каменно-земляная насыпь диаметром 10 м и высотой 0,9 м. В центральной части имеется грабительская западина. Датировка памятника не ясна.

«Устьянка-32, одиночный курган». Выявлен на территории Устьянского сельсовета Локтевского района, в 10,2 км на север – северо-восток от с. Устьянки, в 8 км на юго-запад от пос. Октябрьский Змеиногогорского района, в 0,4 км на запад – северо-запад от проселочной дороги, ведущей в с. Устьянку. В рельефе выражена одна распахиваемая каменно-земляная насыпь диаметром 15 м и высотой 0,4 м. Датировка памятника не ясна.

К сожалению, состояние всех впервые выявленных объектов, как и большинства памятников районов, аварийное. Фиксация значительного числа свежих разрушений, преимущественно антропогенного характера, говорит о необходимости усиления взаимодействия между профессиональными археологами, представителями краевых, муниципальных властей и местным населением в деле сохранения историко-культурного наследия района и края в целом. Формы, направления, методы этой деятельности ранее успешно реализовывались НПЦ «Наследие», сотрудники которого выполняли как просветительскую работу (выезды специалистов центра в районы для ознакомления населения и ответственных муниципальных служащих с памятниками, расположенными на территории района/сельсовета, объяснения важности их сохранения и ответственности за повреждение), так и контролирующую (мониторинг состояния памятников, составление актов о причинении (непричинении) вреда объектам культурного наследия).

Библиографический список

Федорук А.С., Редников А.А. К археологической карте Локтевского и Табунского районов Алтайского края // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 10. Барнаул, 2015. С. 99–102.

РАЗДЕЛ 2. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ

В.А. Борисов¹, А.М. Илюшин¹, С.С. Онищенко²

¹Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия;

²Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ЖИЛИЩЕ В РАСКОПЕ №10 НА КОМПЛЕКСЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ТОРОПОВО-7

Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция Гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета с 2008 г. проводит полевые исследования на комплексе археологических памятников Торопово-7, расположенном в долине среднего течения р. Касьмы на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области [Илюшин, 2015а, с. 647–650; Илюшин, Сулейменов, Бутьян, 2009, с. 165–166; Илюшин, Бутьян, Борисов, 2012, с. 142–145; Илюшин, Борисов, Бутьян, 2014, с. 149–155; и др.]. Эти исследования показали, что на одном и том же месте в период поздней бронзы – перехода от бронзы к железу функционировало поселение ирменской археологической культуры, а в период развитого средневековья – поселение и культовые семейные площадки шандинской археологической культуры [Илюшин, 2013а, с. 137–142; 2013б, с. 127–136; 2014, с. 64–69; 2016а, с. 124–129; Илюшин, Борисов, 2014, с. 100–105; 2016, с. 104–109; Илюшин, Борисов, Онищенко, 2015, с. 61–65; Илюшин, Онищенко, 2016а, с. 55–65; 2016б, с. 245–250; 2016в, с. 101–108; 2016г, с. 72–74; Кутовая, Кузнецова, Илюшин, 2016, с. 257–261; и др.]. В 2016 г. были завершены полевые исследования на раскопе №10, что позволило весомо пополнить копилку вещественных источников по средневековой истории Кузнецкой котловины и сопредельных территорий.

Цель настоящей работы – ввести в широкий научный оборот новые материалы о раскопках средневекового жилища 1 на раскопе №10 и результаты их первичного исследования.

Жилище 1 располагалось в квадратах Ж7, Ж8, 37, 38 в северо-западной части раскопа №10 и представляло собой земляной котлован неправильной подчетырёхугольной формы с заovalенными углами, ориентированный стенками по сторонам света с небольшим смещением (рис. 1). Размеры котлована – 2,62 × 2,81 м, общая площадь – около 7,3 м². Котлован углублен в слой материковой глины на 0,18–0,48 м. Перепад глубины котлована связан с необходимостью выравнивания

пола, так как жилище располагалось на наклонной поверхности. При исследовании заполнения котлована и зачистки пола были найдены 27 фрагментов керамических сосудов (из них четыре венчика, одно днище и 22 тулова) и 28 миниатюрных костей (целые и фрагменты) животных, а также четыре зуба и шесть фрагментов челюстей животных (рис. 1; 2.-1–27). В центральной части котлована выявлен зольник от очага, который выделялся серо-белым цветом, имел овальную форму размером $0,87 \times 0,65 \times 0,16$ м и был ориентирован длинной осью по линии ЮЮЗ–ССВ. В зольнике найден фрагмент тулова керамического сосуда, подверженный воздействию огня (рис. 1; 2.-28).

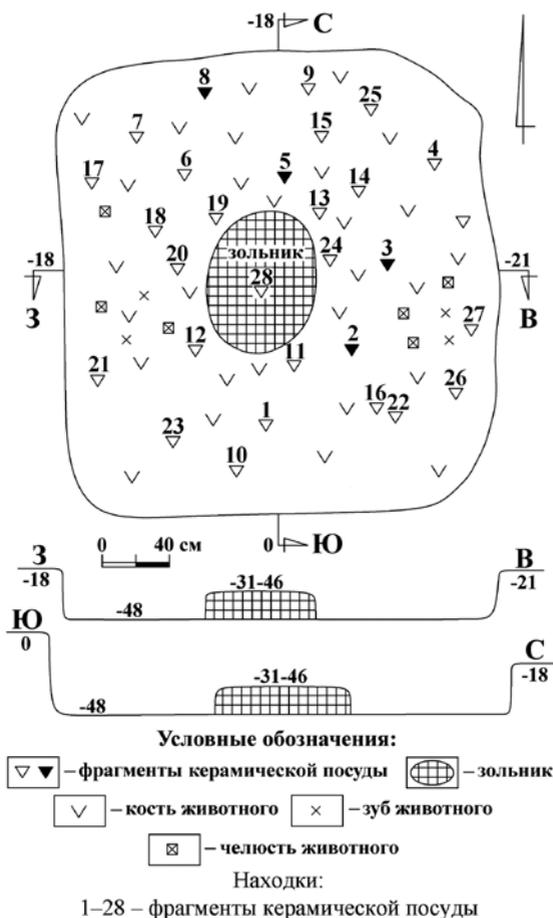

Рис. 1. Комплекс археологических памятников Торпово-7. Раскоп №10. План и разрезы жилища 1

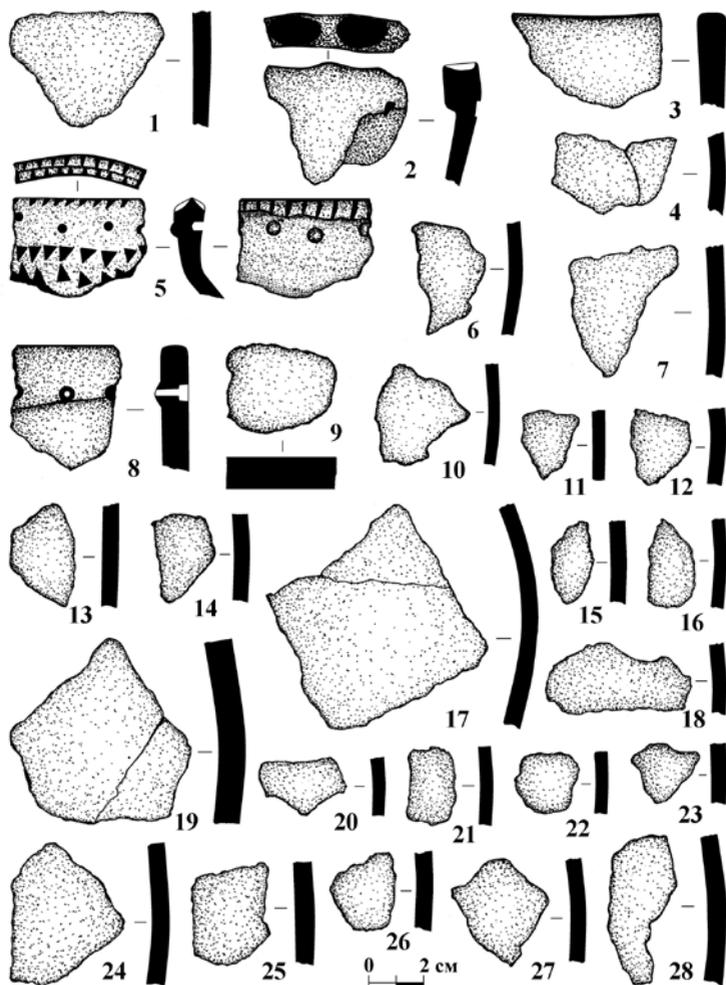

Рис. 2. Комплекс археологических памятников Торопово-7.
Раскоп №10. Находки из жилища 1: 1–28 фрагменты керамической посуды

Выявленные артефакты и сооружения позволяют характеризовать раскопанное жилище как полуземлянку, состоящую из наземной конструкции и земляного котлована. В котловане и вблизи него ямок не было. Вероятно, наземная конструкция была установлена на древнюю дневную поверхность, на которой и была закреплена, а котлован был сооружен внутри жилого пространства до уровня непромерзания почвы. При использовании жилища глубина котлована от уровня дневной

поверхности составляла приблизительно 0,43–0,73 м. Выявленные артефакты указывают на стационарный характер исследованного жилища, которое использовалось зимой и могло функционировать круглый год. В пользу зимней эксплуатации жилища свидетельствуют большая высота зольника очага и сильный проквал материкового грунта под ним. Большой очаг был необходим для обогрева всей площади жилища и приготовления пищи. При раскопках вход в жилище не зафиксирован. Можно предполагать, что он находился в северо-восточном углу жилища, где определены самые низкие показатели глубины котлована и прямой контур длиной 0,52 м (см. рис. 1).

Палеозоологическое исследование фаунистической коллекции, включающей 32 образца костей от различных отделов скелетов и разрозненных зубов, из которых 22 принадлежали лошади (*Equus caballus*), один – речному бобру (*Castor fiber*), четыре – лисице (*Vulpes vulpes*) и пять – не идентифицированному до вида животному. Среди остатков скелетов лошадей имелись два обломка от правой зубной кости с зубами, анализ которых позволил установить, что они принадлежали двум разновозрастным особям, одной из которых было на момент забоя менее 2,5 лет, а другой – более 4 лет. Наличие двух правых таранных и двух правых пяточных костей также подтверждает, что в жилище отложились остатки как минимум от двух лошадей. Относительно других видов, то от бобра имелся резец, а от лисиц – четыре зубных кости (как минимум от трех разных животных) хорошей сохранности.

Датировку и культурную принадлежность жилища можно установить по аналогиям керамической посуде, найденной в его котловане (рис. 2.-1–28). Судя по фрагменту днища (рис. 2.-9), посуда по форме дна была плоскодонной. Фрагменты венчиков можно классифицировать по профилю на три типа: отогнутый наружу (рис. 2.-5), прямой (рис. 2.-3, 8) и вогнутый вовнутрь (рис. 2.-2), а по форме – на два типа: округлые (рис. 2.-5) и с плоскими краями (рис. 2.-2, 3, 8). На трех фрагментах венчиков посуды был нанесен орнамент (рис. 2.-2, 5, 8). При этом на одном из фрагментов орнамент был как с внешней, так и с внутренней стороны (рис. 2.-5). По способу орнаментации керамической посуды можно выделить один тип – штампованный (тычковый). Среди элементов орнамента на фрагментах керамической посуды имеются круглые ямки (рис. 2.-2, 5, 8), «жемчужины» (рис. 2.-5), скобообразные насечки (рис. 2.-5), треугольные ямки (рис. 2.-5) и ямки от пальце-ногтевых вдавлений (рис. 2.-2). Мотив нанесения орнамента однотипен – горизонтальное расположение элементов (рис. 2.-2, 5, 8).

Среди орнаментированных венчиков (рис. 2.-2, 5, 8) можно выделить набор типов признаков (срезы венчиков обращены наружу, по венчику нанесены гладкие наклонные насечки и пальце-ногтевые вдавления, а в зоне шейки – ямки), которые в таких комбинациях характерны для керамической посуды развитого средневековья Верхнего Приобья

[Адамов, 2000, с. 29–37; рис. 108; 109; Илюшин, 2005, табл. 9.-100–103, 106–112; 10.-25–35; 16.-65, 66; Плетнева, 1997, с. 104–107; Ширин, 1992, с. 36–50; 2004, с. 86, рис. 4–6; и др.]. Исследованное жилище имеет отличия от ранее исследованных жилищ развитого средневековья на Торопово-7 [Илюшин, Борисов, 2014, с. 100–105; Илюшин, Борисов, Онищенко, 2015, с. 61–65; Илюшин, Онищенко, 2016а, с. 55–65; 2016б, с. 245–250]. Обращают на себя внимание маленькая площадь котлована, очаг овальной формы, ориентация стенок по сторонам света, отсутствие керамической посуды, орнаментированной гребенчатым штампом. Последнее указывает на его индивидуальность. Однако культурная традиция сооружения жилища аналогична ранее исследованным на Торопово-7 объектам развитого средневековья. Палеозоологическая коллекция из исследуемого жилища в целом аналогична (преобладание костей лошади) ранее исследованным палеозоологическим материалам из средневековых жилищ на Торопово-7. При этом выявленные остатки от охотничьих видов животных (бобр и лисица) крайне редки и найдены не везде, что дает основание рассматривать их наличие как проявление индивидуально-семейных особенностей организации хозяйства обитателей жилища 1 из раскопа №10, эпизодически занимавшихся охотой на эти виды.

Ближайший круг аналогий для керамической посуды (форма и орнаментация) из жилища 1 раскопа №10 имеется на поселениях Торопово-4 (раскопы №2 и 3), Шабаново-5 и Шабаново-10, датированных 1-й половиной II тыс., XIII–XV и XI–XIII вв. [Илюшин, Ковалевский, 2012, с. 85; Илюшин, 2015б, с. 92–98; 2016б, с. 98–104]. Этнокультурная атрибуция и корреляция дат этих памятников позволяют предварительно датировать исследуемое жилище XIII в. и отнести его к шандинской археологической культуре, оставленной тюркоязычными кочевниками Восточного Дешт-и-Кипчак на территории Кузнецкой котловины.

Библиографический список

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск ; Омск, 2000. 256 с.

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово, 2005. 240 с.

Илюшин А.М. Касьминский археологический микрорайон и результаты раскопок на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XVIII–XIX. Барнаул, 2013а. С. 137–142.

Илюшин А.М. Семейные святилища у восточных кыпчаков (по материалам исследований Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2011 году) // Казахстан и Россия: научное и культурное взаимодействие и сотрудничество. Астана ; Омск, 2013б. С. 127–136.

Илюшин А.М. Исследование семейных культовых площадок восточных кыпчаков на Торопово-7 в Кузнецкой котловине // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2013 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 9. Павлодар, 2014. С. 64–69.

Илюшин А.М. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2010–2012 гг. // Археологические открытия 2010–2013 годов. М., 2015а. С. 647–650.

Илюшин А.М. Новые материалы о местах проживания населения Кузнецкой котловины в развитом средневековье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI. Барнаул, 2015б. С. 92–98.

Илюшин А.М. Культура кочевников Дешт-и-Кыпчак (по материалам раскопок на Торопово-7) // Казахи Евразии: история и культура. Омск ; Павлодар, 2016а. С. 124–129.

Илюшин А.М. Поселение Шабаново-5 как объект культурного наследия средневекового населения Кузнецкой котловины // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXII. Барнаул, 2016б. С. 98–104.

Илюшин А.М., Борисов В.А. Средневековое жилище на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX. Барнаул, 2014. С. 100–105.

Илюшин А.М., Борисов В.А. Коллекция бронзовых изделий из раскопок на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXII. Барнаул, 2016. С. 104–109.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Онищенко С.С. Исследования средневековых жилищ на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 10. Барнаул, 2015. С. 61–65.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Комплекс древних поселений в долине реки Касьмы. Кемерово, 2012. 212 с.

Илюшин А.М., Онищенко С.С. О результатах исследования жилища кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016а. №1. С. 55–65.

Илюшин А.М., Онищенко С.С. Результаты исследования жилища кочевников развитого средневековья в Кузнецкой котловине // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016б. №5. С. 245–250.

Илюшин А.М., Онищенко С.С. Кипчакские обереги по результатам раскопок средневековых жилищ на Торопово-7 // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. IX. Барнаул, 2016в. С. 101–108.

Илюшин А.М., Онищенко С.С. Система жизнеобеспечения этнической группы восточных кыпчаков по материалам раскопок на Торопово-7 в долине р. Касьмы // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 5: в 2 ч. Тюмень, 2016г. Ч. 2. С. 72–74.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Бутьян В.А. Результаты полевых разведок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2009. №3. С. 165–179.

Илюшин А.М., Бутьян В.А., Борисов В.А. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2011 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2012. №2. С. 142–152.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А. Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2012 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2014. №1. С. 149–160.

Кутовая А.С., Кузнецова Е.Е., Илюшин А.М. Исследование орнамента керамической посуды с культового места ирменской археологической культуры на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Россия молодая. Кемерово, 2016. С. 257–261.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск, 1997. 350 с.

Ширин Ю.В. Орнаментация средневековой керамики Южного Кузбасса // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 36–50.

Ширин Ю.В. Городище Городок и его окрестности в древности // Кузнецкая старина. Вып. 6. Новокузнецк, 2004. С. 69–112.

И.А. Вальков, А.С. Федорук

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ КОСТЯНЫХ КОНЬКОВ

Исследование проведено за счет гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», а также в рамках государственного задания Алтайского государственного университета, проект №33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»

Костяные коньки являются достаточно интересной категорией предметов, обнаруживаемой при исследовании памятников различных эпох. Обширен и ареал их распространения. Применительно к эпохе бронзы коньки известны на огромной территории от Балкан до Алтая – обнаружены на поселениях срубной культурно-исторической общности и общности культур валиковой керамики. Для лесостепного Алтая находки таких предметов единичны – до недавнего времени был известен лишь один фрагмент конька, обнаруженный Г.Е. Ивановым [2005, с. 54–55] у с. Новоогорьевское в 1970-х гг. В 2010 г. на поселении Жарково-3 одним из авторов статьи при исследовании участка зольника периода поздней бронзы обнаружен фрагмент еще одного костяного конька [Федорук, 2011, с. 61, рис. 240.-1, 243.-2]. Данный предмет, помимо изучения морфологических особенностей и определения сырья, был подвергнут трасологическому анализу, позволяющему установить по следам на поверхности изделия характер обработки и специфику утилизации.

Фрагмент конька (рис. 1, 2) изготовлен из третьей плюсневой кости лошади. Выбор сырья в данном случае достаточно традиционен: как отмечает С.Н. Ляшко [1994, с. 156], в большинстве своем данная категория предметов изготавливалась из пястных и плюсневых костей лошади, реже – из аналогичных костей быков. В головке кости жар-

ковского конька имеется просверленное отверстие диаметром 0,7 мм. Аналогичное отверстие, судя по аналогиям, имелось, вероятно, и на противоположном крае конька. Помимо сверления, в процессе изготовления изделия использованы такие приемы, как резание и строгание, осуществлявшиеся с помощью ножа. С использованием этих приемов были подготовлены нижняя (рабочая) и верхняя площадки (дорсальная и плантарная стенки плюсны). В целом каких-либо характерных технологических особенностей для рассматриваемого конька отметить нельзя. Однако, безусловно, имея в распоряжении лишь фрагмент предмета, мы можем говорить о его морфологических, технологических и функциональных особенностях с определенной долей условности.

Рис. 1. Фотографии фрагмента костяного конька с поселения Жарково-3 (справа показан участок рабочей поверхности конька при восьмикратном увеличении)

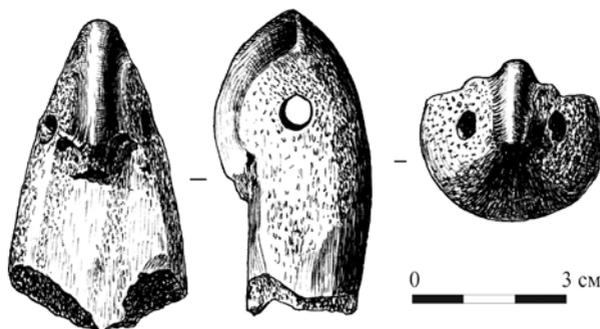

Рис. 2. Рисунок фрагмента костяного конька с поселения Жарково-3

Серия аналогичных в технологическом плане изделий происходит из материалов Садчиковского поселения [Кривцова-Гракова, 1951, рис. 15], что позволило В.Б. Панковскому [2006, с. 76] выделить

их в особый «садчиковский» тип. Характерной особенностью данного типа коньков являются удаленные латеральные и медиальные сегменты дистальных эпифизов, в связи с чем передний конец конька имеет клиновидную форму. Подобным образом выполнен и предмет, обнаруженный Г.Е. Ивановым [2005, рис. 6], однако у него дополнительно вырезана противоспинковая стенка кости. Кроме того, близкие жарковскому коньку изделия найдены в Центральном Казахстане при раскопках поселения Кент [Усачук, Варфоломеев, 2013].

Относительно функционального назначения данной категории находок в кругу исследователей отсутствует единое мнение. До середины прошлого века коньки интерпретировались исключительно как приспособления для передвижения человека по льду [Кривцова-Гракова, 1951]. В 1950-е гг. С.А. Семенов применил для изучения коньков из Саркела экспериментально-трасологический метод. Им было отмечено, что рабочая поверхность предметов имеет линейные следы, направленные только параллельно длинной оси изделия, чего не может быть в случае катания по льду, так как при движении конькобежца конек неизбежно уходил бы также и в сторону [Семенов, 1957, с. 225; 1959]. Кроме того, исследователь отметил наличие на рабочей поверхности коньков заполировки от контакта с мягким материалом и обратил внимание на отсутствие отверстий для крепления к ноге. В дальнейшем, вслед за С.А. Семеновым, ряд исследователей относили коньки к орудиям кожевенного производства, использовавшимся для отделки кож или тканей [Ляшко, 1994; Килейников, 2009]. На сегодняшний день обозначился пересмотр взглядов, начала преобладать точка зрения, согласно которой основную массу обнаруженных на памятниках археологии коньков следует все же рассматривать как приспособления для передвижения по льду [Панковский, 2006; Усачук, Варфоломеев, 2013]. Эти выводы основываются как на изучении характера рабочей поверхности коньков, так и данных проведенных экспериментов, демонстрирующих схожий характер износа экспериментальных и археологических коньков [Kuchelmann, Zidagov, 2005]. Под сомнение ставится и возникновение заполировки именно в процессе работы, а не обработки конька. Некоторые исследователи отмечают и возможность катания по льду на коньках без отверстий, используя для их удержания исключительно массу тела и эпифизы в качестве упора [Иванова И.В., Иванова Н.Ю., 2012, с. 140].

Возвращаясь к изделию с поселения Жарково-3, следует отметить, что на основании трасологического изучения сохранившейся рабочей части мы пришли к выводу о том, что она имеет следы деформации, возникшие не только от обработки, но и в результате использования (см. рис. 1). Помимо достаточно ярких следов заполировки, рабочая поверхность имеет линейные следы двух видов. К первому относятся многочисленные длинные, но не вполне выразительные царапины, направленные вдоль длинной оси предмета. Второй вид следов представлен

короткими дугообразными царапинами, располагающимися преимущественно ближе к переднему краю. Если первый вид, очевидно, маркирует направление движения конька, то происхождение второго вида линейных следов на данный момент не вполне понятно. Так, даже в случае если конек в процессе предположительного движения по льду попадал бы на содержащиеся в нем инородные включения (песок, гравий, гальку) или неровности, то возникали бы не маленькие дугообразные царапины, а выбоины и вдавленности [Семенов, 1957, с. 225]. Не ясно, как они могли бы появиться и в процессе предположительного использования в кожевенном деле.

Невыразительный характер линейных следов, наблюдаемый на рабочей части конька, вряд ли может свидетельствовать об использовании его для катания по льду. Соглашаясь с тем, что степень износа, безусловно, зависит от продолжительности и интенсивности использования [Kuchelmann, Zidarov, 2005, p. 441], стоит, однако, заметить, что даже непродолжительный контакт со льдом приведет к значительному абразивному воздействию. На представленных исследователями экспериментальных коньках, использовавшихся для катания по льду, линейные следы заметны даже невооруженным глазом. В связи с этим, исходя из характера имеющихся на сохранившейся поверхности конька следов, скорее можно прийти к выводу о контакте с мягкими материалами. Такая интерпретация согласуется с результатами проведенного ранее анализа основной коллекции костяных предметов поселения Жарково-3, которые показали преобладание костяных орудий, преимущественно использовавшихся в кожевенном деле [Федорук, Вальков, 2015].

Библиографический список

Иванов Г.Е. Разведочные работы 1972 г. в степном Алтае // Барнаул на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы. Барнаул, 2005. С. 52–55.

Иванова И.В., Иванова Н.Ю. Коллекция костяных изделий Ладоги (по материалам из раскопа близ Варяжской улицы в пос. Старая Ладога) // Археологические вести. 2012. №18. С. 124–144.

Килейников В.В. Обработка шкур и выделка кожи у населения эпохи бронзы в лесостепном Подонье // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 2009. С. 96–113.

Ляшко С.Н. Косторезное производство в эпоху бронзы // Ремесло эпохи энеолита – бронзы на Украине. Киев, 1994. С. 152–166.

Панковский В.Б. Коньки периода поздней бронзы как показатель культурогенеза // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. СПб., 2006. С. 74–79.

Семенов С.А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М. ; Л., 1957. 237 с.

Семенов С.А. О назначении «коньков» и костей с нарезками из Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. М. ; Л., 1959. С. 353–361. (МИА, №75).

Усачук А.Н., Варфоломеев В.В. Костяные и роговые изделия поселения Кент (предварительный результат трасологического и функционально-типологического анализа) // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы, 2013. С. 218–227.

Федорук А.С. Отчет о раскопках грунтового могильника Фирсово-ХIV и поселения Жарково-3 в Алтайском крае летом 2010 года // Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. №261. 2011.

Федорук А.С., Вальков И.А. Орудия кожевенного производства поселения Жарково-3 // Известия Алтайского государственного университета. 2015. №4/2 (88). С. 229–234.

Kuchelmann H.C., Zidarov P. Let's skate together! Skating on bones in past and today // From Hooves to Horns, from Mollusc to Mammoth. Manufacture and Use of Bone Artefacts from Prehistoric Times to the Present. Tallin, 2005. P. 425–445.

Н.Н. Головченко

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ с. ПОВАЛИХИ (Алтайский край)

В настоящее время одной из серьезнейших угроз для археологических памятников является так называемый «любительский металлопоиск» (поиск и извлечение из земли предметов прошлых эпох с использованием металлодетектора). В последние годы он стал для многих россиян крайне популярным хобби, способом дополнительного, а иногда и основного заработка. Предметами поиска являются прежде всего монеты различных эпох, средневековые ювелирные украшения, свинцовые печати и пломбы, детали средневекового оружия и различные антикварные предметы. Полученные в результате грабительских раскопок предметы сбываются через антикварный рынок или интернет-аукционы и оседают в частных коллекциях.

Валообразный рост количества «любителей металлопоиска» в последние годы приводит к плачевным для объектов археологического наследия результатам. Не явились исключением в этом отношении и отдельные местонахождения на территории Алтайского края.

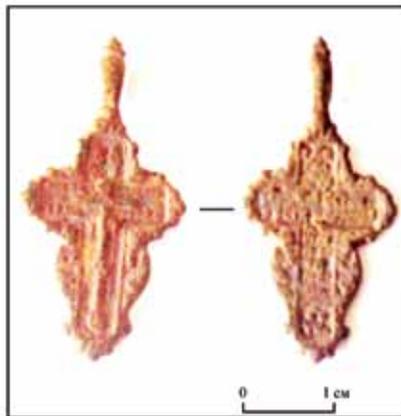
Осенью 2016 г. Верхнеобский археологический отряд Алтайского государственного педагогического университета осуществил мониторинг береговой линии устьевой зоны р. Повалихи. Данные исследования явились продолжением работ 2011 г. по мониторингу памятников историко-культурного наследия Первомайского района, в результате которого собрана небольшая коллекция керамики и нательные кресты.

24 апреля 2011 г. автор совместно с С.М. Ситниковым осуществляли планомерный осмотр южной окраины с. Повалихи с целью определения масштабов урона, наносимого любителями металлопоиска зе-

мельному покрову района, перспективного для обнаружения объектов историко-культурного наследия. Основанием для проведения работ стали сообщения местных жителей об интенсивных несанкционированных раскопках грабителей на территории населенного пункта и его округи. Данный населенный пункт привлекает к себе внимание копателей не только географической близостью к Барнаулу, но и бытующими местными сплетнями о потерянной заимке купца Федулова, зарытых в годы Гражданской войны церковных драгоценностях и т.п.

Во время работ на первой надпойменной террасе, в 700–800 м от юго-западной окраины села (среди местных жителей эти места именуются «Артюгино»), обнаружены следы поисковой деятельности (ямы, закапушки). С востока и юго-востока локация ограничена рекой, с севера к ней примыкает небольшой сосновый лесок.

В результате визуального осмотра участники разведки заключили, что ямы оставлены «неквалифицированными копателями», так как диаметр и глубина закапушек заметно превышали размеры стандартных штыковых лопат. В выбросах грабительских ям обнаружены фрагменты костей, керамики эпохи раннего железа и нательный крестик (рис.).

Нательный крестик из сборов в окрестностях с. Повалихи

Крестик листовидный, металлический, размерами около $3,8 \times 2 \times 0,2$ см, в том числе ушко для подвешивания – около $1 \times 0,6 \times 0,25$ см. На лицевой стороне креста рядом с распятием, вписанным в форму четырехугольного креста, сохранились следы покрытия синей глазурью. На оборотной стороне изделия в форму четырехугольного креста вписана надпись, ныне не читаемая из-за коррозии поверхности. Силуэт креста украшен симметричными, парно расположенными напротив друг друга, валютобразными украшениями. Подобные крестики датируются XVIII–XIX вв.

Осенью 2016 г. автором предпринят повторный осмотр обозначенной территории. В результате можно отметить некоторое уменьшение грабительских ям. В выбросах трех закапушек, расположенных в южной части террасы, найдены три маленьких неорнаментированных фрагмента керамики и остатки еще одного нательного крестика крайне плохой сохранности.

Для обеспечения охраны обозначенного местонахождения проведены беседы с главой сельской администрации, участковым и фермером, арендующим данные площади для выпаса скота. Вместе с тем первоочередной задачей дальнейшего изучения объекта становится определение его типа.

В.В. Горбунов, Д.В. Папин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

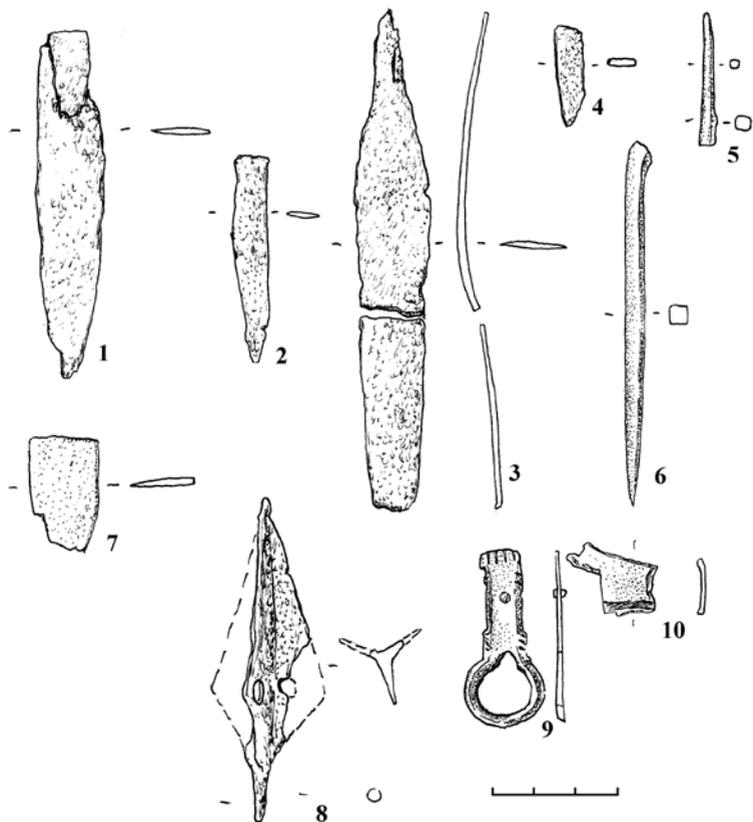
МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ МГК-1 – НОВЫЙ ПАМЯТНИК ФОМИНСКОГО ЭТАПА КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Малый Гоньбинский Кордон-1 (МГК-1) – крупный останец коренного правого берега р. Оби, расположенный напротив с. Гоньба, пригорода Барнаула. Размеры останца – около 1 км по линии Ю–С и 0,5–0,6 км по линии З–В. Первые находки были сделаны в 1977 г. А.Л. Кунгуровым и В.Б. Бородаевым, в этом же году провел обследование Ю.Ф. Кирюшин, раскопавший три погребения VI в. до н.э. В 1982 г. работы продолжили М.Т. Абдулганеев и А.Л. Кунгуров. В 1988 г. аварийные работы велись на поселении I (III–II вв. до н.э.), под руководством А.Л. Кунгурова. В 1997 г. исследование комплекса возобновилось А.Л. Кунгуровым и Д.В. Папиным. Останец имеет подтреугольную форму, ориентированную острым углом на юг. Высота южной оконечности достигает 10 м, к северу она снижается до уровня поймы, поперек останца вытянуты гривы (З–В), разделенные лощинами. Памятники приурочены прежде всего к оконечностям грив, выходящих к краю останца в виде высоких мысов, так как глубина лощин в этом месте увеличивается. Всего в этом месте известно восемь археологических объектов: 1. Поселение-1 – III–II вв. до н.э.; 2. Могильник-1 – VI в. до н.э.; 3. Могильник-2 под поселением 1 (могилы одиночковой, староалейской и большереченской культур); 5. Поселение-2 – V–III вв. до н.э.; 6. Могильник-4 – VI–V вв. до н.э.; 7. Поселение-3 – VIII в. до н.э.; 8. Могильник-5 – X–II вв. до н.э. (разновременный) [Кунгуров, Папин, 2001].

В 2012 г. одному из авторов статьи поступили сборы, поднятые с пашни на территории останца. Со слов находчика, они локализируются в районе западной оконечности гривы, занятой разновременным могильником МГК-1/5. Находки бронзовых и железных предметов были распределены на компактной площади 10 × 10 м на краю террасы.

По морфологическим признакам данные материалы можно отнести к двум хронологическим периодам: поздней бронзе и начальному этапу эпохи «великого переселения народов» (рис.). Первая группа представлена обломком лезвия бронзового ножа (рис.-7) и двумя бронзовыми проколками (рис.-5-6). Находки хорошо коррелируются с материалами позднерменского комплекса периода поздней бронзы могильника МГК-1/5 и поселения МГК-1/3 [Кунгуров, Папин, 2001; Папин, 2001]. Их происхождение, видимо, связано с распашкой культурного слоя этих памятников и последующим перемещением артефактов вниз по склону.

Материалы памятника местонахождение МГК-1

Из металлических предметов второй группы (рис. -1-4, 8-10) уверенно можно атрибутировать три изделия: железный наконечник стрелы, железный кинжал, бронзовую поясную накладку.

Наконечник стрелы имеет черешковый насад и трехлопастное перо (рис.-8). Степень коррозии незначительная. Общая длина изделия – 7,8 см, длина пера – 6,4 см, его наибольшая ширина – 2,2 см. Две лопасти пера обломаны, у третьей лишь небольшие повреждения. Судя по ней, абрис пера вытянуто-ромбический, с небольшим поджатием нижних коротких сторон. Напротив преломления сторон в лопастях пробиты круглые отверстия диаметром 3,5 мм. Переход пера в черешок не снабжен упором. Сам черешок обломан, в сечении округлый, диаметром 3 мм.

Наконечники стрел, аналогичные публикуемому экземпляру по большинству признаков, встречены на территории лесостепного Алтая в памятниках 2-й половины IV – 1-й половины VIII в. н.э. [Горбунов, 2006, с. 30, рис. 25.-5, 27, 37]. Однако очень близкие изделия, даже по таким второстепенным деталям, как поджатие нижних сторон лопастей и расположение прорезей в них, найдены в могильниках Кузнецкой котловины, датируемых III–IV вв. н.э. [Ширин, 2003, с. 62, табл. ХСVI.-16–17, 27, LIII.-15–16]. Данный факт позволяет отодвинуть нижнюю границу до III в. н.э. и для наконечника из МГК.

Кинжал представляет собой деформированное изделие, сломанное на две части по клинку (рис.-3). Окончание клинка также обломано и не сохранилось. Степень коррозии небольшая. Общая длина предмета – 11,8 см. Черен кинжала прямой, длиной 2,5 см, средней шириной 7 мм, наибольшей толщиной 3 мм. Его переход в клинок оформлен покатыми плечиками. Клинок двухлезвийный, в сечении линзовидный. Его наибольшая ширина – 1,8 см, толщина – 2 мм.

Подобные кинжалы бытовали очень длительный промежуток времени – со II в. до н.э. по XII в. н.э. [Горбунов, 2006, с. 80–81]. Однако если опираться на пропорции публикуемого изделия и оформление его плечиков, то наиболее близкие аналогии ему обнаруживаются в памятниках булан-кобинской культуры II в. до н.э. – 1-й половины IV в. н.э. [Горбунов, 2007, рис. 1–2].

Поясная накладка по своей конструкции напоминает пряжку с неподвижным щитком (рис.-9), однако язычок у нее не предусмотрен. Такие изделия располагались на поясе вертикально, рамкой вниз. Через отверстие рамки мог крепиться портупейный ремешок или какая-нибудь подвеска. Общая длина предмета – 4,3 см. Почти вся его поверхность покрыта благородной пагиной. Рамка накладки овального абриса, со слегка намеченным носиком, в сечении трапециевидная. Ее отверстие также овального абриса, но с выемкой у щитка. Длина рамки – 1,6 см, ширина – 1,9 см, наибольшая толщина – 2 мм. Щиток накладки прямоугольного абриса, с прямыми скобообразными выемками на длинных

сторонах, в сечении трапециевидный. Длина щитка – 2,7 см, ширина – 0,9–1 см, толщина – 1 мм. Посередине щитка пробито отверстие, в котором сохранился штифт для крепления на кожаную основу ремня. С лицевой стороны он расплющен в шляпку, с тыльной стороны его стержень обломан. Лицевая поверхность щитка декорирована узкими треугольными насечками. Четыре из них нанесены на торец изделия, две пары – на боковых сторонах у торца и две пары – на боковых сторонах у рамки, напротив друг друга.

Ближайшие соответствия публикуемой накладке происходят из могильников Ближние Елбаны-VII и Усть-Абинский, которые датируются III–IV вв. н.э. [Ширин, 2003, с. 74, табл. VII.-5, LX.-8–10, 21]. И хотя накладки из этих памятников отличаются формами щитка и отверстия рамки, технологически и функционально они очень близки. В этих же могильниках присутствует серия предметов, состоящая из пряжки и подвесок, украшенных аналогичными насечками [Ширин, 2003, табл. XXXVIII.-4, LXXVIII.-125–127, LXXIX.-139]. Это позволяет отнести накладку из МГК к позднекулайскому кругу изделий. Устойчивая традиция украшения насечками поясных пряжек, накладок и наконечников характерна для древностей Приуралья I–VI вв. н.э. [Голдина, Водолого, 1990, табл. LXV.-41, LXVI.-20–21, 23, 42; Голдина, 2003, табл. 2.-1–15, 17–19]. Там же встречается большое количество вертикальных накладок. Однако они либо не имеют рамки, либо их щиток согнут пополам, а на сгибе находится подвижная рамка-кольцо [Голдина, 2003, табл. 33.-1–3, 48.-10]. Тем не менее схожесть орнаментации поясной гарнитуры лишней раз подтверждает активные связи позднекулайского населения с уральским регионом. Следует отметить, что традиция украшения насечками бронзовой гарнитуры поясов, особенно пряжек, характерна и для таштыкской культуры, но там насечки более широкие [Кызласов, 1960, рис. 7.-4–8, 8.-4, 8].

Вероятно, все три рассмотренные находки относятся к одному разрушенному погребальному комплексу, который можно включить в круг памятников фоминского этапа кулайской культуры (III – I-я половина IV в. н.э.) [Горбунов, 2015, с. 120–121]. Возможно, к данному комплексу принадлежат и несколько обломков от клинков железных ножей, а также кусочек бронзового изделия (пряжка?), слишком фрагментарные, чтобы определить их датировку и культурную принадлежность. На останце МГК-1 (могильник-4) и раньше встречались фоминские материалы [Кунгуров, 1993, рис. 1.-42–43, 2.-5–8]. Кроме этого, на территории микрорайона МГК известны и кулайские поселения [Кирюшин, Казаков, 1996, с. 72].

Библиографический список

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск, 2003. 721 с. : ил.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990. 176 с. : ил.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.

Горбунов В.В. Основные этапы развития военного дела у кочевников Горного Алтая во II в. до н.э. – V в. н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология : доклады к VI Междун. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007. С. 157–163.

Горбунов В.В. Памятники кулайской культуры на юге Западной Сибири: вопросы датировки и периодизации // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул ; Омск, 2015. С. 119–122.

Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Комплекс археологических памятников Малый Гоньбинский Кордон-2 (по материалам разведки 1991 г.) // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул, 1996. С. 68–72.

Кунгуров А.Л. Два погребения с могильника 1 МГК-1 // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. II. Барнаул, 1993. С. 183–189.

Кунгуров А.Л., Папин Д.В. Могильник 5 археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 // Проблемы изучения древней и средневековой истории : сб. науч. трудов. Барнаул, 2001. С. 56–68.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960. 197 с. : ил.

Папин Д.В. Исследования в Алтайском Приобье и Кулунде // Археологические открытия. 1999. М., 2001. С. 274.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003. 288 с. : ил.

С.П. Грушин¹, К.Ю. Кирюшин^{1,2}, В.Л. Кобзев¹

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

ПОСЕЛЕНИЕ ШИБАЕВО – НОВЫЙ ПАМЯТНИК ПЕРИОДА РАННЕЙ БРОНЗЫ НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ ВЕРХНЕЙ ОБИ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Озеро Шибаетово находится на правом берегу Оби в Усть-Пристанском районе Алтайского края. Обское правобережье в данном месте представляет собой широкую (до 8 км) заболоченную пойму со множеством стариц и старичных озер, которые перемежаются с гривами и буграми – останцами коренного берега. Высота таких останцов достигает 4 м от пойменного уровня. Озеро Шибаетово является самым большим в системе старицы Курья, протянувшейся в пойме Оби более чем на 30 км. В озеро впадает р. Камышинка. Окружающая растительность лу-

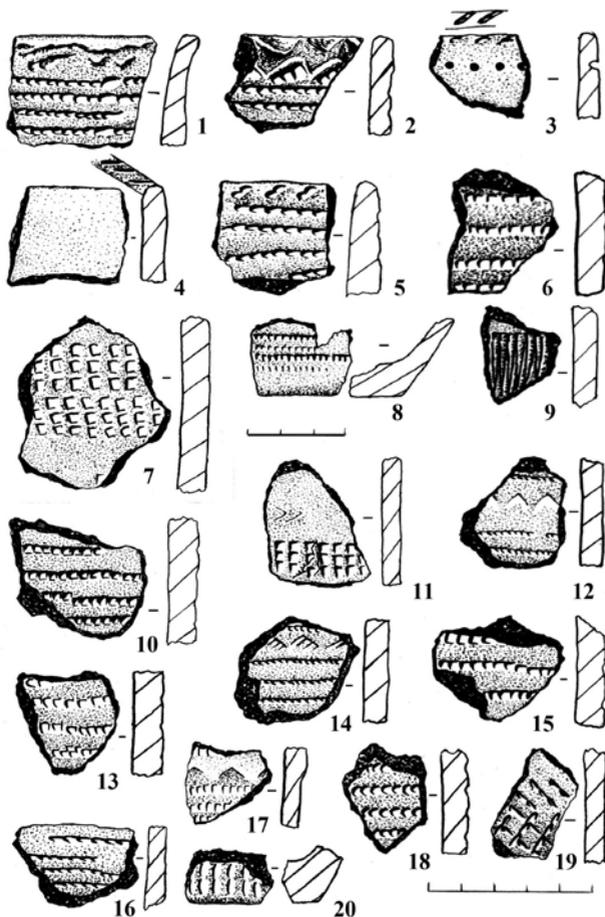
говая, с зарослями кустарниковых ив, осин и берез. В 0,5 км к востоку от озера находится коренной берег Оби, покрытый сосновым лесом. На южном берегу озера располагается с. Камышенка.

История изучения памятников археологии в окрестностях оз. Шибаетово берет свое начало в 1924 г., когда в окрестностях с. Камышенки на южном берегу озера была собрана коллекция бронзовых вещей, которая в настоящее время хранится в Алтайском краевом краеведческом музее [Фролов, 1999, с. 11]. С этого времени и до начала 70-х гг. XX в. в районе оз. Шибаетово и с. Камышенки работали М.Д. Копытов, С.М. Сергеев, М.П. Грязнов и Н.Л. Членова. Эти исследователи, представляющие различные научные центры нашей страны, выявили и исследовали поселения и городища, грунтовые и курганные могильники различных исторических эпох от неолита до средневековья [Фролов, 1999, с. 11–14]. Масштабные раскопки и обследования на территории этого археологического микрорайона не проводятся, за исключением небольших разведок и мониторинга состояния уже выявленных объектов археологического наследия [Фролов, 1999, с. 11–15]. Можно констатировать, что правобережье Оби в Усть-Пристанском районе по степени концентрации и репрезентативности объектов археологического наследия является одной из наиболее перспективных территорий исследования в Алтайском крае.

Поселение Шибаетово находится в Усть-Пристанском районе Алтайского края, на правом берегу р. Оби, на восточном берегу оз. Шибаетово, в 1,1 км к северу от места впадения в озеро р. Камышенки. Хорошим ориентиром являются охотничьи домики на северном берегу озера, к западу от которых находится поселение Шибаетово.

Памятник открыт В.Л. Кобзевым, который в разрушениях поверхностного слоя между озером Шибаетово и охотничьими домиками собрал небольшую коллекцию из 20 фрагментов керамики, из них 4 венчика, 2 фрагмента придонных частей, 14 экз. стенок (рис.). Судя по фрагментам придонных частей, вся посуда была плоскодонная, по венчикам – принадлежала сосудам баночной формы с прямым или слегка отогнутым венчиком. Верхняя плоскость, или внешняя грань, венчика орнаментирована вдавлениями лопаточки или оттисками гребенчатого штампа. Зона под венчиком украшена волнистым валиком, поясом ямочных наколов.

Стенки сосудов украшены в основном горизонтальными лентами орнамента, выполненного в технике «шагающей гребенки», – 8 экз. (рис.-8, 9, 11), рядами прокатывания зубчатого орнамента – 2 экз. (рис.-6, 11, 14), оттисками гребенчатого штампа – 8 экз. (рис.-7), в том числе в виде сеточки (рис.-19). На трех фрагментах читается пояс из треугольных отпечатков угла лопаточки и гребенки (рис.-12, 14, 17). В коллекции присутствует один фрагмент спеченного песка – шлака от гончарного производства.

Керамические фрагменты с поселения Шибаетово

Анализируя коллекцию керамики, можно прийти к выводу о ее единокультурности и одновременности, что позволяет считать памятник оз. Шибаетово однослойным. Техника орнаментации керамики в целом укладывается в традиции раннего бронзового века. Многочисленные аналогии находят в посуде елунинской культуры этого периода [Киришин, 2002; Грушин, 2003; 2014]. Об этом свидетельствует техника орнаментации «шагающей гребенкой», волнистый валик, наколы по срезу венчика. Отличительной особенностью керамического комплекса с оз. Шибаетово являются ямочные наколы, отпечатки гребенчатого штампа, прокатанного зубчатого орнамента.

Верхняя Обь в период ранней бронзы была контактной зоной между степными левобережными елунинскими племенами скотоводов, с одной стороны, и охотниками и рыбаками лесной зоны правобережья – носителями уткульских культурных традиций – с другой [Грушин, 2014]. Вероятно, этим обстоятельством и объясняется синкретичный характер керамических орнаментальных традиций, выявленных на керамике поселения Шибаетово.

В заключение отметим, что необходимо проведение обследования поселения Шибаетово с целью установления его границ на местности, изучения планиграфии и стратиграфии. Будущие исследования помогут уточнить научный потенциал памятника.

Библиографический список

Грушин С.П. Керамический комплекс поселения Березовая Лука как исторический источник по изучению орнаментальных традиций елунинской культуры // Источники по истории Западной Сибири. Ч. 1. Сургут, 2003. С. 54–60.

Грушин С.П. Уткульская группа памятников в Верхнем Приобье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. IV. С. 416–420.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 294 с.

Фролов Я.В. Древние памятники Усть-Пристанского района // Нижнее Причарышье: Очерки истории и культуры. Барнаул ; Усть-Пристань, 1999. С. 6–29.

С.П. Грушин, А.Л. Кунгуров, Д.С. Леонтьева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

НОВЫЕ НАХОДКИ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ НА НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

В 2016 г. в Чарышском и Целинном районе Алтайского края сотрудниками АлтГУ был обследован ряд памятников, на двух из которых обнаружены материалы неолитического времени. В Целинном районе для мониторинга известных памятников произведен осмотр окрестностей Озера Гориное. Водоем расположен на северо-западной окраине с. Степь-Чумыш. Озеро является старицей р. Чумыша, который в настоящее время протекает восточнее его с юго-запада на северо-восток. Зеркало озера расположено на семь метров выше уреза Чумыша, чуть ниже уровня его высокой поймы. Оно охватывает участок высокой

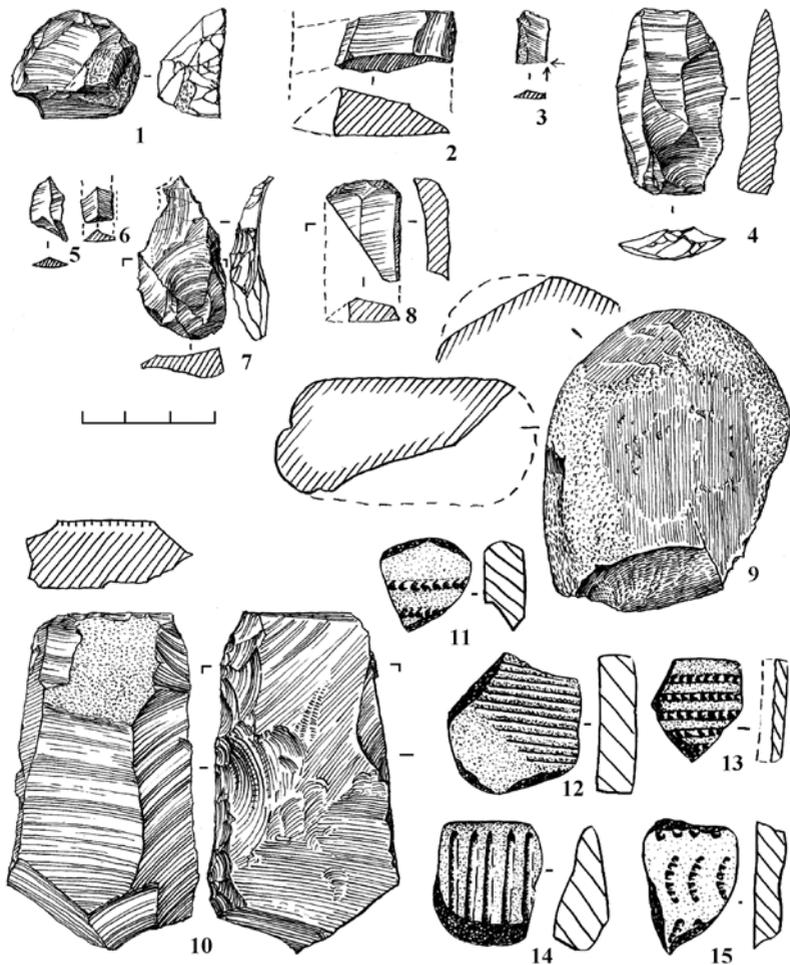
поймы левобережья Чумыша, от устьевой зоны лога Коврижка на севере (южный борт) до северного борта лога Коммунарского. Гориное вытянуто с север – северо-запада на юг – юго-восток, общая длина с учетом загиба к западу в лог Коврижка 870 м. Посередине водоем разделен насыпной каменно-земляной дамбой, имевшей при сооружении две цели: прекратить доступ в южную часть стоков из фермы, расположенной на северной оконечности, и соединить подножье борта долины с пойменной зоной дорогой на поля, ферму и каменный карьер. Участок левого борта долины представляет собой высокую цокольную террасу (уровень около 40–45 м над урезом Чумыша), понижающуюся к северному и южному логам. В обоих понижениях имеются небольшие водотоки и известны памятники – поселения Коврижка-1 и 2, Коммунарский Лог [Кунгуров, 2005].

В 1990 г. от Гориного до Чумыша был прокопан канал для спуска в реку избытка паводковых вод, которые весной подтопляли село. В отвалах канала местные жители собрали и передали в сельский музей с. Победа коллекцию древней керамики. Место обследовал А.Л. Кунгуров и сделал заключение о расположении на восточном берегу озера поселения андроновской культуры [Лузин, 1992; Кирушин, Кунгуров, 1996; Кунгуров, 1999].

В 2016 г. при осмотре левого берега озера в имеющемся там разрушении антропогенного характера, образовавшемся при подновлении дороги, найден крупный скол алеволита (рис.-10). Местонахождение получило название Оз. Гориное-2. Разноориентированные фасетки сколов на дорсальной стороне изделия свидетельствуют о его использовании в качестве нуклеуса с бессистемным снятием пластинчатых сколов. На дорсале также сохранился участок корки химического выветривания. С вентральной стороны один из продольных краев, приостренный фасеткой скола на дорсале, обработан серией разнофасеточных широких модифицирующих глубоких сколов и крутой краевой разноразмерной приостряющей ретушью. Таким образом древний мастер камнеобработки изготовил обушковый нож. Массивность орудия компенсировала хрупкость использованного материала. Подобные изделия характерны для неолитической корначакской культуры Причумышья [Кунгуров, 1997; 1998]. Видимо, артефакт оказался на берегу Гориного у подножья высокой цокольной террасы в процессе смыва рыхлых отложений с ее поверхности.

Другим объектом археологического обследования стал памятник Озерки Чарышского района Алтайского края. Он расположен в 2 км к югу от с. Озерки у впадающей в р. Сосновку маленькой речки Трактовой на террасе разрушенной трактом Алейск – Чарышское. Впервые памятник был зафиксирован в 1999 г. П.И. Шульгой и С.А. Суворовым [Шульга, 2000]. В 2015 г. авторами статьи проведен осмотр памятника и осуществлен сбор подъемного материала [Грушин, Кунгуров, Леон-

твева, 2016]. В июле 2016 г. работы на территории памятника были продолжены. С целью выяснения характера залегания культурных отложений в северной части памятника вскрыт небольшой участок размером 2×4 м, площадью 8 кв. м, ориентированный по сторонам света. Раскопки культурного слоя памятника производились вручную, пластами по 25 см. Наибольшая концентрация находок находилась во 2-м и 3-м пластах. В ходе шурфовки и сборов подъемного материала обнаружено 19 каменных артефактов и 11 фрагментов керамики.

Каменная индустрия и керамика
с памятников Оз. Гориное-2 (10) и Озерки (1-9, 11-15)

Каменные артефакты имели следующие характеристики.

Отщепы (3 экз.), вторичные, мелкие, изготовленные из черного с серыми прожилками кварцита или оранжевой яшмы.

Отщепы (3 экз.) вторичные средних размеров с утилитарной прерывистой двусторонней ретушью по продольным краям, в качестве сырья использовали окремненный светло серый песчаник. 2 экз. представлены отщепами в виде чешуек черного с серыми прожилками кварцита.

Скол обушковый продольный пластинчатых очертаний, полученный при утилизации призматического нуклеуса (рис.-7). На дистальном участке изделия ретушью оформлен выразительный боковой зубец проколки. При использовании жальца нажим для прокалывания субстрата осуществлялся пальцем на кромку правого края, притупленного поперечной разнофасеточной обивкой, ориентированной с дорсала на вентрал.

Пластина (рис.-5), мелкая, фрагментированная, выполненная из черного с серыми прожилками кварцита, представляет собой дистальный фрагмент, оставленный без обработки.

Пластина (рис.-6), мелкая, фрагментированная, в сечении, имеющая притупленный с вентрала левый край. Сырье черный с серыми прожилками кварцит.

Обломок концевое скребка с высокой формой рабочего края, оформленного на массивной призматической пластине крупный размеров (рис.-8). Артефакт расколот продольно-диагонально по внутренней скрытой трещине заготовки. Кроме обработки скребкового рабочего края на дистальном поперечном обломе пластины, зафиксирована утилитарная изношенность правого края с вентральной стороны. Левый край орудия утрачен.

Орудие из небольшого валуна окремненного среднезернистого песчаника удлинненно-овальной формы. При утилизации артефакт расколот. На сохранившемся участке фиксируются пикетажные выбоины, залоченность плоской поверхности и боковой кромки (вторая утрачена) и характерная шерстость углового участка, образовавшаяся от растирания твердого минерального сырья, скорее всего дресвы или шамота (рис.-9). Таким образом, обломок ранее представлял собой многофункциональный инструмент для подготовки керамических отошительных смесей.

Обломок *монупорта* – наковальни предназначенного для дробления твердого минерального сырья. Представлял собой крупный уплощенный валун с выщерблинами от ударов на ровном участке.

Нуклеидный обломок (1 экз.) средних размеров из бурой яшмы.

Скребок (1 экз.) полуовальный высокой формы, изготовленный из массивного скола обновления площадки нуклеуса призматической формы. Рабочий край оформлен мелкими удлиненными сколами, образующими участки регулярной модификации заготовки, и мелкой крутой притупляющей ретушью (рис.-1). В качестве сырья использовалась бурая темная яшма.

Обломок изделия (1 экз.) с обработанный мелкой разнофасеточной притупляющей ретушью (рис.-2). Может быть фрагментом сечения крупного пластинчатого снятия или обломком скребка с прямым краем. Сырье аналогичное предыдущему артефакту. Дистальный фрагмент мелкой *пластины* (1 экз.) из черного криптокристаллического кварцита. Правый край изделия обработан мелкой разнофасеточной ретушью, на проксимальном углу левого оформлен угловой резец (рис.-3).

Пластинчатый скол (1 экз.) средних размеров с двусторонней прерывистой разнофасеточной утилитарной ретушью по обоим продольным краям. Имеет выразительный остаток фасетированной ударной площадки, расположенной под прямым углом к продольной оси орудия. Возможно, скол является фронтальным снятием обновления призматического нуклеуса (рис.-4).

При раскопках найдено 11 фрагментов керамики, из них 5 экз. с орнаментом, остальные – не орнаментированы. Основная часть фрагментов керамики залежала в 3-м и 4-м пластах. Керамика украшена в технике «отступающей палочки», «гладкого» и «зубчатого штампа» (рис.-11–15). Отметим фрагмент венчика сосуда с декором в виде вертикальных оттисков «гладкого штампа» (рис.-14).

Комплекс каменных артефактов аналогичен материалам, полученным в 2015 г., он имеет ярко выраженный призматический характер, и хронологически относится ко времени раннего неолита. Керамическая серия очень разнородна, определение культурной принадлежности затруднительно. Единственным определяемым фрагментом является венчик, орнамент которого аналогичен декору керамических сосудов афанасьевского поселения Подсинюшка [Грушин, Степанова, 2010]. Афанасьевская культура Алтая на сегодняшний день датируется в рамках XXXVIII–XXV вв. до н.э. [Грушин, 2009; Поляков, 2010].

Выявленные на территории памятников артефакты представляют интерес и значительный научный потенциал. Рассмотренные материалы дополняют имеющуюся информацию о неолитических поселенческих комплексах Алтайского края. В связи с тем, что памятники Оз. Горинное-2 и Озерки являются аварийными, необходимо своевременное осуществление мониторинга этих территорий.

Библиографический список

Грушин С.П. Радиоуглеродная хронология афанасьевских памятников горного Алтая // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009. С. 110–112.

Грушин С.П., Кунгуров А.Л., Леонтьева Д.С. Новые материалы с памятника Озерки на р. Чарыш // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXII. Барнаул, 2016. С. 75–78.

Грушин С.П., Степанова Н.Ф. Особенности технологии изготовления керамики с афанасьевского поселения Подсинюшка // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 46–53.

Кирушин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Андроновские находки на верхнем Чумыше // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул, 1996. С. 22–27.

Кунгуров А.Л. Неолит Верхнего Причумышья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VIII. Барнаул, 1997. С. 89–92.

Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Усть-Васиха-2 на Чумыше // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 39–54.

Кунгуров А.Л. Андроновские поселения восточных районов Алтайского края // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999. С. 13–24.

Кунгуров А.Л. Археологические памятники и находки в Целинном районе // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Вып. 1. Барнаул, 2005. С. 5–41.

Лузин С.Ю. Андроновское поселение на оз. Горином // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 56–58.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 158–171.

Шульга П.И. Афанасьевские памятники в северо-западных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI. Барнаул, 2000. С. 108–114.

С.П. Грушин, Г.А. Миляев, И.А. Вальков

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ В ДОЛИНЕ р. МЕЛЬНИЧНОЙ ЗАЛЕСОВСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Территория Залесовского района Алтайского края в археологическом отношении изучена довольно слабо, так как там практически не велись планомерные полевые изыскания. На сегодняшний день в этом районе зафиксированы четыре памятника культурного наследия. Это курганный могильник Видоново-I, открытый А.П. Уманским в 1955 г., поселение Пещерка, обнаруженное М.Т. Абдулганеевым в 1996 г., разновременный могильник Чумыш-Пережат, выявленный С.П. Грушиным в 2012 г. [Грушин и др., 2016, с. 11, 12] и курганный могильник Долгое, открытый А.В. Фрибусом и С.П. Грушиным в 2014 г. Исходя из вышесказанного представляется перспективным проведение археологических разведок для заполнения лакун на археологической карте Залесовского района.

С 2014 г., совместной экспедицией Алтайского и Кемеровского государственных университетов регулярно исследуется разновременный могильник Чумыш-Пережат, расположенный в Залесовском районе Алтайского края [Фрибус и др., 2014, с. 107–109]. Данное обстоятельство позволило обратиться к проблеме поиска поселенческих комплексов,

которые могли быть связаны с некрополем. Для решения этой задачи в 2016 г. была организована археологическая разведка в районе исследуемого могильника Чумыш-Перекаат. Местом проведения работ был выбран участок правого берега р. Чумыша в месте впадения в нее р. Мельничной.

Обследование долины р. Мельничной осуществлялось на участке от с. Муравей до места ее впадения в р. Чумыш. В ходе работ были заложены шесть шурфов, два из которых дали археологический материал; выявленные объекты получили названия Мельничная-1 и Мельничная-2 (рис. 1). Также был собран подъемный материал с местонахождения Муравей, которое расположено недалеко от одноименного с. Муравей.

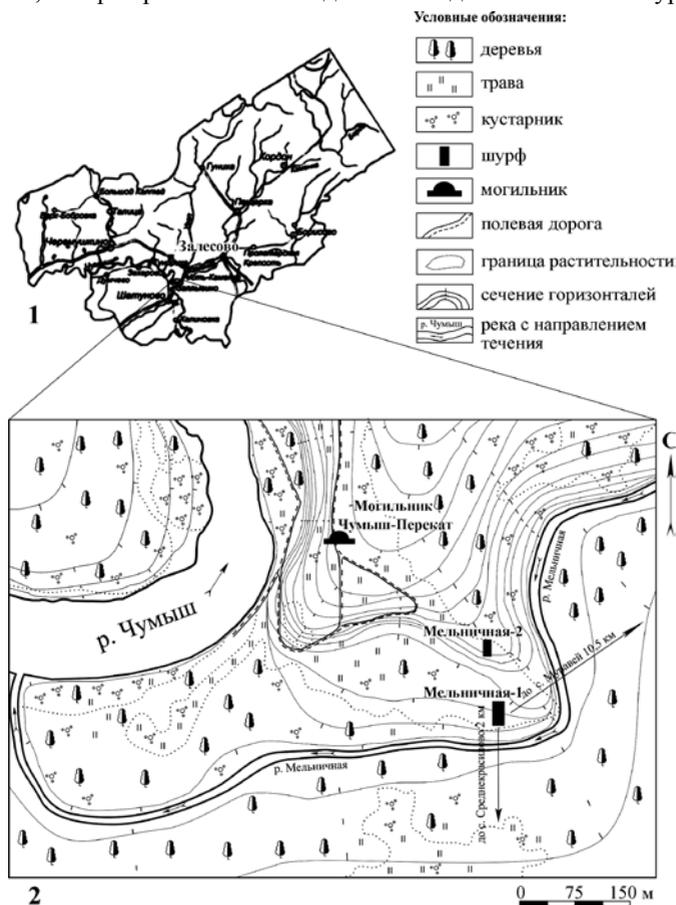

Рис. 1. План археологической разведки в устье р. Мельничной: 1 – карта Залесовского района Алтайского края; 2 – топографический план расположения памятников Мельничная-1 и Мельничная-2

Мельничная-1. Поселение обнаружено на правом берегу р. Мельничной правого притока р. Чумыша. Памятник располагается в 10,5 км к юго-западу от с. Муравей Залесовского района Алтайского края, в 0,5 км к востоку от устья р. Мельничной при впадении ее в р. Чумыш и в 0,3 км к юго-востоку от могильника Чумыш-Пережат (см. рис. 1). Участок обнаружения археологического материала представляет собой закрытую и удобную для проживания древнего населения ровную площадку, слабо наклоненную к югу, и лежит в основании мысовидной террасы, на которой расположен разновременный могильник Чумыш-Пережат (см. рис. 1).

Был заложен разведывательный шурф размерами 2 × 4 м. Визуально в стенках шурфа удалось зафиксировать пять слоев. Стратиграфическая колонка поселения Мельничная-1 выглядит следующим образом: в верхней части разреза фиксируется слой дерна мощностью 3–15 см, ниже залегает темный элювиальный суглинок мощностью 10–30 см, далее светло-серый аллювиальный суглинок мощностью 15–35 см, затем идет карбонатный светлый слой с включениями мощностью 6–18 см, и в самом низу фиксируется материк – слой светло-желтого суглинка.

После снятия дерна на шурфе на глубине 10–20 см зафиксированы фрагменты керамики. Наибольшая концентрация находок фиксировалась во втором слое, чуть меньше – в третьем и единичные находки сделаны в четвертом. Следовательно, культурный слой на данном памятнике представлен горизонтами темно-элювиального суглинка и светло-серого иллювиального суглинка, мощность которых составила 40–45 см, и зафиксирован на глубине 10–15 см от уровня современной поверхности.

Всего выявлены 42 находки, из которых 12 орнаментированных фрагментов стенок сосудов, 26 фрагментов керамики без орнамента, одна кость, три камня, среди них одно каменное изделие – призматическая пластина (рис. 2).

Керамика орнаментирована несколькими техниками: мелкозубчатый гребенчатый и гладкий штампы, прочерчивание. Штамп наносился в виде параллельных косых линий (рис. 2.-2, 4, 5, 7), в некоторых случаях образующих елочку и разделенных на зоны поясками из двух прочерченных параллельных линий (рис. 2.-1, 3). Судя по фрагментам, стенки сосудов слабо профилированы, встречаются как тонкостенные фрагменты толщиной 0,4–0,6 см (рис. 2.-1-3, 7, 9, 13), так и толстостенные – 0,7–0,9 см (рис. 2.-4, 5, 10, 12, 14). Каменный артефакт – призматическая пластина, выполненная из светло-кремового кварцитовидного песчаника. На режущих краях фиксируется микровыщербленность, связанная, по всей видимости, с утилитарным использованием данного орудия.

При решении вопроса о культурной принадлежности открытого памятника Мельничная-1 мы обратились к материалам археологических памятников юга Западной Сибири. Подобного типа керамика отдаленно находит аналогии в комплексах поселения Тыткескень-2 в Горном Алтае. Материалы из культурного слоя 4А и четвертого горизонта

поселения Тыткескень-2 демонстрируют схожесть в орнаментации керамики и в практике использования призматических пластин [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008, с. 99–101, 113, 114, рис. 56, 57, 61–63, 70–71, 78–79]. Следует отметить, что аналогии пластине можно найти на памятниках неолита на очень обширной территории Евразии, в том числе на материалах многих памятников неолита Алтая, например, в третьем горизонте поселения Новоильинка-VI [Кирюшин, 2016, с. 135, 136]. В таком случае условно можно отнести выявленные находки к позднему неолиту и датировать концом V – началом IV тыс. до н.э.

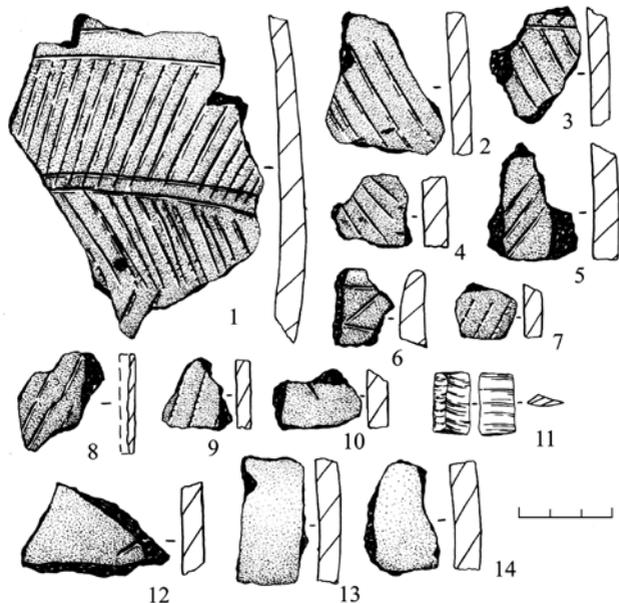

Рис. 2. Находки с поселений Мельничная-1 (1–5, 7–12) и Мельничная-2 (6, 13, 14): 1–10, 12–14 – керамика; 11 – камень

Для детальной атрибуции находок актуальным стало рассмотрение артефактов с памятников Верхнего Приобья и Барабы. В результате нами обнаружены аналогии керамики в материалах неолитических поселений Мергень-7 в районе Нижнего Приишимья и Инья-11 в Присалаирье [Зах, Еньшин, 2015, с. 34–43]. Отметим, что Инья-11 располагается севернее памятника Мельничная-1. Керамические коллекции с указанных памятников очень сходны с материалами разведки по типам и технике орнаментации, толщине стенок фрагментов и набору орнаментальных схем [Зах, Еньшин, 2015, рис. 3.-1–16]. Исследователи относят памятник Инья-11 к изылинскому этапу верхнеобской неолитической культуры, который датирован в интервале 6600–5400 л.н. [Зах, Еньшин, 2015, с. 41].

Таким образом, на нынешнем этапе исследования представленный археологический материал поселения Мельничная-1 мы склонны относить к неолиту, предварительно датировав V – началом IV тыс. до н.э. Для полноценной историко-культурной интерпретации необходимо дальнейшее исследование археологического материала памятника Мельничная-1, который, вполне вероятно, связан с ранним комплексом могильника Чумыш-Пережат, расположенного в 300 м к северо-западу. Комплекс могильника Чумыш-Пережат, представленный могилами №1, 2, 6–8 и др., отнесен исследователями к позднему неолиту – энеолиту и имеют схожий облик каменных орудий [Фрибус и др., 2014, с. 107–108]. Допустимо, что могильник Чумыш-Пережат и поселение Мельничная-1 оставлены одним населением. Однако этот вопрос требует дальнейшего исследования.

Мельничная-2. Объект находится в 10,5 км к юго-западу от с. Муравей, в 100 м к северу – северо-западу от поселения Мельничная-1, в 280 м к юго-востоку от могильника Чумыш-Пережат. Этот памятник располагается на мысовидном участке высокого правого берега р. Чумыша.

Размеры шурфа составили 1×2 м. Наибольшая глубина разведывательного шурфа от уровня современной поверхности до материка – 40 см. В результате раскопок зафиксированы три слоя: дерн мощностью 3–7 см, ниже залегал слой темного гумусированного суглинки мощностью 15–20 см, материк представлял собой желтую песчаную супесь.

Находки по большей части зафиксированы во втором слое. Обнаружены три фрагмента стенок сосудов без орнамента, один орнаментированный венчик и несколько камней. Венчик, отогнутый наружу, с округлой вершиной, толщиной 0,5–0,8 см (рис. 2.-б), в верхней части украшен двумя параллельными горизонтальными линиями, соединенными наклонной. Орнамент выполнен гладким штампом. Атрибутировать данный памятник пока не представляется возможным из-за небольшого количества находок.

Местонахождение Муравей располагается в 1,6 км к северо-западу – западу от центра с. Муравей, в 5,8 км к юго-западу от трассы Р367 и 8 км к югу от с. Залесово. Сбор археологического материала был произведен на распаханном поле, которое находится справа от полевой дороги, ведущей в деревню. В результате визуального осмотра обнаружены пять небольших фрагментов керамики без орнамента и две кости животного. Культурно-хронологическая атрибуция материалов с данного местонахождения пока затруднена.

Таким образом, проведенная археологическая разведка позволила выявить два новых памятника и одно местонахождение. Наиболее представительной коллекцией артефактов выглядит комплекс поселения Мельничная-1. Анализ материала позволяет предварительно отнести данный памятник к неолиту и условно датировать в пределах V – начала IV тыс. до н.э. Материалы поселения Мельничная-2 и местонахождения Муравей пока не поддаются культурной атрибуции. Дальнейшее всесто-

роннее археологическое исследование вновь выявленных памятников позволит расширить источниковую базу для определения их культурной и хронологической атрибуции.

Библиографический список

Грушин С.П., Фрибус А.В., Леонтьева Д.С., Вальков И.А., Сайберт В.О., Трусова Е.В. Исследования погребальных памятников в лесостепном Алтае // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири. Вып. 2. Барнаул, 2016. С. 11–13.

Зах В.А., Еньшин Д.Н. К вопросу о неолитизации в лесостепи Западной Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №2 (62), Т. 6. С. 34–43.

Кирюшин К.Ю. Третий горизонт поселения Новоильинка-VI (проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXII. Барнаул, 2016. С. 132–139.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул, 2008. 335 с. : ил.

Фрибус А.В., Грушин С.П., Вальков И.А., Леонтьева Д.С., Миляев Г.А., Сайберт В.О., Спиненко О.В., Трусова Е.В. Результаты работ на грунтовом могильнике Чумыш-Пережат // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири. Вып. 1. Барнаул, 2014. С. 107–109.

П.К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ИССЛЕДОВАНИЯ КРАСНОЩЕКОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА АЛТАЕ В 2001–2016 гг.: ОБЗОР ЭКСПЕДИЦИОННЫХ РАБОТ

Северо-Западный Алтай представляет собой особый историко-культурный регион со специфичной физико-географической средой обитания, состоящий из горно-степных и лесостепных ландшафтов, а также различных водных артерий (реки Чарыш, Иня и др.), соединяющих ее с другими районами Алтая и сопредельными территориями. В этой связи исследователи часто в пределах одного археологического микрорайона фиксируют памятники разных культур, которые отражают интенсивный процесс культурогенеза и взаимодействия населения Алтая с племенами сопредельных территорий Восточного Казахстана, Северо-Западной Монголии, Восточного Туркестана, Тувы и Минусинской котловины. Подобная ситуация зафиксирована при исследовании объектов средневековья на Чинетинском комплексе памятников, который расположен по берегам Ини (левый приток Чарыша) в радиусе 1–4 км вокруг с. Чинеты Краснощековского района Алтайского края.

Данная территория попала в поле зрения путешественников и исследователей еще в XVIII–XIX вв. Однако целенаправленное картографирование археологических памятников впервые произведено только

в 1978 г. В.А. Посредниковым, который зафиксировал там пять курганных групп: Чинета-I–III, Ханкаринский дол, Черный камень [Кирюшин, Казаков, Караваев, 1996; Посредников, 1978]. С 2001 г. Краснощековская археологическая экспедиция Алтайского государственного университета (АлтГУ) начала комплексное планомерное обследование указанной местности с целью выявления новых археологических памятников и изучения наиболее перспективных объектов [Дашковский, 2004]. Исследования проводились ежегодно на протяжении 16 лет. В процессе работы археологической экспедиции в разное время принимали участие студенты-практиканты АлтГУ (специальности теология, религиоведение, история, музеология, регионоведение России и др.), Алтайской государственной академии культуры и искусств, школьники лицея №86 г. Барнаула, учащиеся различных школ Алтайского края в рамках проведения летней этнокультурной школы Алтая [Дашковский, 2009]. Всего в настоящее время на территории Чинетинского археологического комплекса картографировано более 150 объектов на девяти разновременных памятниках, среди которых один пещерный комплекс (Верхнечинетинский пещерный комплекс), семь курганных некрополей (Чинета-I–III, Ханкаринский дол, Инской дол-I, Черный камень, Усть-Ханкара-I) и поселение (Инской дол-II) [Дашковский, 2008; 2009; 2011; 2012–2015; Дашковский, Гончарова, Мейкшан, 2015; Дашковский, Кунгуров, 2003; Дашковский, Мейкшан, 2011; 2014; Дашковский, Тишкин, 2006; 2009; Дашковский, Тишкин, Тур, 2005–2007; Дашковский, Тур, Усова, 2009; Дашковский, Усова, 2011; Тишкин, Дашковский, 2002; 2003; 2008; Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004; и др.]. В результате широкомасштабных работ удалось выявить и в значительной степени исследовать памятники разных эпох.

К наиболее раннему историческому периоду относится Верхнечинетинский пещерный комплекс, расположенный в нижнем течении р. Ини в 1,5 км выше с. Чинеты на правом берегу долины [Дашковский, Кунгуров, 2003]. Комплекс включает в себя четыре пещеры, обследование которых показало, что они использовались человеком как минимум с верхнего палеолита.

Памятники энеолита выявлены на могильнике Инской дол-I, обнаруженном автором в процессе археологической разведки долины р. Ини [Дашковский, Гончарова, Мейкшан, 2015]. На основании планиграфического расположения элементов намогильных сооружений, особенностей погребений и типов керамической посуды курганы №4, 5 и 9 отнесены к кругу памятников афанасьевской культуры и могут быть предварительно датированы III тыс. до н.э. Объекты второй микрогруппы – курганы №6 и 7 – относятся к так называемому куротинскому типу, они сооружены, вероятно, в середине – конце III тыс. до н.э.

Наибольшее количество курганов, исследованных на могильниках Чинета-II, Ханкаринский дол, Инской дол, относятся к различным периодам скифо-сакской эпохи [Дашковский, 2011–2014; 2015б; Дашковский, Мейкшан, 2011, 2014; Дашковский, Тишкин, 2006; Тишкин,

Дашковский, 2008; др.]. Так, на некрополе Ханкаринский дол раскопаны 22 погребения скифо-сакского времени, на могильнике Инской дол – 11, а на памятнике Чинета-II – 13. При этом данный регион, расположенный на стыке низкогорных и степных районов Алтая и прилегающих районов Восточного Казахстана, оказался в орбите влияния «пазырыкцев», а также, вероятно, носителей кочевых культур предгорий и степной зоны Алтая и сакских племен Восточного Казахстана.

Достаточно хорошо в пределах Чинетинского археологического микрорайона представлена эпоха средневековья. В частности, на могильнике Чинета-II раскопано пять погребений сrostкинской культуры, пять – кыргызской культуры, две тюркских оградки [Горбунов, Дашковский, Тишкин, 2005; Дашковский, 2004; 2008; 2015а, в; Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004; и др.]. Кроме того, один курган сrostкинской культуры обнаружен на некрополе Ханкаринский дол. Проведенное исследование позволило восстановить процессы этнокультурного развития в Северо-Западном Алтае в эпоху средневековья. Полученные результаты показывают различные формы взаимодействия народов в контексте военно-политических событий в Южной Сибири и Центральной Азии.

Таким образом, Чинетинский археологический микрорайон отражает интенсивные процессы культурно-исторического развития различных древних и средневековых народов Южной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. В настоящее время проводится комплексное изучение полученных материалов, в том числе с применением естественно-научных методов. Кроме того, осуществляется плановая публикация полученных результатов [Дашковский, 2015а; Элита в истории..., 2015; и др.]. Важно также обратить внимание на перспективы музеефикации исследованных объектов и включения их в туристские маршруты, в том числе в так называемое «Золотое кольцо Алтая». Определенная работа в этом направлении уже проделана [Дашковский, Тишкин, 2009; Тишкин, Дашковский, 2008], хотя для полноценного развития научного туризма в этом районе необходимы серьезные финансовые вложения, разработка целостной концепции включения объектов исторического наследия Западного Алтая в туристскую индустрию и т.д.

Библиографический список

Горбунов В.В., Дашковский П.К., Тишкин А.А. Взаимодействие средневековых кочевников в северо-западной части Горного Алтая (по материалам памятника Чинета-II) // Научное наследие В.Н. Чернецова и проблемы культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 2005. С. 145–147.

Дашковский П.К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: некоторые итоги и перспективы исследования // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2004. С. 34–37.

Дашковский П.К. Памятники эпохи средневековья Чинетинского археологического микрорайона в Северо-Западном Алтае: предварительные итоги исследования и интерпретация // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. III. С. 216–218.

Дашковский П.К. Опыт проведения археологической практики кафедрой религиоведения и теологии АлтГУ // Полевые практики в системе высшего профессионального образования. Новосибирск, 2009. С. 19–22.

Дашковский П.К. Предварительные итоги исследования курганов скифского времени на могильнике Ханкаринский дол (Алтай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск, 2011. С. 160–163.

Дашковский П.К. Направления комплексного изучения материалов из курганов скифского времени Северо-Западного Алтая // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор, 2012. Т. 2. С. 590–594.

Дашковский П.К. Исследование курганов на могильнике Чинета-II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XVIII–XIX. Барнаул, 2013а. С. 133–137.

Дашковский П.К. Основные направления изучения памятников древних и средневековых кочевников Чинетинского археологического микрорайона на Алтае // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013б. С. 187–190.

Дашковский П.К. Археологическая разведка в Северо-Западном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XVIII–XIX. Барнаул, 2013в. С. 128–133.

Дашковский П.К. Инской дол – новый памятник скифо-сакского периода в Западном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Кызыл, 2014а. С. 207–210.

Дашковский П.К. Погребальные памятники кочевников скифо-сакского периода в Северо-Западном Алтае // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана, 2014б. С. 235–243.

Дашковский П.К. Стелы и оленные камни из памятников древних кочевников Северо-Западного Алтая // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2014в. С. 46–62.

Дашковский П.К. Курганы енисейских кыргызов на могильнике Чинета-II (Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014г. №2 (58) С. 82–89.

Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул, 2015а. 224 с.

Дашковский П.К. Исследование курганов скифской эпохи в Западном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI. Барнаул, 2015б. С. 88–92.

Дашковский П.К. Исследование оградок тюркской культуры на могильнике Чинета-II // Мировоззрение населения Южной Сибири Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2015в. С. 20–28.

Дашковский П.К., Гончарова Н.С., Мейкшан И.А. Продолжение исследования курганов на могильнике Инской дол // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 10. Барнаул, 2015. С. 40–44.

Дашковский П.К., Кунгуров А.Л. Верхне-Чинетинский пещерный комплекс на р. Иня (Средний Чарыш) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX, ч. 1. Новосибирск, 2003. С. 59–62.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Исследование погребальных и ритуальных объектов на могильнике Чинета-II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2011. С. 73–78.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Исследование курганов скифского времени на могильнике Чинета-II и Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX. Барнаул, 2014. С. 94–100.

Дашковский П.К., Тишкин А.А. Ханкаринский дол – памятник пазырыкской культуры в Северо-Западном Алтае // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. II. С. 20–22.

Дашковский П.К., Тишкин А.А. Начальный этап музеефикации памятников Чинетинского археологического микрорайона // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XVI. Барнаул, 2009. С. 21–26.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Вторичные погребения в курганах скифского времени на памятнике Ханкаринский дол // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005а. С. 62–68.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Памятник пазырыкской культуры Ханкаринский дол в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XI. Новосибирск, 2005б. С. 294–296.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Исследование объектов раннего железного века и средневековья на Чинетинском археологическом комплексе (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XII, ч. I. Новосибирск, 2006. С. 315–319.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Раскопки курганов на памятнике Ханкаринский дол в Краснощековском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XII. Барнаул, 2007. С. 122–127.

Дашковский П.К., Тур С.С., Усова И.А. Изучение памятников Ханкаринский дол и Чинета-II в Северо-Западном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XVII. Барнаул, 2009. С. 205–210.

Дашковский П.К., Усова И.А. Погребение пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский дол (Северо-Западный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №3 (47). С. 78–84.

Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Караваев А.В. Краснощековский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 36–49.

Посредников В.А. Отчет о полевых исследованиях Горно-Алтайской археологической экспедиции Алтайского университета в 1978 г. Барнаул, 1978 // Архив музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. №3.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Комплекс археологических памятников около с. Чинета в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VIII. Новосибирск, 2002. С. 468–471.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Исследование памятников пазырыкской культуры на Чинетинском и Яломанском комплексах в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX, ч. 1. Новосибирск, 2003. С. 494–498.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Историко-культурное наследие Алтая. Вып. 2: Древности Краснощековского района. Барнаул, 2008. 16 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Курганы эпохи средневековья на территории предгорно-равнинной части Алтайского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X, ч. 1. Новосибирск, 2004. С. 410–415.

Элита в истории древних и средневековых народов Евразии : коллективная монография / под ред. П.К. Дашковского. Барнаул, 2015. 300 с.

П.К. Дашковский, А.Н. Ожиганов

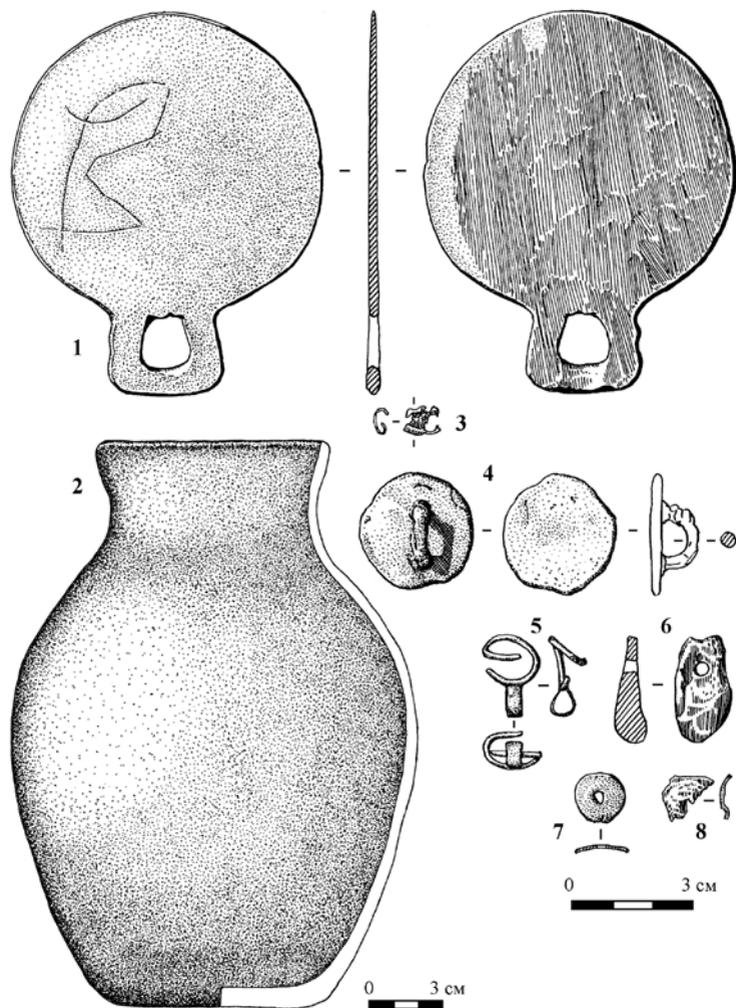
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА МОГИЛЬНИКЕ ИНСКОЙ ДОЛ

В 2014–2015 гг. Краснощековская археологическая экспедиция под руководством П.К. Дашковского [2013] продолжила изучения разновременного курганного могильника Инской дол, который обнаружен на второй надпойменной террасе на левом берегу р. Ини, в 2 км к юго-востоку – востоку от с. Чинеты, в южной части речной долины. В этой же долине, только в северной и восточной ее частях, ранее выявлены могильники Ханкаринский дол и Чинета-II [Дашковский, 2016а; 2014б, в; Дашковский, Гончарова, Мейкшан, 2015; и др.]. В 0,8 км к северу от могильника Инской дол протекает р. Ханкара. В 0,7 км к юго-востоку от памятника находится фундамент от здания пионерского лагеря, располагавшегося у края берега р. Ини. Курганы на некрополе сгруппированы в двух зонах. Первая группа находится в 0,4 км к востоку от второй по обе стороны оврага. В 0,5 км к северу от выявленного некрополя расположен курганный могильник Чинета-II. Еще один курган выявлен в западной части могильника в 20 м к западу от дороги, ведущей в направлении с. Чинета – с. Тигирек. Территория, на которой расположен могильник Инской дол, сильно задернована, что затрудняет обнаружение новых объектов. В этой связи для поиска курганов и установления их параметров применялся металлический щуп. В предшествующие годы на памятнике была раскопана серия курганов афанасьевской культуры и объектов скифского времени, результаты изучения которых частично опубликованы [Дашковский, 2014; 2016б; Дашковский, Гончарова, Мейкшан, 2015; Дашковский, Гончарова, 2016; Дашковский, Мейкшан, 2014; и др.]. В данной статье представлены предварительные итоги изучения курганов №14–15.

Курган №14 находится в центральной части некрополя. Диаметр каменной насыпи, сложенной в два слоя из небольших камней, составлен с севера на юг – 8 м, а с запада на восток – 7,75 м. Высота сооружения – 0,45 м, а вместе со слоем грунта – 0,7 м. В центральной части насыпи камни лежали несплошным слоем, поскольку в этом месте прослеживалась западина диаметром с севера на юг – 1,5 м, а с запада на восток – 2,25 м. По периметру кургана зафиксирована каменная кольцевая выкладка – крепиды из более крупных камней, ее диаметр с севера на юг – 8 м, а с запада на восток – 7,75 м. Под насыпью кургана выявлено могильное пятно подпрямоугольной формы, ориентированное длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Могильная яма на уровне древнего горизонта имела размеры 2,2 × 1,53 × 1,85 м. На дне могилы в центральной ее части на глубине 1,54–1,84 м обнаружено погребение человека, который был уложен в скорченном положении на правом боку и ориентирован головой на восток. Челюсть человека оказалась существенно смещена

(возможно, грызунами) к западу – в район колена левой ноги. В 30 см к северу от черепа на глубине 1,74 м обнаружен развал керамического сосуда (рис.-2). Между черепом и сосудом находилась ритуальная пища – кости барана. Под черепом найдена золотая (?) серьга (рис.-5), а в районе шеи погребенного – элемент костяного ожерелья (рис.-6) и две круглых металлических нашивки (рис.-7–8) на одежду. У правой берцовой кости на глубине 1,84 м найдено миниатюрное бронзовое зеркало с остатками кожаного футляра (рис.-1, 3).

Инвентарь из могильника Инской дол: 1–3, 5–8 – курган №14; 4 – курган №15

Курган №15 располагался в 3,25 м к северу от кургана №14, образуя с ним одну микрогруппу. Диаметр каменной насыпи, сложенной в 1–2 слоя из небольших камней, составлял с севера на юг 7,5 м, а с запада на восток – 7,25 м. Высота сооружения – 0,3 м, а вместе со слоем грунта – 0,5 м. В центральной части насыпи камни лежали несплошным слоем, поскольку в этом месте прослеживалась западина диаметром с севера на юг – 1,35 м, а с запада на восток – 2,4 м. По периметру кургана зафиксирована каменная кольцевая выкладка – крепиды из более крупных камней, ее диаметр с севера на юг – 7,5 м, а с запада на восток – 7,25 м. Под насыпью кургана выявлено могильное пятно подпрямоугольной формы, ориентированное длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Могильная яма имела на уровне древнего горизонта размеры 2,3 × 1,25 × 1,82 м. На дне могилы в центральной ее части на глубине 1,64–1,8 м от уровня древнего горизонта обнаружено погребение человека, который был уложен в скорченном положении на правом боку и ориентирован головой на восток. В 0,2 м к западу от черепа на глубине 1,79 м обнаружена ритуальная пища – кости барана. Кость левой руки оказалась смещенной (вероятно, грызунами) на 0,2 м к востоку от первоначального положения. Кисти рук умершего были сведены друг к другу. Возле них на глубине 1,9 м обнаружено бронзовое миниатюрное зеркало (рис.-4). Никаких других предметов сопроводительного инвентаря не выявлено.

Исследованные курганы №14–15 некрополя Инской дол имеют определенные аналогии по погребальному обряду (скорченное положение на правом боку, восточная ориентация умершего в могиле и др.) и инвентарю в памятниках пазырыкской культуры [Кубарев, 1987; 1991; 1992; Кубарев, Шульга, 2007; Кирюшин, Степанова, 2004; и др.], в том числе исследованных ранее на могильнике Инской дол и на памятниках Ханкаринский дол и Чинета-II [Дашковский, 2014а, в; Дашковский, Гончарова, Мейкшан, 2015; Тишкин, Дашковский, 2008; и др.]. В курганах №14–15, как и в большинстве других объектов скифского времени этого могильника, отсутствует сопроводительное захоронение лошадей, которое характерно для памятников пазырыкской культуры, в том числе и для соседнего могильника Ханкаринский дол [Дашковский, 2011]. На некрополе Инской дол из девяти раскопанных курганов скифского времени только в одном случае (курган №2) выявлен такой признак [Дашковский, 2014в]. Инвентарь из раскопанных курганов представлен крайне немногочисленными и невыразительными предметами. Указанные обстоятельства свидетельствуют о невысоком социальном статусе погребенных людей. В целом, учитывая особенности погребального обряда и инвентаря, курганы №14–15 можно предварительнo датировать IV–III вв. до н.э.

Библиографический список

Дашковский П.К. Археологическая разведка в Северо-Западном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XVIII–XIX. Барнаул, 2013. С. 128–133.

Дашковский П.К. Погребальные памятники кочевников скифо-сакского периода в Северо-Западном Алтае // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана, 2014а. С. 235–243.

Дашковский П.К. Стелы и оленные камни из памятников древних кочевников Северо-Западного Алтая // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2014б. С. 46–62.

Дашковский П.К. Инской дол – новый памятник скифо-сакского периода в Западном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Кызыл, 2014в. С. 207–210.

Дашковский П.К. Могильник пазырыкской культуры Ханкаринский дол на Алтае: характеристика погребального обряда и основные направления междисциплинарных исследований // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. IX. Барнаул, 2016а. С. 42–66.

Дашковский П.К. Курганы эпохи энеолита на могильнике Инской дол (Алтай) // Известия Алтайского государственного университета. 2016б. №4 (92). С. 230–237.

Дашковский П.К., Гончарова Н.С. Курган афанасьевской культуры на могильнике Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXII. Барнаул, 2016. С. 85–89.

Дашковский П.К., Гончарова Н.С., Мейкшан И.А. Продолжение исследование курганов на могильнике Инской дол // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 10. Барнаул, 2015. С. 40–44.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Исследование курганов скифского времени на могильнике Чинета-II и Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX. Барнаул, 2014. С. 94–100.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуня. Барнаул, 2004. 292 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Историко-культурное наследие Алтая. Вып. 2: Древности Краснощековского района. Барнаул, 2008. 16 с.

Н.М. Зиняков¹, А.М. Илюшин²

¹*Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия;*

²*Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия*

ПОСЕЛЕНИЕ КЫРГАЙ-2 – ПАМЯТНИК ПЕРИОДА РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В СРЕДНЕМ ПРИТОМЬЕ

В 1984 г. Новокузнецкий отряд Южносибирской археологической экспедиции кафедры археологии Кемеровского государственного университета под руководством Н.М. Зинякова проводил археологические раскопки на поселении Кыргай-2, которое попало в зону строительства промышленных

предприятий Ерунаковского угольного района. По окончании работ составлен научный отчет, где памятник был описан автором раскопок и датирован V–X вв. н.э. [Зиняков, 1984, с. 5–7]. В последующем краткая информация об этом памятнике частично была введена в научный оборот [Кулемзин, Бородкин, 1989, с. 87; Кузнецов, 1993, с. 61; Илюшин, 2005, с. 29].

Цель настоящей работы – ввести в широкий научный оборот материалы раскопок этого памятника, определить его датировку и культурную принадлежность с учетом новых данных по средневековой археологии Кузнецкой котловины.

Однослойное поселение Кыргыз-2 расположено в 0,2 км на юг от поселения Кыргыз-1, на 3,3 км севернее с. Красулино в Новокузнецком районе Кемеровской области, на первой надпойменной террасе правого берега р. Кыргыз (рис. 1А). Дневная поверхность террасы была потревожена во время выкорчевки мелколесья в зоне строительства ЛЭП. На поселении был заложен раскоп площадью 312 кв. м, который длинной осью ориентирован по линии Ю–С. Раскоп разбит на квадраты со сторонами по 2 м, были оставлены одна вертикальная и две горизонтальные бровки (рис. 1Б). Раскопки велись по слоям (штык лопаты с зачисткой приблизительно 32–35 см, всего три слоя) по квадратам. Несмотря на значительный перепад высот юго-западных и северо-восточных углов раскопа (251 см), по профилям стенок, поперечных и продольной бровок была зафиксирована одна структура залегания грунта. В верхней части располагался слой дерна толщиной 10–12 см. Под дерном была светло-серая супесь, мощность которой на разных участках составляла 30–70 см, где залегали археологические находки (культурный слой). Ниже серой супеси была материковая светло-желтая глина. Приводим описание находок по очередности слоев раскопа (рис. 1Б).

Первый слой раскопа (0–35 см) по заполнению представлял собой слой дерна и верхнюю часть слоя светло-серой супеси. В процессе раскопок первого слоя найдены 117 фрагментов керамической посуды, три необработанных камня и три каменных изделия (пест и грузила), кость животного, а также зафиксированы три прокала грунта, 10 скоплений древесных углей и 12 фрагментов обгоревшего дерева (рис. 1Б; 1В.-1–8).

Второй слой раскопа (36–70 см) по заполнению представлял собой светло-серую супесь. Там найдены 71 фрагмент керамической посуды и две кости животного (рис. 1Б; 2.-1–36). При раскопках этого слоя зафиксированы следы трех кострищ в виде прокалов грунта. Прокал 1 находился в юго-западном углу в квадратах 1А и 2А (рис. 1Б), имел овальную форму и был вытянут по оси ЮВ–СЗ, а его размеры составляли 52 × 60 × 5 см. Прокал 2 был расположен в квадрате Е4 (рис. 1Б), имел удлиненно-овальную форму и был вытянут по оси ЮВ–СЗ, а его размеры составляли 45 × 120 × 10 см. Прокал 3 находился в центральной части в квадратах 5Г и 6Г (рис. 1Б), имел овальную форму и был вытянут по оси 3–В, а его размеры составляли 82 × 100 × 18 см.

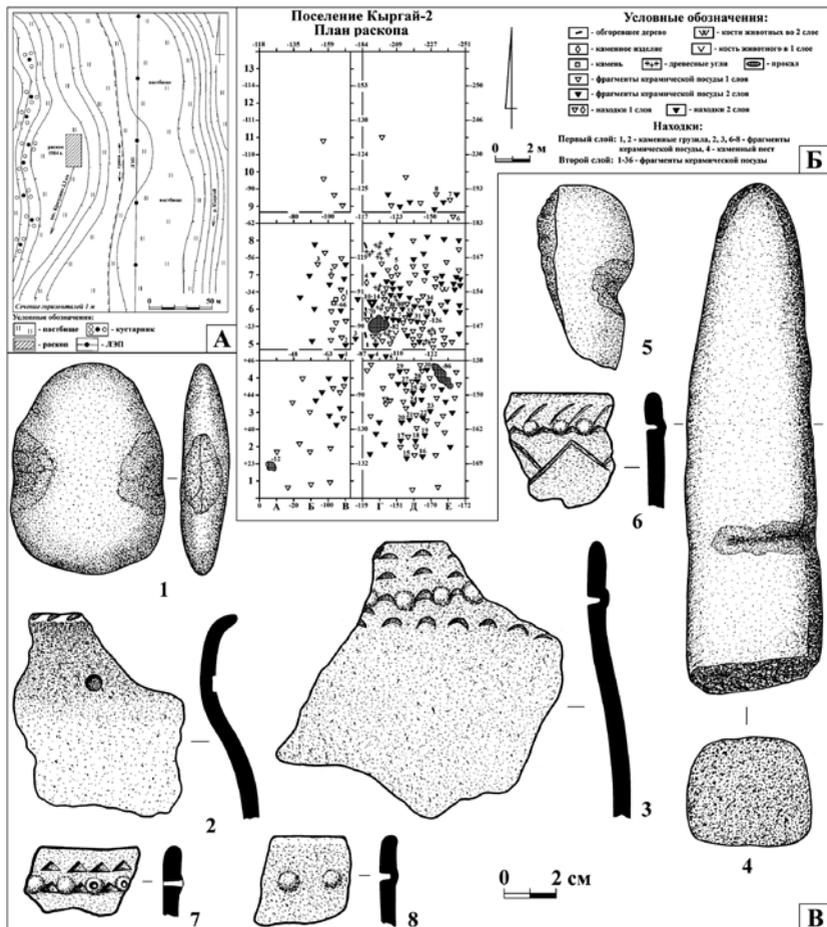

Рис. 1. Поселение Кыргай-2: А – план памятника; Б – план раскопа; В – находки из первого слоя; 1, 5 – грузила; 2, 3, 6–8 – фрагменты посуды; 4 – пест (1, 4, 5 – камень; 2, 3, 6–8 – керамика)

Третий слой раскопа (71–82 см) по заполнению представлял собой нижнюю часть светло-серой супеси и верхнюю часть материка (светло-желтый суглинок). При исследовании этого слоя находок не обнаружено.

Как показали полевые исследования, насыщенность культурного слоя находками очень мала. В северной части раскопа они практически отсутствуют. Основная масса находок сконцентрирована в центральной и юго-восточной частях раскопа близ проколов (кострихи) 2 и 3 (рис. 1Б). Находки в основном представлены фрагментами глиняных

сосудов, единичными изделиями из камня, костями животных, отдельными скоплениями древесных углей и обгоревшего дерева. Для определения датировки памятника и его культурно-исторической интерпретации проведем описание и типологическую классификацию найденных артефактов, а затем сравнительный анализ материалов.

В качестве основного источника исследования выступают венчики, днища и другие фрагменты керамической посуды, украшенные орнаментом (рис. 1В.-2, 3, 6–8; 2.-1–36). Визуальный осмотр позволяет констатировать, что все сосуды ручной лепки, обожжены неравномерно, цвет керамики варьирует от темно-желтого до черного, а в качестве отощителя использовался кварцевый песок.

Судя по найденному днищу (рис. 2.-2) посуда относится к группе плоскодонные, а по абрису фрагментов венчиков посуды можно предположительно отнести ее к двум типам: 1) горшки в разном исполнении (рис. 1В.-2, 3; 2.-7–10, 12–14, 22, 24, 25, 27–30); 2) чаши (банки) в разном исполнении (рис. 1В.-6–8; 2.-15–21, 23, 26).

Фрагменты венчиков можно классифицировать по профилю на три типа в разном исполнении: 1) отогнутый наружу (рис. 1В.-1, 8; 2.-8, 9, 13, 21, 22, 24); 2) прямой (рис. 1В.-3, 8; 2.-6, 7, 10, 12, 14, 16, 19, 20, 25, 26, 27–30); 3) вогнутый вовнутрь (рис. 2.-15, 23). По форме венчики тоже можно классифицировать на три типа в разном исполнении: 1) округлые (рис. 1В.-2, 3, 6–8; 2.-19–23, 26); 2) приостренные (рис. 2.-9); 3) с плоскими краями (рис. 2.-7, 8, 10, 12–15, 17, 18, 24, 25, 27–30).

На 39 фрагментах посуды зафиксировано наличие орнамента, который наносился на венчик, шейку и тулово. Имеющиеся источники позволяют классифицировать орнамент по таким категориям, как способ его нанесения, элемент и мотив. По способу нанесения орнамента на керамическую посуду можно выделить два типа в разном исполнении: 1) штампованные (рис. 1В.-2, 3, 6–8; 2.-1, 3, 5–8, 10–25, 27–36); 2) резные (рис. 1В.-2, 6; 2.-4–6, 9, 16, 25, 32). По элементам орнамента на фрагментах керамической посуды можно выделить семь типов: 1) круглые ямки (рис. 1В.-2; 2.-1, 8, 10, 12–15, 22, 25, 27, 28, 33); 2) узкие резные желобки в разном исполнении (рис. 1В.-6; 2.-4–6, 18, 25, 32); 3) «жемчужины» в разном исполнении (рис. 1В.-3, 6–8; 2.-17–21, 23); 4) скобообразная насечка в разном исполнении (рис. 1В.-2, 6; 2.-9, 16); 5) оттиски гребенчатого штампа в разном исполнении (рис. 2.-5–8, 10, 12–14, 24, 25, 27–30, 32–34, 36); 6) треугольные ямки в разном исполнении (рис. 1В.-3, 6, 7; 2.-1, 3, 19, 21, 23); 7) ямки каплевидной формы в разном исполнении (рис. 2.-11, 15, 20, 24, 31, 35). Среди мотивов орнамента на фрагментах керамической посуды можно выделить четыре типа: 1) горизонтальное расположение элементов (рис. 1В.-2, 3, 6–8; 2.-3, 6–25, 27–36); 2) зигзагообразное расположение элементов (рис. 1В.-6); 3) расположение элементов в форме ромба (рис. 2.-1, 6, 25, 28, 29); 4) арочное расположение элементов (рис. 2.-5, 6, 25, 32).

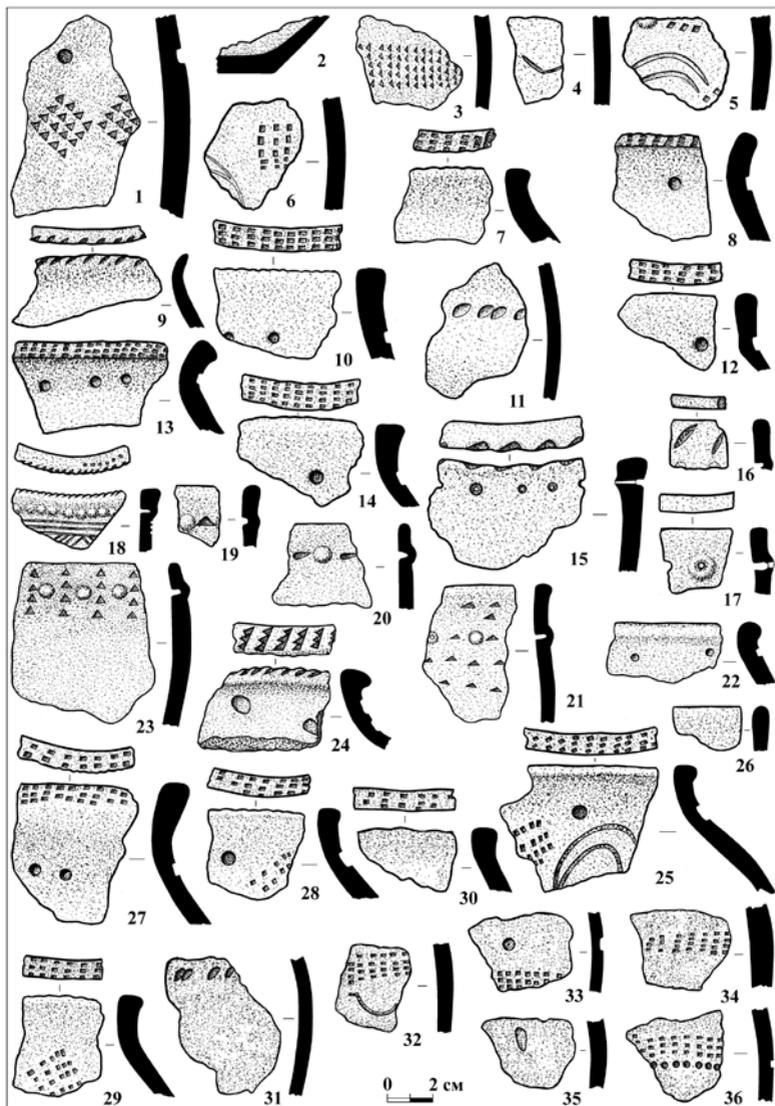

Рис. 2. Поселение Кыргай-2. Находки из второго слоя:
1–36 – фрагменты керамической посуды

Условия нахождения исследуемой коллекции артефактов (рис. 1В.-1–8; 2.-1–36) позволяют исследовать ее как единый культурно-хронологический комплекс. Сравнительный анализ всех выделенных типов (21) с информа-

цией из банка данных по средневековой археологии Кузнецкой котловины позволяет выявить наибольшее сходство поселения Кыргай-2 с другими объектами. Среди погребальных памятников это Саратовка (17), Шабаново-1 (16), Сапогово (15) и Ишаново (14), датированных концом V – XIII в., 1-й половиной VIII в., 2-й половиной VIII – 1-й половиной IX в. и концом XII – XIII в. [Илюшин, 1999; 2014; Илюшин, Сулейменов, 1995, с. 208–224; Илюшин, Сулейменов, Гузь, Стародубцев, 1992], а среди поселений – это Торопово-4 (17), Шабаново-5 (14), Шабаново-10 (14), Курья-2 (14) и Сосновка-3 (14), датированных V–XIV вв., XIII–XV вв., XI–XIII вв. и 2-й половиной I – началом II тыс. [Илюшин, 2015, с. 92–98; 2016, с. 98–104; Илюшин, Ковалевский, 2012, с. 82–86; Окунева, 1997, с. 36–64]. Эти аналогии методом корреляции дат позволяют датировать поселение Кыргай-2 XII–XIII вв. Смешанный культурный комплекс находок на этом памятнике сочетает в себе архаичные, традиционные и инновационные черты, которые характерны для саратовской (V–XIV вв.) и шандинской (XI–XIV вв.) археологических культур в Кузнецкой котловине. При этом артефакты саратовской археологической культуры количественно преобладают, что позволяет предвзвешенно отнести поселение Кыргай-2 к кругу древностей этой культуры.

Библиографический список

- Зиняков Н.М. Отчет об археологических исследованиях в Новокузнецком районе Кемеровской области в 1984 году. Кемерово, 1984. 32 с.
- Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово, 1999. 160 с.
- Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово, 2005. 240 с.
- Илюшин А.М. Курганы кыштымов в долине Ура // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 8. Кемерово, 2014. 216 с.
- Илюшин А.М. Новые материалы о местах проживания населения Кузнецкой котловины в развитом средневековье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI. Барнаул, 2015. С. 92–98.
- Илюшин А.М. Поселение Шабаново-5 как объект культурного наследия средневекового населения Кузнецкой котловины // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXII. Барнаул, 2016. С. 98–104.
- Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Комплекс древних поселений в долине реки Касмы // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 5. Кемерово, 2012. 212 с.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Впускные погребения Шабаново-1 // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 208–224.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск, 1992. 126 с.
- Кузнецов Н.А. Археологические памятники Прокопьевского района // Кузнецкая старина. Вып. 1. Новокузнецк, 1993. С. 58–68.
- Кулемзин А.М., Бородкин Ю.М. Археологические памятники Кемеровской области. Кемерово, 1989. 158 с.
- Окунева И.В. Лачиновская культура // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово, 1997. С. 36–64.

Г.Е. Иванов

Гимназия №42, Барнаул, Россия

НОВЫЙ ТИП КЕЛЬТОВ ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Летом 2012 г. на поселении и могильнике Моховое-5 случайно найден бронзовый кельт.

Археологический памятник находится у с. Черная Курья Мамонтовского района Алтайского края, на песчаных дюнных возвышениях у небольших болот Кругленькое и Моховое, расположенных в древних котловинах выдувов. Пунктами 1–5 названы современные обширные выдувы, на которых с середины 60-х гг. XX в. проводились сборы подъемного материала различных эпох: от энеолита – ранней бронзы до средневековья [Иванов, 1982, с. 39–42; 2000, с. 107–109], что позволяло точнее локализовать места находок. Они не совпадают с реальными границами поселений и могильников и правильнее будет считать их единым памятником.

Кельт (рис. 1), как и большинство случайных находок, обнаружен в прекрасном состоянии, был покрыт ровной патиной темно-зеленого цвета, под которой хорошо просматриваются даже мельчайшие царапины и раковины.

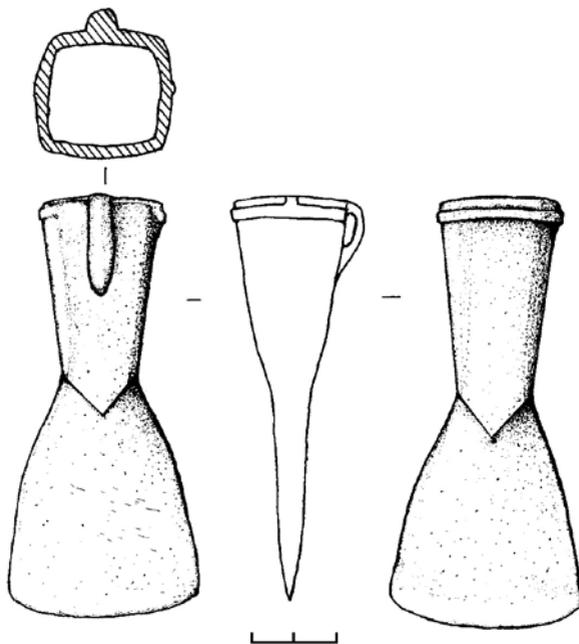

Рис. 1. Бронзовый кельт

Изделие относится к категории симметричных кельтов – тесел с лобным ушком и подквадратным верхним и нижним сечением втулки. Отлит в двусторчатой форме. Литейные швы тщательно заглажены и прослеживаются на боковых гранях только на валике и над ним. Следы литники хорошо видны с левой стороны ушка. После отливки изделие отполировано абразивами, противоположная от ушка сторона лезвия дополнительно прокована.

Общая длина кельта – 9,8 см, ширина скругленного лезвия – 4,5 см. Внутренний размер втулки в верхней части – $1,4 \times 1,6$ см. Она суживается книзу, по всей длине подквадратная. Глубина втулки – 4,5 см. Толщина стенок вверху – 0,3 см. Внешняя длина втулки – 4,5 см, лезвия – 5,3 см. В верхней части втулка обрамлена узким (0,3–0,4 см) слабовыступающим валиком, расположенным в 0,2 см от верхнего края. Ушко отходит от верхнего края орудия. Общая его длина – 2,4 см, длина отверстия – 1,1 см, высота – 0,3 см. Толщина лезвия у основания – 1,2 см.

Оригинальна форма изделия. Суживающаяся книзу втулка заканчивается с обеих сторон на теле рабочей части треугольным декоративным выступом, вследствие чего отходящее от нее, плавно расширяющееся в плане лезвие как бы вставлено в нее. Мы уже писали о том, что различные утолщения на стыке втулки и рабочей части чрезвычайно характерны для изделий периода поздней бронзы [Иванов, 2005, с. 68–69]. В основном они функционально обусловлены, а иногда, как в данном случае, это сохраняющаяся с сейминской эпохи дань старым традициям, что было отмечено еще В.А. Городцовым [1915, с. 200] и поддержано позднее Б.Г. Тихоновым [1960, с. 25, табл. 4.-1, 2]) и Н.Л. Членовой [1972, с. 137, табл. 70.-16–18].

Точных аналогий кельту с Мохового нам найти не удалось. Наиболее близкими типологически являются два кельта из четырех, найденных в могильнике Уйгарак [Вишневская, 1973, с. 72–73, табл. VII.-15; XVII.-14; XXI.-2]. Их сближают размеры и пропорции, похожий абрис в плане, квадратная втулка, наличие лобного ушка и валика в верхней части втулки. Однако при всем этом кельт с Мохового, несомненно, более архаичен и является скорее прототипом уйгаракских, так же как бронзовые южносибирские карасукские и раннетагарские кинжалы стали, по мнению О.А. Вишневской и М.А. Итиной, прототипами для железных кинжалов Уйгарака [Вишневская, 1973, с. 97; Итина, 1992, с. 42].

К сожалению, другие находки с Мохового не могут уточнить дату кельта. Комплекс поздней бронзы типологически делится на два этапа: ранний – XII–XI вв. до н.э. (рис. 2.-1, 3–13), и поздний – X–IX вв. до н.э. (рис. 2.-2, 14–15). Представлен там и комплекс раннескифского времени [Иванов, 2000, рис. 43.-2, 10; 46.-1, 4–7].

Поэтому кельт с Мохового мы датировуем в рамках XII–IX вв. до н.э.

Рис. 2. Моховое-II, III, V. Инвентарь периода поздней бронзы. Сборы

Библиографический список

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н.э. По материалам Уйгарака // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. VIII. М., 1973. 160 с.

Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Русского исторического музея за 1914 год. М., 1915. С. 121–226.

Иванов Г.Е. К археологической карте верховьев рек Касмалы и Барнаулки // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 24–52.

Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района. Барнаул, 2000. 160 с.

Иванов Г.Е. Бронзовый кинжал из с. Островного и некоторые вопросы развития военного дела населения саргаринско-алексеевской культуры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XIV. Барнаул, 2005. С. 66–72.

Итина М.А. Ранние саки Приуралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 31–47.

Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. М., 1960. С. 5–115. (МИА, №90).

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972. 248 с.

А.А. Казаков

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

ПОСЕЛЕНИЕ ПИКЕТ-1

Поселение Пикет-1 открыто автором в августе 2016 г. во время совместных работ экспедиций Барнаульского юридического института МВД России и Алтайского государственного университета по изучению курганного могильника эпохи средневековья Сростки-1 и его частичной музеефикации путем воссоздания исторического ландшафта периода функционирования могильника.

Во время беседы с местным жителем Владимиром Николаевичем Фаддеенковым, который рассказал историю о разрушенном в 2010 г. в результате воздействия природных факторов погребении сросткинской культуры, им были упомянуты фрагменты глиняной посуды, которые в течение длительного времени он собирает на огороде. Осмотр части этих находок, которые он еще не выбросил, показал, что они являются фрагментами древней керамики. Место их находок подтвердило наличие поселенческого слоя, который фиксировался по остаткам как орнаментированной, так и неорнаментированной керамики и большому количеству колотых костей животных, что является достаточно хорошим индикатором наличия поселенческого слоя.

Поселение Пикет-1 расположено на южной окраине с. Сростки (рис. 1), на первой надпойменной террасе правого берега р. Катунь, которая в августе имела высоту 4–5 м над уровнем реки. Правый берег Катунь в этом месте от прижима (бома) к горе Пикет формирует террасу. Подошва надпойменной террасы, на которой расположено поселение, представляет собой скальные выходы. В самом начале этой надпойменной террасы расположен огород В.Н. Фаддеенкова, на котором и произ-

ведены сборы керамического материала и найдены колотые кости животных. Ввиду большого количества подъемного материала с хорошо атрибутируемыми культурно-хронологическими признаками закладывать шурф посчитали нецелесообразным.

Рис. 1. Местоположение поселения Пикет-1

Технологические особенности и орнаментация керамики позволяют говорить, что поселение является многослойным, с достаточно продолжительным временем существования. Из переданной В.Н. Фаддеевским коллекции и подъемного материала типологически можно вычленить как минимум четыре культурно-хронологических комплекса (рис. 2). Первый комплекс относится к начальному периоду раннего железного века, а точнее, «к кругу памятников большееченской культуры переходного времени» [Папин, Степанова, Редников, 2015, с. 254; Абдулганеев, Папин, 1999], и датируется VIII–VI вв. до н.э. [Абдулганеев, Папин, 1999, с. 7]. Он синхронен существованию городища Пикет, расположенного в непосредственной близости, керамический комплекс которого практически идентичен с керамическим комплексом поселения. Второй относится к различным культурно-хронологическим этапам быстрянской культуры раннего железного века и датируется VI в. до н.э. [Абдулганеев, Папин, 1999, с. 12]. Верхняя хронологическая граница ввиду слабой

изученности быстрианской культуры не определена. Третий комплекс относится к финальному этапу раннего железного века, и четвертый – к эпохе средневековья.

Рис. 2. Подъемный материал с поселения Пикет-1

Если эпоха раннего железного века представлена достаточно большим количеством материала, то к эпохе средневековья относится всего один фрагмент. Наиболее вероятная его датировка соотносится со временем существования курганного могильника Сростки-1, расположенного в непосредственной близости от поселения, который датируется 2-й половиной IX – 1-й половиной XI в. [Горбунов, Тишкин, Серегин, 2015, с. 79].

Говоря о целесообразности дальнейшего исследования этого поселенческого комплекса, следует сказать, что насыщенность его культурного слоя достаточно высока. По словам В.Н. Фаддеенкова, кроме сохранных им в последнее время фрагментов, ранее было собрано большое количество керамики (более носилок), которую они с сыном выбросили в расположенный рядом с огородом овраг. Многослойность поселения говорит о возможных сложностях со стратиграфией. Возможность наличия конструкций подтверждается локализацией на небольших площадях колотых костей животных. Наиболее интересным, на наш взгляд, является вероятность наличия средневекового слоя, синхронного расположенному в непосредственной близости с курганным могильником Сростки-1. В случае фиксации во время раскопок на этом месте поселения сросткинской культуры и возможности выделения стратиграфически культурного слоя, который возможно соотнести с могильным полем, это будет первым случаем подобного соотнесения, что позволит выйти на новый уровень исторических интерпретаций эпонимного памятника одной из титульных для Западной Сибири и сопредельных территорий культур.

Интересно, что на многослойном памятнике, на котором представлена непрерывная хронологическая линия бытования эпохи раннего железного века, встречена и средневековая керамика, отсутствуют материалы достаточно продолжительного периода эпохи раннего средневековья, несмотря на то, что они буквально в 19 км (по прямой) к северу очень широко распространены и относятся к фоминскому этапу кулайской культуры и одинцовской культуре. Нет и ярко выраженных материалов майминской культуры, локализованной южнее с. Сростки.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т., Папин Д.В. Памятники раннескифского времени в междуречье Бии и Катунь // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 5–13.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Основные итоги и дальнейшие перспективы изучения раннесредневекового памятника Сростки-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI. Барнаул, 2015. С. 75–83.

Папин Д.В., Степанова Н.Ф., Редников А.А. Керамический комплекс городища Пикет // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул ; Омск, 2015. С. 252–254.

К.Ю. Кирюшин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**КОМПЛЕКС НЕОЛИТА – РАННЕГО ЭНЕОЛИТА
ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА-III
(Северная Кулунда)**

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Кулундинская степь является одной из самых интересных культурно-исторических провинций на территории Алтайского края. Изучение памятников каменного века Кулунды началось в 1969 г., когда в Карасукском районе Новосибирской области Западно-Сибирским отрядом Института археологии АН СССР под руководством М.Ф. Косарева было открыто более 20 местонахождений керамики и каменных орудий, в том числе три стоянки с культурным слоем [Куйбышев, 1976].

На территории Кулундинской степи в пределах Алтайского края в 70–90-е гг. XX в. благодаря работам местных краеведов и ученых Алтайского государственного университета выявлены десятки памятников неолита и энеолита. Как правило, памятники расположены по берегам озер или в поймах рек Кулунды, Бурлы, Касмалы. Особенно много поселений по берегам озер в Завьяловском, Егорьевском, Волчихинском и Мамонтовском районах Алтайского края. К сожалению, все собранные коллекции представлены сборами и подъемными материалами с разрушенных памятников, культурный слой которых уничтожен водной или ветровой эрозией. Такие сборы и подъемные материалы с разрушенных памятников представляют достаточно мозаичную картину. Фрагментарность имеющихся материалов не позволяет даже в общих чертах реконструировать этнокультурные процессы на территории Кулундинской степи в неолите и энеолите.

Можно сделать вывод о том, что любой стратифицированный объект неолита на территории Кулундинской степи вызывает интерес и требует тщательного исследования.

Памятник Новоильинка-III находится в Хабарском районе Алтайского края. Открыт в 2004 г. С.М. Ситниковым, под руководством которого в 2005–2006 гг. вскрыто около 40 кв. м [Кирюшин, Ситников, 2013, с. 210]. В ходе раскопок 2010–2014 гг. на поселении получены представительные коллекции керамики и каменных артефактов энеолита [Кирюшин, Ситников, Семибратов, Гельмел, 2011; Кирюшин, 2015, с. 29]. По костям животных, найденным на поселении, получена серия радиоуглеродных дат: 4270 ± 170 л.н. (Ле-7534), 4585 ± 170 (СОАН-8318), 4310 ± 110 (СОАН-8319), 4250 ± 120 л.н. (СОАН-8320), которые позволяют датировать его серединой – 2-й половиной III тыс. до н.э. Ка-

лировка этих дат почти на 1000 лет удревяняет культурный слой памятника. С учетом калибровки радиоуглеродных дат материалы поселения можно отнести к 1-й половине III тыс. до н.э. [Кирюшин, 2015, с. 29].

В 2010–2014 гг. на памятнике исследовано 600 кв. м. Находки (керамика, каменные артефакты и кости животных) связаны с «пятнами» гумусированной супеси, которые имели аморфные границы по горизонтали и вертикали [Кирюшин, 2015, с. 29].

В 2012 г. до начала археологических раскопок на площади 6400 кв. м была проведена геомагнитная съемка с использованием квантового градиентометра G-858 методом вертикального градиента [Кирюшин, Силантьева, Дядьков, Михеев, Позднякова, 2012]. Выявленные аномалии плохо поддавались интерпретации, и основная задача исследований на 2012 г. состояла в проверке полученных результатов геомагнитной съемки. Для этого с востока на запад была заложена линия квадратов полосой 4 × 40 м [Кирюшин, Силантьева, Дядьков, Михеев, Позднякова, 2012].

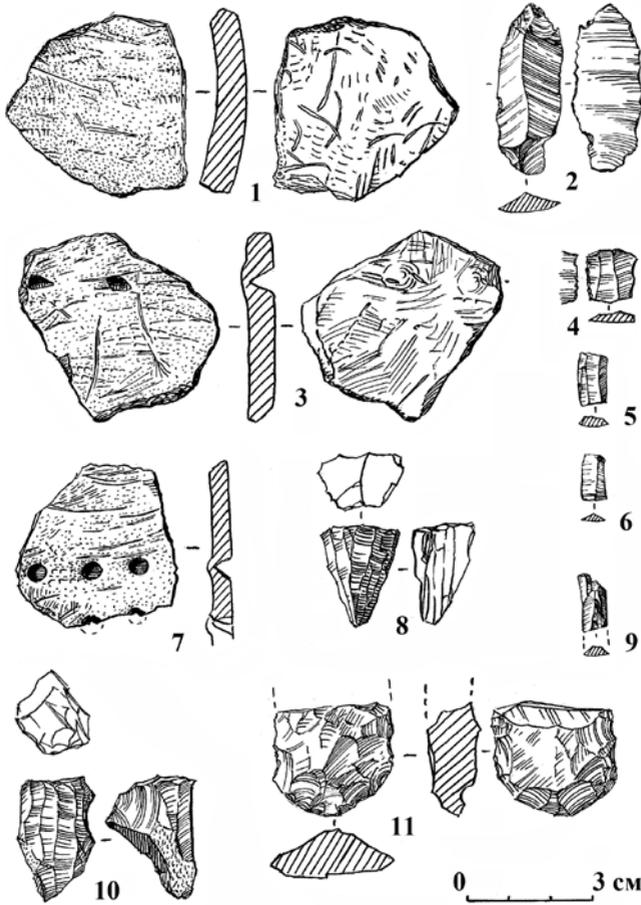
Под слабым дерновым слоем мощностью от 0,03 до 0,05 м шел слой слабогумусированной супеси (около 0,1 м), а под ней песок. В этой части раскопа находок практически не было. Только в одном квадрате в слое песка на глубине 0,4–0,5 м найдены 17 фрагментов керамики, 13 каменных артефактов и обломок трубчатой кости млекопитающего. Все находки залежали достаточно компактно на участке площадью не более 1 кв. м. Песок рядом с находками по цвету и плотности ничем не отличался от грунта в этой части раскопа. Стратиграфические условия залегания этих материалов отличались от тех, в которых обнаружены энеолитические коллекции памятника. На всей остальной исследованной площади памятника слои песка не содержали находок. Стратиграфические условия обнаружения этих материалов заставляют нас более внимательно проанализировать коллекцию, полученную в 2012 г.

Среди обнаруженных 17 фрагментов керамики 14 экз. – это неорнаментированные мелкие (размерами от 1 × 1 см до 3 × 3 см) фрагменты стенок сосудов толщиной от 0,6 до 0,7 см. В сломках невооруженным глазом просматриваются следы органики.

Три фрагмента керамики были более крупного размера (рис.-1, 3, 5).

Один из фрагментов орнаментирован отпечатками гребенчатого штампа, образующего вертикальные ряды шагающей гребенки (рис.-7). Отпечатки штампа нечеткие, как будто смазанные или затертые. На внутренней поверхности фрагмента невооруженным глазом заметны отпечатки органики и смазанные отпечатки гребенчатого штампа (рис.-1). Толщина стенки – 0,7 см. В сломках заметны следы органики.

Другой фрагмент декорирован отпечатками гребенчатого штампа, образующего вертикальные ряды шагающей гребенки, поверх которых нанесен горизонтальный ряд ямок каплевидной формы (рис.-3). На внутренней поверхности фрагмента невооруженным глазом заметны отпечатки органики и смазанные отпечатки гребенчатого штампа (рис.-3).

Материалы поселения Новоилынка-III: 1, 3, 7 – керамика; 2, 4–6, 8–11 – камень; 2 – острие на пластине; 4 – фрагмент ножевидной пластины с ретушью; 5 – медиальный фрагмент ножевидной пластины; 6 – дистальный фрагмент ножевидной пластины; 8 – нуклеус; 9 – дистальный фрагмент ножевидной пластины; 10 – нуклеус; 11 – обломок бифасиального орудия

Еще один фрагмент украшен нечеткими смазанными отпечатками гребенчатого штампа, поверх которых нанесены два горизонтальных ряда ямок округлой формы (рис.-7). По сравнению с предыдущими, у этого фрагмента неровные стенки толщиной от 0,4 до 0,5 см. Обжиг неравномерный. Цвет фрагмента варьирует от ярко-кирпичного до черного. На внутренней и внешней поверхностях заметно большое количество блесков слюды.

Также были обнаружены два призматических монофронтальных одноплощадочных нуклеуса с полуконцентрическим фронтом (рис.-8, 10). У одного из них контрфронт плоский (рис.-8), у другого представлен ребром (рис.-10). Ударная площадка у одного из них ровная, оформлена двумя крупными сколами, немного скошенная по направлению от фронта к контрфронту (рис.-8). У другого нуклеуса площадка ровная, оформлена серией мелких, продольно поперечных сколов (рис.-10). Изделия мелких размеров – менее 3 см в высоту. Сильно сработаны.

Орудийный набор представлен 5 экз., из них 3 экз. – орудия на пластинах, и 2 экз. – на отщепках.

Орудия на пластинах представлены следующими изделиями:

– острое типичное симметричное на пластине среднего размера (рис.-2). Рабочая кромка острия оформлена модифицирующей крутой мелкой ретушью. Кроме этого, по краям пластины мелкой краевой крутой ретушью оформлены противоположащие выемки (рис.-2);

– медиальный фрагмент пластины среднего размера с мелкой краевой двусторонней ретушью по одному краю (рис.-4);

– медиальный фрагмент пластины мелкого размера без ретуши краю (рис.-5).

Среди орудий на отщепках вызывает интерес обломок бифасиального орудия (рис.-11).

Орудийный набор также представлен мелким обычным отщепом с мелкой краевой дорсальной ретушью.

Отходы производства представлены тремя мелкими обычными отщепками, одним мелким обломком сланцевой плитки, а также двумя дистальными фрагментами пластин мелкого размера краю (рис.-6, 9).

Завершает коллекцию находок фрагмент трубчатой кости крупного млекопитающего.

Стоит отметить, что коллекция каменных артефактов крайне немногочисленная, и, скорее всего, она вряд ли вызвала бы интерес, если бы не одно обстоятельство. Среди тысячи с лишним артефактов коллекции энеолита поселения Новоильинка-III нет ни одного нуклеуса, отсутствуют продукты снятий с нуклеусов, нет орудий на пластинах. Керамика, которая встречена вместе с этими каменными артефактами, находит многочисленные аналогии в коллекциях энеолита этого памятника [Кирюшин, 2015].

Судя по всему коллекция, найденная в 2012 г., является наиболее ранним комплексом, обнаруженным на поселении Новоильинка-III.

В процессе раскопок поселения Новоильинка-VI, находящегося в 300 м к востоку от Новоильинки-III, было установлено, что котлованы жилищ энеолита врезаны в более ранний слой [Кирюшин, 2016]. Материалы, полученные в процессе исследования этого слоя (третий горизонт), отнесены к неолиту – раннему энеолиту. Среди каменных артефактов третьего горизонта поселения Новоильинка-VI присут-

ствуют пластины и сколы с нуклеусов [Кирюшин, 2016]. Однако керамика третьего горизонта поселения Новоильинка-VI существенно отличается от рассматриваемой в данной публикации. Это может свидетельствовать о различной культурной принадлежности, а также хронологии и периодизации ранних комплексов поселений Новоильинка-VI и Новоильинка-III.

Пластинчатый характер коллекций каменных артефактов исследуемого комплекса поселения Новоильинка-III, казалось бы, не вызывает сомнений. К сожалению, данную выборку нельзя назвать представительной. Это обстоятельство заставляет отказаться от окончательных выводов, так как на сопредельной с Северной Кулундой территории в Барабинской лесостепи на поселении Венгерова-3 металлические предметы встречены вместе с каменными орудиями, неолитический облик которых не вызывает сомнений [Молодин, 2001, с. 39]. Учитывая данное обстоятельство и сходство обнаруженной керамики с энеолитической посудой этого памятника, не стоит торопиться с определением периодизации этой коллекций. Стоит расширить определение периодизации комплекса в более широких рамках: неолит – ранний энеолит.

Незначительное количество найденной органики ограничивает возможности радиоуглеродного датирования этой коллекции. Остается надеяться, что ее окажется достаточно для AMS-датирования.

Находки, сделанные в 2012 г., внушают оптимизм. Есть вероятность, что при продолжении целенаправленных поисков возможно выявление объектов археологического наследия неолита и энеолита в окрестностях с. Новоильинка. Также не вызывает сомнений то обстоятельство, что необходимо продолжить работы по изучению планиграфии и стратиграфии поселений Новоильинка-VI и Новоильинка-III.

Библиографический список

Кирюшин К.Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения эпохи энеолита Новоильинка-III в Северной Кулунде // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. №1 (61). С. 25–36.

Кирюшин К.Ю. Третий горизонт поселения Новоильинка-VI (проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXII. Барнаул, 2016. С. 132–139.

Кирюшин К.Ю., Силантьева М.М., Дядьков П.Г., Михеев О.А., Позднякова О.А. Магнитометрические и ботанические исследования на поселении Новоильинка-III в 2012 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVIII. Новосибирск, 2012. С. 184–188.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М. Исследование поселения Новоильинка-III в 2012–2013 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск, 2013. С. 207–211.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М., Семибратов В.П., Гельмель Ю.И. Поселение Новоильинка-III – памятник энеолита Кулунды // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб. ; В. Новгород, 2011. С. 226–227.

Куйбышев А.В. Древние стоянки Кулунды // КСИА. 1976. №148. С. 53–58.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Т. 1. Новосибирск, 2001. 128 с.

С.А. Ковалевский

*Кузбасский государственный технический
университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия*

**ОБ АЛТАЙСКОМ ВАРИАНТЕ ИРМЕНСКОЙ
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ
(по материалам погребально-поминального обряда)**

В 1972 г. Н.Л. Членова дала сводку известных на тот момент памятников периода поздней бронзы Алтая и объединила их в алтайский вариант ирменской культуры [Членова, 1972, с. 26–29]. Позднее она разделила алтайский вариант на северо-алтайский и предгорно-алтайский. В целом Н.Л. Членова [1973, с. 207–209] считала ирменскую культуру достаточно однородной, однако допускала наличие окраинных вариантов. Впоследствии А.Б. Шамшин подверг критике выделение Н.Л. Членовой этих двух вариантов, указав, что целесообразнее говорить о едином алтайском варианте. Специалистом были обозначены и его особенности [Шамшин, 1988а, с. 111–115].

Обобщающие исследования по ирменским погребально-поминальным памятникам Алтайского Приобья проводил А.Б. Шамшин, а позднее О.А. Цивцина и Ю.Ю. Тырышкина (Раиткина) [Шамшин, 1992; Цивцина 2000; Тырышкина, 2008; Раиткина, 2010]. Аналитические данные содержатся также в статье Д.В. Папина и С.П. Грушина [2004, с. 103]. Как указывал А.Б. Шамшин (а вслед за ним и все другие исследователи), только для Алтайского Приобья типичны грунтовые ирменские могильники. Кроме того, к категории специфической формы погребального обряда им были отнесены вторичные захоронения, известные лишь в южной части ирменского ареала (Алтай, Бараба) [Шамшин, 1988б, с. 8–12]. И хотя отдельные грунтовые ирменские погребения выявлены и на других территориях [Степаненко, 2012, с. 23], но только в Алтайском Приобье они встречены в значительном количестве и образуют самостоятельные могильники.

Ирменские погребения Алтайского Приобья, по наблюдениям В.Н. Жаронкина, характеризуются преобладанием подкурганых захоронений в могильных ямах по обряду ингумации и неустойчивостью ориентации погребений. В сравнении с Кузнецкой котловиной и Новосибирским Приобьем исследователь прослеживает тенденцию к дальнейшему снижению количества погребений в деревянных рамах с перекрытием на уровне древней поверхности и юго-западной ориентацией

и увеличению количества погребений в грунтовых ямах. Эти черты получают дальнейшее развитие в погребальном обряде большереченской культуры переходного времени. Анализ ирменской посуды Алтайского Приобья, проведенный исследователем, продемонстрировал высокую схожесть, вследствие чего там не удалось выявить традиционные орнаментальные мотивы [Жаронкин, 2003, с. 7–22].

Нами в ходе сравнительного анализа декора ирменской погребальной керамической посуды различных регионов (Кузнецкая котловина, Томское Приобье, Верхнее Приобье, Бараба) был сделан вывод о высокой степени сходства орнаментации Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины. Это проявилось в близком процентном соотношении различных орнаментов в декорировании посуды, а также использовании около 20 одинаковых композиций. Посуда всех остальных регионов демонстрирует гораздо более слабые связи друг с другом. Вместе с тем была выявлена и специфика верхнеобской погребальной керамики. Так, для орнаментации зоны венчика достаточно часто там использовались такие мотивы, как «сетка» и штрихованные пояса, восходящие к традициям андронидных культур, а геометрические фигуры чаще, чем в других регионах, заштриховывались горизонтальными линиями, что также напоминает известный мотив андронидной ритуальной посуды. Специфика верхнеобской керамики проявилась и в использовании целого ряда композиций, не известных в других регионах. В целом анализ орнаментации ритуальной посуды Верхнего Приобья выявил ее значительное сходство с декором посуды других восточных ирменских территорий [Ковалевский, 2010, с. 128–142; 2012, с. 42–48].

Исследование элементов ирменского погребально-поминального обряда различных территорий, проведенное Д.В. Степаненко, позволило ей выделить в ирменском ареале две территориальные группы: северо-восточную (Кузнецкая котловина, Томское и Новосибирское Приобье) и юго-западную (Алтайское Приобье, Бараба и Омское Прииртышье). К категории локальных особенностей погребального обряда Алтайского Приобья Д.В. Степаненко [2012, с. 11, 23, 24] относит: 1) наличие тризн под насыпями курганов, которые содержали керамические сосуды различной степени целостности и бронзовые изделия; 2) расположение половины всех погребений в материковом слое; 3) овальную форму 36% могильных ям; 4) наличие коллективных ирменских погребений; 5) наличие ритуально-жертвенных комплексов в погребениях; 6) ориентацию части погребенных головой на запад.

Нами также был выполнен сравнительный анализ элементов ирменского погребально-поминального обряда и сопроводительного инвентаря, показавший, что выделенные ранее особенности алтайского варианта следует дополнить. Сюда можно отнести:

1. Специфические типы могильных сооружений (перекрытие отдельных могил камнем либо войлоком или шкурами животных; вой-

лочная подстилка под погребенным); наличие каменных крышек на отдельных сосудах.

2. Распространенность бронзовых ножей с прямым или дугообразным обушком, со слабо намеченным уступом или без уступа, отделяющего рукоять от лезвия, с плоской рукоятью, без навершия. Особенностью данного типа ножей является небольшое отверстие округлой или овальной формы в верхней части рукояти.

3. Наличие в погребениях блях с одной петелькой на обороте, гладкой поверхностью, без дополнительных деталей, бляшек-пуговиц трех типов (с гладкой поверхностью и округлой петелькой на обороте; тонких сферических бляшек-нашивок с двумя отверстиями для крепления по краям; тонких сферических сдвоенных бляшек без приспособлений для крепления), витых пронизок в форме спирали.

4. Наличие специфических гвоздевидных подвесок с окончанием в форме стеклянной бусины или лопаточки, височных колец, костяных нагрудных подвесок, трубчатых наконечников двух типов (с гладкой поверхностью и прочерченными бороздками по краям; бочонковидных с прорезьями), рубчатых нашивок, головных обручей, аргиллитовых, стеклянных, сердоликовых и лазуритовых бус, бочонковидных литых бус, бронзового зеркала, каменных оселков.

В целом создается впечатление, что население алтайского варианта ирменской общности демонстрирует, с одной стороны, устойчивые связи с западно-ирменскими группами Барабинской лесостепи. Это проявилось в определенном сходстве элементов погребально-поминального обряда (преобладание небольших, округлой формы курганов с одним, реже – 2–3 погребенными; грунтовые могильные сооружения), некоторых специфичных орнаментальных мотивов и инвентаря (ножи с прямым обушком, дугообразно завершающимся к лезвию, с уступом, отделяющим рукоять от лезвия, и плоской рукоятью, украшенной монетовидным навершием; кинжалы киммерийского типа). Сюда же можно отнести ножи с аркой на кронштейне, получившие распространение как в Барабе, так и на территории Алтайского Приобья в переходное время от бронзы к железу. Взаимодействие, по всей видимости, осуществлялось через территорию Кулунды, где известны немногочисленные ирменские и позднеирменские памятники, а также ирменская керамика в саргаринско-алексеевских комплексах.

С другой стороны, население Алтайского Приобья демонстрирует сильные связи с восточно-ирменским населением Новосибирского и Томского Приобья, а также Кузнецкой котловины. Они проявляются в сходстве элементов погребально-поминального обряда (наличие деревянных, реже – каменных могильных сооружений), общих типов сопроводительного инвентаря (ножи семи различных типов; браслеты с гладкой либо желобчатой поверхностью без дополнительных деталей; бляхи с одной петелькой на обороте, гладкой поверхностью, без

дополнительных деталей; бляшки-пуговицы семи различных типов; гвоздевидные подвески с окончанием в форме двойной шляпки; серьги с окончанием в форме спирали; височные кольца и лапчатые подвески; костяные подвески зооморфной формы; трубчатые наконечники с желобчатой поверхностью; головные обручи; кольца пластинчатые с желобчатой и желобчатой поверхностью; перстни) и керамики (преобладание на поселениях и могильниках плоскдонных горшков, орнаментированных сходными орнаментальными мотивами и композициями, а также их близкое соотношение).

Данная ситуация согласуется и с ориентацией алтайских литейщиков и кузнецов при изготовлении металлического инвентаря на различные горно-металлургические провинции и центры (Центрально-Азиатская металлургическая провинция и ГМЦ Рудного Алтая и Казахстана) [Бобров, Кузьминых, 1997, с. 9–12; Бобров, 2000, с. 145–146].

Как ранее отмечали Ю.Ф. Кирюшин и А.Б. Шамшин, на территории Алтайского Приобья отсутствуют материалы раннего быстрого этапа, известные на территории Новосибирского Приобья. Таким образом, миграция ирменского населения на территорию Алтайского Приобья осуществлялась, как считали исследователи, именно с территории Новосибирского Приобья [Кирюшин, Шамшин, 1987, с. 137–158; Шамшин, 1988а, с. 8–12].

Также ряд специалистов обращали внимание на то, что специфика алтайского варианта заключается во многом в том, что он испытывал на себе воздействие андронидного корчажкского населения, а также степных групп саргаринско-алексеевского и бегазы-дандыбаевского населения [Кирюшин, 1981, с. 53; Кирюшин, Удодов, 1990, с. 55–56; Удодов, 1991, с. 88; Шамшин, Цивцина, 1999, с. 50–52; 2001, с. 213–217; Шамшин, 2004, с. 105; 2005, с. 149–155; Ситников, 2006, с. 458–459].

Взаимодействие со степными группами саргаринско-алексеевского и бегазы-дандыбаевского населения, а также нахождение в контактной зоне «степь – лесостепь» объединяет население алтайского варианта с ирменскими группами Барабы и южной части лесостепного Прииртышья. Вместе с тем взаимодействие с андронидным корчажкским (лесостепным еловским) компонентом объединяет алтайских «ирменцев» с населением Новосибирского и Томского Приобья, а также Кузнецкой котловины. Таким образом, ирменские группы Алтайского Приобья демонстрируют разнонаправленные связи, тяготея, с одной стороны, к западным ирменским группам, а с другой – оставаясь в составе восточно-ирменской группировки.

Библиографический список

Бобров В.В. О западной границе центральноазиатской металлургической провинции в эпоху поздней бронзы // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XI. Барнаул, 2000. С. 145–146.

Бобров В.В., Кузьминых С.В. Химический состав металла в аспекте локальной специфики развития ирменской культуры // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997. С. 9–12.

Жаронкин В.Н. Культурные традиции и инновации в эпоху поздней бронзы и переходное время к раннему железному веку Верхней Оби : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2003. 23 с.

Кирюшин Ю.Ф. О культурах бронзового века в лесостепном Алтае // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып. 3. Новосибирск, 1981. С. 51–54.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажнинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 137–158.

Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С. Экологические факторы и формирование культур поздней бронзы в Западной Сибири // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990. С. 53–56.

Ковалевский С.А. Традиции орнаментации керамики из погребальных комплексов ирменской культурно-исторической общности юга Западной Сибири (опыт сравнительного анализа) // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул, 2010. С. 128–142.

Ковалевский С.А. Особенности орнаментации ритуальной посуды ирменской культурно-исторической общности // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. №1 (16). С. 42–48.

Папин Д.В., Грушин С.П. Ирменский комплекс на памятнике Телеутский Взвоз-1 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004. С. 93–103.

Ситников С.М. К вопросу о культурно-исторических контактах в эпоху финальной бронзы на территории Обь-Иртышского междуречья // Современные проблемы археологии России. Т. 1. Новосибирск, 2006. С. 458–460.

Степаненко Д.В. Погребальный обряд ирменской и позднеирменской культур: опыт многомерного статистического анализа : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2012. 33 с.

Райткина Ю.Ю. Погребально-поминальная обрядность носителей ирменской культуры Алтайского Приобья // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. Барнаул, 2010. С. 44–46.

Тырышкина Ю.Ю. Погребальный обряд ирменского населения Барнаульского Приобья // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул, 2008. С. 122–124.

Удодов В.С. О роли бегазы-дандыбаевского компонента в этнокультурных процессах эпохи поздней бронзы Западной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 84–92.

Цивчина О.А. Погребальный обряд ирменского населения Барнаульского Приобья // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии : материалы региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Т. 1. Новосибирск, 2000. С. 161–162.

Членова Н.Л. Итоги и проблемы изучения карасукской эпохи в Алтайском крае // Археология и краеведение Алтая. Барнаул, 1972. С. 26–29.

Членова Н.Л. Ирменская культура и ее локальные варианты // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 207–209.

Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзы к железу в Барнаульском Приобье // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988а. С. 111–115.

Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время в Барнаульско-Бийском Приобье (XII–VI вв. до н.э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1988б. 16 с.

Шамшин А.Б. Погребальный обряд населения Алтайского Приобья в эпоху поздней бронзы и переходное время // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Ч. II. Омск, 1992. С. 103–105.

Шамшин А.Б. Микрорайоны эпохи поздней бронзы в лесостепном Барнаульском Приобье и Кулундинской степи // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2004. С. 101–108.

Шамшин А.Б. Некоторые проблемы изучения памятников эпохи поздней бронзы в лесостепном и степном Обь-Иртышском междуречье // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005. С. 149–155.

Шамшин А.Б., Цивцина О.А. Валиковая керамика с поселений ирменской культуры лесостепного Алтая // История, археология и этнография Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 1999. С. 50–52.

Шамшин А.Б., Цивцина О.А. Взаимодействие носителей культур эпохи поздней бронзы в Алтайском Приобье (по материалам поселения Фирсово-XVIII) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 213–217.

А.Л. Кунгуров

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ПЕРВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ОКОЛО с. ТОЧИЛЬНОГО (Алтайский край)

Первые археологические находки около с. Точильного были сделаны автором в августе 1980 г. при плановом обследовании проектов дорожного строительства на территории Алтайского края [Кунгуров, 1981]. В процессе обследования правого и левого бортов долины р. Песчаной зафиксированы четыре многослойных поселения, получившие наименования Точильное-1–4 (рис. 1.-1, 2). Два из них – Точильное-1 и 4 – попали в трассу обновления трассы Бийск – Белокуриха и в дальнейшем раскапывались новостроечными археологическими экспедициями Алтайского государственного университета [Абдулганеев, Казаков, Неверов, 1991; Казаков, 1989; Абдулганеев, Владимир, 1997]. К сожалению, исследования 80–90-х гг. XX в. до настоящего времени опубликованы только частично и выборочно – преимущественно керамические комплексы раннего железного века. Однако даже в ходе первых работ на поселениях кроме находок 1-й половины I тыс. до н.э. фиксировались материалы каменного века и отдельные артефакты эпохи бронзы. Настоящая работа посвящена публикации первых материалов археологического комплекса.

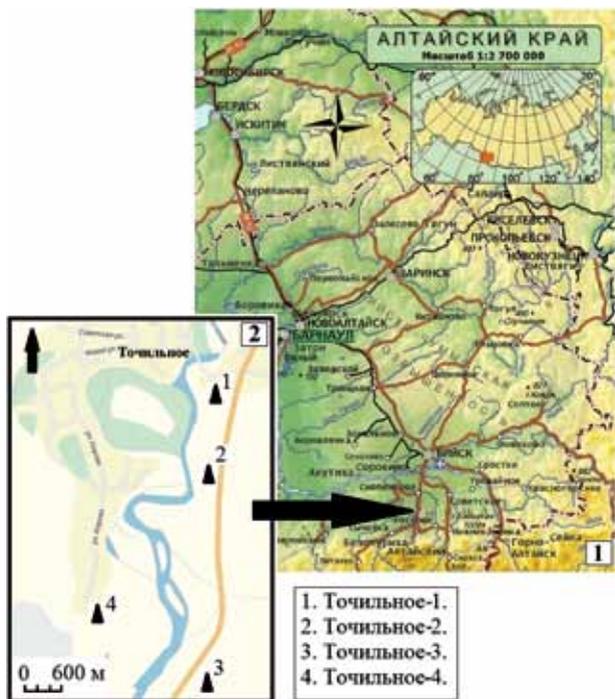

Рис. 1. Расположение комплекса археологических памятников около с. Точильного Смоленского района Алтайского края

Регион относится к стране Горы Южной Сибири (Кузнецко-Салаирская область северо-предалтайская провинция нижнекатунский район). Ландшафт – возвышенные эрозионно-денудационные предгорья, дренированные холмисто-увалистые с лессово-суглинистым покровом на скальном цоколе (отроги Чергинского хребта). Цоколь – вулканогенные отложения смешанного состава (девонские интрузивные образования: граниты, плагииграниты, гранит-порфиры). Почвы представлены горными выщелоченными черноземами, высоко- и среднегумусными, средне- и маломощными, смытыми. К р. Песчаной, протекавшей в этом месте с юго-запада на северо-восток, выходит гранитоидная цокольная возвышенность высотой до 70 м. С северо-западной оконечности возвышенности, образующей пологий мыс, спускающийся до высоты 6 м, занятый поселением, получившим наименование Точильное-1. С юго-западной оконечности возвышенности долиной реки оформлен крутой мыс высотой до 14 м, занятый верхнепалеолитическим памятником Точильное-2. Точильное-3 – поселение раннего железного века – зафиксировано на пологом 11-метровом мысе, сформированном логом, ограничивающим Точилинскую возвышен-

ность с юга, и пологими склонами правого берега р. Песчаной. Левый борт долины реки (третья надпойменная терраса) более низкий, пологий, сложенный рыхлыми лессово-суглинистыми толщами, высотой по бровке до 9 м. На поверхности террасы расположено с. Точильное. На юго-западной оконечности села изгиб долины реки образует пологий мыс высотой до 5 м. Там зафиксировано поселение Точильное 4.

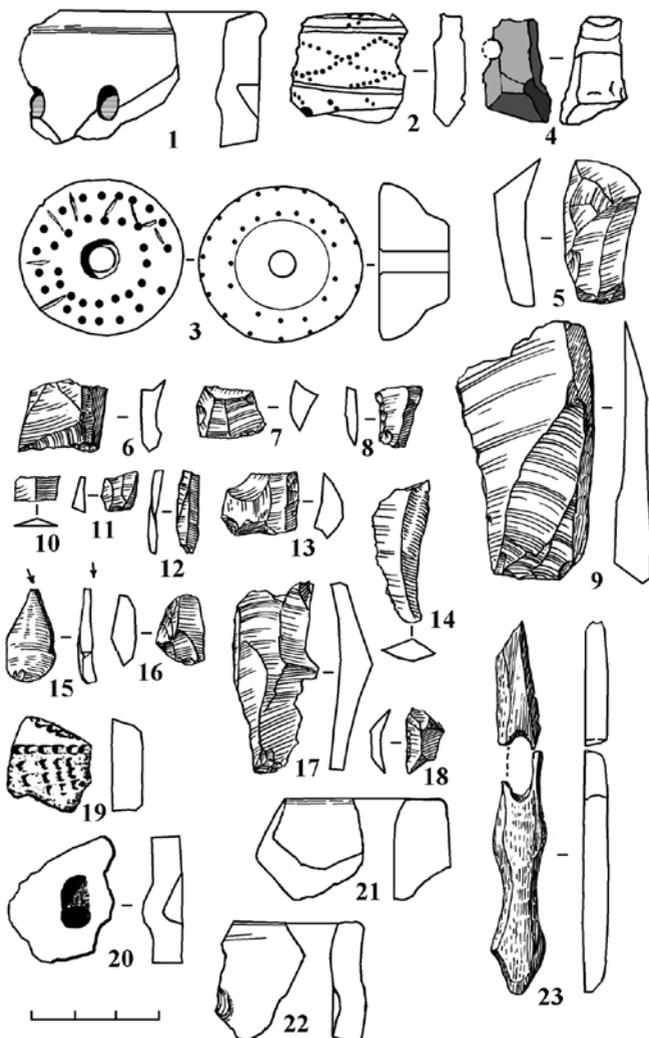

Рис. 2. Археологическая коллекция 1980 г. с поселений около с. Точильного Смоленского района Алтайского края

Точильное-1 – поселение, на котором в разрушениях антропогенного характера зафиксированы материалы раннего железного века (каменная культура) и эпохи бронзы. Первый комплекс представлен обломками слабопрофилированных сосудов баночной и горшковидной формы, украшенных наколами округлых гладких орнаментов (рис. 2.-1) и керамическим пряслищем (рис. 2.-2). Пряслище имеет трапециевидное сечение с перехватом и украшено с двух сторон накольчато-прочерченным орнаментом. Второй комплекс представлен фрагментами баночных сосудов, декорированных оттисками мелкозубого штампа, образующими геометрические фигуры и разделяющими их прочерченными линиями (рис. 2.-2). Скорее всего, керамический материал второго комплекса поселения Точильное-1 можно отнести к корчажкинской культуре позднего бронзового века. Найденный там же обломок оселка с просверленным отверстием может принадлежать любому хронологическому комплексу памятника (рис. 2.-4).

Точильное-2. Каменная индустрия стоянки, представленная 25 артефактами, приурочена к кровле толщи лессовидного суглинка, перекрывающего цокольную гранитоидную основу возвышенности, ограничивающей правый борт долины р. Песчаной. Техника расщепления технокомплекса имеет выразительный призматический характер и состоит из отходов производства (13 отщепов и реберчатый скол), пластин и пластинчатых отщепов. Орудие имеется только одно – боковой резец на левом краю мелкого вторичного отщепа (рис. 2.-15). Отщепы мелкие (6) и средние (5) вторичные и мелкие вторичные (2). Реберчатый скол получен при обновлении нуклеуса призматического принципа расщепления (рис. 2.-5). Продукты расщепления представлены крупным (рис. 2.-9) и мелкими (рис. 2.-6, 7, 13, 14, 16) пластинчатыми отщепами, а также мелкими пластинами (4). Пластины в разной степени фрагментированы: сечение (рис. 2.-19, 11), проксимальная часть (рис. 2.-8) и с усеченным дисталом (рис. 2.-12). Хотя следы утилизации присутствуют на всех сколах, ретуширован только дорсальный левый край проксимального фрагмента пластины (рис. 2.-8). Ретушь крупная чешуйчатая регулярная притупляющая. Возможная датировка стоянки – ранний мезолит.

Точильное-3 – данное поселение на момент открытия было представлено только неорнаментированными фрагментами керамики. В 1990 г. А.А. Казаков вскрыл на памятнике 468 кв. м и зафиксировал два жилища, многочисленные хозяйственные ямы, железные и костяные орудия труда и многочисленные кости животных и фрагменты керамики раннего железного века [Абдулганеев, Владимиров, 1997, с. 24].

Точильное-4 – поселение, расположенное на мысе левого берега р. Песчаной. В разрушениях антропогенного характера собраны материалы трех хронологических комплексов. Наиболее ранний представлен двумя артефактами – крупным пластинчатым отщепом (рис. 2.-17) и сечением мелкой пластины с ретушированным дорсальным левым

краем (рис. 2.-18). Ретушь регулярная мелкая чешуйчатая притупляющая. Следующий комплекс, представленный одним фрагментом керамики, украшенным оттисками гребенчатого штампа, может относиться к раннему бронзовому веку (елунинская культура) (рис. 2.-12). Третий комплекс представлен керамикой раннего железного века. Кроме фрагментов баночных сосудов, украшенных жемчужником и овальными наколами (рис. 2.-20–22), материал представлен обломками рогового псаля с фигурными ромбовидными окончаниями (рис. 2.-23).

Библиографический список

Абдуганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н.э. Барнаул, 1997. 148 с.

Абдуганеев М.Т., Казаков А.А., Неверов С.В. Новые исследования на р. Песчаной // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Вып. II. Барнаул, 1991. С. 58–61.

Абдуганеев М.Т., Шамшин А.Б. Аварийные раскопки у с. Точильное // Охрана и использования археологических памятников Алтая. Вып. I. Барнаул, 1991. С. 99–104.

Казаков А.А. Керамический комплекс Точильное I // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989. С. 60–62.

Кунгуров А.Л. Работы Бийского отряда // АО 1980 года. М., 1981. С. 189–190.

О.С. Лихачева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

БРОНЗОВЫЙ КИНЖАЛ С ЗООМОРФНЫМ НАВЕРШИЕМ ИЗ БИЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

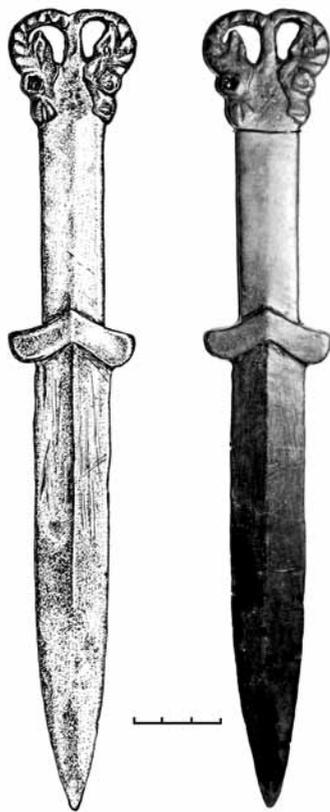
Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

В 2013 г. нами проводились работы по изучению оружия раннего железного века, хранящегося в Бийском краеведческом музее им. В.В. Бианки. Предметы данной категории представлены наконечниками стрел, кинжалами, топорами и чеканами. Одним из наиболее ярких экспонатов, заслуживающих, на наш взгляд, особого внимания является бронзовый кинжал с зооморфным навершием, выполненным в виде голов козлов. Данное изделие не имеет инвентарного номера. К сожалению, никакой информации о том, откуда оно происходит, кем и когда было передано в музей, не сохранилось. Кинжал на момент работы с ним экспонировался на витрине «Ранние кочевники». Благодаря любезно оказанной помощи Людмилы Ивановны Чагадаевой, научного сотрудника музея, нам удалось произвести достаточно подробную работу по рассматриваемому экземпляру.

Кинжал обладает следующими параметрами: его общая длина составляет 27,4 см. Клинок: длина – 16 см, ширина у основания – 2,6 см; перекрестие: длина – 4,3 см, ширина по центру между вершиной и основанием – 1,2 см; черен: длина – 7 см, ширина – 2,2 см; навершие: длина – 4 см, ширина – 4,4 см.

Рассматриваемое изделие имеет клинок килевидного абриса – его лезвия от основания идут параллельно друг другу и плавно сужаются к окончанию, образуя фигуру, напоминающий киль корабля. В верхней части он имеет ромбовидное сечение, а в нижней трети центральное ребро перестает читаться, и сечение приобретает линзовидную форму. На полотне клинка прослеживаются многочисленные продольные и поперечные царапины. Перекрестие рассматриваемого изделия относится к так называемым «бабочковидным». В литературе принято такое обозначение, поскольку общий абрис перекрестия ассоциативно напоминает раскрытые крылья бабочки, при этом форма может значительно варьироваться. У данного кинжала перекрестие имеет следующие особенности: вершина острая, плечики практически не имеют прогиба, окончания «крыльев» округлые, основание дуговидной формы. Черен прямоугольного сечения без дополнительных функциональных и декоративных элементов (рис.).

Весьма оригинально навершие рассматриваемого экземпляра. Эта деталь выполнена в виде вертикально расположенных голов горных козлов, морды которых обращены вниз. Они имеют характерные носы с горбинкой и тонкие, поднятые над головой рога, уходящие назад, на которых выпуклыми треугольниками и трапециями показаны завитки. Рога достаточно круто изгибаются, образуя полукруг, соединяются по середине перекрестия и формируют неширокую перегородку, соединяющуюся с череном. Изображения проработаны не одинаково подробно. У одного из глаз представляет собой выпуклую «запятую», направленную хвостиком вверх, с углублением-зрач-

Бронзовый кинжал
из Бийского краеведческого
музея им. В.В. Бианки

ком по центру, но не показан рот и не детализовано ухо. Глаз второго обрамлен валиком, но по центру находится сильное повреждение. Хорошо показан приоткрытый рот с трапециевидной нижней челюстью, детально проработана выемка внутри уха (см. рис.).

Кинжалы являлись наиболее массовым видом клинкового оружия ближнего боя в древности. Первые экземпляры, изготовливавшиеся из меди, появились в IV тыс. до н.э. на Ближнем Востоке [Горелик, 2003, с. 15]. С III тыс. до н.э. стали распространяться бронзовые изделия, которые бытовали в то время в Месопотамии, Восточной Европе и Южной Сибири [Степанова, 1993, с. 97; Горелик, 2003, табл. III.-5–8; XII.-8; Ключко, 2006, рис. 10.-6–1]. На первых двух территориях они использовались до начала I тыс. до н.э., а в Южной Сибири вплоть до III в. до н.э. [Тереножкин, 1961, рис. 90; Горелик, 2003, табл. VI–77]. На территории лесостепного Алтая фрагменты бронзовых кинжалов встречены на памятнике конца III тыс. до н.э. – 1-й трети II тыс. до н.э. елунинской культуры Березовая Лука [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 141, рис. 69.-2–3].

Килевидный абрис клинка известен у бронзовых кинжалов Ближнего Востока с середины III тыс. до н.э. и встречается там до VII в. до н.э. [Горелик, 2003, табл. III.-24, 26; VI.-36, 40]. Впоследствии данный признак встречается у изделий «раннескифского» времени Горного Алтая и сохраняется до III в. до н.э. [Кубарев, 1992, с. 132, табл. XLVIII.-5; Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 60.-5]. Килевидный клинок встречается у кинжалов тагарской культуры VIII–VII вв. до н.э. и раннесакских VII–VI вв. до н.э. [Членова, 1967, табл. 3.-2, 5, 12, 16; Таиров, 2007, рис. 2.-2; 5.-48]. На территории лесостепного Алтая самый ранний кинжал с клинком килевидной формы происходит с поселения XIV–IX вв. до н.э. Курейка-III, в дальнейшем этот признак встречается до III в. до н.э.

Перекрестия «бабочковидной» формы, несмотря на общий Л-видный абрис, имеют целый ряд особенностей, которые указывают на время их бытования. Для части изделий характерны следующие признаки: узкое полотно, прямые или, напротив, с выраженным прогибом плечики, образующие острый угол. Каждая из половин близка к каплевидной форме. Кинжалы с таким перекрестием находят аналогии в материалах VIII–VII вв. до н.э. тагарской культуры и ранних сакских изделий VII–IV вв. до н.э. [Членова, 1967, табл. 3.-13–15, 17; Горелик, 2003, табл. XI.-21; Таиров, 2007, рис. 46.-5]. Видимо, от них происходят впоследствии образцы с классическим «бабочковидным» перекрестием, имеющим среднее или широкое полотно, плавный прогиб плечиков, острую вершину и выраженную выемку у основания. Одно «крыло» такого перекрестия напоминает половину окружности, диаметр которой вогнут. Подобная форма широко известна у тагарских бронзовых кинжалов VI–IV вв. до н.э. [Членова, 1967, табл. 4.-1–4; Горелик, 2003, табл. XII.-1–3, 76]. У некоторых экземпляров общая форма приближается к брусковидной, лишь небольшая выемка в базе, благодаря которой

образуются небольшие «крылья», позволяет отнести их к этой разновидности перекрестий. Кинжалы с таким признаком встречаются в Горном Алтае в памятниках VI–IV вв. до н.э. [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 33, 107; рис. 18.-2–3]. Наиболее близкие по форме рассматриваемого экземпляру перекрестия известны у пазырыкского изделия из могильника VI–V вв. до н.э. Кок-Су-1, к. 31, и тагарского кинжала V–III вв. до н.э. [Сорокин, 1974, рис. 10.-6; Членова, 1992, табл. 84.-15].

Парное изображение голов животных на навершии клинкового оружия ранее всего (с VI в. до н.э.) фиксируется у племен тагарской культуры. В дальнейшем оно бытует у ее носителей до IV в. до н.э., встречаясь как у бронзовых, так и у железных экземпляров [Горелик, 2003, табл. XII.-8, 19, 22–23, 33–33а]. Реже они встречаются на более западных территориях. Так, одно железное изделие происходит из кургана Чертомлык V–IV вв. до н.э., другое – с Висимской дачи и датируется IV в. до н.э. [Горелик, 2003, табл. XI.-50; Королькова, 2006, ил. 50]. На территории лесостепного Алтая известно еще одно изделие с таким оформлением навершия. Это железный кинжал, тоже являющийся случайной находкой, и датированный исследователями в рамках V–IV вв. до н.э. [Могильников, 1997, с. 43, рис. 36.-6]. Стоит отметить, что на указанных изделиях головы животных располагаются горизонтально, тогда как на экземпляре из Бийского краеведческого музея они сделаны вертикально. Аналогичная компоновка изображения встречается еще у одного изделия – кинжала из с. Борки, относящегося к V в. до н.э. [Горелик, 2003, табл. XII.-22]. Но у последнего морды животных развернуты носами вверх.

Изображения горных козлов, венчающие кинжалы, встречаются достаточно редко и характерны для Центральной Азии. Наиболее ранние относятся еще к рубежу II–I тыс. до н.э. и связаны с карасукскими образцами из Забайкалья и Монголии [Горелик, 2003, табл. VII.-53; Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011, рис. 22.-2]. Встречаются они и на клинковом оружии с так называемых «оленных» камней [Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011, рис. 18.-1–3]. На наш взгляд, навершие рассматриваемого изделия стилистически восходит именно к ранним образцам, на что указывают как его общий абрис, так и способ оформления деталей – ушей и глаз. В более позднее время изображение голов горных козлов на навершии известно лишь у одного железного кинжала из района Минусинска, датированного V в. до н.э. [Горелик, 2003, табл. XII.-29].

В целом кинжал из Бийского краеведческого музея является уникальным и не находит полностью идентичных аналогий на других территориях. Данный тип сочетает в себе, с одной стороны, черты, характерные для короткоклинкового оружия скифского времени, – парное изображение голов животных на навершии и развитое «бабочковидное» перекрестие, с другой – достаточно ранние признаки в художественном оформлении, восходящие к «раннескифским» образцам. Корреляция признаков позволяет датировать его в рамках VI–V вв. до н.э.

Более сложным является вопрос его культурной принадлежности, поскольку нет никаких данных о месте его нахождения. Маловероятно, что данный экземпляр связан с материалами быстринской или каменной культур. Среди клинкового оружия первой не только нет схожих образцов, но на настоящий момент не известно ни одного кинжала, изготовленного из бронзы. Среди кинжалов каменной культуры встречаются изделия из бронзы, но у них не фиксируются навершия с парным изображением животных. Исходя из своеобразного оформления навершия, можно было связать происхождение данного экземпляра с больше-реченской культурой. Но «бабочковидное» перекрестие совершенно не характерно для кинжалов «раннескифского» времени. На данном этапе эта деталь кинжалов еще не полностью сформировалась и у всех известных образцов больше-реченской культуры может обозначаться лишь как «протоперекрестие».

Наибольшее число аналогий находит рассматриваемый образец среди короткоклинкового оружия староалейской культуры, носители которой активно использовали бронзу для его изготовления, причем все бронзовые кинжалы имеют «бабочковидное» перекрестие. Также из материалов староалейской культуры происходит кинжал с парным изображением голов животных на навершии – баранов, сделанный из железа. Таким образом, с наибольшей вероятностью можно отнести рассмотренный бронзовый кинжал из Бийского краеведческого музея к комплексу вооружения племен староалейской культуры.

Библиографический список

- Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). СПб., 2003. 336 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть 3: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул, 2004. 292 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул, 2005. Т. 1. 288 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.
- Клочко В.І. Озброєння та війська справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р.Х.). Киев, 2006. 337 с.
- Королькова Е.Ф. Властители степей. СПб., 2006. 136 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.
- Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 195 с.
- Сорокин С.С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-су (Южный Алтай) // Археологические сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 16. Л., 1974. С. 62–91.
- Степанова Н.Ф. Исследования у с. Элекманар // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. I. Барнаул, 1993. С. 94–97.
- Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск, 2007. 274 с.

Тереножкин А.И. Предскифский период на днепровском правобережье. Киев, 1961. 248 с.

Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие – III век до н.э.). СПб., 2011. 172 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 268 с.

Членова Н.Л. Тагарская культура // Археология СССР. Т. 11: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 206–224.

Ю.Т. Мамадаков¹, В.Б. Бородаев², Р.В. Белоусов²

¹ООО «Наследие Сибири», Барнаул, Россия;

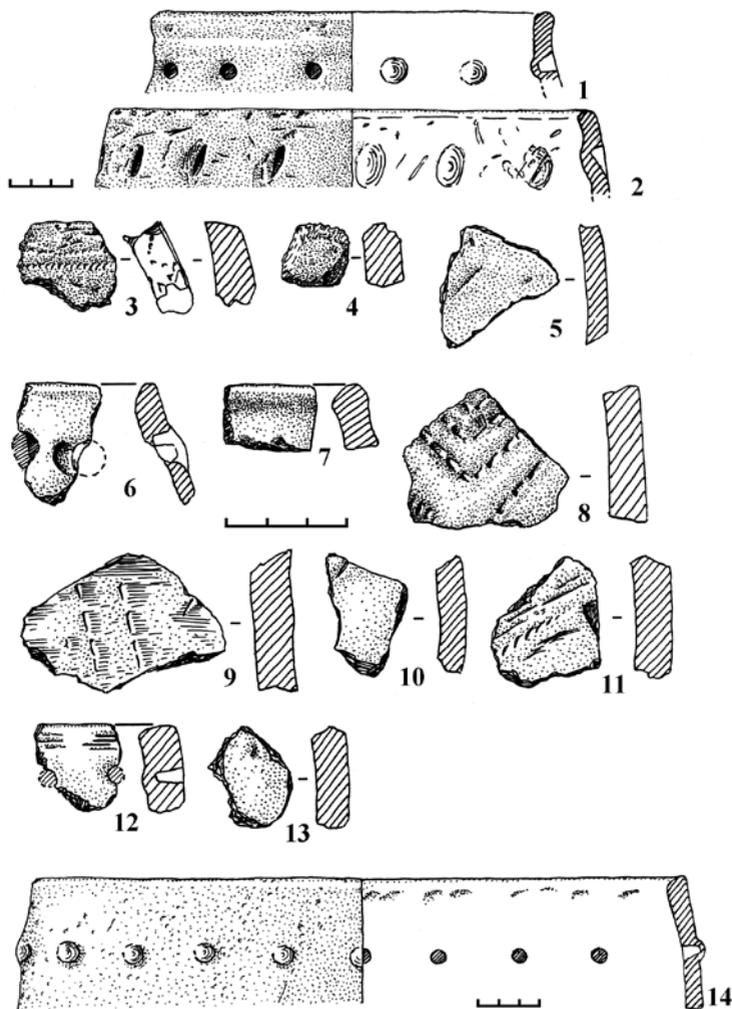
²Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул, Россия

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В СМОЛЕНСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ ВЕСНОЙ 2015 г.

В мае 2015 г. отрядом ООО «Наследие Сибири» осуществлена археологическая разведка в Смоленском районе Алтайского края по линии предполагаемого строительства магистрального газопровода на территорию Белокурихи-2. Трасса обследования проходила вдоль течения р. Березовки, где на левом берегу было выявлено три ранее неизвестных археологических объекта – поселения Ульяновка-2, Ульяновка-3 и Жерновный лог-1.

Поселение Ульяновка-2. Расположено на коренной террасе левого берега р. Березовки, в 40–50 м к северо-западу от крайних жилых домов окраины пос. Ульяновка (пригород г. Белокурихи). Площадь памятника пострадала от распашки и иного антропогенного воздействия. Материал поселения представлен мелкими обломками керамики. Зафиксирован фрагмент венчика керамического сосуда, украшенный редкими вдавлениями – «жемчужником» без разделителя (рис.-12). Облик и орнаментация сосуда характерны для быстринской культуры раннего железного века [Абдулганеев, 1996].

Поселение Ульяновка-3. Находится в 270–290 м к западу – юго-западу от поселения Ульяновка-2. В обнажениях берега встречены обломки древней глиняной посуды, в основном без орнамента. Фрагменты венчиков происходят от крупных закрытых сосудов баночной формы с орнаментом в виде округлых и косо поставленных глубоких вдавлений (рис.-1, 2). Подобная керамика характерна для поселенческих комплексов быстринской культуры раннего железного века (2-я половина I тыс. до н.э.). Один мелкий обломок венчика имеет прямой срез, украшенный оттисками мелкозубчатого штампа, образующими зигзаг (рис.-3). С наружной стороны этот сосуд также декорирован гребенчатым штампом. Возможно, находку следует датировать более ранним временем, чем основной массив подъемного материала.

Обломки сосудов с поселений Ульяновка-2, Ульяновка-3 и Жерновный лог-1:
 1-5 – Ульяновка-3, сборки с обнажений; 6-11 – Ульяновка-3, шурф 9;
 12-13 – Ульяновка-2, сборки с распашки; 14 – Жерновный лог-1, шурф 11

Из разведочного шурфа 9 на поселении Ульяновка-3 (N – 51°59.374', E – 084°54.427') получены шесть фрагментов керамики (рис.-6-11). Два венчика характерны для комплексов раннего железного века: один из них украшен «жемчужником» с разделителем по плечикам слабопрофилированного горшка закрытой формы, второй обломан по ряду трудно

идентифицируемых оттисков. На трех фрагментах тулова толстостенных баночных сосудов прослеживается орнамент в виде косых оттисков, нанесенных крупным гребенчатым штампом.

Поселение Жерновный лог-1. Расположено в 1200–1300 м к западу – юго-западу от пос. Ульяновка, по левому берегу сезонной речушки Жерновной, на гриве, срезанной технологической дорогой. Видимых в рельефе объектов (землянок, курганов, рвов) на территории памятника не зафиксировано, поселение обнаружено по единичным сборам мелких обломков сосудов из осыпи со стороны дороги и по находке керамики в шурфе 11 (N – 51°58.781', E – 084°53.207'). Артефакты представлены осколками баночных сосудов (рис. -14), орнаментация и форма которых позволяют отнести их к раннему железному веку.

Таким образом, материал с трех открытых в мае 2015 г. поселений предгорной зоны Алтая (Ульяновка-2, Ульяновка-3, Жерновный лог-1) представлен керамикой 2-й половины I тыс. до н.э. Вновь выявленные объекты культурного наследия предварительно могут быть отнесены к кругу памятников быстринской культуры. При этом возможно, что поселение Ульяновка-3 окажется многослойным, где кроме раннежелезных материалов будут встречены находки более раннего времени.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т. «Неизвестные» памятники раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VII. Барнаул, 1996. С. 128–134.

И.В. Мерц¹, И.А. Кукушкин², В.К. Мерц¹

¹*Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова,
Павлодар, Казахстан;*

²*Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова,
Караганда, Казахстан*

СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА КАМЕННОГО СВЕРЛЕНОГО КЛЕВЦА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ САРЫАРКИ (Казахстан)

Работа выполнена при поддержке бюджетных программ МОН РК «Грантовое финансирование научных исследований» на 2015–2017 гг.: №0044/ГФ4 «Ранний бронзовый век левобережья Казахстанского Прииртышья» и №1344/ГФ4 «Исследование социально-стратифицированных погребальных комплексов Сарыарки в эпоху бронзы»

Ранний бронзовый век Центрального Казахстана остается практически не изученным периодом, поэтому необходимо введение в научный оборот новых материалов и расширение источниковой базы. В настоящей работе рассматривается находка обломка сверленого каменного орудия из района с. Тортколь Бухаржырауского района Карагандинской

области (рис.-1). Основными задачами исследования являются определение типологической и культурно-хронологической принадлежности этой находки.

Артефакт обнаружен в 2012 г. в 1,5–2 км к востоку от с. Тортколь, между впадающей в одноименное озеро р. Шантимес и горой Тасшоки (рис.-2), местным жителем по имени Каньш, передавшим его И.А. Кукушкину. Находка представляет собой обломок рабочей части каменного сверленного орудия ударного действия. Вес предмета – 340 г. Сохранившаяся часть орудия имеет конусовидное продольное сечение с округленным рабочим краем длиной 9,5 см, его верхняя часть немного скошена относительно нижней. Продольное сечение неправильной округлой формы, размером 6 × 4,9 см. В центре орудия было просверлено круглое отверстие для крепления рукояти, посередине которого оно и обломилось. Сверление отверстия осуществлялось с двух сторон, в разрезе имеет двойное конусовидное сечение, диаметр по внешнему краю составляет 2,8 см, а по внутреннему – 2 см (рис.-3). На стенках четко фиксируются линии от направленного кругового вращения. Поверхность изделия тщательно зашлифована, покрыта выщерблинами, местами на ней имеются поздние сколы, много тонких царапин (рис.-3, 4). Предмет изготовлен из гематито-кремнистой породы с мелкими включениями карбоната (?) и крупного белого кремнезема или карбона (?), распространенной на Южном Урале и в Мугоджарах*.

Основным ареалом распространения подобных орудий является Восточная Европа, где они существовали с энеолита до позднего бронзового века** [Клочко, 2006; Ступка, 2008, с. 11, 33]. На территории Казахстана находки сверленных орудий ударного действия являются большой редкостью. В Центральном Казахстане до недавнего времени единственными подобными артефактами были приобретенные в 1878 г. Ш.Э. де Уйфальви Мезо-Ковшедом в Оренбурге два топора, происходящие из района между Балхашом и Акмолинском [De Ujfalvy de Mezökövösed, 1879, p. 134–138, fig. 4, 5], а также топор из разрушенного нуртайского погребения на могильнике Красный Яр [Ткачев, 2002, с. 175]. На остальной территории Казахстана подобные артефакты известны на западе – топор из Уральска [Katalog..., 2013, abb. 63], на юге – молот с р. Арысь [Археологическая карта..., 1960, с. 254, таб. VII.-22], на востоке – топоры с Семипалатинских Дюн и р. Уланка [Мерц, 2014, с. 55], на севере – клевец из с. Плоское, молот из погребения Светлый-Джаркуль [Формозов, 1956, с. 154, рис. 71.-1], топоры с поселения Ботай [Зайберт, 2009, рис. 64.-1, 2] и могильника Лисаковский-III [Усманова, 2013, с. 124, рис. 28.-10]. В соседних регионах небольшие серии подобных орудий встречаются в лесостепной полосе Западной Сибири

---

* Определение выполнено старшим научным сотрудником Института минералогии УрО РАН к.г.-м.н. Е.В. Зайковой.

** По восточноевропейской периодизации.

[Матющенко, 1973, рис. 7-9; Аванесова, 1991, рис 3.-13, 6.-51], в Горном Алтае [Кирюшин и др., 2010, с. 51], в Западной Монголии [Мунхбаяр, 2013, с. 18] и Средней Азии [Аванесова, 2004, с. 409, рис. 2.-1, 2].

Главной отличительной чертой торткольского орудия является конусовидная, с округлым краем рабочая часть, не позволяющая отнести его к категории топоров. Тем не менее одни исследователи определяют подобные орудия как топоры [Клочко, 2006, с. 40], другие считают, что по своим морфологическим признакам они стоят ближе всего к клевцам, хотя функционально мало чем отличаются от топоров-молотов [Ступка, 2008, с. 23]. Наличие конусовидной рабочей части у рассматриваемого артефакта дает основание отнести его к такой редкой категории инвентаря, как каменные клевцы. Ближайшей аналогией ему является случайная находка сверленого орудия у с. Плоского, хранящегося в фондах Северо-Казахстанского областного музея (№434). Однако оно имеет более вытянутую рабочую часть, выделенный обух и характерное утолщение в районе втулки. Наибольшее же сходство торткольское орудие проявляет со случайной находкой заготовки каменного клевца из экспозиции Актюбинского областного историко-краеведческого музея, имеющего более пристроенную рабочую часть, молотовидный обух и просверленное только наполовину отверстие для втулки. Более отдаленные аналогии просматриваются с топорами типа «Софиевка А» и «Балканы» из позднеэнеолитических (доямных) курганов Софиевка 11, 12, 19, 83, Красный Хутор в районе Киева, бытовавших также и в раннеямный период. Данные орудия восходят к более ранним трипольским образцам и являются производными от них [Клочко, 2006, с. 40, рис. 14.-9, 15.-1-3, 72; Ступка, 2008, с. 23]. Фрагментарность торткольского и незаконченность актюбинского изделий не позволяют полностью соотнести их с софиевскими топорами. Общее морфологическое строение дает основание связывать их происхождение с различными культурными образованиями раннего бронзового века Восточной Европы, где сверленные ударные орудия были широко распространены. Видимо, с проникновением носителей этих культурных традиций связано появление подобных предметов к востоку от Урала.

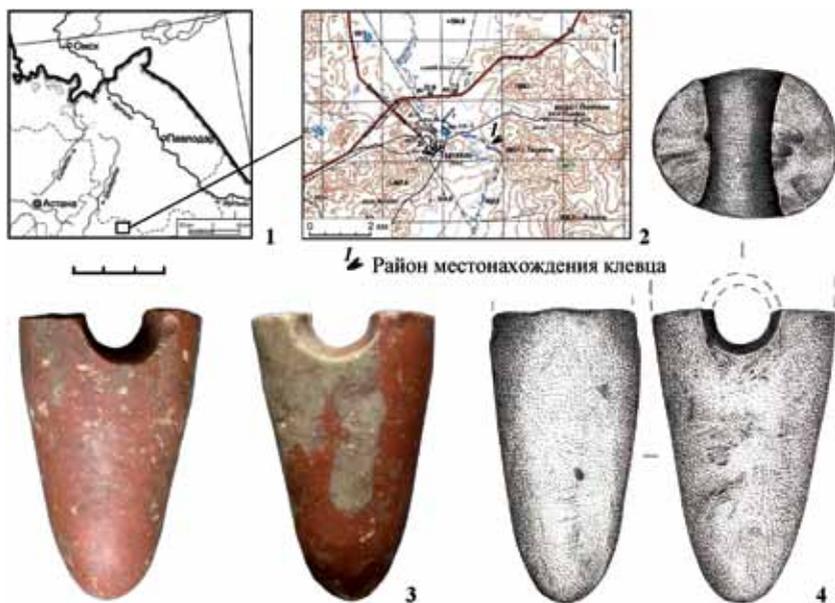
В настоящее время наиболее ранние факты этих миграций представлены в Казахстане немногочисленными памятниками и отдельными артефактами ямного типа, расположенными на западе и в центре региона [Бисембаев и др., 2015, с. 359; Евдокимов, Ломан, 1989; Мерц В.К., Мерц И.В., 2010, с. 144]. На основании AMS дат время возведения курганов ямного типа Центрального Казахстана определяется концом IV – началом III тыс. до н.э.* [Motuzaitė Matuzeviciute et al.,

---

* Недавно в ¹⁴ХРОНО Центре по исследованию климата, окружающей среды и хронологии, Королевского Университета г. Белфаста была получена новая AMS дата по костям человека из кургана Шолпан-IV, расширяющая рамки существования памятников этого типа в регионе до конца IV тыс. до н.э.

2015, p. 27, table 1; Мерц, Святко, 2016, с. 129]. Эти даты в целом соответствуют развитию этапу ямной культуры Волго-Уралья (XXXIV–XXIX вв. до н.э.) и Приуралья (XXXIV–XXVII вв. до н.э.) [Кузнецов, 2011, с. 89; Моргунова, 2014, с. 191, 195]. По-видимому, именно этим временем предварительно можно датировать и торткольский клевец, хотя нельзя исключить и более ранней датировки в пределах репинского этапа.

Таким образом, рассмотренный обломок сверленого орудия из Тортколя можно атрибутировать как клевец, изготовленный из породы, происходящей с Южного Урала или Мугоджар. Своеобразный материал, тщательность обработки, как и редкость подобных орудий, позволяют поставить вопрос о его принадлежности к инсигниям власти. Появление в Сарыарке этого орудия, по-видимому, связано с проникновением сюда в IV – начале III тыс. до н.э. носителей ямной культурной традиции. Данная находка является еще одним аргументом в пользу миграционной теории происхождения афанасьевской культуры Саяно-Алтая, Синьцзяна и Монголии. Дальнейшие целенаправленные поисковые работы в Центральном Казахстане позволят уточнить пути этого продвижения.

Каменный сверленный клевец: 1 – местонахождение артефакта на карте Казахстана; 2 – район находки около с. Тортколь; 3 – артефакт (фото В.К. Мерца); 4 – графическая прорисовка

Библиографический список

- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлургическим изделиям). Ташкент, 1991. 200 с.
- Аванесова Н.А. Случайные находки эпохи бронзы из фондов госмузея-заповедника Самарканда // У истоков цивилизации (сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди). М., 2004. С. 405–414.
- Археологическая карта Казахстана. Реестр. Алма-Ата, 1960. 470 с.
- Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н., Китов Е.П. Предварительные итоги исследования могильника Кумсай в 2010 г. // Древний Тургай и Великая степь: часть и целое : сб. науч. статей, посвященный 70-летию юбилею В.Н. Логвина. Костанай ; Алматы, 2015. С. 359–374.
- Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Раскопки ямного кургана в Карагандинской области // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1989. С. 34–46.
- Зайберт В.Ф. Ботайская культура. Алматы, 2009. 576 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Семибратов В.П., Тюрина Е.А. Афанасьевские погребальные комплексы Средней Катунки (результаты исследований Катунской археологической экспедиции в зоне строительства и затопления Алтайской ГЭС). Барнаул, 2010. 80 с.
- Кузнецов П.Ф. Ямные курганы могильника Грачевка II в Самарском Поволжье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 9. Оренбург, 2011. С. 75–92.
- Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 1. Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье (Верхнеобская неолитическая культура). Томск, 1973. 186 с.: ил. (Из истории Сибири. Вып. 9).
- Мерц В.К., Мерц И.В. Погребения «ямного» типа Восточного и Северо-Восточного Казахстана (к постановке проблемы) // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 134–144.
- Мерц И.В. Объекты горного дела афанасьевской культуры Восточного Казахстана // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 7: Археология и этнография. С. 52–60.
- Мерц И.В., Свято С.В. Радиоуглеродная хронология памятников раннего бронзового века Северо-Восточного и Восточного Казахстана. Первый опыт // Теория и практика археологических исследований. 2016. №1 (13). С. 126–150.
- Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе Волжско-Уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2014. 348 с.
- Мунхбаяр Ч. Погребально-поминальные комплексы Монгольского Алтая периода ранней бронзы : автореф. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013. 25 с.
- Ступка М.В. Сверленные топоры-молотки в системе ямно-катакомбных древностей // История оружия. Альманах. №1. Запорожье, 2008. С. 11–34.
- Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 2. Тюмень, 2002. 243 с.
- Усманова Э.Р. Раздел первый. Могильники эпохи бронзы Лисаковской округи // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. Караганда-Лисаковск, 2013. С. 19–194.
- Клочко В.І. Озброєння та війська справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р.Х.). Киев, 2006. 337 с.
- Формозов А.А. Дандроновские погребения в Казахстане // КСИИМК. 1956. Вып. 63. С. 153–155.

De Ujfalvy de Mezökövsed Ch.E. Expéditions scientifique française en Russie, en Sibérie, en Dans le Turkestan. Vol. II. Paris, 1879. de p. 134–138.

Katalog: Objekte 28–64 // Unbekanntes Kasachstan archäologie im Herzen Asiens. B. I. Bochum, 2013. S. 167–179.

Motuzaitė Matuzeviciute G., Lightfoot E., O'Connell T.C., Voyakin D., Liu X., Loman V., Svyatko S., Usmanova E., Jones M.K. The extent of cereal cultivation among the Bronze Age to Turkic period societies of Kazakhstan determined using stable isotope analysis of bone collagen // Journal of Archaeological Science. 2015. V. 59. P. 23–34.

С.А. Пилипенко

*Новосибирский государственный университет
экономики и управления, Новосибирск, Россия*

**НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ
ИЗ МНОГОСЛОЙНОГО ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА
КРОТОВСКИЙ ЕЛБАН В СУЗУНСКОМ РАЙОНЕ
НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ**

*Светлой памяти Е.А. Сидорова
посвящается...*

В последние годы «черные копатели» нанесли серьезный урон нашему историческому и археологическому наследию. Подобные явления мы наблюдаем и в Новосибирской области (НСО). Десятки памятников разрушаются или умышленно, или по незнанию, а скорее, из-за неосознания того, что перед людьми находится не столетнее кладбище, а древний археологический объект.

Летом 2005 г. в Сузунском районе НСО на археологическом памятнике Кротовский Елбан был сделан перекоп, в нем обнаружили человеческие кости. «Черные копатели» покинули место, не закрыв яму, а кроме того, выложили человеческие останки в виде «Веселого Роджера». Глумление усугубилось разбросанными окурками и разбитыми бутылками. В таком состоянии и обнаружили это надругательство и вандализм на археологическом памятнике равнодушные люди, пожелавшие остаться неизвестными. Вся полученная информация, насколько это было возможно, задокументирована и передана автору статьи. Для того чтобы материал не пропал, документация и фотографии в дальнейшем были переданы мной в Новосибирский государственный краеведческий музей, а костные останки направлены для изучения в Институт археологии и этнографии СО РАН к.и.н. Д.В. Позднякову*.

* Хочу выразить искреннюю благодарность за предоставленную возможность работы с коллекцией и консультации моему наставнику ст. науч. сотр. НГКМ, к.и.н. С.Г. Рослякову. Также выражаю благодарность ст. науч. сотр., к.и.н. Д.В. Позднякову за помощь в антропологической идентификации останков из Кротовского Елбана.

Выявленные материалы могут существенно дополнить наши представления о многослойном памятнике Кротовский Елбан. Именно по этой причине мы посчитали принципиальным вопросом получить максимальную информацию о полученных находках и костных останках.

Целью данной работы является введение в научный оборот материалов РЖВ и эпохи средневековья, позволяющих в дальнейшем уточнить хронологию существования этого археологического памятника. Материалы из Кротовского Елбана эпохи средневековья актуальны для истории исследования археологии Искитимского района НСО, так как последние исследования средневековых комплексов завершились там более 30 лет назад с экспедициями и разведками Е.А. Сидорова в 1984 г. и диссертационным обобщением А.А. Адамова [2000, с. 3–7].

Археологический памятник Кротовский Елбан был открыт Е.А. Сидоровым [1985, с. 35] в 1984 г. и расположен в правобережной части поймы р. Оби, в 4 км к югу от с. Кротово. В 750 м к югу от Елбана протекает р. Иня, по которой проходит граница НСО и Алтайского края. Е.А. Сидоров произвел первые исследования этого памятника, выявившие многослойность объекта. К сожалению, Евгений Алексеевич не успел при жизни ввести в оборот материалы исследования. Это было сделано в 2009 г. Л.В. Степаненко [2009, с. 138–142].

При исследовании Кротовского Елбана были найдены материалы поздне-ирменского периода и сосуды переходного периода. Е.А. Сидоров при составлении отчета не указал на генеральном плане Кротовского Елбана привязку раскопа к памятнику, видимо, поэтому Л.В. Степаненко опубликовала его материалы без указания на плане раскопа. По этой же причине мы публикуем материалы без привязки к плану памятника.

В 2005 г. неизвестными лицами на территории археологического памятника Кротовский Елбан обнаружен грабительский перекоп размером $2,5 \times 3$ м. Мотивируясь благими намерениями, эти краеведы (назовем их так) для спасения разрушенного археологического объекта заложили раскоп 3×4 м, ориентированный по сторонам света (по линии С–Ю длина составляла 4 м, по линии З–В – 3 м), глубина раскопа от уровня дневной поверхности – 60 см (рис.-1).

При снятии первого штыка, как это видно из предоставленных фотографий, был встречен глиняный сосуд (НГКМ ОФ – ОФ-22924/1) (рис.-4), определенный РЖВ и имеющий аналогии в памятниках ранних кочевников Алтая и Южного Казахстана [Степная полоса..., 1992, табл. 37–58] и Синьцзяня [Шульга, 2010, рис. 23.-3], – датируется предварительно VIII–VII (III) вв. до н.э.

Глиняный сосуд выполнен в технике ручной лепки из узких лент, налагающихся друг на друга с небольшим заходом. Сосуд лепился сверху дном, так как дно представляет собой отдельную округлую заготовку, которая четко выделяется на дне сосуда. Перед сушкой у сосуда были слегка отогнуты края, образующие небольшой (в 1 см) венчик. Сосуд изготов-

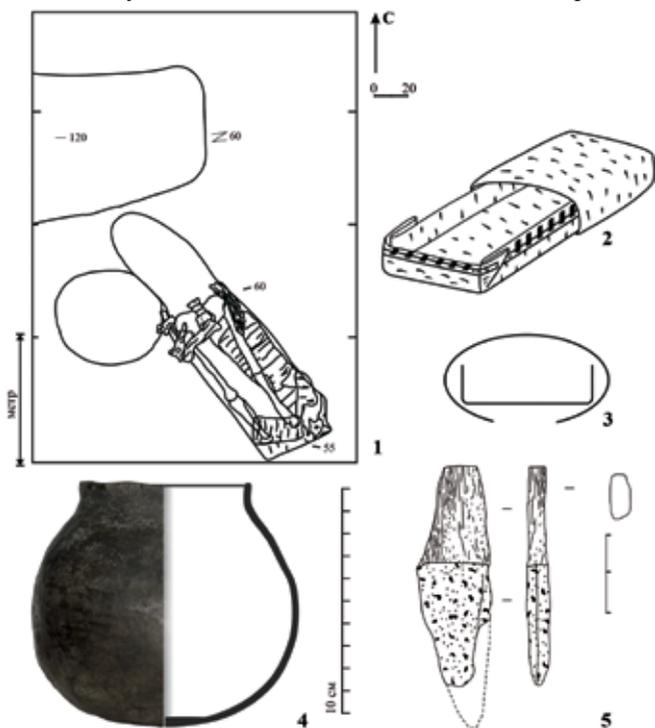
лен из серой глины, без включений песка, и обожжен, предположительно, в костре или на открытом очаге с погружением в ямку с деревом и листьями. Высота сосуда – 9,5 см, диаметр горлышка – 6,9 см, наибольший диаметр тулова – 10 см, диаметр вставного дна – 6,5 см. Сосуд хорошей сохранности, представляет определенный музейный интерес.

Заполнение раскопа состояло из перемешанного темно-серого суглинка и серой супеси. В заполнении между верхом раскопа и его дном были встречены костные останки двух человек: полный костяк без черепа подростка 12–14 лет (определение произведено Д.В. Поздняковым по тазовым костям) и верхняя часть костяка из женского погребения, найденного ниже на уровне материка.

В северо-восточной части раскопа зачищены контуры могильного пятна прямоугольной формы, ориентированного по линии З–В и уходящего в западную стенку раскопа. Заполнение в верхней части ямы – темно-серая супесь, погребение не вскрывалось и было засыпано при рекультивации раскопа для дальнейшего исследования. В юго-западной части раскопа, ближе к углу, зачищены контуры ямы округлой формы с заполнением, как у вышеописанной ямы. Яма также не вскрывалась и была засыпана при рекультивации раскопа для дальнейшего исследования.

В южной части раскопа на уровне материка выявлено средневековое погребение женщины (рис.-1) возрастом 35 лет, ориентированная головой на северо-запад. Костяк до тазовых был выброшен наверх, выкопанные кости лежали на дневной поверхности (череп и плечевые кости). Захоронение совершено в берестяном чехле, изготовленном по принципу короба (рис.-2) из цельного листа бересты шириной 80–85 см, с рисунком коры поперек листа. Сохранившаяся длина костяка от стоп до тазовых костей – 112 см. Высота стенок короба составляет 12–15 см. После поднятия вверх торцевых и продольных стенок короба его углы были сложены в треугольник и прижаты к продольным стенкам, после чего край стенки короба был укреплен узкой берестяной лентой шириной 3–4 см с внешней стороны, поверх которой проходил деревянный обод. После этого ножом были пробиты стенки короба выше и ниже берестяной ленты, и продет шнур из сарги, стянувший всю конструкцию воедино Z-образным швом. Когда тело было положено в короб, он был сверху перекрыт берестяной тиской, сшитой из отдельных листов, рисунком почек поперек полотна. Листы перекрытия были соединены внахлест на 1 см и прошиты швом в строчку с шагом шва 10–12 см. Края полотна подворачивались под продольные стенки короба и, возможно, были соединены (рис.-3). После «визита» «черных копателей» от костяка *in situ* сохранились тазовые кости, кости ног и стоп с пальцами, а вдоль тазовых костей остались лучевые кости рук с пальцами, прижатыми к берцовым костям. Из инвентаря у погребенной был найден маленький железный нож с остатками деревянной ручки (рис.-5). Размер лезвия с его реконструируемой длиной – 4,5–5 см. Сохранившиеся длина и ширина ручки – 2,5 × 1–1,5 см. Несмотря на то, что нож малых размеров,

бросается в глаза его толщина, даже с учетом окисления и подчеркнута прямоугольной формой ручки. Нож такого размера вряд ли использовался в хозяйственных нуждах. Возможно, он имел отношение к ремеслам.

Материалы раскопок на Кротовском Елбане в 2005 г.: 1 – план раскопа на археологическом памятнике Ближние Елбаны в 2005 г.; 2 – реконструкция; 3 – разрез берестяного погребального короба; 4 – глиняный сосуд, найденный в грабительском выбросе; 5 – железный нож из погребения в берестяном коробе

Несмотря на скудность инвентаря женского погребения в берестяном коробе, датировка его вполне возможна. Для этого нам достаточно ориентировки, положения тела и конструктивных особенностей берестяного короба. Такой тип конструкции короба появляется в Новосибирском и Алтайском Приобье не ранее начала II тыс. н.э. и продолжает бытовать вплоть до этнографической современности у таежных народов Западной Сибири, особенно у хантов и манси [Грушин, Пилипенко, Бельгибаев, 2004, с. 182–184] и сибирских татар [Молодин, 1990, с. 131, рис. 93.-2]. Наиболее часто встречается в предмонгольский период в памятниках басандайской культуры в могильниках Басандайка и Санаторный-1 (кург. 19, погр. 4), в Новосибирском и Томском Приобье

[Савинов, Новиков, Росляков, 2006 с. 229– 232, рис. 119–121, 122.-1–4], а также в памятниках монгольского времени Новосибирского и Барнаульского Приобья в могильниках Санторный-3 (кург. 3), Телеутский Взвоз-1 [Грушин, Пилипенко, Бельгибаев, 2004, с. 183] и Калистратиха-3 (погр. 5) [Грушин, Фролов, Пилипенко, 2015, с. 183].

Северо-западная ориентация в Новосибирском Приобье встречена в могильнике Усть-Алеус 7, что отличает его, как и погребение из Кротовского Елбана, от остальных погребений Новосибирского Приобья [Адамов, 2000, с. 22]. Усть-Алеус-7 датируется А.А. Адамовым XIII–XIV вв. н.э., что, возможно, сужает датировку погребения из Кротовского Елбана. В Барабе северо-западная ориентация отмечена в памятниках начала II тыс. н.э., таких как Венгерovo VII (кург. 9, погр. 1) [Бараба..., 1988, с. 96] и Осинцево-IV (кург. 2, погр. 2) [Бараба..., 1988, с. 102]. В Томской области северо-западная ориентация отмечена в могильнике у Малой Киргизки (кург. 63, погр. 1) [Плетнева, 1997, рис. 159] в погребениях начала II тыс. н.э., а в Алтайском крае – в погребениях монгольского периода Барчиха [Тишкин, 2009, с. 52], Ближние Елбаны-II (погр. 1) [Тишкин, 2009, с. 58], Ильинка (погр. 1) [Тишкин, 2009, с. 72] и Раздумье 1 (погр. 8) [Тишкин, 2009, с. 109].

Погребальная конструкция и ориентировка погребенной вполне укладываются в 1-ю половину II тыс. н.э., захоронение было оставлено одним из кочевых племен, населявших эту местность.

Таким образом, можно утверждать, что найдено новое средневековое захоронение, являющееся памятником 1-й половины II тыс. н.э., на территории Сузунского района НСО, на многослойном памятнике Кротовской Елбан. До этого был известен курганный могильник Кротово-15. Материалы исследований 1984 г. Е.А. Сидорова и «раскопки» 2005 г. (хотя и незаконные) позволяют нам получить более детальную картину этого могильника, но, к сожалению, без фиксации на общем плане, что затрудняет исследования.

Погребение в берестяном коробе следует пока (до дальнейших исследований) считать грунтовым захоронением.

Суммируя материалы 1984 и 2005 гг., мы можем расширить и уточнить датировку Кротовского Елбана, выделяя несколько периодов использования памятника населением в разные эпохи: позднерменскую, переходный период к РЖВ, РЖВ и средневековье. В дальнейшем мы планируем провести сравнение керамического материала из раскопок 1984 и 2005 гг. для уточнения более полной хронологии памятника Кротовский Елбан. Это актуально, так как данный объект труднодоступен и, видимо, еще не скоро будет комплексно изучен археологами.

Библиографический список

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск ; Омск, 2000. 256 с.

Бараба в тюркское время. Новосибирск, 1988. 176 с.

Грушин С.П., Пилипенко С.А., Бельгибаев Е.А. Берестяной короб из могильника Телеутский Взвоз-1: опыт археолого-этнографической реконструкции // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы; Омск, 2004. С. 182–185.

Грушин С.П., Фролов Я.В., Пилипенко С.А. Берестяная погребальная конструкция монгольского времени из грунтового могильника Калистратиха-3 (Верхнее Приобье) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул; Омск, 2015. С. 181–185.

Молодин В.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, 1990. 262 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск, 1997. 350 с.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск, 2006. 424 с.

Сидоров Е.А. Отчет о работах в Новосибирском Приобье в 1984 г. Новосибирск, 1985. С. 35–44 (рукописный фонд НОКМ).

Степаненко Л.В. Могильник Кротовский Елбан позднеирменского времени Новосибирского Приобья // Вестник НГУ. Т. 8, вып. 5. Новосибирск, 2009. С. 138–142.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. 495 с.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул, 2009. 208 с.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул, 2010. 238 с.

Н.Н. Серегин¹, С.С. Матренин^{1, 2}

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Барнаульский юридический институт, Барнаул, Россия

КИТАЙСКИЙ «ИМПОРТ» ИЗ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ ХУННУСКО-СЯНЬБИЙСКОГО ВРЕМЕНИ

Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ (проект «Азиатская часть России и Китай: традиции и механизмы трансграничного взаимодействия в древности и средневековье», МК-7457.2016.6), а также в рамках выполнения государственного задания Алтайского государственного университета, проект №33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»

Разноплановые контакты кочевых империй Центральной Азии, в том числе в хуннуско-сяньбийское время (II в. до н.э. – I-я половина IV в. н.э.). Одним из свидетельств этих процессов стало появление в памятниках скотоводов различных «импортных» предметов, полученных в ходе набегов, в виде «подарков» от южного соседа, а также в ходе торговых операций. Подобные вещи фиксируются не только в центре кочевых империй, но и на периферии. К настоящему времени на территории Ал-

тая, в рассматриваемый период представлявшей собой окраину политических объединений скотоводов, обнаружена серия китайских изделий или их копий – главным образом металлических зеркал, а также предметов из шелка и вещей с лаковым покрытием (рис.). Анализ этих находок имеет большое значение для изучения целого ряда аспектов истории номадов региона, в том числе для понимания степени включенности населения периферии в перипетии центральноазиатской политики в конкретные хронологические периоды. В настоящей статье представлена общая характеристика предметов китайского «импорта», найденных в памятниках булан-кобинской культуры Алтая.

Карта-схема распространения погребальных комплексов булан-кобинской культуры Алтая с находками предметов китайского «импорта»

Наиболее многочисленную группу изделий, происхождение которых связано с ремесленными центрами Китая, составляют металлические зеркала. Опыт систематизации информации о таких изделиях из памятников булан-кобинской культуры Алтая по опубликованным ма-

териалам предпринимался ранее в обобщающей монографии [Тишкин, Серегин, 2011, с. 96–99]. При этом в книге были учтены только введенные в научный оборот артефакты. Металлические зеркала обнаружены в ходе раскопок памятников Яломан-II – 5 экз. [Тишкин, Серегин, 2011, табл. XVIII–XXII], Чендек – 2 экз. [Киреев, Кудрявцев, Вайнберг, 1992, с. 59–61; Соёнов, Эбель, 1992, с. 50–51, рис. 18.-10; Киреев, 2008, рис. 1.-2–3], Усть-Эдиган – 1 экз. [Худяков, 1998, рис. 3.-1]. Эти находки демонстрируют различные типы оригинальных предметов или их копий, изготовление которых осуществлялось в последней трети I тыс. н.э. Все обозначенные металлические зеркала зафиксированы в памятниках Алтая хуннского времени (II в. до н.э. – I в. н.э.).*

Проведенный анализ неопубликованных материалов раскопок комплексов булан-кобинской культуры позволил выявить целую серию «неизвестных» фрагментов металлических зеркал. При этом все изделия зафиксированы в комплексах сяньбийского времени (II – I-я половина IV в. н.э.) и, соответственно, демонстрируют следующий период использования подобных вещей кочевниками Алтая. Поскольку информация о памятниках и находках зеркал не введена в научный оборот, возможности анализа данных предметов существующим образом ограничены. Вместе с тем имеет смысл кратко представить имеющиеся сведения, что позволит учитывать эти изделия при изучении общих тенденций распространения китайского импорта в памятниках Алтая**.

Формирование коллекции металлических зеркал из памятников сяньбийского времени связано главным образом с исследованиями, проводившимися в 1980-е гг. В 1985 г. в ходе раскопок комплекса Балыктыюль (Улаганский район Республики Алтай) экспедицией Алтайского государственного университета под руководством Ю.Т. Мамадакова [1987а] обнаружен небольшой фрагмент металлического зеркала. Изделие зафиксировано в могильной яме кургана №1, в женском захоронении. Фрагмент зеркала располагался у кисти правой руки покойной и, судя по остаткам органики, изначально находился в кожаном мешочке. В 1987–1989 гг. также под руководством Ю.Т. Мамадакова [1987б] осуществлялись исследования объектов булан-кобинской культуры на памятнике Белый Бом-II в Онгудайском районе Республики Алтай. В ходе этих работ в погребении кургана №14 обнаружена небольшая часть металлического зеркала. К сожалению, какая-либо информация о контексте расположения этой находки отсутствует. Еще два фрагмента металлических зеркал найдены в процессе исследований, осуществлен-

---

* В погребении комплекса Усть-Эдиган также обнаружена серия металлических зеркал, предварительно отнесенных к изделиям «сарматского» круга и отражающих другое направление контактов кочевников Алтая хуннского времени [Худяков, 1998; Тишкин, Серегин, 2011, с. 98–99].

** Выражаем благодарность В.И. Соёнову за устные консультации, а также возможность ознакомления с неопубликованными материалами.

ных на одном из наиболее крупных, полностью раскопанных некрополей Алтая сяньбийского времени – комплексе Айрыдаш-I (Чемальский район). Работы на данном памятнике проводились в 1982, 1984, 1985, 1990-х гг. экспедицией Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы под руководством А.С. Суразакова [1984; 1986; 1990]. Наконец, последняя из известных нам находок была сделана в 2010 г. в ходе сравнительно недавних работ на некрополе Степушка-II в Онгудайском районе Республики Алтай, осуществленных экспедицией Горно-Алтайского государственного университета под руководством В.И. Соёнова [2010]. Небольшой фрагмент металлического зеркала обнаружен в женском погребении кургана №8 [Соёнов, Константинова, 2015, с. 146]. Данное изделие, находившееся в остатках кожаной сумочки, располагалось справа от тазовых костей покойной.

Итак, к настоящему времени в погребениях булан-кобинской культуры хуннуско-сяньбийского времени зафиксировано уже 13 находок металлических зеркал. Они происходят преимущественно из памятников Центрального Алтая. Эта довольно представительная группа предметов, включающая как оригинальные китайские изделия, так и их копии, является основным свидетельством разного рода опосредованных контактов периферии кочевых империй с ремесленными центрами Поднебесной империи. Зеркала из некрополей булан-кобинской культуры имеют многочисленные аналогии в материалах раскопок погребально-поминальных памятников хуннуско-сяньбийского времени на сопредельных территориях [Руденко, 1962; Лубо-Лесниченко, 1975; Давыдова, 1985, рис. X.-9; Филиппова, 2000; Torbat, 2011; и др.]. На Алтае такие предметы чаще всего располагались в женских захоронениях и, судя по имеющимся материалам, обычно носились на поясе в специальной кожаной сумочке или мешочке.

Менее многочисленной группой находок из комплексов булан-кобинской культуры Алтая являются шелковые изделия. К настоящему времени такие предметы обнаружены только в ходе раскопок комплексов Усть-Эдиган (курганы №10 и 25) в Северном Алтае и Курайка (курганы №7, 48 и 49) в юго-восточной части региона [Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, с. 143; Худяков, 1992, с. 120–123; Соёнов, Глебова, 2003; Худяков, 2003; Соёнов, Константинова, 2015, с. 167–169]. Очевидно, в большинстве случаев из шелка были изготовлены различные элементы костюма. В наиболее полном виде сохранились остатки одежды типа халата, зафиксированные в женском захоронении кургана №10 комплекса Усть-Эдиган [Худяков, 2003]. Кроме того, в этом же погребении шелк был использован при изготовлении головного убора. Имеются основания для предположения о том, что известные находки не отражают степени распространения шелковых изделий у населения Алтая хуннуско-сяньбийского времени. Редкость таких предметов в захоронениях булан-кобинской культуры, очевидно, обусловлена плохой сохранностью тканей.

С этим же обстоятельством может быть связана фрагментарность находок лаковых изделий в памятниках Алтая хуннуско-сяньбийского времени. На сегодняшний день единственный такой предмет, представляющий собой обломанную ручку китайской лаковой чашечки, зафиксирован в захоронении кургана №43 памятника Яломан-II [Тишкин, 2007, с. 178–179; Тишкин, Хаврин, Новикова, 2008, с. 196–198]*. Другим возможным объяснением является редкость подобных изделий у кочевников Центральной Азии в целом. Судя по контексту известных находок, лаковые чашечки представляли значительную ценность в обществе кочевников и демонстрировали высокий статус их владельцев. Одним из основных доводов в пользу данного утверждения является тот факт, что большая часть изделий из лака обнаружена в «элитных» комплексах [Лубо-Лесниченко, 1969; Чистякова, 2009; Елихина, Новикова, 2013; Elikhina, Novikova, Khavrin, 2013; Сулягина, 2015; и др.].

Особую группу изделий, демонстрирующих влияние китайской материальной культуры на предметный комплекс кочевников Алтая хуннуско-сяньбийского времени, составляют единичные поясные пряжки, изготовленные из цветных металлов. Одна из наиболее ярких находок данного типа обнаружена в захоронении кургана №43 комплекса Яломан-II [Тишкин, 2010, рис. 2.-28; 3]. Подробный анализ предмета представлен в публикации, подготовленной при участии одного из авторов данной статьи [Матренин, Тишкин, 2015, с. 149, рис. 1.-15]. Поясная пряжка имеет деревянный корпус с рельефным фасиальным изображением головы рогатого дракона, покрытого золотой фольгой, с инкрустацией глаз вставками из черного камня. Данная находка является уникальным высокохудожественным образцом импортных поясных гарнитур, попавших к носителям булан-кобинской культуры Алтая в процессе активных контактов с хунну. Вероятно, данное изделие было выполнено китайскими мастерами и направлено в составе даров верхушке хунну. Особенности декора позволяют сравнить экземпляр из памятника Яломан-II с пряжкой с изображением головы сатиры из захоронения хуннуской знати в некрополе Царам и бронзовым «навершием» рукояти китайской колесницы из элитного хуннуского захоронения в могильнике Гол Мод [Миняев, Сахаровская, 2007, рис. 18; Ерөөл-Эрдэнэ, Гантулга, 2007, рис. 3; Brosseder, 2011, fig. 43.-13, 44.-3]. Хуннуско-ханьские аналогии имеют и некоторые другие поясные пряжки, обнаруженные в ходе раскопок комплексов Яломан-II и Усть-Эдиган [Матренин, Тишкин, 2015, с. 147–149].

В памятниках Алтая хуннуско-сяньбийского времени не обнаружены китайские монеты, традиционно рассматриваемые в качестве одного из наиболее очевидных маркеров прямых или опосредованных контактов с Поднебесной империей. Это обстоятельство выглядит довольно странным, учитывая распространение монет «у-шу» («у-чжу»)

* Судя по имеющейся информации, китайским лаком была также покрыта кожаная основа парадного пояса из кургана №43 могильника Яломан-II [Tishkin, 2011].

практически всюду на сопредельных территориях [Комплекс археологических..., 1979, с. 87; Камышев, 1999; Масумото, 2001; Длужневская, Савинов, 2007, с. 64; Миняев, 2007, с. 36, табл. 2, 3, 6, 84; Тишкин, Мунхбаяр, Серегин, 2009; и др.]. Одним из возможных объяснений такой ситуации может являться отсутствие традиции использования подобных изделий у населения булан-кобинской культуры. Как известно, китайские монеты чаще всего применялись номадами для украшения различных элементов костюма. Не исключено, что у кочевников Алтая рассматриваемого времени это явление не получило распространения.

Предварительное изучение представленных материалов показывает, что наиболее активные прямые или опосредованные контакты населения булан-кобинской культуры Алтая с Поднебесной империей фиксируются по материалам хуннуского времени. В памятниках II в. до н.э. – I в. н.э. обнаружены большая часть металлических зеркал, шелковые изделия, единственная находка фрагмента лаковой чашечки, а также характерные поясные пряжки. Небольшая серия предметов, в том числе неопубликованные металлические зеркала, требующие специального изучения, отражает сохранение внешних связей «булан-кобинцев» в сяньбийское время (II – I-я половина IV в.). Пока отсутствуют предметы китайского импорта в памятниках Алтая жужанского периода. Очевидной представляется перспективность дальнейшего исследования обозначенных находок, в том числе с применением методов естественных наук. Это позволит конкретизировать вопросы, связанные с местом производства предметов и спецификой их использования номадами Алтая хуннуско-сяньбийского времени. В частности, значительные перспективы в этом плане связаны с комплексным изучением бус, составляющих довольно многочисленную группу находок в памятниках булан-кобинской культуры.

Библиографический список

Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985. 111 с.

Длужневская Г.В., Савинов Д.Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб., 2007. 197 с.

Елихина Ю.И., Новикова О.Г. Исследования китайских лакированных чашечек эпохи Хань из коллекции Государственного Эрмитажа // Теория и практика археологических исследований. 2013. №1 (7). С. 135–146.

Камышев А.М. Монеты Китая из Кыргызстана // Нумизматика Центральной Азии. 1999. Вып. IV. С. 57–65.

Киреев С.М. Китайское зеркало из могильника булан-кобинской культуры Чендек (Горный Алтай) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул, 2008. С. 50–53.

Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Вайнбергер Е.В. Археологические исследования в Уймонской котловине // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 59–61.

Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. 167 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Китайские лаковые изделия из Ноин-Улы // Труды Государственного Эрмитажа. 1969. Т. 10. Вып. 7. С. 267–277.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975. 155 с.

Мамадаков Ю.Т. Исследования в Горном Алтае // Археологические открытия 1985 года. М., 1987а. С. 259.

Мамадаков Ю.Т. О памятниках первой половины I тыс. н.э. в Горном Алтае // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987б. С. 197–203.

Масумото Т. Китайские монеты из средневековых погребений Западной Сибири // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 49–52.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Поясные пряжки кочевников Алтая хуннского времени: классификация и типология // Известия Алтайского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. 2015. №3/2 (87). С. 143–152.

Миняев С.С. Дырестуский могильник. СПб., 2007. 233 с.

Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // Российская археология. 2007. №1. С. 159–166.

Руденко С.И. Культура хунну и ноинулинские курганы. М.; Л., 1962. 203 с.

Соёнов В.И. Полевые археологические исследования Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО ГАГУ в 2010 г. // Древности Сибири и Центральной Азии. №3 (15). Горно-Алтайск, 2010. С. 3–6.

Соёнов В.И., Глебова Н.И. Фрагменты шелковых тканей из могильника Курайка // Археология и этнография Алтая. Вып. 1. Горно-Алтайск, 2003. С. 88–90.

Соёнов В.И., Константинова Е.А. Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Горно-Алтайск, 2015. 248 с.

Соёнов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. Горно-Алтайск, 1992. 116 с.

Суразаков А.С. Раскопки у сел Куюс и Кокоря в Горном Алтае // Археологические открытия 1982 года. М., 1984. С. 232–233.

Суразаков А.С. Могильник Айрыдаш-I в Горном Алтае // Археологические открытия 1984 года. М., 1986. С. 203.

Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катуні. Новосибирск, 1990. С. 197–200.

Сутягина Н.А. Лаковые изделия из погребений могильника Бугры в Алтайском крае // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Т. 2. Хух-Хото: Музей Внутренней Монголии, 2015. С. 619–628.

Тишкин А.А. Китайские изделия в материальной культуре кочевников Алтая (2-я половина I тыс. до н.э.) // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск, 2007. С. 176–184.

Тишкин А.А. Предметы торевтики хуннского времени из памятника Яломан-II // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул, 2010. С. 40–45.

Тишкин А.А., Мунхбаяр Б.Ч., Серегин Н.Н. Комплексное изучение монеты «у-шу» из сомона Алтай (Ховдский аймак, Монголия) // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009. С. 336–339.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул, 2011. 144 с.

Тишкин А.А., Хаврин С.В., Новикова О.Г. Комплексное изучение находок лака из памятников Яломан-II и Шибе (Горный Алтай) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул, 2008. С. 196–200.

Филиппова И.В. Китайские зеркала из памятников хунну // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №4. С. 100–108.

Худяков Ю.С. Мумифицированное захоронение из могильника Усть-Эдиган // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 118–135.

Худяков Ю.С. Зеркала из могильника Усть-Эдиган // Древности Алтая. Вып. 3. Горно-Алтайск, 1998. С. 135–143.

Худяков Ю.С. Реконструкция женского костюма кочевников хуннского времени Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Вып. 1. Горно-Алтайск, 2003. С. 78–88.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 г. // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 95–150.

Чистякова А.Н. Иероглифическая надпись на лаковой чашке из кургана №20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. №3. С. 59–68.

Brosseder U. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn, 2011. P. 349–424.

Elikhina Y., Novikova O., Khavrin S. Chinese Lacquered Cups of the Han Dynasty from the collection of Noyon-Uul, the state Hermitage Museum: Complex Research Using the Methods of Art History and Natural Science // Asian Archaeology. 2013. Vol. 2. P. 93–107.

Ерөөл-Эрдэнэ Ч., Гантулга Ж. Хүннүгийн үеийн сүйх тэрэг // Археологийн судлал. 2007. Т. IV (XXIV). Т. 258–279.

Tishkin A. Characteristic Burials of the Xiongnu Period at Ialoman-II in the Altai // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn, 2011. P. 539–558.

Torbat T. A study on bronze mirrors in Xiongnu graves of Mongolia // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn, 2011. P. 315–325.

В.И. Соёнов

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

НАХОДКА ЖЕЛЕЗНОГО ПАЛАША НА АЛТАЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ (проект госзадания №33.1971.2017/ПЧ «Хозяйственная и социальная адаптация человека к природно-климатическим условиям Алтайских гор во второй половине голоцена»)

Летом 2016 г. в одной из российских социальных сетей Интернета были выложены фотографии железного клинкового оружия: один снимок общего вида и два изображения поверхностей концевой части лезвия.

В группе, состоящей преимущественно из жителей Республики Алтай, анонимный автор поста пытался выяснить датировку и культурную ценность изделия. По контексту сообщения совершенно очевидно, что неизвестный находится в одном из районов региона. Наша попытка выяснить, кто выложил изображения, не увенчалась успехом, а сам аноним так и не отозвался на комментарии, хотя предмет вызвал интерес у многих участников группы.

Проанализировав фотографии, мы пришли к выводу, что они сделаны на стройке. Снимки сделаны фотоаппаратом с небольшим разрешением (видимо, камерой сотового телефона), тем не менее само изделие и окружающая обстановка идентифицируются достаточно четко. Для съемки оружие было положено на брус, являющийся первым венцом какого-то строения, размещенный на недавно залитый бетонный фундамент с еще неубранной опалубкой (рис. 1.-1). Мы предполагаем, что предмет найден во время земляных работ на стройке. Детально установить обстоятельства находки, а также конкретное место его обнаружения пока не представляется возможным.

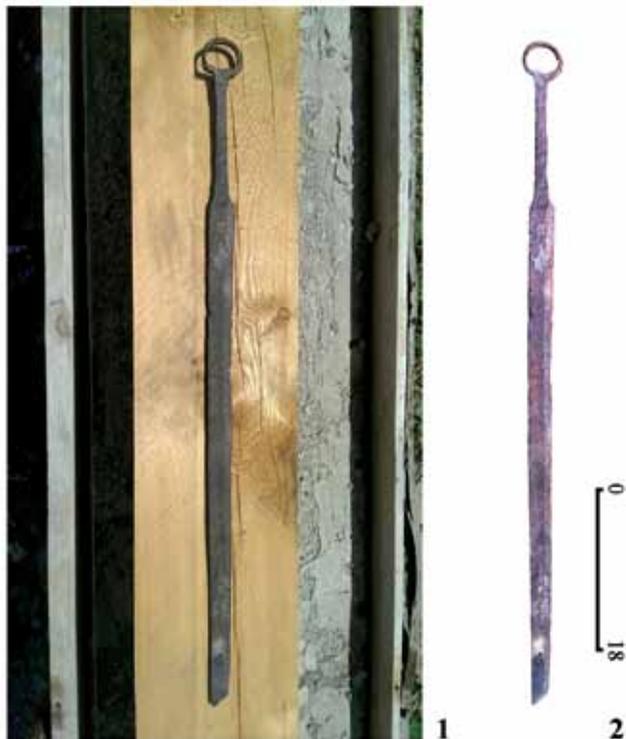

Рис. 1. Палаш, найденный на Алтае: 1 – снимок, размещенный в Интернете; 2 – обработанное изображение общего вида изделия

Судя по фотографии, найденное изделие имеет короткий прямой однолезвийный клинок (рис. 1.-2). Режущая кромка образована прямыми спусками с двух боков клинка. Остроугольное острие оформлено без скоса обуха, только косым срезом под острым углом от спинки к лезвию. Рукоять прямая, без перекрестья, с пологими плечиками в месте перехода к лезвию. Навершие имеет вид кольца подовальной формы, чуть смещенного в сторону лезвия. Примерные размеры изделия удалось вычислить благодаря тому, что оно сфотографировано на бруске. На пиломатериалах республики повсеместно для строительства изготавливается брус квадратного сечения со сторонами 18 см. Другие размеры бруса встречаются крайне редко, поскольку производятся по специальному заказу. Итак, если исходить из стандартных для региона параметров бруса, общая длина предмета составляет около 73 см; длина лезвия – 55 см; ширина лезвия – 2,5 см; длина рукояти – 13,5 см; ширина рукояти – 1,2 см. Минимальный и максимальный размеры кольцевого навершия по внешнему краю – 3,5 × 4,5 см.

Изделие является оружием для ведения ближнего боя. Оформление конца клинка под острым углом свидетельствует о том, что оружие предназначено главным образом для выполнения рубящей и режущей функций, нежели колющей. Специалисты не единодушны в определении названия данной разновидности оружия, определяя его как меч или палаш. Часть исследователей к мечам относят только изделия с двухлезвийной поражающей частью, а однолезвийное оружие выделяют в отдельную категорию – палаш. По мнению Ю.С. Худякова [1980, с. 33], «...предпочтительнее называть такое оружие палашом, поскольку в этом определении содержится представление об однолезвийности клинка и отсутствии изгиба полосы...». Другие оружейеды (см., например: [Горбунов, 2006, с. 57]) не согласны с выделением палашей в отдельную категорию и все изделия с прямым клинком и соосным с ним череном/рукоятью, т.е. несущей частью, относят к мечам вне зависимости от ширины полосы и количества заточенных кромок. «Палаш», как они полагают, может употребляться в качестве узкоспециализированного термина для обозначения европейского оружия 2-й половины II тыс. н.э. Считается, что употребление названия «палаш» к более раннему оружию будет неточным [Горбунов, 2006, с. 57; Горелик, 1995, с. 392]. В настоящей работе, несмотря на отмеченное выше отсутствие терминологического единства у оружейедов, мы сочли возможным использовать термин «палаш» для обозначения находки. Ведь, кроме версии о европейском происхождении этого термина, «...имеется и мнение о заимствовании его из тюркских языков..., что, вполне возможно, произошло вместе с заимствованием самой разновидности оружия, задолго до этого использовавшейся народами Евразии...» [Скобелев, 2006, с. 173]. К тому же в научной археологической литературе термин «палаш» давно уже получил ши-

рокое распространение и воспринимается вполне однозначно, а термин «меч» вызывает слишком разные и отдаленные ассоциации в силу большого количества типов этой категории оружия.

Прямые аналогии публикуемой находке нам пока не известны. Варианты кольцевого, петельчатого и крюкового (т.е. в виде несомкнутого кольца) оформления навершия бронзовых и железных ножей, а также мечей и кинжалов – весьма распространенное явление в горно-степной части Евразии в эпоху бронзы, раннего железа и средневековья. Поэтому сама по себе такая форма навершия не несет узкой хронологической и этнокультурной нагрузки, хотя различия в оформлении позволяют ориентироваться в эпохальной принадлежности изделий.

Из датированных аналогий, на наш взгляд, наиболее близким к публикуемой находке является короткий палаш из могильника Лаохэшэнь, относимого к сяньби [Худяков, Юй Су-Хуа, 2000, рис. III.-9]. Лаохэшэньский палаш также имеет короткий прямой однолезвийный клинок, косо срезанное под острым углом от спинки к лезвию остроугольное острие, прямую рукоять без перекрестья, небольшие плечики в месте перехода рукояти к лезвию, кольцевое навершие. Единственное, что его отличает от алтайского палаша, – это очень короткий клинок (рис. 2.-1). Кроме этого изделия, на могильнике Лаохэшэнь найдены еще два типологически близких экземпляра клинкового оружия [Худяков, Юй Су-Хуа, 2000, рис. III.-8, 10]. По мнению С.А. Комиссарова [1996, с. 25], проанализировавшего материалы могильников Лаохэшэнь, Яншаогуо, Вангун, Тунъюй, Сичагоу и Чжалайнор, «...с большой степенью уверенности Лаохэшэнь можно датировать в пределах конца Западной Хань – начала Восточной Хань...». Поскольку календарный период исследователем в статье не указан, мы предполагаем хронологию могильника Лаохэшэнь в рамках конца I в. до н.э. – 1-й половины I в. н.э., что соответствует исторической хронологии империи Хань.

Есть и другие аналогии, подтверждающие изначально сяньбийское или китайское происхождение* модели алтайского палаша: изделия с близкими параметрами имеются среди рубяще-режущего оружия конца I тыс. до н.э. – 2-й половины I тыс. н.э., найденного в Китае [Бобров, Худяков, 2005, рис. 6; 7]. Многочисленные экземпляры близкого по форме лезвийного оружия хранятся сегодня в музеях северных провинций КНР. Например, на официальном сайте Шаньдунского музея (Shandong Museum) выставлено несколько вариантов изделий данного типа [<http://www.sdmuseum.com/upload/2011-05/110520103050853.jpg>], отличающихся от публикуемого палаша одним-двумя признаками (рис. 2.-2).

---

* Мы здесь не рассматриваем, кем и когда изобретены те или иные элементы традиции изготовления и оформления клинкового оружия, а только обозначаем условной точкой отсчета момент совмещения исходных признаков, приведший к возникновению нового типа оружия данной категории.

По мнению Л.А. Боброва и Ю.С. Худякова, с I–II вв. н.э. китайцы, наряду с мечами и саблями, применяли палаши с длинными и короткими лезвиями: короткое оружие использовали воины ханьских пехотных подразделений, а «...основная масса всадников в этот период имела на вооружении длинные однолезвийные палаши, увенчанные характерным кольцевидным (иногда изящно изогнутым) навершием...» [Бобров, Худяков, 2005, с. 119–121]. Большинство палашей, как и публикуемое нами изделие, не имели перекрестий. Исследователи полагают, что у сяньбийских воинов Южной Маньчжурии палаши с кольцевым

Рис. 2. Аналогии палашу, найденному на Алтае: 1 – палаш из могильника Лаохэшэнь (конец I в. до н.э. – 1-я половина I в. н.э.); 2 – фото экземпляров лезвийного оружия с официального сайта Шаньдунского музея (Shandong Museum) (конец I тыс. до н.э. – середина I тыс. н.э.); 3 – палаш в экспозиции Музея Внутренней Монголии (Inner Mongolia Museum) в г. Хух-Хото (датировка не указана) (фото автора, 2015 г.). Масштаб разный

навершием появились несколько позже (во II–III вв. н.э.) в результате заимствования у ханьцев. После захвата сяньбийцами Северного Китая степные оружейники восприняли местные китайские традиции изготовления и оформления клинкового оружия. Тогда и получили широчайшее распространение короткие палаши. Китайские и сяньбийские солдаты продолжали использовать такие короткие бронзовые и железные палаши с кольчатыми навершиями в IV–VI вв. н.э. В средневековые изделия похожей конструкции, но с некоторыми отличиями, встречаются в китайских комплексах вооружения периодов династий Суй и Тан, а в юаньское время кольчатые навершия сохраняются у ножей и мачете, поскольку палаши вытесняются мечами и саблями.

Достаточно большое количество сопоставимых палашей I тыс. н.э., с определенной разницей в оформлении и параметрах, автор наблюдал в музеях городов Хух-Хото (Inner Mongolia Museum), Ордос (Ordos Art and City Museum), Боу-Тоу (Baotou Museum) во Внутренней Монголии и в Национальном музее Китая в Пекине (National Museum of China) (см., например, рис. 2.-3; 3.-1–4), а также в экспозиции Национального музея Кореи в г. Сеуле (National Museum of Korea) (см., например, рис. 3.-5).

Варианты клинкового оружия I тыс. н.э. с прямым однолезвийным клинком, косо срезанным острием и кольцевым навершием, без выделенной рукояти известны в Западной Сибири [Могильников, 1968, рис. 2.-1, 2; Чиндина, 1984, рис. 33.-8–10]. На Алтае публикуемое изделие весьма отдаленно, но все же вполне отчетливо напоминает палаш из могильника Кок-Паш (2-я половина III – V в. н.э.) [Васютин А.С. и др., 1985, рис. 6.-1; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 11.-1] и модель палаша из раннетюркской оградки памятника Кызыл-Таш (конец V – VI в. н.э.) [Соёнов, Эбель, 1996, рис. 3.-1]; в Туве – палаши в погребениях могильников Кокэль и Шурмак-Тее [Вайнштейн, 1970, рис. 80.-5; Кызласов, 1979, рис. 81.-1]. В Хакаско-Минусинской котловине такие находки нам не известны.

Таким образом, можно предположить, что публикуемое клинковое оружие имеет корни в ханьском и сяньбийском комплексах вооружения конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. В течение всей 1-й половины I тыс. н.э. сяньбийцы оказывали значительное влияние на развитие военного дела и военно-дружинной культуры у населения Центральной Азии, включая Южную Сибирь [Худяков, 2005, с. 101; Горбунов, 2005, с. 222]. Распад империи не привел к немедленному исчезновению сяньбийцев и их культуры, поскольку до тюркского времени сяньбийские династии возглавляли государства в северных районах Китая, пока не были ассимилированы китайцами [Крюков, Малявин, Софронов, 1979, с. 93–94]. Население окружающих регионов длительное время продолжало ориентироваться на престижные элементы сяньбийской военной культуры и заимствовало наиболее развитые формы вооружения, снаряжения воинов и конского снаряжения [Худяков, 2005, с. 100].

В свое время Л.Н. Бернштам [1951, с. 46–47] и С.И. Вайнштейн [1964, с. 54] предполагали, что соседние с Алтаем территории Хакасско-Минусинской котловины и Тувы входили в состав сяньбийской державы в се-

Рис. 3. Аналогии палашу, найденному на Алтае: 1 – палаш в экспозиции Музея искусств и истории города Ордоса (Ordos Art and City Museum) (датировка не указана); 2 – палаш в экспозиции Музея искусств и истории города Ордоса (Ordos Art and City Museum) (202–220 гг. н.э.); 3 – палаш в экспозиции Музея в г. Боу-Тоу (Baotou Museum) (период династии Северная Вэй); 4 – палаш в экспозиции Национального музея Китая в г. Пекине (National Museum of China) (156 г. н.э.); 5 – палаш в экспозиции Национального музея Кореи в г. Сеуле (National Museum of Korea) (V–VI вв. н.э.). Фото автора, 2015–2016 гг. Масштаб разный

редине II – III в. н.э., но пока там не удалось доказательно выделить сяньбийские памятники [Савинов, 1984, с. 22; Худяков, Алкин, Юй Су-Хуа, 1999, с. 168]. Возможно, Хакасско-Минусинскую котловину и Туву сяньбийцы не смогли захватить [Кызласов, 1984, с. 22], и фиксируемые элементы связаны только с взаимодействием престижных элементов сяньбийской культуры.

Булан-кобинцы Алтая вряд ли напрямую контактировали с сяньбийцами в указанный период. Скорее всего, происходила ретрансляция китайских и сяньбийских предметов вооружения, а также элементов оформления их деталей через соседей, поддерживавших связь с сяньбийцами или зависимым от них населением. Вероятно, публикуемое клинковое оружие на Алтай могло попасть с сопредельных юго-восточных территорий в промежутке от середины II – VI в. н.э. Не исключено, конечно, и то, что палаш мог выковать местный оружейник по сяньбийским образцам. Это можно будет выяснить путем анализа металла, из которого изготовлен данный экземпляр оружия.

Таким образом, несмотря на то, что палаш стал известен только по фотографиям, фиксируемые особенности оформления изделия и сочетания специфических морфологических признаков позволяют нам найти аналогии данному типу рубяще-режущего оружия в Китае и Маньчжурии. Это подтверждает распространение образцов сяньбийского вооружения и влияния сяньбийской военной культуры на значительные территории Центральной Азии и Южной Сибири в периоды могущества империи и существования северокитайских государств во главе с тобаскими и муонскими династиями, а также предоставляет возможность обозначить новой находке место в культурно-хронологической матрице материальной культуры древнего населения Алтая.

Библиографический список

- Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951. 256 с.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск, 2003. 224 с.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств северного Китая IV–VI вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 80–199.
- Вайнштейн С.И. Тува в период разложения первобытнообщинного строя и возникновения классового общества // История Тувы. М., 1964. Т. I. С. 35–54.
- Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения казылганской и сыын-чюрековской культур) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Л., 1970. Т. III. С. 7–79.
- Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н., Миклашевич Е.А. Погребения предтюрокского времени на могильнике Кок-Паш в Восточном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск, 1985. С. 29–50.
- Горбунов В.В. Сяньбийский доспех // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 200–223.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.

Горелик М.В. Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1995. С. 359–430.

Комиссаров С.А. Сяньбэйский могильник Лаохэшэнь // Двадцать седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае»: тезисы и доклады. М., 1996. С. 24–28.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979. 328 с.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.) // М., 1979. 208 с.

Могильников В.А. Елькаевская коллекция Томского университета // Советская археология. 1968. №1. С. 263–268.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнепуржскую эпоху. Л., 1984. 174 с.

Скобелев С.Г. Новая находка палаша в позднесредневековом кыргызском погребении на Енисее // Вестник НГУ. 2006. Т. 5, вып. 3. С. 150–176.

Соёнов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. №3. 1996. С. 115–118.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1980. 176 с.

Худяков Ю.С. Влияние сяньби на культуры nomadов Южной Сибири // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Сборник докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.В. Киселёва (г. Минусинск). Красноярск, 2005. С. 99–101.

Худяков Ю.С., Алкин С.В., Юй Су-Хуа. Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. №4. Горно-Алтайск, 1999. С. 163–169.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. №5. Горно-Алтайск, 2000. С. 37–48.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984. 256 с.

А.А. Тишкин¹, А.М. Илюшин²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия

**РЕЗУЛЬТАТЫ РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНОГО
АНАЛИЗА ПРЕДМЕТОВ ТОРЕВТИКИ ИЗ ПАМЯТНИКА
МУСОХРАНОВО-1 В КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЕ
(по материалам раскопок курганов №5 и 6)**

Работа частично выполнена в рамках реализации гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Курганная группа Мусохраново-1 располагалась в 0,4 км к востоку от с. Мусохраново в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области, на первой надпойменной террасе левого берега р. Касьмы. Она состоя-

ла из семи сильно задернованных земляных насыпей округлой и овальной формы, которые двумя параллельными цепочками были вытянуты с юга – юго-востока на север – северо-запад на расстоянии 160 м. Памятник был открыт в 1958 г. А.И. Мартыновым [Кулемзин, Бородин, 1989, с. 72]. В 1988, 1991 и 1992 гг. сотрудники Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции проводили мониторинг состояния объектов курганной группы. В 1993 и 1994 гг. осуществлялись первые раскопки двух объектов, находившихся в аварийном состоянии [Илюшин, Сулейменов, 1994, с. 170; Илюшин, Сулейменов, Роговских, 1995, с. 271], а в 2008, 2009 и 2010 гг. в рамках плановых научных исследований по сохранению и изучению историко-культурного наследия в Касьминском археологическом микрорайоне были раскопаны оставшиеся объекты [Илюшин, 2009а, с. 95–105; 2015, с. 647–650; Илюшин, Бутьян, 2010, с. 175–184; 2011, с. 115–120]. Результаты полевых работ и изучение полученных материалов позволили одному из авторов данной статьи отождествлять курганы с кругом древностей шандинской археологической культуры восточных кыпчаков в Кузнецкой котловине [Илюшин, 2009б, с. 71–82; 2011, с. 267–271; 2012, с. 93–100]. Памятник охарактеризован как смешанный, где зафиксировано присутствие трех археолого-этнографических комплексов: погребения по обряду кремации на стороне, трупобожжение и ингумация на месте захоронения с тушей или шкурой коня.

При раскопках курганной группы Мусохраново-1 получена информативная коллекция предметов торевтики, преимущественно представленная украшениями конского снаряжения. По мере их накопления осуществлялись совместные исследования кемеровских и барнаульских коллег [Илюшин, 2010, с. 25–27; Тишкин, Илюшин, 2010, с. 94–100; Гребенникова, Илюшин, Тишкин, 2013, с. 109–116]. Настоящая статья продолжает серию таких публикаций. Основной ее целью является введение в научный оборот результатов рентгенофлюоресцентного анализа находок из курганов №5 (рис. 1.-1-17) и №6 (рис. 1.-18), исследованных в 2010 г. Следует отметить, что по инициативе автора раскопок предпринималась попытка химического удаления окислов и нанесения защитного покрытия на лицевую поверхность.

Для получения сведений о составе цветных металлов, которые использовались при изготовлении рассматриваемых предметов, сначала привлекался портативный спектрометр ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000 в комплекте с карманным переносным компьютером и испытательным стендом, производство США). Указанный прибор предназначен для количественного неразрушающего определения содержания химических элементов методом рентгенофлюоресцентной спектроскопии в образцах из цветных металлов и сплавов, а также для контроля химического состава руд и шлаков, жидких и порошковых образцов. Для фик-

сации и проверки результатов применялась адаптированная компьютерная программа «Аналитическая». Кроме этого, для выявления следов возможного золочения использовался более чувствительный и мощный стационарный приборный комплекс X-Арт М (фирма-изготовитель «Комита», Россия), демонстрировавший показатели качественного анализа. Все эти исследования проводились в Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета (Барнаул).

Сначала изучался наконечник ремня (рис. 1.-1) из кургана №5, отмеченный под первым номером. Получено несколько различных результатов. Наиболее важными являются показатели тестирования внутренней стороны изделия, где механически были удалены окислы: Cu (медь) – 94,63%; Sn (олово) – 4,99%; Pb (свинец) – 0,38%. Эти данные свидетельствуют о том, что изделие бронзовое. Кроме этого, прибором X-Арт М на лицевой поверхности выявлены слабые следы присутствия золота.

Далее тестировался распределитель ремней с фиксирующей пластиной (рис. 1.-2). Поверхностные окислы снимались на маленьком участке внешнего кольца. Получен такой поэлементный ряд: Cu – 79,97%; Zn (цинк) – 16,14%; Sn – 3,32%; Pb – 0,41%; Fe (железо) – 0,09%; Ni (никель) – 0,07%, который свидетельствует о сплаве, обозначаемом как сложная латунь. Исследованный участок фиксатора продемонстрировал показатели, отличающиеся от предыдущих: Cu – 89,45%; Sn – 7,96%; Zn – 1,19%; Pb – 0,87%; Fe – 0,44%; Ni – 0,09%. Кроме этого, результаты были зафиксированы при тестировании центра орнаментированной (лицевой) стороны без механического удаления окислов. Эти данные указали на наличие золочения: Cu – 74,17%; Zn – 12,32%; Au (золото) – 9,45%; Sn – 3,21%; Pb – 0,65%; Fe – 0,11%; Nb (ниобий) – 0,05%; Ni – 0,04%. Данный факт подтвержден и вторым прибором, однако им не выявлены следы ртути, как на изделиях из других курганов.

Следующим изделием, изученным по намеченной программе, стала налобная бляха с остатками железной фиксирующей пластины (рис. 1.-3). Исследования лицевой поверхности позволили определить, что предмет изготовлен из бронзы: Cu – 94,42%; Sn – 5,37%; Pb – 0,21%. Было произведено снятие окислов на обратной стороне бляхи. Тестирование данного участка осуществлялось в разных местах. Получены следующие наборы показателей: 1) Cu – 94,25%; Sn – 4,24%; Sb (сурьма) – 0,6%; Pb – 0,51%; As (мышьяк) – 0,35%; Fe – 0,05%; 2) Cu – 94,29%; Sn – 4,6%; Sb – 0,59%; Pb – 0,32%; Fe – 0,2%. Золочение не зафиксировано.

Найденное основание для султанчика (рис. 1.-4) также оказалось бронзовым. Об этом свидетельствуют результаты рентгенофлуоресцентного анализа: Cu – 95,8%; Sn – 3,96%; Pb – 0,24%.

Рис. 1. Мусохраново-1. Находки из могилы-1 кургана №5 (1–17) и могилы-1 кургана №6 (18)

На другом обнаруженном предмете – наконечнике ремня – имелся дефект (рис. 1.-5). Прибором тестировался участок на обратной стороне изделия, где механически удалялись поверхностные окислы. Получен-

ные результаты указывают на бронзовый сплав: Cu – 90,9%; Sn – 6,8%; Pb – 1,1%; Sb – 0,59%; As – 0,46%; Fe – 0,15%. Близкие показатели зафиксированы и на лицевой поверхности: Cu – 90,38%; Sn – 7,41%; Pb – 0,91%; Sb – 0,79%; As – 0,44%; Fe – 0,07%.

Целый наконечник ремня из того же кургана (рис. 1.-б) исследовался в разных местах. Имеющийся набор данных демонстрирует схожие результаты. Они также указывают на бронзовый сплав: 1) орнаментированная поверхность: Cu – 95,13%; Sn – 4,78%; Pb – 0,09%; 2) внутренняя сторона: Cu – 94,09%; Sn – 4,91%; Sb – 0,61%; Pb – 0,39%.

Еще один наконечник ремня (рис. 1.-7), схожий с предыдущими, исследовался всесторонне и также двумя приборами. Первым зафиксированы следующие поэлементные ряды на участке внутренней стороны, механически освобожденном от поверхностных окислов: 1) Cu – 92,52%; Sn – 6,5%; Pb – 0,98%; 2) Cu – 92,03%; Sn – 6,33%; Pb – 1,03%; Sb – 0,61%. Данные показатели указывают на бронзовый сплав. Тестирование бортика изделия вторым прибором показало наличие остатков золочения. Данный факт отражен на приводимом спектре (рис. 2). Следует отметить, что при этом следы ртути не выявлены.

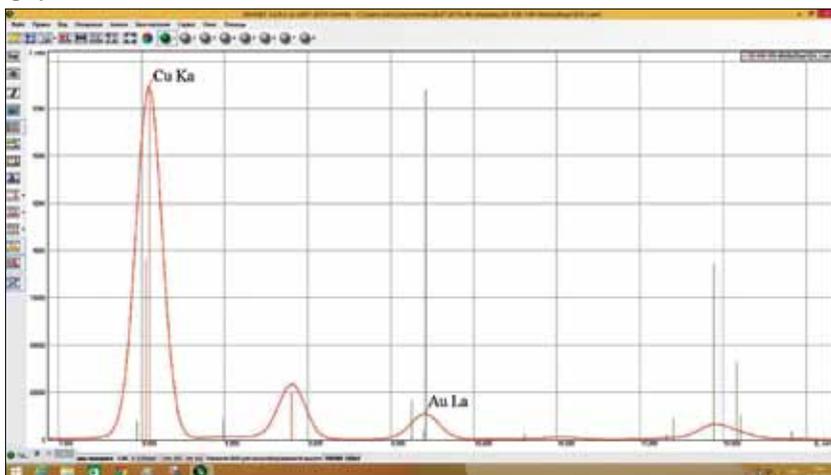

Рис. 2. Полученные спектры с поверхности бортика наконечника ремня

Изученная бляха-накладка (рис. 1.-8) демонстрирует уже неоднократно зафиксированный вариант бронзового сплава. Показатели получены в разных местах тестирования участка бортика, механически освобожденного от поверхностных окислов: 1) Cu – 90,52%; Sn – 6,21%; Ni – 1,62%; Pb – 0,85%; Sb – 0,72%; Fe – 0,08%; 2) Cu – 93,44%; Sn – 5,67%; Pb – 0,81%; Fe – 0,08%.

На аналогичной бляхе-накладке (рис. 1.-9) при тестировании комплексом X-Арт М бортика и лицевой поверхности выявлены следы золочения (рис. 3).

На участке внутренней стороны, где частично были удалены окислы, в разных местах получены показатели, демонстрирующие наличие бронзового сплава: 1) Cu – 91,95%; Sn – 6,39%; Pb – 0,6%; Sb – 0,56%; As – 0,42%; Fe – 0,08%; 2) Cu – 92,41%; Sn – 5,94%; Pb – 0,63%; Sb – 0,53%; As – 0,41%; Fe – 0,08%.

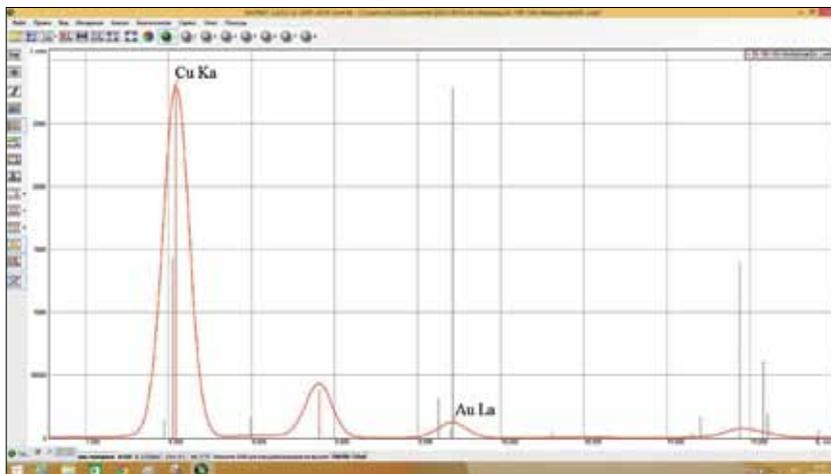

Рис. 3. Зафиксированные спектры с поверхности бляхи-накладки

Следующая бляха-накладка (рис. 1.-10) из рассматриваемой серии также сделана из бронзы. Об этом свидетельствует сделанный анализ участка бортика, освобожденного от окислов: Cu – 94,66%; Sn – 5,23%; Pb – 0,11%. Произведено тестирование орнаментированной поверхности: Cu – 92,83%; Sn – 6,7%; As – 0,3%; Pb – 0,17%. Следует отметить, что на лицевой стороне и бортике выявлены слабые следы присутствия золота.

Последняя малая бляха-накладка (рис. 1.-11) со сломанными шпеньками также демонстрирует бронзовый сплав. Исследование орнаментированной стороны дало такие результаты: Cu – 95,87%; Sn – 4,03%; Pb – 0,1%. На участке бортика, освобожденном от окислов, получены следующие показатели: Cu – 95,33%; Sn – 4,6%; Fe – 0,07%. На поверхности бортика отмечены следы золота.

Более крупная, но единичная бляха-накладка (рис. 1.-12) имеет пластину-фиксатор. Тестирование различных участков показало, что изделие было позолочено. Следы такого декорирования выявлены на лицевой стороне и на бортике (рис. 4).

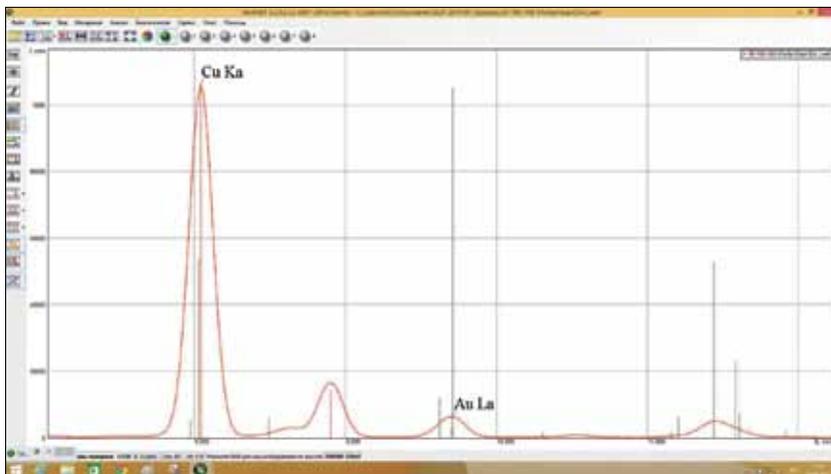

Рис. 4. Полученные спектры с бортика крупной бляхи-накладки

Исследование портативным спектрометром орнаментированной поверхности обозначило такой элементный ряд: Cu – 76,51%; Sn – 5,95%; Au (золото) – 15,65%; Ag (серебро) – 0,75%; Zn – 0,55%; Pb – 0,25%; Fe – 0,18%; Ni – 0,1%; Co (кобальт) – 0,06%. Снятие поверхностных окислов производилось на бортике. Полученный результат, как и предыдущий, может свидетельствовать о переплавке лома: Cu – 92,37%; Sn – 5,52%; Ag – 0,79%; Zn – 0,64%; Pb – 0,47%; Fe – 0,07%; Ni – 0,07%; Co – 0,07%. Пластина-фиксатор была сделана из меди: Cu – 99,93%; Co – 0,07%.

Среди находок имеется изогнутая пластина (рис. 1.-13), функциональное назначение которой непонятно. В одном месте этого предмета виден белый налет. Его тестирование дало такой результат: Cu – 89,44%; Ag – 9,19%; Pb – 1,11%; Zn – 0,26%. В данном перечне хорошо демонстрируется серебро. Наличие данного металла зафиксировано и вторым прибором (рис. 5). В целом же пластина медная: Cu – 98,88%; Pb – 0,64%; Fe – 0,48%.

Изучалась и маленькая круглая бляха-накладка с одним центральным шпеньком (рис. 1.-14). Выявлен элементный ряд, демонстрирующий бронзовый сплав с присутствием серебра: Cu – 85,41%; Sn – 11,56%; Pb – 1,3%; Ag – 0,66%; Sb – 0,63%; As – 0,38%; Ni – 0,06%. Вторым прибором отмечены следы золота.

Исследование маленькой пряжки (рис. 1.-15) на участке, освобожденном от окислов, показало сложный состав: 1) Cu – 86,55%; Sn – 6,33%; Zn – 5,34%; Pb – 1,37%; Fe – 0,33%; Ni – 0,08%; 2) Cu – 87,08%; Sn – 6,38%; Zn – 4,99%; Pb – 1,2%; Fe – 0,27%; Ni – 0,08%. На поверхности прибором X-Арт М выявлены очень слабые следы присутствия золота.

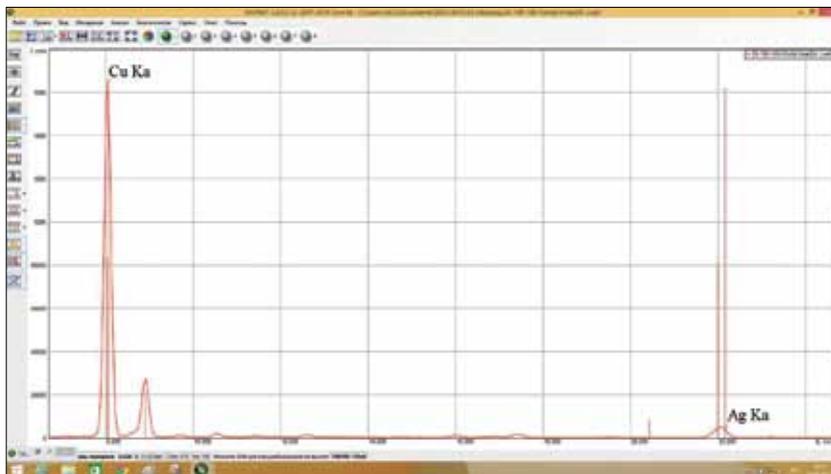

Рис. 5. Полученные спектры с поверхности изогнутой пластины

У обнаруженной бляхи-накладки (рис. 1.-16), имеющей ряд дефектов разного происхождения, производилось частичное удаление поверхностных окислов на обратной стороне. Получено несколько схожих результатов. Приведем один из них: Cu – 77,96%; Sn – 19,42%; Fe – 1,46%; As – 0,73%; Pb – 0,21%; Ni – 0,14%; Co – 0,08%. Повышенное содержание элемента Fe может отражать длительное соприкосновение бляхи-накладки с железным предметом.

Следующее изделие сильно деформировано и побывало в огне (рис. 1.-17). Однако при этом присутствие золота фиксировалось устойчиво в разных местах, но в малых количествах, которые мог уловить только стационарный комплекс X-Арт М. Исследование портативным спектрометром позволило получить такие данные: Cu – 79,61%; Sn – 11,17%; Pb – 6,31%; Ag – 1,64%; Zn – 0,6%; As – 0,34%; Fe – 0,14%; Ni – 0,11%; Co – 0,08%.

Бронзовый наконечник ремня (рис. 1.-18) из кургана №6 стиривался многократно в разных местах. Есть смысл привести следующие наборы показателей: 1) лицевая поверхность: Cu – 81,37%; Sn – 16,48%; As – 0,94%; Fe – 0,67%; Pb – 0,32%; Ni – 0,15%; Co – 0,07%; 2) обратная сторона: Cu – 81,37%; Sn – 16,5%; As – 1,06%; Fe – 0,6%; Pb – 0,36%; Ni – 0,11%; 3) участок бортика, ближе к носику, со снятием окислов: Cu – 79,63%; Sn – 18,07%; As – 1,14%; Fe – 0,69%; Pb – 0,39%; Ni – 0,08%.

Представленные результаты дополняют ранее полученные данные [Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009; Тишкин, Илюшин, 2010; и др.]. Достаточное накопление подобных материалов позволит более детально

провести сравнительный анализ по хронологическим отрезкам, культурам и территориям, что обеспечит информационное поле для этнокультурных и других реконструкций.

Библиографический список

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул, 2009, 144 с.

Гребенникова Т.Г., Илюшин А.М., Тишкин А.А. Украшения конского снаряжения из кургана №4 памятника Мусохраново-1 в Кузнецкой котловине // Теория и практика археологических исследований. 2013. №2. С. 109–116.

Илюшин А.М. Средневековые поминально-погребальные комплексы в Касьминском археологическом микрорайоне // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск, 1998. С. 23–28.

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово, 2005. 240 с.

Илюшин А.М. Результаты раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2009а. №1. С. 95–105.

Илюшин А.М. Об использовании огня в погребальном обряде средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок курганной группы Мусохраново-1) // Известия Алтайского государственного университета. 2009б. №4/2. С. 71–82.

Илюшин А.М. Торевтика из раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул, 2010. С. 25–27.

Илюшин А.М. Новые сведения о погребальном обряде восточных кипчаков // Маргулановские чтения – 2011. Астана, 2011. С. 267–271.

Илюшин А.М. Комплекс вооружения кочевников развитого средневековья в Кузнецкой котловине (по материалам раскопок курганной группы Мусохраново-1) // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова (к 110-летию со дня рождения). Омск, 2012. С. 93–100.

Илюшин А.М. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2010–2012 гг. // Археологические открытия 2010–2013 годов. М., 2015. С. 647–650.

Илюшин А.М., Бутьян В.А. Раскопки Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции 2009 года на курганной группе Мусохраново-1 // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2010. №4. С. 175–184.

Илюшин А.М., Бутьян В.А. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2010 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2011. №3. С. 115–120.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Комплекс археологических памятников в долине реки Касьма // Археологические микрорайоны Западной Сибири : тезисы докл. Всерос. науч. конф. Омск, 1994. С. 39–43.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Исследования в Кузнецкой котловине // Археологические открытия 1993 года. М., 1995. С. 169–170.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Роговских В.С. Разведки и раскопки памятников в Кузнецкой котловине // Археологические открытия 1994 года. М., 1995. С. 271.

Кулемзин А.М., Бородкин Ю.М. Археологические памятники Кемеровской области. Кемерово, 1989. 189 с.

Тишкин А.А., Илюшин А.М. Рентгенофлуоресцентный анализ предметов торевтики из кургана №3 памятника Мусохраново-1 (Кузнецкая котловина) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул, 2010. С. 94–100.

Я.В. Фролов, А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**АТРИБУЦИЯ ПРЕДМЕТОВ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
ИЗ «СТАРЫХ ПОСТУПЛЕНИЙ» АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОЛЛЕКЦИИ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», а также гранта РГНФ регионального научного конкурса «Российское могущество прирастает бюджет Сибири и Ледовитым океаном» №16-11-220007 «Археологические коллекции Алтайского государственного краеведческого музея»

В археологическом собрании Алтайского государственного краеведческого музея (АГКМ) имеется довольно представительная коллекция находок, поступивших в музей до середины XX в. В ходе работы с данными предметами возникают трудности при определении места их обнаружения. Это в значительной мере снижает информационный потенциал древних артефактов. В отдельных случаях сведения об обстоятельствах поступления их в музей и местах, где они были найдены, искажены. Такая путаница возникла из-за многократного переписывания Инвентарных книг и Книг поступлений в 1-й половине XX в. Предметы фиксировались коллективными записями, в результате чего индивидуальная информация о ряде важных находок оказалась утрачена.

В качестве демонстрации указанной ситуации остановимся на трех металлических ножах (рис.) из «старых поступлений», хранящихся в археологическом собрании АГКМ. Для этого приведем сведения о них, которые отражены в различных списках, датированных 1-й четвертью XX в. [АГКМ. ОФ 16115/68-71. Ф.Р-7. Оп. 1. Д. 41–44].

Следует начать с того, что археологическое собрание АГКМ формировалось на протяжении достаточно длительного периода. В этом процессе выделяются несколько этапов. На первом этапе (1-я четверть – конец XIX в.) коллекция по древней истории Алтая состояла из находок, которые появились в результате деятельности основателя Барнаульского музея П.К. Фролова. К 1826 г. уже имелось небольшое количество древних артефактов. До конца XIX в. в музей поступали единичные случайные находки. Большая

часть этого собрания в 1907 г. была передана в Томский университет. Из археологических экспонатов XIX в. в АГКМ сохранился только один предмет – это скульптура лежащего барана, датируемая тюркским временем.

Следующий этап деятельности по формированию археологической коллекции музея приходится на конец XIX – 1-ю четверть XX в. Благодаря деятельности созданного в 1891 г. Общества любителей исследования Алтая стали поступать археологические находки. С начала 1890-х и по 1902 г. собрание пополнилась бронзовыми ножами. Сведения об этих предметах приведены в «Хронологическом каталоге музея Алтайского подотдела Императорского Русского географического общества», начатом в 1903 г. [АГКМ. ОФ 16115/68. Ф.Р-7. Оп. 1. Д. 41. Л. 1]. В данном документе приводится перечень коллекций, перешедших в музей Алтайского подотдела ЗСО ИРГО из Общества любителей исследования Алтая. В нем представлена информация о находках археологических предметов, где фигурируют три бронзовых ножа: «медный нож, сломанный, найденный на пашне около Белоярского священником И.И. Никольским» (передан через Н.С. Гуляева), «медный нож, найденный на пашне Уймонской степи на увале левого берега Катуня между речками Джинжек и Маралой Нестером Ив. Ошлоковым» и «медный нож, найденный между Змеевскими казармами и дер. Токаревой в кургане на 1/2 аршина глубины», переданный А.А. Шахновским [АГКМ. ОФ 16115/68. Ф.Р-7. Оп. 1. Д. 41. Л. 2–3].

После организации учета коллекций музея Алтайского подотдела ЗСО ИРГО в 1903 г. в Книге поступлений фиксировались следующие сведения о поступивших предметах: кратко указывалось о месте обнаружения находки, фамилии и инициалы передавших их лиц, и в некоторых случаях приводилась дата поступления [АГКМ. ОФ 16115/68. Ф.Р-7. Оп. 1. Д. 41]. В рассматриваемом документе указано еще о нескольких металлических ножах. Так, в ноябре 1903 г. М.К. Барсовым в музей передан «нож (медный)», найденный на пашне с. Катанды [АГКМ. ОФ 16115/68. Ф.Р-7. Оп. 1. Д. 41. Л. 14]. В декабре 1903 г. был записан «медный нож, найденный в долине между Тесьпой и Буграми около дер. Соусканиха на пашне кр. Яковлева» [АГКМ. ОФ 16115/68. Ф.Р-7. Оп. 1. Д. 41. Л. 18]. 17 августа 1905 г. от М.П. Пушкарева вместе с черепом в музей поступил «медный нож, выкопанный при поправке тракта около с. Чесноковки» [АГКМ. ОФ 16115/68. Ф.Р-7. Оп. 1. Д. 41. Л. 26].

Таким образом, имеются сведения о шести ножах, оказавшихся в музее до 1906 г. Кроме того, ножи могли входить в коллекцию предметов, найденных летом 1903 г. при раскопках «Большереченского городища», которую в декабре 1903 г. Н.С. Гуляев передал в музей [АГКМ. ОФ 16115/68. Ф.Р-7. Оп. 1. Д. 41. Л. 18]. Эти находки были закреплены на семи картонных листах. К сожалению, информацию о составе этой коллекции найти не удалось. Имеющиеся данные в более поздних списках уже искажены [АГКМ. ОФ 16115/69-71. Ф.Р-7. Оп. 1. Д. 42–44]. Других поступлений ножей в музей до 1919 г. в Книге поступлений не отмечено.

Следующий по хронологии список экспонатов музея отражен в «Инвентарной книге для записи экспонатов Алтайского Губернского Центрального советского музея», начатой в 1920 г. Информация о предметах археологической коллекции в ней серьезно искажена. Видимо, археологические предметы, поступившие ранее в музей Алтайского подотдела ЗСО РГО, были закреплены на 13 планшетах («Таблицах»), и в новой книге 1920 г. они были записаны группами. Так, на «Таблице №3» находились восемь «бронзовых ножей, бронзовый топор, обломок бронзового копья и железное стремя». Информация об этих предметах дана следующая: «...раскопка 1908 г. Н.С. Гуляева по берегу р. Большой Речки» [АГКМ ОФ. 16115/71. Ф.Р-7. Оп. 1. Д. 44. Л. 8]. На данном планшете были закреплены все бронзовые предметы, поступившие в музей до 1906 г. Об этом свидетельствуют их наименования, которые совпадают со сведениями из первого «Хронологического каталога музея» [АГКМ. ОФ 16115/68. Ф.Р-7. Оп. 1. Д. 41]. Только часть из этих предметов, возможно, могла относиться к собранию Н.С. Гуляева. Повидимому, в то же время на предметах археологической коллекции были нанесены шифры из двух цифр. Первая из них – это номер планшета («Таблицы»), а вторая – индивидуальный номер предмета («3-1», «3-2» и т.д.). На ряде экспонатов археологической коллекции «из старых поступлений» к настоящему времени сохранились эти шифры, что позволяет уточнить информацию об их происхождении.

Два бронзовых ножа (ОФ 13/1 и 13/2) в Книге поступлений АГКМ от 1951 г. под №1 отмечены общей записью, где объединены три медных ножа. Указано место их обнаружения: окрестности деревни Камышинки (Усть-Пристанский район Алтайского края). На ноже с номером ОФ 13/1 имеется шифр «3-3», а на ноже ОФ 13/2 – «3-5». Третье изделие, которое рассматривается в данной статье (нож под номером ОФ 31/1), также в Книге поступлений основного фонда АГКМ под №1 учитывается в общей записи, объединяющей два ножа. Местом их обнаружения указывается с. Усть-Большая Речка. На предмете хорошо виден шифр «3-4». Имеющиеся на указанных ножах шифры позволяют предполагать, что эти предметы найдены в период с 1903 по 1905 г. и могут происходить из нескольких мест современной территории Алтайского края (окрестности сел Токарево, Соусканиха, Чесноковка, Чаузово (комплекс памятников Ближние Елбаны), пос. Белоаярск) и Республики Алтай (окрестности сел Катанда и Уймон). Информация о местах их обнаружения, приведенная в современных Книгах поступлений АГКМ, ошибочна.

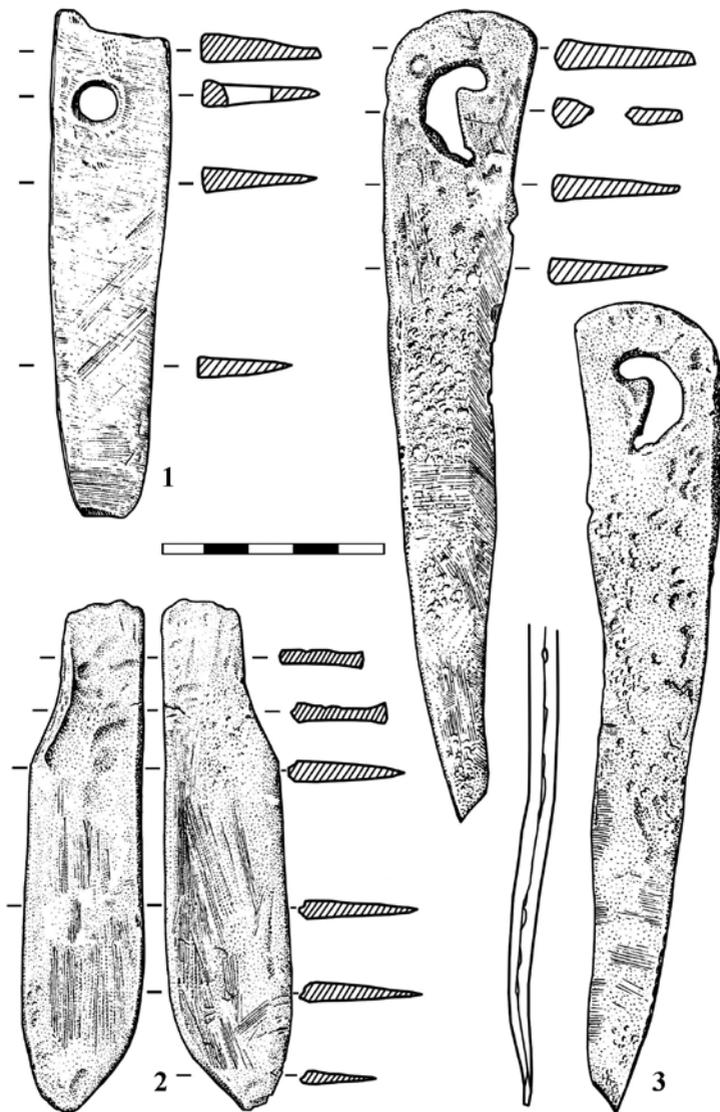
Следует отметить, что ножи, записанные в документации АГКМ под номерами ОФ 13/1 и 13/2, не могут происходить из комплекса предметов, обнаруженных в окрестностях с. Камышенки и поступивших в музей в июле 1924 г. Судя по описанию, приведенному в музейной документации, один из этих ножей имел три отверстия в рукояти, а два других представляли собой обломки. Также, судя по описям, на этих

ножах должны быть шифры «84-8» и «84-9» [АГКМ. ОФ 16115/70. Ф.Р-7. Оп. 1. Д. 43. Л. 16]. Этот комплекс был передан в музей позднее предметов, уже записанных в Книгу поступлений от 1920 г. под номерами «3-3», «3-4», «3-5» [АГКМ. ОФ 16115/71. Ф.Р-7. Оп. 1. Д. 44. Л. 105]. Других поступлений археологических предметов из окрестностей с. Камышенки в фонды музея в 1-й половине XX в. не было.

Нож под номером ОФ 13/2 опубликован Н.Л. Членовой [1994, рис. 3.-19] как происходящий с поселения Долгая Грива, которое расположено вблизи с. Камышенки Усть-Пристанского района и в 1-й половине XX в. активно разрушалось. Видимо, поэтому Н.Л. Членова и связала нож с данным памятником. Следует отметить, что, возможно, этот же нож опубликован М.П. Грязновым. По его данным, он происходит из с. Кулундинского [Грязнов, 1956, рис. 15.-6]. Однако в документации, имеющейся на сегодняшний день в АГКМ, нет никаких сведений о находках бронзовых ножей в окрестностях с. Кулундинского. Анализ музейных описей и Книг поступлений АГКМ до середины XX в. позволяет сделать вывод о том, что сведения о предмете, приведенные и Н.Л. Членовой, и М.П. Грязновым, ошибочны.

Все три описываемых изделия представляют собой пластинчатые ножи с прямой спинкой. Ниже приводятся их краткие описания. Кроме этого, представлены результаты рентгенофлюоресцентного анализа, полученные с помощью портативного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США), который имеется в Алтайском государственном университете.

Первый нож (ОФ 13/1) сделан из сломанного клинка более крупного однолезвийного изделия, по-видимому, также ножа. Часть лезвия закована и превращена в рукоять, в которой имеется округлое отверстие, вероятно, сделанное уже в ходе переиспользования данного предмета (рис.-1). Отверстие имеет четкий круглый абрис и просверлено уже в более позднее время, возможно, после обнаружения ножа в XX в. На части изделия, оформленной в качестве лезвия, видны достаточно свежие следы заточки, еще не успевшие окислиться. Поверхность ножа покрыта светло-коричневатой патиной. Крупные размеры клинка, из которого сделан нож, позволяют датировать данный предмет эпохой бронзы. Определение состава металла осуществлялось указанным прибором на участке, механически освобожденном от окислов. В двух разных местах получены практически одинаковые результаты, позволяющие заключить, что предмет медный: 1) Cu (медь) – 99,08%; As (мышьяк) – 0,63%; Ni (никель) – 0,21%; Pb (свинец) – 0,08%; 2) Cu – 99,06%; As – 0,63%; Ni – 0,24%; Pb – 0,07%. Наличие заметного количества мышьяка отражает, по всей видимости, рудную примесь. Данное обстоятельство позволяет уточнить характеристику сплава – мышьяковая медь. Остальные два элемента могут отражать оставшиеся окислы либо их присутствие в использовавшейся руде.

Металлические ножи из «старых поступлений» в АГКМ:
1 – ОФ 13/1; 2 – ОФ 13/2; 3 – ОФ 31/1

Второй предмет (ОФ 13/2) представляет собой нож, переделанный из клинка более крупного однолезвийного изделия (рис.-2). Часть его специально затуплена – закована и превращена в короткую и слабо вы-

деленную рукоять. Патинированная поверхность изделия покрыта многочисленными царапинами и мелкими кавернами. Она тестировалась рентгенофлюоресцентным спектрометром. Полученные показатели в большей мере отражают качественный состав использованного сплава: Cu – 95,9%; As – 2,25%; Sb (сурьма) – 1,07%; Pb – 0,54%; Zn (цинк) – 0,18%; Fe (железо) – 0,06%. Поэтому производилось механическое снятие окислов на одной из сторон у слома. Данный участок исследовался трижды в разных местах. Зафиксированы следующие поэлементные ряды:

– Cu – 96,61%; As – 1,8%; Sb – 1,07%; Pb – 0,46%; Fe – 0,06%;

– Cu – 96,78%; As – 1,77%; Sb – 1,11%; Pb – 0,34%;

– Cu – 96,8%; As – 1,76%; Sb – 1,07%; Pb – 0,37%.

Эти данные свидетельствуют об использовании мышьяково-сурьмяной меди при изготовлении древнего орудия.

Ножи, сделанные из клинков сломанных изделий, достаточно широко встречаются в памятниках эпохи бронзы лесостепного Алтая, но чаще всего в материалах саргаринско-алексеевской и ирменской культур [Членова, 1994, рис. 1.-13–16; 3.-6–19; Ситников, 2015, с. 40, рис. 13.-4; 84.-2–4]. Известна подобная традиция и в более поздний период. Находки подобных предметов встречаются в памятниках большереченской культуры переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку [Грязнов, 1956, табл. XVIII.-26, 31].

Рассматриваемые экспонаты из АГКМ являлись частями довольно крупных массивных ножей, имевших прямую спинку. Они наиболее широко были распространены в период поздней бронзы. Резкий переход спинки к острию (косая спинка, по Н.Л. Членовой), часто образующий округлый конец лезвия, также характерен для ножей этого времени [Членова, 1994, с. 16–17]. Наиболее часто встречаются подобные изделия в материалах ирменской и саргаринско-алексеевской культур [Аванесова, 1991, рис. 31–32; Членова, 1994, рис. 1.-13–16; 3.-6–19; Ситников, 2015, рис. 27.-3; 58.-1; 84.-1, 3–4; 97.-1; 98.-1; Папин, Федорук, 2009, рис. 2.-1–11].

Третье изделие (ОФ 31/1) представляет собой достаточно массивный пластинчатый нож с прямой спинкой, без выделенной рукояти, которая плавно переходит в узкий, постепенно сужающийся клинок (рис.-3). Кончик острия обломан. На рукояти, имеющей округлое окончание, присутствует отверстие неправильной полукруглой формы. Не исключено, что зауженная форма клинка образовалась в результате частой заточки лезвия при продолжительном использовании изделия. Рентгенофлюоресцентным спектрометром сначала тестировалась патинированная поверхность металлического орудия. Зафиксированы такие показатели: Cu – 93,72%; As – 4,39%; Sn (олово) – 1,24%; Pb – 0,26%; Fe – 0,22%; Bi (висмут) – 0,17%. Затем трижды в разных местах исследовался участок, освобожденный от окислов. Получены следующие результаты:

– Cu – 97,55%; As – 1,72%; Sn – 0,58%; Pb – 0,15%;

– Cu – 97,68%; As – 1,66%; Sn – 0,51%; Pb – 0,09%; Ni – 0,06%;

– Cu – 97,66%; As – 1,67%; Sn – 0,59%; Pb – 0,08%.

Эти данные позволяют характеризовать сплав как бронзовый. Явно в качестве символической легирующей добавки в мышьяковую медь было добавлено олово.

Наиболее близки этому экспонату из АГКМ массивные серповидные ножи, обнаруженные в памятниках андроновской и саргаринско-алексеевской культур Казахстана [Аванесова, 1991, рис. 8.-36, 18.-18, 19.-32; Черников, 1960, с. 79, табл. LXIII.-4-5].

Полученные результаты рентгенофлюоресцентного анализа подтверждают, что рассмотренные ножи могут датироваться периодом поздней бронзы (см. обзор: [Бобров, Кузьминых, Тенейшвили, 1997; и др.]).

В заключение необходимо отметить, что работа по уточнению сведений о предметах из «старых поступлений» в археологическом собрании АГКМ будет продолжена. Выявление ошибок и неточностей позволит более обоснованно привлекать данные предметы в ходе научных исследований.

Библиографический список

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент, 1991. 200 с.

Бобров В.В., Кузьминых С.В., Тенейшвили Т.О. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). Кемерово, 1997. 99 с.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л., 1956. 256 с. (МИА; вып. №48).

Папин Д.В., Федорук А.С. Поздний период бронзового века и переходное время от бронзового века к раннему железному веку // Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века / С.П. Грушин, Д.В. Папин, О.А. Позднякова, Е.А. Тюрина, А.С. Федорук, С.В. Хаврин. Барнаул, 2009. С. 75–121.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул, 2015. 254 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М. ; Л., 1960. 272 с. (МИА; вып. №88).

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994. 170 с.

Е.Г. Шалахов

*Государственное бюджетное учреждение культуры
Республики Марий Эл «Замок Шереметева», Юрино, Россия*

РИТУАЛ «УМЕРЩВЛЕНИЯ» ВЕЩЕЙ В СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИХ ЗАХОРОНЕНИЯХ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Изучение погребальных ритуалов периода поздней бронзы невозможно представить без объективного взгляда на некоторые аспекты сейминско-турбинской проблемы. Основной исследователь Юринского (Усть-Вет-

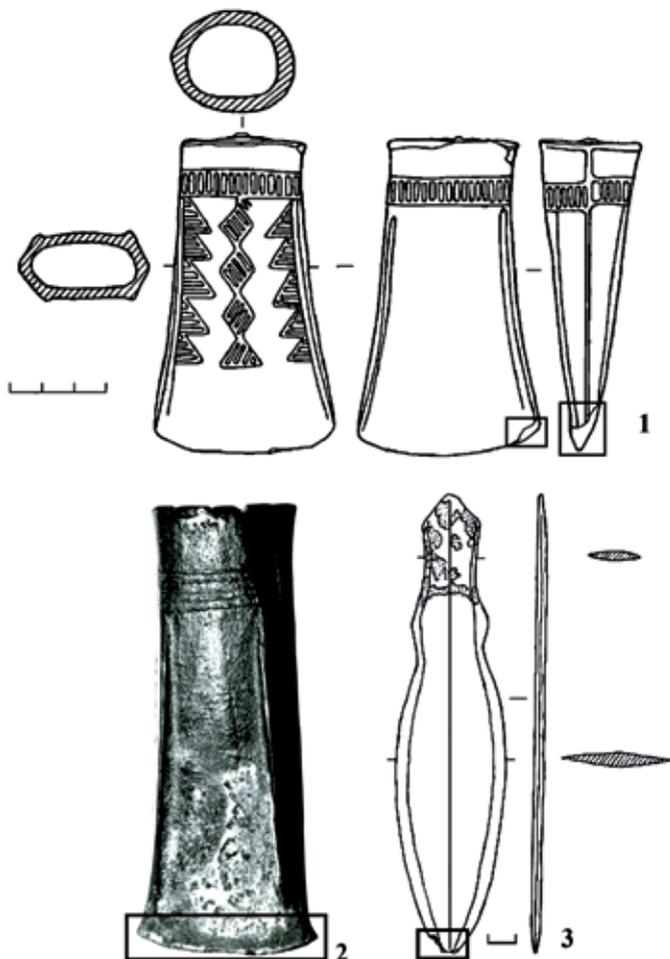
лужского) могильника Б.С. Соловьев [2010, с. 63] считает, что «ритуал „умерщвления“ вещей в сейминско-турбинских могильниках отсутствует», игнорируя тот факт, что в погребальных комплексах Усть-Ветлуги есть довольно любопытные предметы как раз со следами ритуальных действий специфического характера [Соловьев, 2005, с. 110; Шалахов, 2013, с. 206].

В июне 2001 г. в ходе разведочных работ на Сутырской дюне автором найден литой трубчатый топор-кельт разряда К-6 (по КТР-классификации, разработанной Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1989, с. 37–162]), орнаментированный под венчиком втулки пятью горизонтальными поясками-валиками (рис.-2). Медно-бронзовое изделие, обнаруженное еще до начала стационарных работ на нижней (основной) площадке кладбищенского поля Усть-Ветлуги, имеет характерные для сейминско-турбинских кельтов морфологические особенности [Черных, Кузьминых, 1989, с. 38]. Длина найденного орудия – 137 мм, ширина (в лезвийной части) – 66 мм. Лезвие кельта сильно деформировано (сплющено) еще в древности от удара о металлический или же каменный предмет [Шалахов, 2013, с. 206].

Вряд ли деформация рабочей части боевого топора была случайной. В ней мы видим последствие совершенного погребального ритуала, связанного с «умерщвлением» вещи, которая должна была «служить» воину в загробном мире. Некоторые исследователи могильников эпохи бронзы утверждают, что непригодное к использованию оружие в древнейших воинских захоронениях скорее исключение, чем правило [Большов, 2007, с. 63; Соловьев, 2010, с. 63]. Тем не менее частичная деформация, а порой и поломка предмета на несколько частей может быть истолкована как попытка провести границу между миром живых и «нижним» миром, куда «переселялся» погребенный сородич.

Второй кельт со следами ритуального воздействия обнаружен в статусном погребении 10 Усть-Ветлуги [Соловьев, Шалахов, 2006, с. 174, рис. 3.-2; Шалахов, 2015, с. 213]. Это захоронение сейминско-турбинского типа, вскрытое в 2004 г. [Соловьев, 2005, с. 108–109], отличалось от погребений основной площадки памятника не только богатым медно-бронзовым инвентарем [Соловьев, 2010, с. 57–58], но и ландшафтными особенностями погребальной обрядности [Шалахов, 2016, с. 241].

Впервые публикуя оригинальную находку «княжеского» ранга (рис.-1), автор раскопок писал: «Угол лезвия преднамеренно (?) смят сильным ударом о твердый предмет...» [Соловьев, 2005, с. 110]. Характер этого повреждения, которое при дальнейшем использовании в качестве рубящего орудия могло сказаться на функциональности кельта, долгое время оставался невыясненным. Нам представляется, что в данном случае деформация лезвия кельта имела только лишь ритуальный смысл. Намеренная порча предмета из «социально-значимого» захоронения, совершенного на Сутырской дюне [Соловьев, Шалахов, 2006, с. 168–169], в целом соотносится с сибирскими погребальными традициями эпохи палеометалла [Косарев, 2003, с. 149].

Медно-бронзовый инвентарь Юринского (Усть-Ветлужского) могильника:

- 1 – топор-кельт из засыпи погребения 10 (по: Соловьев Б.С., 2005);
2 – топор-кельт разряда К-6, подъемный материал 2001 г. (фотоснимок
Н. Лебедева); 3 – нож разряда НК-16, случайная находка 2002 г.

След от ритуального воздействия отмечен автором и на двухлезвийном ноже разряда НК-16 (рис.-3) с листовидным клинком, имеющем четко выраженное продольное ребро, которое идет и по всей длине черенка, отделенного от клинка комбинацией перекрестья и перехвата, с ромбическим окончанием черенка. Длина бронзового изделия – 163 мм, ширина клинка – 37 мм, ширина черенка – 23 мм, тол-

шина – 3,5 мм [Шалахов, 2013, с. 206]. Острие клинка смято, очевидно, в результате отправления древнейшего ритуала «втыкания в землю», проанализированного М.Ф. Косаревым [2003, с. 148].

В последнем случае для достижения цели обрядового действия по «умерщвлению» предмета вооружения мог использоваться и какой-то твердый предмет, принесенный специально.

В сейминско-турбинских захоронениях есть примеры «умерщвления» предметов вооружения из кремня. Исследователи могильника Турбинского-I пишут об изученном погребении №112: «Целый наконечник стрелы был обнаружен в юго-западной трети погребения у продольной оси могильной ямы на глубине –0,63 м. Подобный же наконечник был выявлен у юго-восточного края очертания погребения на глубине –0,66 м. В 10 см севернее него было на глубине –0,76 м найдено небольшое кольцо из нефрита. Фрагмент наконечника стрелы был обнаружен в центральной трети пятна погребения на глубине –0,73 м и тяготел к его северо-западному краю» [Денисов, Жуковский, Мельничук, 2011, с. 43].

Нетрудно предположить, что фрагментированный наконечник турбинского типа [Денисов, Жуковский, Мельничук, 2011, рис. 2.-9] был именно «умерщвлен».

Таким образом, рассмотренные материалы некоторых опорных памятников сейминско-турбинского транскультурного феномена [Черных, 2013, с. 273; 2015, с. 45] существенно дополняют источниковую базу для изучения погребальной практики и соответствующих ритуалов у кочевых группировок позднего бронзового века.

Библиографический список

- Большов С.В. Абашевское время на Средней Волге // Проблемы первобытной и средневековой археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола, 2007. С. 51–68.
- Денисов В.П., Жуковский А.С., Мельничук А.Ф. Новые материалы турбинско-сейминского хронологического горизонта Пермского Приуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2011. №7. С. 42–46.
- Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам. М., 2003. 352 с. : ил., фото.
- Соловьев Б.С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.) // Российская археология. 2005. №4. С. 103–111.
- Соловьев Б.С. К вопросу о социально-значимых захоронениях сейминско-турбинского типа // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 5. Йошкар-Ола, 2010. С. 56–69.
- Соловьев Б.С., Шалахов Е.Г. Воинское погребение Юринского могильника // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. Чебоксары, 2006. С. 168–174.
- Черных Е.Н. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. Т. 1. М., 2013. 368 с.
- Черных Е.Н. Кочевой мир Евразии: номады Запада в конце бронзового века // Природа. 2015. №2. С. 43–55.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989. 320 с. : ил.

Шалахов Е.Г. Металлокомплекс могильника Усть-Ветлуга: о неизвестных находках 2001–2002 гг. // Альманах современной науки и образования. 2013. №4 (71). С. 205–207.

Шалахов Е.Г. К вопросу о связи некоторых петроглифов Южной Сибири и Монголии с культурой воинской элиты позднебронзовой эпохи // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI. Барнаул, 2015. С. 210–214.

Шалахов Е.Г. Об использовании ландшафтных особенностей в погребальной обрядности носителей сейминско-турбинских бронз (на примере Юринского могильника) // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 5. Ч. 1. Тюмень, 2016. С. 240–241.

Ю.В. Ширин

Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета, Новокузнецк, Россия

ОПЫТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕЩЕР ГОРНОЙ ШОРИИ

Горная Шория находится на стыке хребтов Южной Сибири (Северо-Восточного Алтая, Кузнецкого Алатау и Салаирского кряжа). Растительный покров на основной площади региона представлен черневой тайгой предгорий, низко- и среднегорий. На формирование рельефа Горной Шории, кроме тектонических движений, продолжающихся до настоящего времени, большое влияние оказали текущие воды. Долины крупнейших рек Мрассу и Кондомы, имеющих выраженный горный характер, глубокие, каньонообразные. Надпойменные террасы хорошо выделяются только в их среднем течении. В верховьях эти реки протекают в основном по известнякам, с которыми связано развитие карста. Особенно многочисленные пещеры, гроты, воронки и колодцы характерны для верхнего течения р. Мрассу (от истока до пос. Усть-Кабырза, что составляет 141 км) [Геологические памятники..., 2012].

Первая информация о карсте Горной Шории появляется только с 1920-х гг. [Иванов, 1992, с. 319]. В те же годы некоторые сведения о пещерах были собраны и этнографическими экспедициями. В мировоззрении коренного населения Горной Шории с пещерами связаны охотничьи легенды, в которых говорится, что у горы имеются двери. В этих легендах сама гора называется «тура», т.е. дом (хозяина горы). Через эти двери охотник или шаман во время камлания могут попасть к горному хозяину. Вход в его жилище представляется то сбоку в скале, то как ход, уходящий с вершины в землю. Кроме того, полагают, что пещеры могли быть местом проведения таинственных культовых обрядов, жертвоприношений и захоронений шаманов [Кимеев, Ширин, 2011, с. 148–149]. Все это не способствует посещению пещер местными жителями. Чаше

всего можно услышать, что только в экстремальных ситуациях пещеры могли служить местом убежища. В 1930-х гг. П.П. Хороших [2007] собрал сведения об археологических находках в некоторых пещерах региона. Но археологических исследований в них не проводилось.

Отличительными особенностями карста Горной Шории являются относительно широкое его распространение и труднодоступность карстовых районов. Спелеологами известные в настоящее время пещеры р. Мрассу стали посещаться только с конца 1960-х гг., при этом исследовались гроты весьма спорадически [Вистенгаузен, 2009, с. 246; Мошкин, 1978]. К 1970-м гг. археологический материал был получен только из карста верховий р. Томи [Оводов, Орлова, Дмитриев, 1979]. Археологические исследования, которые в Горной Шории начали проводиться с 1980-х гг., на р. Мрассу долгое время охватывали только ее среднее и нижнее течение – ниже пос. Усть-Кабырза [Бобров, Ширин, 2003; Ширин, 2013; 2014]. Вместе с тем к археологам стала периодически поступать информация о находках древних предметов в пещерах. К сожалению, подобные сообщения, да и передача находок в музей случались крайне редко. Пещерные находки чаще бесследно утрачивались. За последние годы, с активизацией летнего регионального туризма, участились и случаи разрушения пещерных памятников верхнего течения р. Мрассу. Только с 2013 по 2015 г. в «Музей этнографии и природы Горной Шории» (г. Таштагол) от туристов поступили находки из четырех пещер этого карстового района – Осиновая, Малиновая, Спальный Грот, Надежда. В 2016 г. музеем-заповедником «Кузнецкая крепость» (г. Новокузнецк) совместно с таштагольским музеем проведена археологическая экспедиция по обследованию этих пещер. Маршрут экспедиции проходили по территории «Шорского национального природного парка», что было согласовано с его дирекцией.

Пещера Осиновая расположена на левом берегу р. Мрассу, на 0,5 км выше устья р. Адыаксу. Входы в пещеру находятся в 40 м от уреза воды. Пещера представляет собой длинный извилистый грот. Находки, сделанные группой туристов в пещере Осиновая, включали кости животных и фрагмент костяного гарпуна (10,7 × 2,8 × 1,1 см) (рис. 1.-7). Шурф, заложенный нами в глубине грота, показал наличие рыхлых отложений мощностью не менее 1 м. Были найдены фрагменты керамики, роговые инструменты и расколотые кости животных. Датировка культурных отложений – от эпохи бронзы до раннего средневековья.

Пещера Малиновая расположена на правом берегу р. Мрассу, в 2 км ниже по течению от устья руч. Малиновый (Малый Кызак). Впервые была обследована автором в 2007 г., после сообщения спелеологов о находках артефактов в ее рыхлых отложениях [Кимеев, Ширин, 2011, с. 59, цв. вкл.]. Находки из этой пещеры поступали от туристов и в дальнейшем, в том числе несколько костяных наконечников стрел (рис. 1.-8). Характер находок позволяет предварительно датировать их 1-й поло-

виной I тыс. н.э. Шурф, заложенный нами в глубине грота, показал наличие сильно перемытых рыхлых отложений мощностью более 1 м, но новых культурных остатков не выявлено.

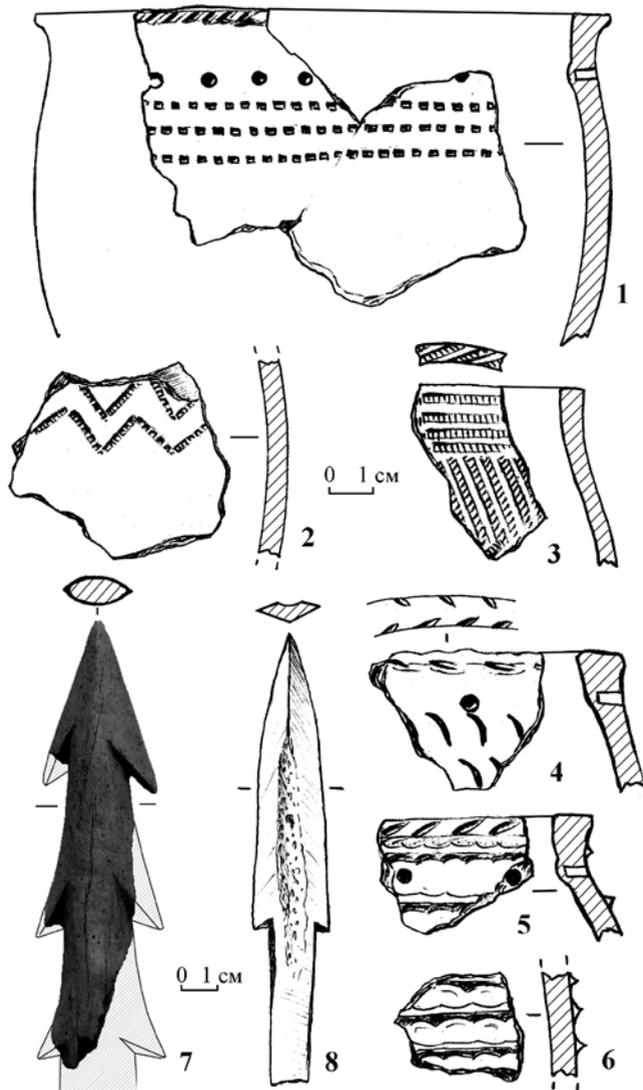

Рис. 1. Материалы из пещер верхнего течения р. Мрассы:
1-6 – пещера Надежда; 7 – пещера Осиновая;
8 – пещера Малиновая (1-6 – глина; 7, 8 – кость)

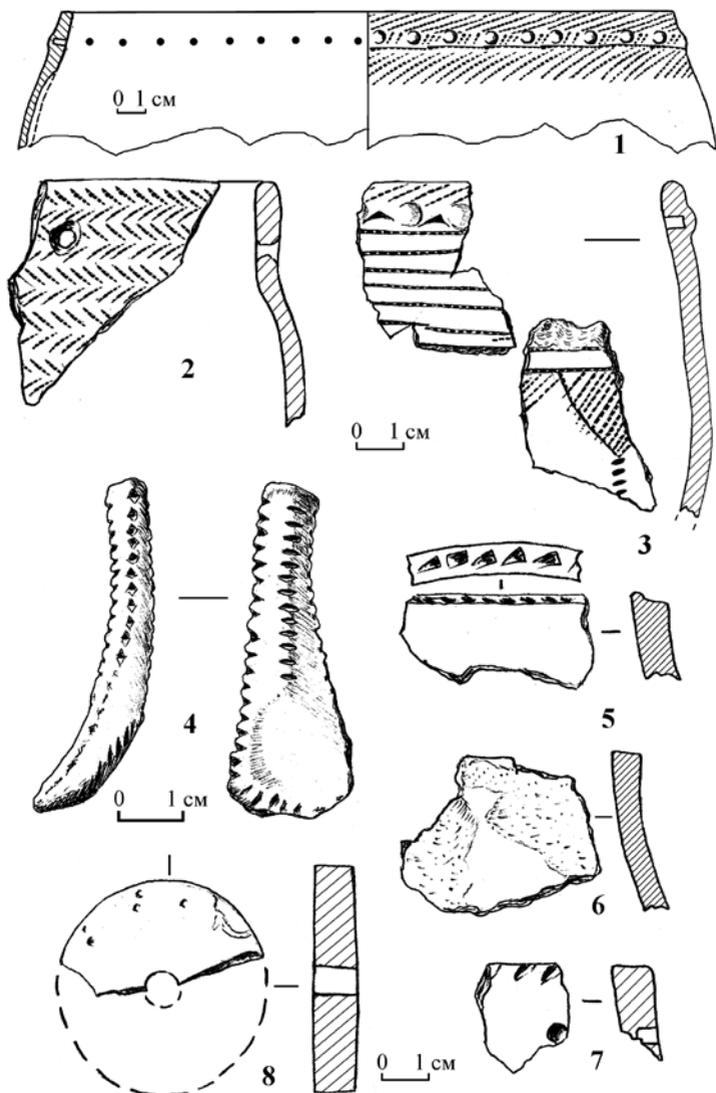

Рис. 2. Материалы из пещеры Спальный Грот:
1-3, 5-7 – глина; 4 – кость; 8 – камень

Пещера Спальный Грот расположена на правом берегу р. Мрассу, в скальном выходе известняка, в 0,7 км выше устья р. Кизас, правого притока р. Мрассу. Вход виден с реки. Он зияет на высоте около 25 м от уреза

воды. Туристы при помощи металлоискателя в дальней части входного грота, у основания конуса выноса суглинка, на глубине 10–15 см обнаружили две монеты 1940-х гг. достоинством в 10 и 15 копеек и три фрагмента небольшого чугунного сосуда. От места обнаружения предметов туристы вкопались в наносный грунт. Вскоре близко к поверхности они наткнулись на зольник диаметром около 1 м и мощностью до 10 см. Собранный туристами в заполнении зольника материал представлен в основном костями диких копытных (лось, олень, косуля, кабарга), но есть и кости медведя. Около зольника, на том же уровне, были найдены два предмета – украшенная зарубками ложечка $5 \times 2 \times 0,8$ см из немного подработанной кости животного (рис. 2.-4) и фрагмент венчика керамического сосуда, украшенного горизонтальными рядами наклонных оттисков короткой мелкозубой гребенки, елочкой (рис. 2.-2). Костяная ложечка, украшенная зарубками, вероятно, использовалась для кормления духов [Дыренкова, 2012, с. 327].

Разрушенные туристами участки рыхлых отложений в пещере Спальный Грот были нами исследованы раскопом 2×5 м. В ходе раскопок выявлены очажные пятна на нескольких стратиграфических уровнях. С этими уровнями удалось связать не менее двух хронологических групп керамики. Одна из них представлена сосудами с резным и гребенчатым геометрическим орнаментом, с жемчужником и разделителем в виде уголка (рис. 2.-1–3) – периода поздней бронзы. Другая группа керамики, с оттисками ногтя и палочки (рис. 2.-5–7), может быть отнесена к раннему средневековью. Кроме керамики были найдены кости животных, костяные и кремневые изделия, обломок каменного пряслица (рис. 2.-8).

Пещера Надежда расположена на правом берегу р. Мрассу, в 2,5 км ниже устья р. Кизас. Превышение входа над рекой – около 30 м. От реки вход не виден, но пещера часто посещается туристами, так как тропа к пещере идет от оборудованной туристической стоянки. Находки, которые поступили от группы туристов из этой пещеры, включали два фрагмента керамики и кости мелких парнокопытных животных. По словам туристов, все находки были сделаны на поверхности пола пещеры между каменной осыпью. Керамика покрыта кальцитовой корочкой, показывающей, что фрагменты действительно долгое время лежали на поверхности пола пещеры. Один из фрагментов керамики – от сосуда, украшенного по плечу парным зигзагом из оттисков короткой гребенки (рис. 1.-2), второй – без орнамента. Среди костей животных, большинство из которых были без видимых следов обработки, нами обнаружен альчик с просверленным отверстием. Детальный осмотр основного зала пещеры Надежда, диаметром около 30 м, проведенный нами в 2016 г., позволил дополнить эти поверхностные сборы (шурф не закладывался). Кроме костей мелких животных, на нескольких участках пола были собраны фрагменты керамики. Все они принадлежали сосудам эпохи раннего средневековья. Датировку комплекса можно предварительно определить VII–VIII вв. В орнаментации представлены оттиски гребенчатого штампа (рис. 1.-1, 3), ногтя (рис. 1.-4) и острые реберные налпные

валики (рис. 1.-5, 6). Керамика этого памятника по форме и орнаменту имеет много общего с раннесредневековыми комплексами поселений Горной Шории [Ширин, 2013; 2014] и соседних Кондомо-Томских предгорий Кузнецкой котловины – лачиновской культуры [Бобров, Окунева, 1987]. Сейчас существует несколько дискуссионных точек зрения на культурную принадлежность данных памятников [Ширин, 2004], но мы предпочитаем пока оставить их первоначальное обозначение.

Проведенные работы показали большую перспективность археологического изучения карстовых объектов Горной Шории. По характеру культурных остатков, полученных из обследованных гротов, можно предполагать, что пещеры верховий р. Мрассу посещались преимущественно в периоды охотничьих промыслов. Тем самым этот тип памятников Горной Шории может стать важным источником информации о характере промысла в различные исторические периоды. Определение соотношения культурно-хронологических комплексов пещерных памятников позволит прояснить вопрос и о том, для кого та или иная местность Горной Шории рассматривалась в качестве промысловой территории.

С целью повышения качества пропаганды региональных древностей вся информация об исследованных нами пещерных памятниках была передана дирекции «Шорского национального природного парка». Остается надеяться, что дирекцией будет осознана необходимость создания реестра памятников всех типов, расположенных в границах парка, а также выделения в его земельных ресурсах площадей с особым историческим статусом.

Слабое представление широких масс местных жителей о характере историко-культурных и этнических процессов в прошлом Горной Шории порождает ряд иллюзий и ошибочных предположений. До сих пор не изжито самое распространенное заблуждение – об отсутствии древностей на территории Горной Шории, по крайней мере, «достойных». Такое отношение сильно обостряет проблему охраны историко-культурного наследия региона. Но существует еще одна тенденция, имеющая противоположный характер, но не менее негативная. В последние годы участились выбросы информации от различных «независимых» исследователей об обнаружении на территории Горной Шории следов погибших «цивилизаций» в виде циклопических сооружений. За последние выдаются действительно весьма attractive гранитные останцы в различных частях региона.

Особенности развития древних культур края, проблемы формирования этнической и социальной структуры его обитателей, способы адаптации населения к меняющимся природным и социальным условиям, особенности мировоззрения коренных народов – вот лишь немногий круг вопросов, который может быть затронут при изучении археологических памятников Горной Шории. Их комплексное исследование позволит не только глубже понять прошлое региона, но и более грамотно подойти к решению актуальных социально-экономических и национальных проблем.

Библиографический список

- Бобров В.В., Окунева И.В. К проблеме валиковой керамики Притомья // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1987. С. 156–159.
- Бобров В.В., Ширин Ю.В. Древняя история и археологические памятники // Шорский национальный природный парк: природа, люди перспективы. Кемерово, 2003. С. 107–122.
- Вистингаузен В.К. К изучению пещер Кемеровской области // Пещеры: охрана, история, современное состояние и перспективы исследований в пещерах на территории бывшего СССР. Красноярск, 2009. С. 245–248.
- Геологические памятники Кемеровской области: Пещеры бассейна реки Мрассу (Горная Шория) / Я.М. Гутак, С.В. Величко, Е.Е. Каучакова, Д.О. Разволяев. Новокузнецк, 2012. 145 с.
- Дыренкова Н.П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб., 2012. 408 с. («Кунсткамера-Архив». Т. VI).
- Иванов А.К. Пещеры // Сибирская Советская Энциклопедия. Нью-Йорк, 1992. Т. 4. С. 318–321.
- Кимеев В.М., Ширин Ю.В. Тайны Кабырзинской принцессы. Кемерово, 2011. 272 с.
- Мошкин В.В. Пещеры Кемеровской области // Исследование карстовых пещер в целях использования их в качестве экскурсионных объектов. Тбилиси, 1978. С. 269–270.
- Овдов Н.Д., Орлова Н.Г., Дмитриев В.Е. Археологические и палеозоологические находки в пещерах Горной Шории // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 60–65.
- Хороших П.П. Пещеры Горной Шории и Салаира // Кузнецкая старина. Вып. 9. Новокузнецк, 2007. С. 176–196.
- Ширин Ю.В. Средневековые комплексы с желобчато-валиковой керамикой на юге Сибири // Этносы Сибири. Прошлое, настоящее, будущее. Красноярск, 2004. Т. 1. С. 182–189.
- Ширин Ю.В. Горная Шория в свете проблемы культурных трансформаций в переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа // Вопросы археологии и истории юга Западной Сибири. Барнаул, 2013. С. 150–160.
- Ширин Ю.В. Древние поселения верхнего течения р. Мрассу и шорцы-бирюсинцы // Из кузнецкой старины. Вып. 5. Новокузнецк, 2014. С. 19–43.

А.В. Шмидт, Д.А. Сурков

Музей Природы и Человека, Ханты-Мансийск, Россия

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКА НЯКСИМВОЛЬ-1 (материалы раскопок 2016 г.)

Археологический памятник «городище Няксимволь-1» расположен на территории с. Няксимволь в Березовском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Данный объект известен с 1916 г., и за истекшее время неоднократно посещался как «краеведами-любителями», так и профессиональными археологами [Стародумов, Комова, 2014].

В 2003 и 2007 гг. силами сотрудников Музея Природы и Человека под руководством Д.О. Стародумова на городище проведены аварийно-спасательные раскопки. Территория памятника находится в промышленной зоне поселка. В разные годы 2-й половины XX в. там располагались многочисленные хозяйственные постройки: лесопилка, гаражи, ремонтная мастерская, котельная. Кроме этого, объект культурного наследия ежегодно подвергается воздействию водной эрозии. В результате проведенных археологических работ за два полевых сезона с площади 228 кв. м извлечено 3163 ед. артефактов. В основном это керамика (2735 ед.), еще найдены изделия из бронзы (30 ед.), железа, кости и рога (106 предметов), стекла (14 бусин), а также единичные ювелирные вещи. Полученные результаты показали, что памятник является многослойным и представлен материалами нескольких археологических эпох – от неолита до средневековья [Стародумов, 2012].

В 2016 г. сотрудниками отдела археологии Музея Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск) продолжены аварийно-спасательные раскопки разрушающегося городища Няксимволь-1 [Шмидт и др., 2017]. Вскрытая площадь за время экспедиции составила 150 кв. м. Находки, выявленные на памятнике, представляют две хронологические эпохи: неолит и ранний железный век (кулайская культура).

Материалы по-своему уникальны, и уже анонсом они вызвали большой интерес среди специалистов внутри региона и за его пределами. Данную работу авторы решили посвятить анализу каменной индустрии, сосредоточив свое внимание прежде всего на материалах неолитической эпохи.

Археологический памятник Няксимволь-1 занимает левый обрывистый берег р. Северная Сосьва с высотой террасы в месте раскопок порядка 10 м от уреза воды. Это таежная зона, протянувшаяся от Урала до террас р. Оби, представляющая собой разбитую на блоки возвышенную поверхность. Чехол четвертичных отложений, подстилающий поверхность памятника, изобилует валунами, гравием и галькой среднего плейстоцена. Именно это сырье, расположенное «в шаговой доступности», легло в основу каменной индустрии древнего человека.

Всего к интересующему нас периоду достоверно можно отнести 24 каменных артефакта (табл.), половина из них изготовлена из речного галечника. В основном это крупные и даже массивные предметы, оформленные путем грубой оббивки и в ряде случаев доработанные крупной ретушью: чоппер, чоппинги (рис.-2), отбойники, массивное долото, одно скребло, зубчато-выемчатое орудие (скобель). Особый интерес представляет мотыга (?), изготовленная на плоской гальке. Лезвие орудия оформлено широкими сколами и доработано крупной ретушью. Основание также имеет подработку, направленную на его утоньшение. Залощенность поверхности в этом месте, вероятно, свидетельствует о креплении изделия во время работы в муфте (рис.-1).

Типолист каменной индустрии неолитического комплекса
с поселения Няксимволь-1

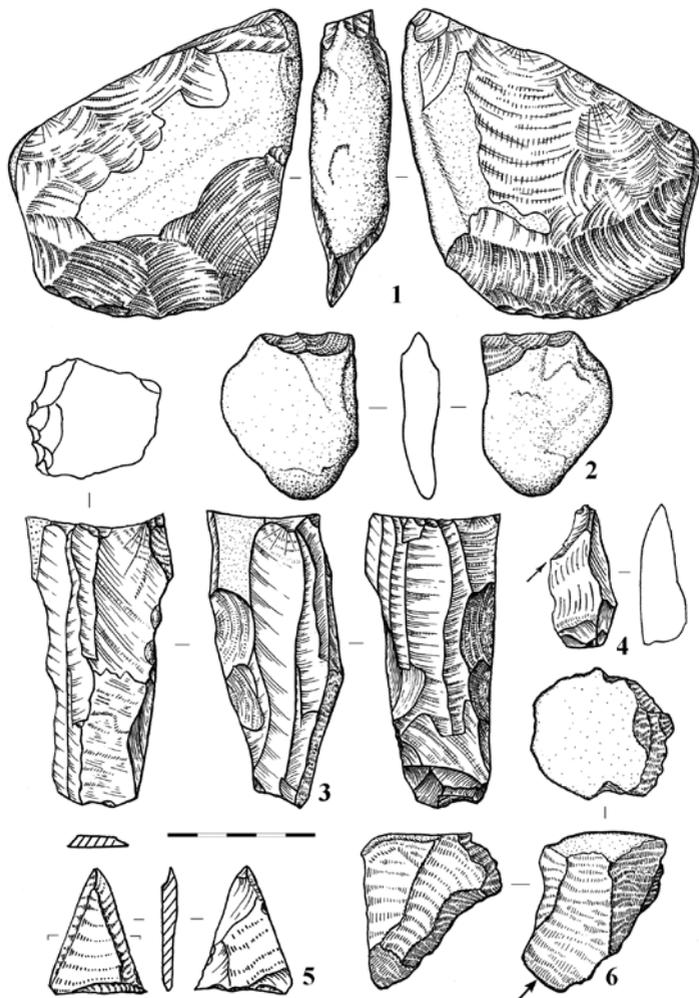
№	Название орудия	Количество	Примечания
1	Призматический нуклеус	1	Рис.-3, №ХМ-15882/1146
2	Нуклеидные изделия	2	Рис.-6, №ХМ-15882/797
3	Первичные сколы	2	
4	Отщепы	3	
5	Орудие с шипом	1	Рис.-4, №ХМ-15882/163
6	Чоппер	1	
7	Чоппинг	2	Рис.-2, №ХМ-15882/399
8	Отбойник	2	
9	Долото	1	
10	Мотыга	1	Рис.-1, №ХМ-15882/610
11	Наконечник стрелы	1	Рис.-5, №ХМ-15882/348
12	Зубчато-выемчатое орудие (скобель)	1	
13	Скол со шлифованного орудия	1	
14	Скребла	5	
	ИТОГО	24	

Гальки также являлись ядрищами. Так, на поселении обнаружен нуклеус из окатыша кварца, предназначенный для скалывания широких пластинчатых отщепов укороченных пропорций (рис.-6). Ударной площадкой являлась естественная галечная корка. Снятия осуществлялись почти по всему ее периметру. Исключением является один негатив. Там ударной площадкой послужило узкое основание нуклеуса (на рисунке обозначен стрелкой), т.е. снятие осуществлено навстречу другим сколам.

Помимо орудий из речного галечника, на памятнике найдены: четыре скребла из кремневого сланца; наконечник стрелы, тоже из сланца (рис.-5); скол со шлифованного рубящего орудия, а также многочисленные отщепы. Качественным кремневым сырьем представлено всего четыре изделия, три из которых (нуклеус и сколотые с него два отщепа) обнаружены в одном месте. Один из этих отщепов представляет собой орудие с шипом. Шип выделен одним резцовым сколом и дооформлен фасетками ретуши (рис.-4).

Призматическая техника расщепления также имела место в индустрии поселения Няксимволь-1. Там обнаружен одноплощадочный бифронтальный конусовидный нуклеус с выпуклыми, подтреугольными по контуру фронтами скалывания (рис.-3). Изделие представлено единственным экземпляром со слабой степенью сработанности. Заготовкой послужила плитка светлого кремня (на одной из граней сохранилась корка выветривания). С нуклеуса скалывали достаточно широкие пластины (0,9–1,7 см), не отличающиеся «изяществом». Высота одного фронта составляет всю длину ядрища. Противолежащий фронт заметно

короче и занимает 2/3 высоты изделия. Ударная площадка ровная, подработана серией сколов со стороны высокого фронта. Стратегия утилизации, видимо, предусматривала сомкнуть фронта с одного края, тем самым рабочая дуга составила бы 2/3 поверхности ударной площадки, а контрфронт представлял бы латерали, сходящиеся на ребро. Однако соединение фронтов не произошло. Дистальный край нуклеуса скошен под углом 30° унифасиальной ретушью. В 2007 г. также присутствовали артефакты, связанные с призматической техникой расщепления.

Неолитические материалы с памятника Няксимволь-1

Артефакты, связанные с процессом производства каменных орудий, такие как нуклеусы, отбойники, первичные сколы и отщепы, представлены на памятнике малочисленными сериями. При этом только один отщеп не обладает ретушью. Все остальные, включая первичные сколы, несут следы вторичной подработки. По всей видимости, производственные площадки по расщеплению камня находились за пределами поселения. Ремонт и производство орудий внутри поселка носили эпизодический характер.

Помимо вышеперечисленных каменных артефактов, на памятнике обнаружена серия орудий, хронологическая принадлежность которых вызывает затруднения. Они могут относиться как к неолиту, так и к эпохе раннего железного века или средневековья. Это наковальни, абразив, два песта, тёрочник, предназначенный для толчения и растирания какого-то достаточно твердого вещества. Заготовками для всех этих орудий послужила речная галька.

Сейчас говорить о культурной принадлежности неолитических материалов памятника Няксимволь-1 пока преждевременно. Керамика этого времени за три сезона раскопок представлен единичными невыразительными фрагментами от 1–2 сосудов. На сегодняшний день комплекс следует датировать в достаточно широком диапазоне – V–III тыс. до н.э. Возможно, в будущем хронология и культурная принадлежность неолитического горизонта будут уточнены. В настоящий момент от городища Няксимволь-1 сохранился только небольшой участок площадью 150–200 кв. м. В 2017 г. сотрудники Музея Природы и Человека планируют докопать его, тем самым полностью исследовать объект культурного наследия «городище Няксимволь-1».

Библиографический список

Стародумов Д.О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 10. Томск ; Ханты-Мансийск, 2012. С. 137–154.

Стародумов Д.О., Комова Н.Г. Городище Няксимволь: история исследования // Няксимволь. Томск ; Ханты-Мансийск, 2014. С. 19–32.

Шмидт А.В., Сурков Д.А., Гизбрехт М.Ю., Попкова А.В. Аварийно-спасательные раскопки на памятнике Няксимволь I в Березовском районе Ханты-Мансийского АО (2016 год): предварительные результаты // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений. Барнаул, 2017. С. 262–263.

РАЗДЕЛ 3. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ, АРХИТЕКТУРЫ И ЭТНОГРАФИИ

И.Г. Заречнева

Музей «Мир Времени», Барнаул, Россия

ТАЙНЫ ПАМЯТНИКА ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА «АПТЕКА КРЮГЕР» (Барнаул)

Работа выполнена при финансовой поддержке
ООО «Фармацевтический завод «Гален»

2 мая 1917 г. в Барнауле случился один из самых разрушительных городских пожаров за всю историю России, сравнимый только с московским пожаром 1812 г. Кроме человеческих жертв и материального ущерба, от пожара пострадала городская архитектура. Выгорело 40 кварталов, в огне были уничтожены многие памятники истории и архитектуры XVIII–XX вв. – почти все деревянные постройки в центре Барнаула и часть кирпичных строений [Барнаул..., 2007, с. 107]. Одно из немногих уцелевших в тот день зданий – «Аптека Крюгер», ныне памятник деревянного зодчества регионального значения [Памятники..., 2012, с. 78].

Это значимое для города здание, расположенное по адресу: г. Барнаул, ул. Пушкина, 64, в последние годы находилось в аварийном состоянии. В 2014 г. оно было приобретено в собственность директором НПФ «Алфит», кандидатом медицинских наук, врачом-онкологом, фитотерапевтом, создателем уникального барнаульского музея «Мир Времени» Сергеем Валерьевичем Корепановым. Планируется, что именно сюда переедут все три отделения этого музея, что станет важным шагом в формировании туристско-рекреационного комплекса Алтайского края и увеличит привлекательность старой части Барнаула для туристов.

Параллельно с поиском вариантов спасения здания началось изучение его истории. Первые открытия обнаружились практически сразу же: в интернет-источниках [Аптека..., электр. рес.] в качестве владельца здания фигурировал некий Э.Ф. Крюгер, а в каталоге «Памятники деревянного зодчества Барнаула» – В.Г. Крюгер: «В апреле 1912 года В.Г. Крюгер обратился в Барнаульскую городскую управу с просьбой разрешить ему построить двухэтажный деревянный дом по ул. Пушкинской, где разместилась аптека» [Памятники..., 2012, с. 78].

Летопись города Барнаула, изданная в 2007 г., не содержит никаких сведений об этом здании за исключением фраз о «размещении в бывшей аптеке Крюгера» редакции радиовещания в 1927 г. и первого городского

радиоузла в 1929 г. [Барнаул..., 2007, с. 153, 158]. Нам показалось странным, что приводятся разные инициалы владельцев и так мало информации об истории столь значимого объекта. Дальнейшие исследования привели к открытиям, которые удивили не только нас, но и известных сибирских историков.

В частности, выяснилось, что аптека принадлежала не предпринимателю Э.Ф. Крюгеру, а прусской подданной Вильгельмине Германовне Крюгеръ. Вероятно, поэтому на сохранившихся фотографиях мы видим, надпись «Аптека В. Крюгеръ», а не «Аптека Крюгера», как должно было быть по правилам грамматики, если бы аптека принадлежала мужчине.

Следующим принципиальным открытием стали сроки строительства здания. В фондах Алтайского государственного краеведческого музея (далее – АГКМ) обнаружилась фотография, датированная 1904 г., на которой запечатлено важное событие – панихида по адмиралу Макарову [АГКМ. ОФ 15269/30]. На ней мы четко видим, что «Аптека Крюгер» уже была построена в этот период. Упоминается этот исторический объект и в справочнике «Посредник-указатель торгово-промышленных фирм г. Москвы и Сибири на 1907 год» [Москва..., 1907, с. 61], а также в календаре 1910 г. [Адрес..., 1909, с. 91].

Изображение этого здания можно заметить и на фотооткрытке «Парад на Соборной площади», на обороте которой указана дата отправления – 5 апреля 1911 г. [АГКМ. ОФ 10573]. Все эти и ряд других сведений подтверждают, что «Аптека Крюгер» была построена до 1912 г. Тогда о чем же идет речь в упомянутом выше прошении о разрешении строительства? Мы полагаем, что путаница возникла из-за соседнего полукаменного здания. Изначально оно было одноэтажным, а после достройки стало двухэтажным. Поскольку строение принадлежало одному и тому же хозяину, два дома могли обозначить одним номером – улица Пушкинская, 54 [ГААК. Ф. 52. Оп. 6. Д. 35. Л. 236].

Еще больше открытий ожидало нас при изучении фактов из жизни хозяйки аптеки. Историки, сотрудники архива и музейев по крупицам пытались восстановить историю «Аптеки Крюгер», но, к сожалению, ситуация почти не прояснялась. Случай помог восстановить историческую справедливость и отыскать недостающие звенья в цепочке.

Друзья музея случайно наткнулись на сайте Национальной энциклопедической службы России на запись о том, что известный в конце XIX в. томский пивовар Карл Крюгер, прусский подданный, имел сына Макса, женатого на некой Марии Каролине Вильгельмине Германовне Крюгер [Сибирские купцы..., электр. рес.]. Сделав предположение, что Вильгельмина Германовна Крюгер могла быть той самой снохой томского предпринимателя, мы продолжили исследования в Государственном архиве Томской области (далее – ГАТО). Благодаря изучению архивных документов, в частности лютеранских метрических книг (Крюгеры были лютеранами), удалось частично восстановить историю жизни хо-

зайки «Аптеки Крюгер». Стало известно, что в 1888 г. Макс Крюгер, 20-летний сын основателя томского пивоваренного завода Карла Крюгера, женился на 22-летней Марии Каролине Вильгельмине Германовне Крюгер, урожденной Лидке [ГАТО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 119. Л. 99–100].

По метрическим книгам прослеживается история радостей и горестей семьи Крюгер. В период с 1888 по 1895 г. у Макса и Вильгельмины родилось шестеро детей, однако лишь трое из них выжили: Вольдемар (1888 г.р.), Карл (1890 г.р.) и Ида (1891 г.р.) [ГАТО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 119. Л. 56–59]. Именно они после смерти бабушки Карла Крюгера (1896 г.) и отца Макса (1897 г.) стали наследниками недвижимости бывшего пивовара в Томске [ГАТО. Ф. 235. Оп. 1. Д. 1090]. Кстати, в середине 1890-х Карл Крюгер окончательно отказался от пивоварения, он передал свой завод сначала в аренду (1890 г.), а потом и продал (1895 г.) своему соотечественнику – Роберту Крюгеру, который в дальнейшем и развил его до серьезных масштабов [Московский..., 2010, с. 8–10].

Стало известно, что Карл умер в марте 1896 г. в возрасте 61 года, а все последние годы жизни получал доход как рантье, находясь в лютеранской общине за пределами России [ГАТО. Ф. 235. Оп. 1. Д. 1090. Л. 3–4]. Что касается его сына Макса (мужа Вильгельмины), то пока не удалось найти никаких документов, свидетельствующих о причине смерти молодого 29-летнего мужчины в 1897 г. Почему Карл не отдал завод в управление сыну, каким было состояние его здоровья в последние годы жизни, – так и остается неизвестным.

В процессе дальнейшего исследования нас интересовали вопросы, как и когда прусская подданная попала в Барнаул (ведь после смерти мужа она осталась одна с тремя малолетними детьми) и, главное, как случилось так, что после пивоваренного бизнеса в семье Крюгеров вдруг возник аптекарский?

Документы, обнаруженные в томском архиве, приоткрыли тайну развития аптекарского дела в Барнаульском округе, входившем в XIX – начале XX в. в Томскую губернию. При изучении дел 1889–1891 гг. удалось выяснить, что в этот период барнаульцы остались без вольной аптеки [ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 239]. В 1888 г., не оставив после себя наследников, умер владелец единственной частной аптеки некто Поляк. Больше года его аптека стояла закрытой, а за право открыть вторую (после Горной) аптеку на территории Барнаула сражались несколько лиц, среди них были повивальная бабка, помощники провизоров, провизоры. Причем география претендентов тоже поражает – Одесса, Самарканд, Томск, Барнаул, Енисейск...

Пожалуй, самое удивительное, что, несмотря на нехватку и не всегда надлежащее качество препаратов, изготавливаемых в единственной на тот период Горной аптеке, открытие второй аптеки откладывалось на неопределенный срок из-за ожидания наследников. Юридическая процедура вступления в наследство должна была быть соблюдена,

невзирая на то, что это вредило тысячам барнаульцев (на тот период в Барнауле проживало более 17000 человек). И ожидание не было напрасным – нашлись наследники аптеки Поляка. Оказалось, что у него есть две племянницы, которым и предстояло рассчитаться по векселям дяди и вступить в права наследования. Но управлять лично аптекой они не захотели – женщины доверили свое имущество врачу Герману Кагану, а тот в свою очередь попросил управлять аптекой своего брата Германа Кагана, провизора из Енисейска [ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2968]. В томском архиве не обнаружилось губернаторского решения по поводу права управления аптекой Германом Каганом, зато «Сибирский торгово-промышленный календарь и справочник за 1895 год» свидетельствует, что в Барнауле на тот период было две аптеки – одна все та же Горная, другая частная – Генриха Кагана (Когана) [Сибирский..., 1895, с. 431].

Аналогичный справочник за 1898 г. повторяет информацию о работе аптеки Генриха Кагана на территории Барнаула [Сибирский..., 1898, с. 48]. Однако там обнаружилось очередное несоответствие.

В процессе изучения переписки по поводу прошения Сигизмунда Пойзнера об открытии третьей аптеки в 1901 г. было выявлено, что в Барнауле в 1898 г. действовало всего две аптеки – Ведомственная (Горная) и аптека Вильгельмины Крюгер [ГАТО. Ф. 3. Оп. 40. Д. 318]. Так кто же – Генрих Каган или Вильгельмина Крюгер – владел единственной аптекой с вольной продажей лекарств в 1898 г.? Судя по рапорту, предоставленному в Губернаторское правление из аптеки Крюгер [ГАТО. Ф. 3. Оп. 40. Д. 272. Л. 7], в 1898 г. аптекой владела Вильгельмина, а в справочнике фамилию «Коган» оставили по причине длительности подготовки печатных материалов. В какой момент прусская подданная стала совладелицей или единственной владелицей аптеки Кагана, совершенно неясно. Доподлинно известно только то, что Генрих Каган и семья Крюгеров были знакомы до того, как провизор переехал жить в Барнаул. Все объясняет маленькая приписка на прошении Генриха Кагана от 12 июля 1890 г.: «...временное место жительство в городе Томске... в доме Крюгера» [ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 319. Л. 31]. Получается, что они общались до того, как Генрих вступил в права управления аптекой в Барнауле.

Все эти факты удалось обнаружить благодаря сопоставлению различных документов и печатных изданий того периода. Эта исследовательская работа позволила понять, как развивались события до приезда Вильгельмины Крюгер в Барнаул, и открыть новые страницы в истории семьи Крюгер.

В Томске нашлось и подтверждение информации из Интернета, послужившей началом нашего расследования. Оказывается, редакторы сайта взяли сведения из книги доктора исторических наук, профессора Томского государственного университета Надежды Михайловны Дмитриенко «Томские купцы. Библиографический словарь» [Дмитриенко,

2014, с. 143], но, по признанию автора, она подробно не занималась изучением жизни семьи Крюгеров, и наши открытия неизвестных страниц томской истории для нее стали тоже полным открытием. Более того, в Томске на пивоваренном заводе есть большой музей, в котором содержится информация о Карле Крюгере и его последователе Роберте Крюгере [Томскому..., электр. рес.]. Но что стало с основателем завода, кем были члены его семьи и как складывалась их жизнь в Сибири, в музее также было неизвестно. Благодаря настоящему исследованию информация об этой «ветке» семьи Крюгер появится в томском музее, а, возможно, ею заинтересуются и другие историки, изучающие предпринимательство Сибири в XIX – начале XX в.

Не менее загадочен и барнаульский период жизни семьи Вильгельмины Крюгер. Архивные источники сохранили информацию об уплате налогов хозяйкой аптеки вплоть до 1914 г. [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1866]. Известно, что провизором, а после 1914 г. и владельцем аптеки был некий провизор Густав Адальбертович Штромберг [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 149], который приехал в Барнаул из Томска, где был значимым человеком (в конце XX в. он входил в личный состав Томского университета в качестве провизора) [Сибирский..., 1895, с. 467–469]. Он также был лютеранец и ходил в ту же самую кирху, что и Крюгеры [ГАТО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 119. Л. 94].

Вероятно, в Барнауле Густав Штромберг и Вильгельмина Крюгер также были уважаемыми людьми. В Томских губернских ведомостях в «Списке лиц, пользующихся правом выбора в Барнаульскую городскую Думу на 1911–1914 гг.» есть имя Вильгельмины Крюгер [Список..., 1910], на 1915–1918 гг. – Густава Штромберга [Список..., 1914].

Все изменили война 1914 г. и дальнейшие события, происходившие в России в период национализации имущества. Куда исчезла Вильгельмина Крюгер, в каком неизвестном направлении, как значится в документах краевого архива [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 189], выехал Густав Штромберг и что стало с тремя детьми бывшей хозяйки аптеки Крюгер? Эти вопросы по-прежнему остаются без ответа. В «Сведениях об арендаторах – иностранных подданных в лесничествах округа 1914 г.» в числе арендаторов земли в Барнаульском лесничестве в Алтайском округе числится Вильгельмина Крюгер, прусская подданная, вдова, имеющая двух сыновей, объявленных военнопленными и высланных в Тобольскую губернию [ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3702. Л. 27]. К сожалению, пока мы не можем обнаружить, как сложилась дальнейшая судьба владельцев барнаульской «Аптеки Крюгер», но исторические изыскания продолжаются.

В годы советской власти здание неоднократно передавалось в различные ведомства. Но самым значимым, пожалуй, стал факт, что именно там находился первый городской радиозузел, о чем свидетельствует памятная табличка, до сих пор размещенная на доме: «Из этого здания

в мае 1929 года впервые на Алтае через радиоузел проводного вещания начаты передачи из Москвы, газеты без бумаги и без расстояний в квартиры трудящихся города Барнаула».

Мы продолжаем изучение архивных документов досоветского и советского периода. И как знать, сколько еще тайн откроет для потомков 100-летний памятник архитектуры «Аптека Крюгера».

Библиографический список

- Адрес-календарь г. Барнаула на 1910 г. Барнаул, 1909.
Алтайский государственный краеведческий музей (далее – АГКМ).
ОФ 10573.
АГКМ. ОФ 15269/30.
Аптека Крюгера, памятник архитектуры, начало XX в. [Электронный ресурс].
URL: <http://barnaul.navse360.ru/kultura/apteka-krugera-nachalo-xx-v-architecture>.
Барнаул. Летопись города – хронология, события, факты / ред. В. Скубневский. Барнаул, 2007.
Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 3702.
ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1866.
ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 189.
ГААК. Ф. 52. Оп. 6. Д. 35. Л. 236
ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 149.
Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 2968.
ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 239.
ГАТО. Ф. 3. Оп. 40. Д. 272.
ГАТО. Ф. 3. Оп. 40. Д. 318
ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 319. Л. 31
ГАТО. Ф. 235. Оп. 1. Д. 1090.
ГАТО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 119.
Дмитриенко Н.М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.). Томск, 2014.
Москва – Сибирь. Посредник-указатель торгово-промышленных фирм г. Москвы и Сибири на 1907 год. Ч. I–III. Москва, 1907. Ч. II.
Московский тракт, 46. Продолжение... Томский пивоваренный завод 1884–2009 / ред. И. Кляйн. Томск, 2010.
Памятники деревянного зодчества Барнаула: каталог / отв. ред. А. Ситникова. Барнаул, 2012.
Сибирские купцы XIX века // Национальная энциклопедическая служба России [Электронный ресурс]. URL: <https://planeta.ru/campaigns/vocabulary>.
Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1895 год. Томск, 1895.
Сибирский торгово-промышленный справочный календарь на 1898 год. Томск, 1898.
Список лиц, пользующихся правом выбора в Барнаульскую городскую Думу на 1911–1914 годы // Томские губернские ведомости. 1910. №74.
Список лиц, пользующихся правом выбора в Барнаульскую городскую Думу на 1915–1918 годы // Томские губернские ведомости. 1914. №82.
Томскому пиву – 140 лет [Электронный ресурс]. URL: <http://tomskbeer.ru/about/#muzey>.

Л.В. Иванова

Тюменский государственный институт культуры, Тюмень, Россия

ЗАБОР И ВОРОТА В САКРАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ ЗАУРАЛЬЯ

В пространстве поселения и жилища закономерно появляются определенные локусы – обозначения возможных входов, выходов, препятствий, несущие в себе концепт границы двух каких-либо пространств [Цивьян, 1978, с. 74; Байбурин, 1983, с. 27]. Рассмотрим подробнее место забора и ворот в моделях апотропеических ситуаций, а также как очистительные и продуцирующие тексты в широком семиотическом смысле, с их использованием в традиционных обрядах жизненного цикла, календарных обрядовых действиях, магических ритуалах.

1. Забор и ворота как сакральная граница (окружение, преграждение, разграничение). Высокая степень семиотичности приписывается обрядовым действиям, совершающимся у входа и выхода в жилище как границы своего и чужого локусов. Забор и ворота несли на себе оповестительную символику. Готовность к переходу в дом жениха, признанию чужого мира своим обозначал ритуал «Обгляд», проводимый накануне свадьбы родителями невесты: *Едут к жениху смотреть его двор и избу – «колья считать»*. Чем кольев-то больше, тем земли больше, а значит, жених богатый (Казанский р-н, д. Вакарино). Битые горшки, вывешенные на воротах, были знаком того, что невеста не сохранила девственности до венца [Демина, 2013, с. 144, 164].

Возле забора как домашней сакральной границы в с. Кугаевском Тобольского района дети играли в прятки («застукалки»): выбирали водящего, который становился к заплоту. Водящий закрывал глаза и считал, в это время другие участники игры прятались. Досчитав до ста, водящий шел искать. Если он кого-нибудь находил, то должен был бежать до заплота и «застукать» найденного. В случае удачи найденный начинал водить, а водящий прятался вместе с остальными [Панишев, 2004, с. 35].

В описании локализации обрядовых зимних святочных действий в Зауралье исследователями отмечено, что «славельщиков» (чаще всего дети 5–14 лет), прославляющих Христа с иконами и рождественской звездой, обязательно впускали в дом, колядовщиков же (ряженые девки и парни), имеющих личины носителей потусторонней силы и способных повлиять на урожай, благополучие и здоровье семьи, оставляли за сакральной границей – перед дверью, за порогом, возле окна [Демина, 2013, с. 108–110].

Открытие и закрытие ворот символизирует акт контакта с внешним миром. В свадебном обряде ворота становились преградой на пути участников свадьбы, перед сватами запирали ворота. У запертых ворот происходили ритуальные диалоги между сторонами жениха и невесты, которые завершались «выкупом ворот» (ср. русское название

выкупа – «приворотное»): *Когда жених входит в ворота – выкупает в воротах, когда входит в дом – выкупает в дверях. В качестве выкупа подходит водка и угощение* [Панишев, 2004, с. 41]. Обряд «запирание ворот» у дома невесты перед сватами или перед женихом встречается у старожилов и самоходов Зауралья: *Коням жениха презаждали дорогу, завязывали ворота. Даже у задних ворот огорода ряженные просили вина и пива* [Демина, 2013, с. 147]. У широко открытых ворот (как символа доброжелательности и гостеприимства) происходила встреча свадебного поезда родителями жениха, сопровождающаяся благословением, посыпанием зерном, хмелем молодых. Так, с пересечением ворот и порога как пограничных зон начиналось вхождение невесты в новый дом [Демина, 2005, с. 20, 44, 80].

Во многом аналогичны обрядовые действия, совершаемые на родинах и похоронах. В первом случае маркируется начало жизни человека, во втором – финал жизненного пути, прощание с домом. Отмеченные пограничные локусы отвечают неопределенному статусу новорожденного и покойника, находящихся между «тем» и «этим» мирами [Демина, 2005, с. 22]. При трудных родах для облегчения мучений просили священника открыть царские врата в церкви [Панишев, 2004, с. 33]. Особые поверья и ритуалы были связаны с кладбищенскими оградками и воротами. В д. Железный Перебор Тюменского района на входе в кладбище сделана надпись: *«Здесь покоятся те, которые не возвратятся к нам»* (полевые материалы Л.В. Ивановой, 2016 г.). В Кугаевском Тобольского района могилу «обводят оградкой»: *Сама оградка изображает ограду крестьянского дома с обязательной скамейкой. Умерших без крещения детей, самоубийц не хоронили на кладбище, а всегда – за оградой кладбища или в особых местах, подальше от села. На их могилках не ставили крестов, а иногда тыкали в могильный холмик осиновую ветку, чтобы душа умерла («упокоилась»)* [Панишев, 2004, с. 34, 50].

2. Воздействие с помощью забора и ворот на носителя опасности (уничтожение, отгон, нейтрализация). Распространенным элементом было использование колющих и режущих предметов. На акциональном уровне это выражалось в ритуальных действиях, символизирующих уничтожение опасности: рассечение, закапывание, на вербальном уровне действие сопровождалось заговором. Так происходило лечение шипиц, над которыми навязывали узлы на суровой нитке, а затем прятали нить под пятку ворот или дверей. Грыжу лечили на пороге (если ребенок маленький, то родитель держал его на руках, а ногу ставил на порог), поверх головы тыкали ножом в косяк и читали заговор; при этом, для лечения не использовали оконные косяки (полевые материалы В.Я. Темплинга, Заводоуковский р-н Тюменской обл., 1987–1990 гг.).

Семантическая модель повсеместно включала в себя использование оберегов, изготовленные из веществ с соответствующей семантикой. Экспедиционные обследования русских поселений Тюменской

области показывает повсеместное прибавление металлических скоб или подков над воротами, крыльцом избы. Благодаря своей твердости они способны выдержать удары, в том числе потенциальное зло. В Сорokinском и Викуловском районах Тюменской области зафиксировано использование старых вещей на заборах как оберег: перевернутая вверх дном посуда – треснутые горшки, или изношенная обувь – дырявые валенки, сапоги (полевые материалы Л.В. Ивановой, 2004 г.). Отвращать и отпугивать опасность либо злой глаз был призван укрепленный на заборе череп лошади. При появлении сибирской язвы на кольях городьбы, окружавшей селенья, около ворот, ведущих в поле или лес, вывешивали конские черепа. Помимо этого, каждый крестьянин вешал череп в пригоне (полевые материалы В.Я. Темплинга, Заводоуковский р-н Тюменской обл., 1987–1990 гг.).

Возле забора и ворот производили шум, громкие звуки (стрельба из оружия). В Упоровском районе Тюменской области во время приезда поезжан в дом невесты перед венцом дружка жениха, стучал бичом (плетью) о ворота. Как полагает Л.В. Демина, хлопаньем бича дружка уничтожал демонов, имитируя раскаты грома Бога-громовержца. Очерчивая плетью на воротах (или рядом на земле) кресты и первым входя в ворота невестинного дома, дружка таким образом преграждал дорогу нечисти. Тот же смысл имела и стрельба из ружей во время движения свадебного поезда и приезда молодых от венца [Демина, 2005, с. 39, 43]. Ритуал стрельбы из ружья у забора и ворот дома практиковался на Масленицу в Тугулымском районе Свердловской области еще в середине 1960-х гг. (Полевые материалы Л.В. Ивановой, 2015 г.) (рис. 1, 2).

Рис. 1. Свердловская обл., Тугулымский р-н, д. Первомайка. Февраль 1965 г.

Рис. 2. Тюменская обл., Сорокинский р-н, с. Осиновка. 2004 г.

3. Придание свойств неуязвимости охраняемому объекту или пространству с помощью забора и ворот (замещение, укрывание, апотропеизация). В данной модели апотропеи, помещенные в пространство или объект, исключали присутствие носителей зла в охраняемом пространстве. Наиболее сильными являлись предметы, символизирующие собой сакральную сущность: свет/костер, окуривание, молитва, крест, икона, святая вода, ладан, вербные ветки, пасхальные яйца, четверговая соль, троицкая зелень и пр. [Левкиевская, 2002, с. 150].

Ворота и дверь – это вход в ограду и дом человека, поэтому нуждаются в дополнительных охранительных символах, мешающих мифическому пространству поглотить мир человека. При этом исследователи подчеркивают взаимопроникновение элементов языческой и православной культур во многих народных обрядах и ритуалах. В Голышмановском районе к Крещению (Богоявлению) было приурочен ритуал «чертить кресты» на воротах, над окошками и дверями для защиты от нечистой силы: *Нарядчики, как черти, бегали, вот и зачертили, закрестили, чтобы никто не заходил больше* [Демина, 2013, с. 118].

Визуальным оберегом становились на воротах элементы декора. Солярное значение круга, креста, розетки, восьмиконечной звезды как мотива солнца сохраняется до наших дней. В русском фольклоре солнце называли ясным и красным, светлым и святым, добрым и чистым.

Респондент 1924 г.р., рассказывая экспедиторам о своей жизни, солнцем клялась: «Муж у меня был хороший человек, Господом Богом клянусь и красным солнышком!» [Иванова, 2015, с. 271]. Мир, заполненный светом, принадлежит человеку и делает невозможным нахождение в этом пространстве сил зла. Исследователи подчёркивают, что слово «освещать» в заговорах употребляется наряду со словами «огораживаться» и развивает семантику «окружать светом» [Левкиевская, 2002, с. 118, 157]. В народном орнаменте символом белого света служил круг, поэтому ворота целенаправленно заполнялись солярной символикой. Так, основные ворота дома в с. Сорокино украшены двумя большими розетками из наборных плашек. Ворота дома в д. Новотроицк декорированы жестяными четырехлучевыми розетками. Ворота в д. Пинигино имеют многолепестковые розетки вверх и ромбы с точкой в центре полотна ворот. Двускатный фронтон ворот, ведущих в огород крестьянина А.А. Топоркова, декорирован мастером глухой бороздчатой резьбой и раскрашен белой краской восьмилучевыми розетками по краям, бордюром из трилистников, и стилизованной трехлепестковой пальметтой в центре. Нижний край фронтона дополнен четырьмя розетками (полевые материалы Тюменского музейного комплекса, Сорокинский р-н, 2004 г.).

Космологическая система защиты крестьянского дома от духов зла предусматривала не только изображение символа солнца, но и его пути по небу. Представление о верхнем контуре двускатного фронтона дома, как о небосводе, по которому солнце совершает свой дневной путь, подтверждается этнографическим материалом. Птицы, как и кони, часто сопровождали изображения солнца, а иногда заменяли его. Пропильной и раскрашенный узор из восседающих на симметричном трехчастном древе красных снегирей украшает ворота дома Н.А. Гоншу в с. Сорокино. Верх полотна ворот имеет пропильной орнамент из чередующихся снегирей и белочек. Самодельное художественное творчество 2-й половины XX в. часто применяет отходы промышленного производства (покрышки, изоляторы, бутылки и пр.) для украшения фронтонов, фасадов домов, интерьеров. Интересен в орнаментальном отношении фасад дома А.Н. Казаковой из с. Сорокино. Вырезанные из расправленных жестяных банок и раскрашенные мастерицей разноцветные элементы узора прибиты друг на друга гвоздями к стенам дома, хозяйственных построек, наличники, ставни и ворота. Узоры имеют горизонтальную и вертикальную симметрию, в них присутствуют изображения цветов, солнышек, белых голубей, лебедей. На вопрос зачем ей, женщине преклонного возраста, такой титанический труд, она ответила: «Душа, девки, красоты просит! Вот иду домой и смотрю, где еще пустое место, там и наряжать буду» (полевые материалы Тюменского музейного комплекса, Сорокинский р-н, 2004 г.).

По многочисленным текстам мифов создания Земли и Неба у славян и финно-угров, Бог в образе утки добыл из ПервоОкеана песок, из которого была сотворена Земля. Славяне приписывали особую силу

оберегам-талисманам в виде уточки – по поверьям, Бог солнечного света Дажьбог дважды в сутки – утром и вечером – пересекает океан-море на ладье, которую тянут гуси, утки и лебеди [Рыбаков, 1987]. Орнитоморфный орнамент из водоплавающих птиц встретился на просечном жестяном украшении 1980-х гг. фронтона ворот дома Г.А. Головки, жителя д. Ворсиха (отец – киевский, мать – харьковская). Утка-лысуха на болоте и расцветшие лилии вдохновили мастера на художественное творчество. Под утками – накладная чудо-рыбина с тремя розетками по тулову, вырезанная из дерева трехгранно-выемчатой резьбой. Полотно ворот имеет трехчастную структуру, в центре – розетка, составленная из накладных пропиленных плашек. В этой же деревне встретились ворота с нарисованными белыми лебедями, обращенными друг к другу. Ворота дома в с. Сорокино по ул. Матросова имеют две пары симметрично расположенных накладных белых лебедей с предстоящими над ними белыми голубями (полевые материалы Тюменского музейного комплекса, Сорокинский р-н, 2004 г.) (рис. 3, 4).

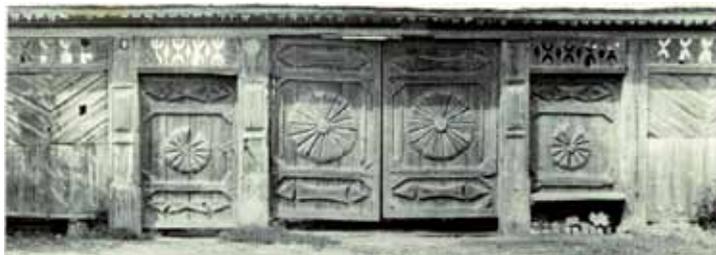

Рис. 3. Тюменская обл., Исетский район, с. Рафайлово, 1973 г.

Рис. 4. Тюменская обл., Сорокинский р-н, д. Ворсиха, 2004 г.

4. Очистительные (реабилитационные) тексты включали в себя приемы (обрядовые действия, ритуалы, магию), нейтрализующие и обезвреживающие уже начавшуюся болезнь, произошедшее опасное событие. М.М. Громыко отмечала, что каждый крестьянин был причастен к магии, при этом ограничивался своим двором, домом, хлебом, овином. Проводя какой-либо обряд, крестьянин вступал в контакт с мифологическими персонажами, связанными с культом предков – «своих» родственников. В чужом пространстве мог действовать только знахарь, который общался с «чужими» предками и духами [Громыко, 1975]. Знахарь (колдун) есть одно из персонифицированных представлений границы в восточнославянской культуре и мифологии. Он выполняет функции «пограничного поста», через который осуществляется связь с непознанной частью мира. Все важные этапы жизни знахаря (деятельность, смерть) были пространственно локализованы и привязаны к значимым элементам жилища, которые обладают функцией границы [Темплинг, 2017, с. 155, 161]. Были записаны представления о том, что колдуны ссорили любимых – иголку с ниткой бросали под порог. Считалось, что порча в виде кошки появлялась на заплоте (заборе). Если колдунья умирала долго, положила голову на порог, открывали двери, окна – из нее выходила порча (Заводоуковский р-н Тюменской обл.). Повсеместно в Зауралье были распространены поверья, что колдуньи мазали ворота на свадьбу (полевые материалы В.Я. Темплинга, 1987–1990 гг.).

Как любой другой апотропей, ворота нуждались в ритуальном очищении [Левкиевская, 2002, с. 118]. При появлении сибирской язвы проводился целый комплекс магических охранительных мероприятий: «деревянным» («живым») огнем разводились ритуальные костры, ставили дымокуры у всех ворот, ведущих в соседние деревни и на покосину. В сознании крестьян эти костры имели магическое очистительное действие. Обычно такие костры поддерживались во все жаркое время до Ильина дня или до первого Спаса (Заводоуковский р-н Тюменской обл. и Тавдинский р-н Свердловской обл.) [Темплинг, 2017, с. 109]. Очистительное значение огня использовалось в обычае зажигать костры по дороге к дому и у ворот при встрече молодых [Демина, 2013, с. 158].

Магическую символику имела дверная ручка (скоба). Повсеместно при лечении порчи, уроков, сглаза, испуга больного sprыскивали водой, которой предварительно обливали скобу у дверей, с наговором: *Как скоба не боится ни уроков, ни призоров, как вода на скобе не держится, так бы не держались ни уроки, ни призоры на рабе Божиим (имя)* [Темплинг, 2017, с. 114]. В с. Кугаевском Тобольского района изуроченных лечили, умывая водой, пропущенной через дверную ручку, или больных поили водой, пропущенной через скобы [Панишев, 2004, с. 31, 44].

Большое значение в магии имели у крестьян Зауралья «присухи», в текстах которых упоминаются ворота, двери, скобы. Так, присуха «на скобу» описывает поэтапное «перемещение» от центра (свой дом,

освоенный мир) к периферии, внешней границе (неосвоенное, чужое пространство): *Как матушка скоба стоит на своем месте, любит свою дверь, так ты, раб Божий (имя) люби и уважай рабу Божью (имя). Аминь. Присуха. Встану я, раба Божья (имя), благословясь. Пойду пере-кrestяся из дверей в двери, из ворот в ворота, через три порога в чистое поле, широкое раздолье под восточну сторону, под красное солнце, под светлый месяц, под кудрявые облака, под утреню зарю Марию, под вечерню зарю Маремьяну...* [Панишев, 2004, с. 39]. Забор и ворота зачастую становились местом гаданий. Девушки перекидывали через ворота (из родного мира во внешний чужой мир) снятые с ноги пимы. В какую сторону укажет носком – там и будет жених [Панишев, 2004, с. 37]. К святочному комплексу приурочено и гадание на пересчет досок забора: «*Чет-нечет*» – *выйду замуж или останусь в девичестве* [Демина, 2013, с. 117].

5. Продуцирующие тексты в традиционных семейных и календарных обрядовых действиях и ритуалах содержат сексуальную символику, имеют семантику плодородности, жизненной силы. Главными народными праздниками, символизирующими рост и обильное плодonoшение, являются Семик и Троица, центральным персонажем становится березка, наделенная антропоморфными чертами и влияющая на чадородие женщин, плодородие полей. Празднование начиналось с украшения домов. В русских селениях Тюменского уезда в конце XIX в. на Семик празднично одетые девушки шли в укромное место леса завивать венки и «запирать ворота» – две небольшие березки соединяли вершинами, аккуратно перевив в виде жгута: *Если выйти мне замуж, отворите-ся ворота, если в девушках остаться – затворите-ся ворота*. Замужние женщины не участвовали в обряде [Городцов, 1997, с. 231–232]. В Ишимском районе информатор сообщила: *В субботу все пола повышаркают, поедут мужики березочек посрубают в руку толщиной и ставят около окошек по ту сторону, с надворья, по ету коло калитки, коло ворот. А в избе украшают цветами* [Демина, 2013, с. 130]. В Бердюжском и Армизонском районах Тюменской области под символическими воротами из связанных растущих березок на Троицу кумились девушки, «завивали вьюли» и «запирали ворота» [Иванова, 1995, с. 44]. Кумление (целование через венки) отмечало наступление половой зрелости девушек и их переход в особую половозрастную группу.

Продуцирующими мотивами пронизаны народные игры и хоро-водные песни, во многих из которых парни и девушки выбирают себе партнеров, обнимаются, целуются, взявшись за руки, ходят по кругу. В Тобольской губернии была записана игра «Ходить воротцами»: *На полянке играют воротцами. Двое из играющих образуют собою два столба. Затем, поднявши вверх по одной руке, они держат в них платок, заменяющий перекладину на воротах. В эти воротца пробегает одна пара за другой, образуя также воротцы* [Словарь русских народ-

ных говор, 1970, с. 124]. Образ символических ворот и ритуальное прохождение под ними сохранились в детской игровой песне: «Золотые воротá»: *Двое из ребят стоят, взявшись за руки, подняв их над головой, образу «ворота». Пока песню поют, все кругом проходят под воротами: «Золотые ворота, проходите, Господа / Перва мать пройдет, всех детей проведет / Первый раз прощается, второй раз запрещается / А на третий раз не пропустим вас». На этих словах двое опускают руки вниз и ловят тех, кто оказался под ними. Пойманные образуют новые «ворота». Игра заканчивается, когда всех игроков поймают* (полевые материалы ТюмГУ, Упоровский р-н Тюменской обл., 1986–1993 гг.).

Свадебная песня Зауралья «Ворота были не заперты», исполняемая в обрядовом действии после венчания в доме молодого, использует образ «незапертых ворот», смысл которого заключается в отождествлении с ними молодой женщины, готовой к переходу в дом мужа и реализации своей детородной функции: *«Ворота не заперты / да подворотня не заложена была / улетела сера утка со двора / улетела в воспитань города / В воспитане были крупны мастера / примастёрики удалы молодцы / Стали утицу прикармливати / Чечи-бречи выговаривати...* [Обрядовые песни русской свадьбы Сибири, 1981].

Итак, в образном мире русской традиционной культуры забор и ворота стали символами витальных ценностей человека. В предметно-пространственной среде подворья и усадьбы они создают сакральную границу, связаны с инициационными этапами перехода невесты в новый локус (жилище мужа). В ритуальной практике забор и ворота, являясь объектом почитания и защиты, выступают как апотропейные, очистительные, продуцирующие семиотические тексты. На вербальном и невербальном уровнях выявляется их гетерогенность – использование разнородных семантических мотивов (заговоров, предметов, декора, магических действ и пр.), таким образом, забор и ворота участвуют в разных моделях апотропейческой ситуации.

Библиографический список

- Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. 192 с.
- Городцов П.А. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // Обряды, обычаи поверья. Тюмень, 1997. С. 227–287.
- Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX вв.). Новосибирск, 1975. 352 с.
- Демина Л.В. Свадебный обряд славян Тюменской области. Тюмень, 2005. 242 с.
- Демина Л.В. Песенная культура русского населения юга Тюменской области. Тюмень, 2013. 164 с.
- Иванова Л.В. Язычество в календарных обрядах русских крестьян (по материалам экспедиции в Бердюжский и Армизонский районы Тюменской области. 1994 г.). Тюмень, 1995. С. 43–46.

Иванова Л.В. Русские художественные промыслы Зауралья XIX – начала XXI вв. в контексте социокультурной динамики региона. Тюмень, 2015. 500 с.

Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М., 2002. 336 с.

Обрядовые песни русской свадьбы Сибири / сост. Р.П. Потанина. Новосибирск, 1981. 324 с.

Панишев Е.А. Поверья, суеверья и предрассудки крестьян села Кугаевского. Тобольск, 2004. 60 с.

Рыбаков Б.Н. Язычество Древней Руси. М., 1987. 784 с.

Словарь русских народных говоров. Вып. 9. М., 1972. 364 с.

Темплинг В.Я. Народная медицина русского населения Западной Сибири XIX в. (социокультурный аспект). Тюмень, 2017. 224 с.

Цивьян Т.В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Семиотика культуры. Труды по знаковым системам. Тарту, 1978. С. 65–85.

А.Л. Кунгуров

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КАРАМЫШЕВСКИЙ СТОРОЖЕВОЙ ПОСТ (Алтайский край)

Первоначально памятник был определен как погребальное или сакральное сооружение, каких немало открыто в ходе полевых работ в Третьяковском и Змеиногорском районах Алтайского края в прошлые годы [Гончаров, Кунгуров, 2003; Иванова, Кунгуров, 2004; Кунгуров, Гончаров, 2003; Памятники истории..., 1996]. Он представлял собой задернованное мелким сухолюбивым кустарником (богульник, акация и черный шиповник) и ксерофитовым разнотравьем подовальное всхолмление с западиной посередине. Подобные конфигурации имеют разграбленные курганы или каменные выкладки погребального или поминального назначения (для последнего объект был слишком велик). Сооружение расположено на поверхности одного из мысов и скрыто цокольным всхолмлением на его оконечности (рис.-1). Географические координаты 51°12'25.77" с. ш. 82°06'52.53" в. д. Объект расположен на высоком участке борта правого берега р. Машинки (в 1,5 км от кромки русла), в 3,13 км к северо-востоку от окраины с. Карамышево и в 4,88 км к северо-западу от окраины г. Змеиногорска. Высота расположения – 420 м над уровнем моря и над уровнем уреза р. Машинки.

Описание и характер конструкции. После удаления кустарника и дерна, покрывающих конструкцию, выявились его подпрямоугольные очертания, а первые находки позволили констатировать его русское происхождение и связь с горнорудными предприятиями-

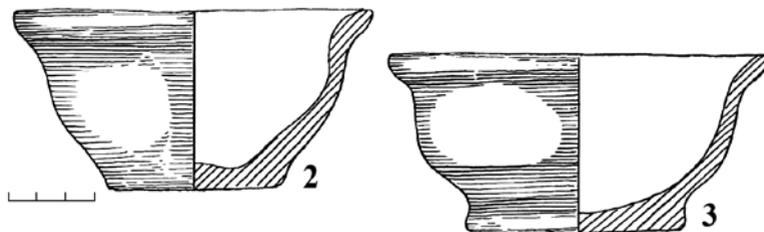
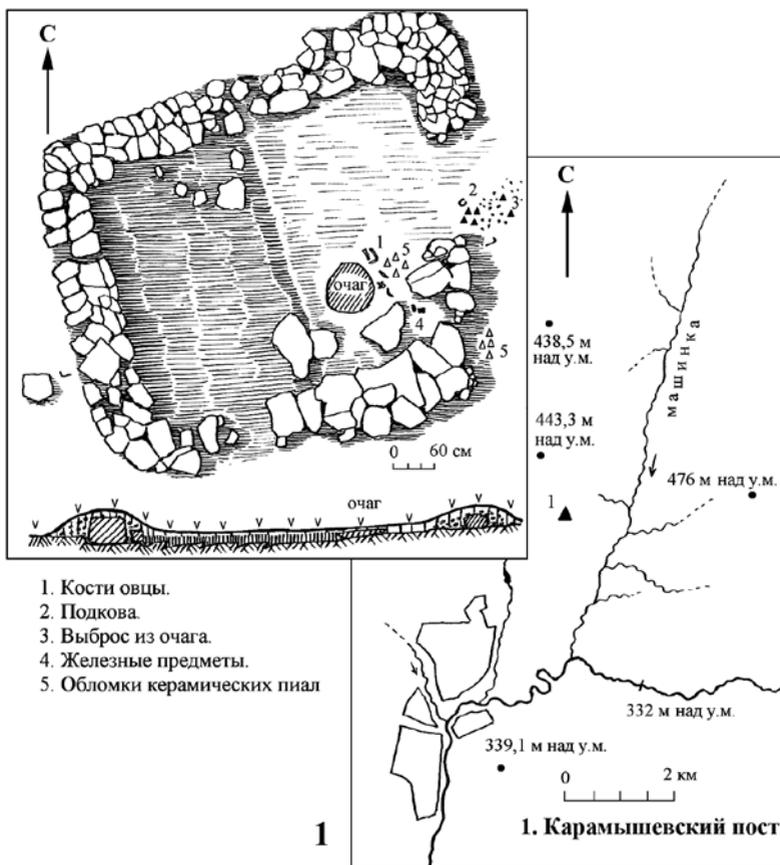
ми (см. рис.). На наш взгляд, раскопанный объект – это остатки караульного помещения, входящего в охранную зону вокруг Первого и Второго Карамышевских рудников (XVIII – середина XIX в.) [Кунгуров, 2005а, б]. Он представляет собой подпрямоугольный фундамент размерами $5,2 \times 6$ м, ориентированный вдоль мыса, тянувшегося с юго-востока на северо-запад. В северо-восточной части прослеживается вход шириной 1,4 м. Конструкция сооружена из глыб различного размера (от $0,1 \times 0,1$ до $0,7 \times 0,7$ м), собранных на скальных осыпях окрестных возвышенностей. Высота фундамента до 0,5–0,6 м и определяется высотой составляющих его отдельных частей. Ширина каменной стенки достигает 0,8 м. Камни уложены очень плотно и скреплены насыпанным в промежутки между ними щебнем. Перед сооружением стенки скальный цоколь, перекрытый в этом месте только щебнистым дерном мощностью около 0,05–0,07 м, был сnivelирован для придания полу горизонтальной плоскости. Внутреннее пространство постройки имеет размер $3,6 \times 4,4$ м и достаточно четко разделено на две равные половины специально помещенными на пол крупными глыбами, одна из которых примыкает к выходу. В предвходовой камере слева от разбега в фундаменте расположен очаг (рис.-1). На входе найдена железная подкова, видимо, ранее прикрепленная над ним «на счастье». Здесь же обнаружены кости овцы и обломки керамической пиалы (рис.-2). В метре южнее входа расчищены обломки второй пиалы (рис.-3) и обломки железных плоских деталей с выемками и отверстиями, возможно, фрагменты замочной доски кремневого ружья. На наш взгляд, исследованное помещение содержит признаки «караулки», разделенной на помещения для отдыхающей и бодрствующей смен. При установке в «глухой» части сооружения нар (для чего и нивелировался каменный цоколь) там могло на отдых разместиться 5–6 человек, столько же находилось в предвходовой комнате с очагом. Согласно караульным уставам треть состава несла службу. Таким образом, общее количество военизированной охраны на этом направлении составляло от 15 до 18 человек. Караульные посты, скорее всего, размещались на соседних господствующих возвышенностях (одна из которых носит название Сопка Маяк). Не имея точной даты функционирования сооружения, мы не можем достаточно уверенно определить его основное назначение. Впрочем, таких вариантов немного:

1) наблюдение за местностью, проходимой для вражеской джунгарской конницы (ранние этапы освоения региона);

2) контроль на дорогах, ведущих к Карамышевским рудникам, горнозаводским поселкам (Карамышево, Петровский) и маркитанскому с. Давыдовка (время функционирования рудников).

Таким образом, если наши предположения верны, исследовано первое караульное помещение в охранной системе горнозаводской инфраструктуры. Кроме этого, раскопанное сооружение демонстрирует

образец каменного строительства, аналогичного сельским жилым и хозяйственным постройкам Рудного Алтая и некоторым сохранившимся до наших дней горным строениям Змеиногорска и его окрестностей.

Расположение Карамышевского сторожевого поста (1) и керамические пиалы (2, 3), найденные при его исследовании

Библиографический список

Гончаров А.В., Кунгуров А.Л. Археологические исследования в Рудном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX, ч. 1. Новосибирск, 2003. С. 327–330.

Иванова Е.П., Кунгуров А.Л. Исследование памятников древнего горного дела в Рудном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X, ч. 1. Новосибирск, 2004. С. 261–264.

Кунгуров А.Л. Древние горные выработки в окрестностях с. Карамышево // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005а. С. 84–89.

Кунгуров А.Л. Использование камня в хозяйственном и жилищном строительстве сельского населения Рудного Алтая // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005б. С. 129–134.

Кунгуров А.Л., Гончаров А.В. К археологической карте Рудного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XIII. Барнаул, 2003. С. 81–86.

Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Новые памятники эпохи бронзы и железа в Рудном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XIII. Барнаул, 2001. С. 81–86.

Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. 256 с.

С.В. Меньков

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

БОРЬБА С ТРАДИЦИОННОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРОЙ НА АЛТАЕ В 1920-е гг.

Введение новых праздников в послереволюционной России сопровождалось определенными трудностями, которые были связаны главным образом с противодействием населения. Основной проблемой в этой связи становится борьба с религиозными праздниками. Наиболее сложной была ситуация в сельской местности, что объясняется особенностями менталитета сельчан, их религиозностью.

Борьба с религиозными праздниками проходила в рамках антирелигиозной политики Советского государства. Власть стремилась искоренить любые традиции, несущие религиозную окраску. Это в первую очередь касалось церковных праздников и обрядов. Явный приоритет отдавался праздникам революционным, не несущим религиозного подтекста.

Перед Советским государством стояла важная задача – вытеснить церковь не только из повседневной жизни общества, но и из «умов». В содержании антирелигиозной работы делался упор на разъяснение «темного» происхождения религии, ее несовместимости с наукой» и убеждение населения, что «религия исчезнет с ростом знания и власти человека над природой и условиями общественной жизни» [Шавлютова, 2011, с. 192].

В Алтайской губернии в 1920 г. с установлением советской власти практически заново начинается работа по отделению церкви от государства. Главной задачей агитационно-пропагандистской работы являлось политическое просвещение общества и борьба с религиозными догмами. Газета «Красный Алтай» от 17 сентября 1920 г. опубликовала статью «Христианство и коммунизм», где сравниваются православие и коммунистическое учение. Христианство описывается как учение о загробной жизни, «где хорошо будет страдавшим на земле и плохо – наслаждавшимся», изменившее своим первоначальным установкам – непримиримости к богатым, ставшее «орудием государства» и способствующее закреплению свободных крестьян. Коммунистическая теория, по словам автора заметки, возникает в противовес христианству и представляет собой «учение об устройстве настоящей жизни на земле» и все в нем «для живых, а не для умерших». Важнейшей отличительной чертой этих доктрин является то, что православие проповедует непротивление злу, а коммунизм ведет «самую беспощадную борьбу» с этим злом, и рабочий уже «не подставляет правой щеки, когда его бьют по левой» [Шмелев, 1920, с. 1].

Основные установки по проведению антирелигиозной пропаганды диктовались правящей партией. Они последовательно излагались в резолюциях съездов партии. Директивы центральной власти развивались и конкретизировались местными партийными органами. Так, на заседании коллегии Алтайского губернского комитета ВКП(б) от 12 декабря 1922 г. утверждались основные направления антирелигиозной кампании в губернии в связи с рождественскими праздниками. Они включали в себя организацию антирелигиозных кружков при Марксистском клубе и отделе агитации и пропаганды, чтение силами молодежи тематических докладов на собраниях, постановку многочисленных инсценировок, концертов, живых картин антирелигиозного характера к рождественским праздникам. Особое внимание требовалось уделить новогодним елкам в детских домах, «имея целью устранение религиозного момента» [ГААК. ФП. 2. Оп. 3. Д. 302. Л. 39].

Более конкретно были сформулированы предписания по проведению антирелигиозной кампании в инструкции Уездного комитета РКСМ г. Бийска за 1923 г. под названием «Против Рождества». «Противорождественскими вечерами» и антирелигиозными акциями планировалось охватить широкий круг предприятий и учреждений города: текстильную фабрику, железнодорожную ячейку, коммуну «Единый Труд», школу подготовки комсомола [Григорьев, 1923, с. 1].

О другой антипасхальной кампании в с. Яминском Бийского уезда сообщает газета «Звезда Алтая». Согласно статье в селе был организован антирелигиозный вечер, проведенный в Народном доме, расположенном рядом с церковью. В открытое окно, обращенное к храму, поставили граммофон, и народ хлынул на звуки граммофона, несмотря на то, что «поп кричал и угрожал», но никто не испугался «этой детской угрозы». Так был открыт антипасхальный вечер, на котором пелись ан-

тирелигиозные песни и читались стихи до трех часов ночи. Расходясь, люди, как отмечается в периодической печати, говорили: «Ну и подсадили же мы сегодня „святую“ братию» [Мухачев, 1923, с. 3].

Новые власти старались представить проведение религиозных праздников (Пасхи, Масленицы, Рождества, Троицы и т.д.) как вредный пережиток, показатель отсталости и невежества. Газетные публикации акцентируют внимание на случаях, когда народные гулянья заканчивались хулиганством и попойками.

В целом результаты антирелигиозной пропаганды в начале 1920-х гг. не имели значительных результатов, тем более, что основным направлением агитационно-пропагандистской работы в это время была продналоговая кампания. Так, в отчете Рубцовского укома констатируется, что «из-за продналоговой кампании культурно-просветительная работа за отсутствием сил слаба. Имеется три нардома, работа которых выражается исключительно в постановке спектаклей» [ГААК. ФП. 2. Оп. 4. Д. 97. Л. 150].

Утверждению новых форм гражданской обрядности мешало и то, что в них недостаточно учитывались конкретная социальная ситуация, особенности быта людей, их психология. Некоторые советские праздники (комсомольская Пасха, комсомольское Рождество) были наскоро задуманы лишь в противовес соответствующим церковным ритуалам, носили характер кратковременной кампании, поэтому и не смогли стать постоянной формой празднования. Они носили чересчур шумный характер, а происходившее во время некоторых из них откровенное надругательство над церковными ценностями только отталкивало население.

Лишь со второй половины 1920-х гг. на Алтае стали отказываться от церковных праздников. Так, общим собранием рабочих и служащих Мельницы №2 г. Бийска было единогласно решено вместо Пасхи праздновать Майские дни [Вместо Пасхи – Майские дни, 1925, с. 2]. Власти отмечали, что «крестьяне, ранее относившиеся к революционным праздникам без энтузиазма, постепенно начинают понимать их значение и охотно откликаются на призыв партии» [Революционные праздники..., 1927, с. 1]. Характерно и то, что посещаемость школ в религиозные праздники со временем улучшилась.

24 сентября 1929 г. СНК СССР принял постановление «О рабочем времени и времени отдыха...». В нем отмечалось: «Воспрещается производство работ в революционные дни. ... В дни всех религиозных праздников работа производится на общих основаниях» [Постановление СНК СССР..., элект. рес.]. Таким образом, религиозные праздники больше не являлись выходными днями, что сокращало возможность для их массового празднования.

К концу 1920-х гг. критика религии становится всеобъемлющей. Были определены основные направления антирелигиозной пропаганды: разоблачение классовой эксплуататорской сущности религии и ее антинаучного характера, критика религиозной морали, разоблачение «реакционной роли религии в домашнем и общественном быту». Религия объявлялась «тор-

мозом на всех жизненных путях трудящегося человека». В качестве врагов рассматривались образы «попа», «сектанта», которые были поставлены в один ряд с кулаком, «спекулянтом» и другими «чуждыми элементами».

Все это свидетельствует о том, что происходило последовательное наступление государства на традиционный уклад жизни людей с целью утверждения идей советской власти. Немаловажную роль в этом сыграли советские праздники и обряды.

Можно сделать вывод о том, что для первого десятилетия нахождения у власти большевиков было характерно параллельное сосуществование традиционной религиозной праздничной обрядности и системы новых государственных праздников. Традиционные праздники, освященные религией и привычкой, активно дополнялись и вытеснялись в результате целенаправленной политики властей «красным» праздничным циклом.

Библиографический список

- Вместо Пасхи – Майские дни // Красный Алтай. 1925. 3 мая.
Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). ФП. 2. Оп. 4. Д. 97. Л. 150. Отчет Рубцовского укома РКП (б) «О проведении «Комсомольской пасхи». 1923 г.
ГААК. ФП. 2. Оп. 3. Д. 302. Л. 39. Протокол заседания коллегии отдела пропаганды и агитации Алтгубкома РКП(б). 1922 г.
Григорьев Н. Против Рождества // Звезда Алтая. 1923. 4 января.
Мухачев П. Поповское крещение // Звезда Алтая. 1923. 5 мая.
Революционные праздники побеждают // Красный Алтай. 1927. 13 ноября.
Постановление СНК СССР «О рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную производственную неделю» от 24 сентября 1929 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3594.htm (дата обращения: 20.01.2017).
Шавлютова З.Ш. Борьба советской власти с религиозным сознанием населения Зауралья в 1920-е гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. №1 (14). С. 191–195.
Шмелев А. Христианство и коммунизм // Красный Алтай. 1920. 17 сентября.

С.А. Пилипенко¹, А.П. Миняйло²

¹Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия;

²Открытая школа украинского языка им. академика Йосафа Ладенко МУЦ «Лелека», Новосибирск, Россия

УКРАИНИЗМЫ В РЕГИОНАЛЬНО ОГРАНИЧЕННОЙ ЛЕКСИКЕ НОВОСИБИРСКА (к вопросу о влиянии переселенцев на речь жителей города)

Язык является мощным импульсом для сохранения и трансляции традиций, обычаев, идентичности народа, являясь кодом и выступая своеобразным маркером контактов различных этнических групп между

собой. Особенно это актуально для украинского языка в условиях ассимилятивных процессов, происходящих на юге Западной Сибири, в частности в Новосибирске.

Как показывают исследования, проведенные новосибирскими этнографами, представители украинского и белорусского этносов более склонны к ассимиляции в русскоговорящей среде. Постоянное проживание в межатнической среде при доминировании государственного языка значительно влияет на сохранение родных языков других национальностей в Сибири. В таком случае еще более актуальны остаточные проявления контактов между украинским и русским языками в региональной ограниченной лексике, находящейся в соприкосновении с неофициальным устным повседневным употреблением украинизмов в русской речи в Новосибирске.

Интересные результаты получены нами при изучении недавно вышедшего «Словаря региональной лексики и народных топонимов города Новосибирска» (Новосибирск, 2015). Среди 200 нарицательных слов наше внимание привлекло наличие украинизмов, бытующих в народной речи новосибирцев.

К украинизмам относятся следующие слова и их значения.

БЛУКАТЬ (Блукати) -аю, -аешь, Простонародное, имеет неодобрительную характеристику – **бродить**, у Даля имеет следующее значение «Блукать – путать, блуждать, либо бродить, шататься. Относится к новгородской, воронежской, курской губерниям...» [Даль, 1982, с. 100]. В украинском языке слово **блукати** имеет значение *ходить, ездить*, часто используется в разговорном и официальном украинском языке [Великий тлумачний..., 2002, с. 57; Ливинская, Матвеев, 2015, с. 39].

ГОМОНОК (Гомонец) – гомонка, *м.* – регион., жаргонизм – **кошелек**, небольшая сумка, барсетка. В словарях современного русского языка и трудах Даля слово гомонец определения не имеет. В современном украинском языке употребляется редко, разговорное, в значении кошелек, небольшая сумочка [Ливинская, Матвеев, 2015, с. 46].

КУРКУЛЬ -я, *м.* – региональн., разговорное, пренебрежительное. Запасливый, прижимистый, жадный человек (руск.). В украинском языке слово **куркуль** имеет то же значение, что и в русском языке – жадный человек, зажиточный крестьянин [Великий тлумачний..., 2002, с. 474; Ливинская, Матвеев, 2015, с. 56].

ТЯМ (Розум) -а, *м.* и **тяма**, -ы, *жс.* – регион., простонародное. – **ум** (руск.), у Даля имеет следующее значение «Тям *м.*, тямка *жс.* – понимание, постижение, распознавание, разум, рассудок, смысл, сметка, догадка; память...Тямкій человек, понятливый и т.д. Относится к южно-российскому Тамбовскому говору» [Даль, 1982, с. 452; Ливинская, Матвеев, 2015, с. 73]. В Украинском языке слово **тям, тяма** употребляется редко в официальном литературном языке, но в разговорном встречается чаще и имеет то же значение, что и в русском языке.

ШУКАТЬ (Шукати) -аю, -аешь, – простонародное устаревшее – **искать**. Шукать, польское заимствование в украинском и русском языках. В украинском языке слово **шукать** имеет то же, что и в польском языке, значение: *искать, отыскивать* [Даль, 1982, с. 648; Ливинская, Матвеев, 2015, с. 79].

Выявленные нами слова являют живыми свидетелями контактов между украинским и русским этносами, в ходе которого и произошло заимствование в русскую речь. В то же время факт того, что эти слова остались на уровне бытового употребления и не вошли в официальную речь, лишний раз свидетельствует о влиянии ассимилятивных процессов и положении украинского языка в Новосибирске среди других национальных языков, находящихся во взаимодействии с русским разговорным и письменным языком.

Дальнейшие исследования в области языкознания позволят лучше понять взаимодействие украинского языка с русским и другими языками народов Сибири.

Библиографический список

Великий глумачний словник сучасної української мови. Київ, 2002. 1440 с.
Даль В. Тольковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1981. 779 с.

Ливинская И.В., Матвеев А.И. Словарь региональной лексики и народных топонимов города Новосибирск, 2016. 160 с.

А.А. Тишкин¹, В.В. Серов²

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*

²*Алтайский институт экономики – филиал Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Барнаул, Россия*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОСТАВА МЕТАЛЛА В МОНЕТАХ КИТАЯ (конец 30-х – начало 90-х гг. XVIII в.)

Работа частично выполнена в рамках реализации гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

В современной исторической науке немаловажное значение имеют новые или альтернативные источники и методы исследований. Их применение позволяет поддерживать процесс получения объективных знаний и открывать дополнительные направления. Примером может служить такая сравнительно немолодая дисциплина, как нумизматика. Нумизматические данные, с одной стороны, бывают весьма полезны для полноценной исторической реконструкции. С другой стороны, каждая монета в отдельности является, как правило, малоинфор-

мативным предметом. Наиболее ценные свойства нумизматические источники проявляют при соблюдении условия массовости исследуемого однотипного материала. Количественно они формируют основание для применения специальных методик, усиливающих информативный потенциал отобранного для анализа монетного типа. Одновременно с этим определяется стимул к развитию междисциплинарных исследований, предлагающих новаторские подходы. Итогом становятся весьма неожиданные выводы, углубляющие современные представления об экономике, политике и других сторонах изучаемой эпохи и региона.

Сравнительно недавно разработанным и успешно опробованным методом в нумизматике, привлечшим возможности целого ряда научных дисциплин, стал многосторонний анализ монетных сплавов, позволяющий использовать полученные с его помощью результаты в антиковедении. Подобный метод извлечения новых сведений из субсидиарного первоисточника был разработан применительно к монетам античных государств и прекрасно себя зарекомендовал [Смекалова, Дюков, 2001]. Однако он, по мнению его adeptов, полноценно функционирует только на массовом предмете. И с этим следует согласиться, если принимать методику разработчиков безоговорочно. А как быть, если доступных для обследования монет немного, но они отличаются по своей исторической принадлежности от монет античности и потому могут быть рассмотрены в иной перспективе? Здесь кажется уместным дополнить новый подход старой методикой сравнения однотипных, но различающихся по месту происхождения нумизматических предметов. От этого феномен необходимой массовости в значительной мере нивелируется при сохранении ценности получаемого научного результата.

В качестве пробных предметов изучения по предложенной методике были взяты металлические монеты Китая, отлитые приблизительно в одно время (если таковым считать более чем полувекое правление императора Хунли (1735–1796 гг.), прошедшее под девизом Цяньлун «Непоколебимое и славное»).

Китайские монеты того времени особенно важны тем, что являются неотъемлемой составной истории Китайского государства периода династии Цин. Столетие с конца XVII до конца XVIII в. – уникальный период, когда Китай достиг долгожданной внутренней консолидации, заметных внешнеполитических и военных успехов, а также некоторого подъема экономики. Это период удачного сочетания важнейших предпосылок формирования и дальнейшего развития сильного государства в целом [История Китая, 2002, с. 271–279]. Факторы прогресса непременно сказывались на денежном обращении, что в условиях китайского монетного дела традиционно проявлялось в стабилизации размера, веса и металлического содержания основной денежной единицы – цянтя.

В Китайской империи во все времена осуществлялся гигантский выпуск литых медных или (чаще) бронзовых монет приблизительно

одинакового веса и достоинства. Однако для того, чтобы создать представление об особенностях экономической и политической эволюции страны в конкретно указанный период, нет нужды в анализе большого количества монет каждого из провинциальных и центральных монетных дворов. Достаточно взять несколько образцов одновременной эмиссии от нескольких источников и сравнить их между собой. Различия (если таковые найдутся) покажут направления дальнейшего специального поиска.

Для достижения поставленной исследовательской задачи из частной коллекции было отобрано несколько монет (рис. 1 и 2), имеющих на лицевой стороне обозначение «цзяньлун тунбао», отлитых в столице и на некоторых провинциальных государственных монетных дворах, о чем на оборотной стороне имеются соответствующие указания по-манчжурски. Центральный выпуск представлен двумя монетами, выпущенными в обращение императорским Ведомством доходов в Пекине (рис. 1.-5, 9). Список рассматриваемых здесь провинциальных выпусков ограничивается семью монетными дворами. Точное количество действовавших в XVIII в. монетных дворов нам пока не известно. Однако в каждой из приблизительно десяти провинций во 2-й половине указанного столетия работало от одного до трех монетных дворов [Быков, 1969, с. 23]*. Таким образом, предложенный здесь список провинциальных эмиссий составляет приблизительно треть от общего числа тогдашних дворов, на которых производилась отливка государственной монеты установленного образца. Анализируемые экземпляры представляют почти все важнейшие провинции Китая середины – 2-й половины XVIII в., а также основные по значению монетные дворы Китайского государства: в городе Баодин на севере страны (рис. 2.- 4, 6), в портовом городе Фучжоу на юго-востоке (рис. 1.- 1, 3), в Аксу в составе присоединенной в 1759 г. провинции Синьцзян (рис. 1.-2) на западе, в имевшем важное военно-стратегическое положение южном городе Гуанси (рис. 2.-1, 2) и в трех крупных старинных городах центральной части Китая – Сиане (рис. 1.-4, 6), Чэнду (рис. 1.-7–8) и Ухане (рис. 2.-3, 5).

Более точная датировка избранных монет представляется невозможной, хотя внешний вид позволяет сузить хронологические границы их выпуска. Так, одна из монет пекинского выпуска (рис. 1.-9) заметно меньше в диаметре всех остальных, что дает основание предполагать ее появление не ранее последней четверти XVIII в., когда в Китае стали проявляться признаки экономического кризиса [История Китая, 2002, с. 279], который заставил правительство экономить монетный ме-

---

* В большом каталоге китайских монет [Дин Фубао, 1988, с. 178–180] удалось насчитать приблизительно 25 монетных дворов для более позднего периода (1860–1890 гг.), который, однако, значительно не отличался экономически от периода последних десятилетий XVIII в.

талл при растущем производстве денег. В связи с этим обстоятельством можно осторожно допустить, что наиболее крупные по весу и диаметру монеты изучаемой серии являются и наиболее ранними. По мере приближения к концу времени правления Цяньлун (конец 1770-х – 1-я половина 1790-х гг.) стандартный диаметр цянй постепенно уменьшался, а качество металла в нем ухудшалось. Впрочем, абсолютная взаимозависимость размера монеты и экономических условий в стране едва ли возможна, поскольку необходимо учитывать и ряд других факторов влияния на экстерьер и качество монет той эпохи, к примеру, номинал (некоторые китайские монеты имели вес двух-трех цянй, не демонстрируя этого соответствующей легендой) или географическое положение монетного двора (близость его к столице, которая осуществляла контроль над чеканкой, или к транзитным торговым путям, где доминировали повышенные требования к качеству монеты), а также политическая ситуация (как, например, в Синцзяне, который претендовал на права широкой автономии и активно позиционировал свои возможности к самостоятельности). Как бы то ни было, важнейшую роль в данном исследовании играет анализ монетного металла.

Обратимся к результатам, полученным в Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета (Барнаул), где с помощью портативного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США) в комплекте КПК и с испытательным стендом осуществлялся рентгенофлюоресцентный анализ отобранных китайских монет. Указанный комплекс предназначен для количественного неразрушающего определения содержания химических элементов методом рентгенофлюоресцентной спектрометрии в образцах из цветных металлов и сплавов, а также для контроля химического состава руд и шлаков, жидких и порошковых образцов. Для получения и фиксации результатов использовалась специально адаптированная компьютерная программа «Аналитическая». Следует отметить, что снятие окислов с монет по настоянию владельца коллекции не производилось, что определенным образом сказалось на количественных показателях выявленных элементов. Однако основными задачами являлись не выяснение точного химического состава монетного теста, а фиксация рецептов по основным компонентам и их сравнительный анализ. Для этого исследовались поверхности обеих сторон (аверс – *A* / реверс – *R*) каждой из анализируемых монет. Удалось получить необходимые данные по 15 экземплярам.

Начнем с двух монет (рис. 1.-5, 9), которые были выпущены императорским Ведомством доходов в Пекине. Результаты тестирования первой монеты (рис. 1.-5) такие:

A: Cu (медь) – 61,63%; Zn (цинк) – 32,19%; Sn (олово) – 1,53%; Pb (свинец) – 1,42%; Sb (сурьма) – 1,41%; Fe (железо) – 1,17%; As (мышьяк) – 0,36%; Ni (никель) – 0,13%; Cr (хром) – 0,09%; Nb (ниобий) – 0,07%;

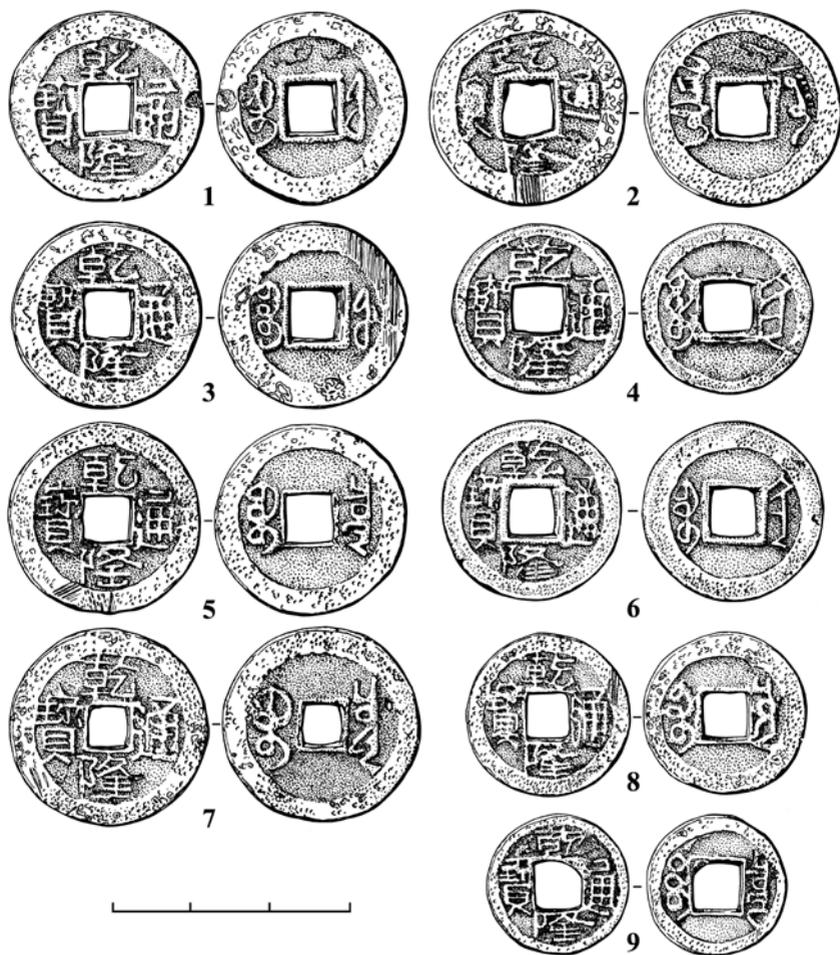

Рис. 1. Китайские монеты из цветного металла:

1, 3 – цянь провинции Чжэцзян; 2 – медная литая монета типа цянь из Синцзяна; 4, 6 – цянь провинции Шэньси; 5 – цянь столичной (Пекин) эмиссии; 7 – цянь из провинции Сычуань; 8 – цянь из провинции Сычуань меньшего веса и худшего качества; 9 – цянь столичной (Пекин) эмиссии уменьшенного веса и более грубой выделки

R: Cu – 62,31%; Zn – 31,93%; Pb – 1,4%; Sn – 1,35%; Fe – 1,18%; Sb – 1,13%; As – 0,4%; Ni – 0,15%; Cr – 0,08%; Nb – 0,07%.

Показатели анализа второй монеты (рис. 1.-9) выглядят следующим образом:

A: Cu – 64,22%; Zn – 27,4%; Pb – 4,98%; Sn – 1,76%; Fe – 0,83%; Cr – 0,65%; Ni – 0,09%; Nb – 0,07%;

R: Cu – 64,41%; Zn – 27,8%; Pb – 4,77%; Sn – 1,63%; Fe – 0,82%; Cr – 0,44%; Ni – 0,07%; Nb – 0,06%.

Имеется небольшая разница в процентном составе компонентов, но в целом рецептура схожа: медно-цинково-свинцово-оловянный сплав (Cu + Zn + Sn + Pb), или сложная латунь.

Следующие две монеты (рис. 2.-1, 2) отражают деятельность монетного двора в городе Гуанси (провинция Юньнань). Зафиксированный состав сплава первой монеты (рис. 2.-2) выглядит таким образом:

A: Cu – 66,13%; Zn – 29,28%; Cr – 1,81%; Fe – 1,12%; Pb – 0,98%; As – 0,42%; Ni – 0,13%; Nb – 0,07%; Co – 0,06%;

R: Cu – 67,59%; Zn – 28,33%; Cr – 1,23%; Fe – 1,15%; Pb – 1,0%; As – 0,5%; Ni – 0,12%; Nb – 0,08%.

По второй монете (рис. 2.-1) выявлены следующие поэлементные ряды:

A: Cu – 67,37%; Zn – 25,87%; Pb – 3,11%; Fe – 1,7%; As – 1,18%; Cr – 0,55%; Ni – 0,07%; Co – 0,08%; Nb – 0,07%;

R: Cu – 66,51%; Zn – 27,61%; Pb – 2,43%; Fe – 1,56%; As – 1,08%; Cr – 0,59%; Ni – 0,08%; Co – 0,08%; Nb – 0,06%.

Эти результаты принципиально отличаются от двух предыдущих отсутствием олова, а также уменьшенным количеством свинца и наличием таких существенно заметных компонентов, как мышьяк и хром. Повышенное содержание железа и мышьяка – характерное явление для окислившихся изделий из цветных металлов. По основным же компонентам (Cu + Zn + Pb) отчетливо фиксируется медно-цинково-свинцовый сплав, обычно называемый свинцовой латунью.

Еще две исследованных монеты (рис. 1.-4, б) происходят из г. Сианя (провинция Шэньси), где также издревле существовали и действовали монетные дворы. Исследование прибором поверхности первого экземпляра (рис. 1.-4) выявило уже знакомый состав, который демонстрировался выше и связан с деятельностью императорского Ведомства доходов в Пекине:

A: Cu – 64,82%; Zn – 29,29%; Pb – 3,53%; Sn – 1,39%; Fe – 0,57%; Cr – 0,27%; Nb – 0,07%; Ni – 0,06%.

R: Cu – 66,75%; Zn – 27,75%; Pb – 3,27%; Sn – 1,32%; Fe – 0,5%; Cr – 0,27%; Nb – 0,07%; Ni – 0,07%.

Сплав второй монеты (рис. 1.-б) демонстрирует показатели, качественно близкие к предыдущим, но существенно отличающиеся количеством содержания меди и цинка:

A: Cu – 55,02%; Zn – 35,97%; Pb – 3,85%; Sn – 2,92%; Fe – 1,25%; Cr – 0,66%; Ni – 0,27%; Nb – 0,06%.

R: Cu – 54,3%; Zn – 36,51%; Pb – 4,22%; Sn – 2,96%; Fe – 1,27%; Cr – 0,41%; Ni – 0,26%; Nb – 0,07%.

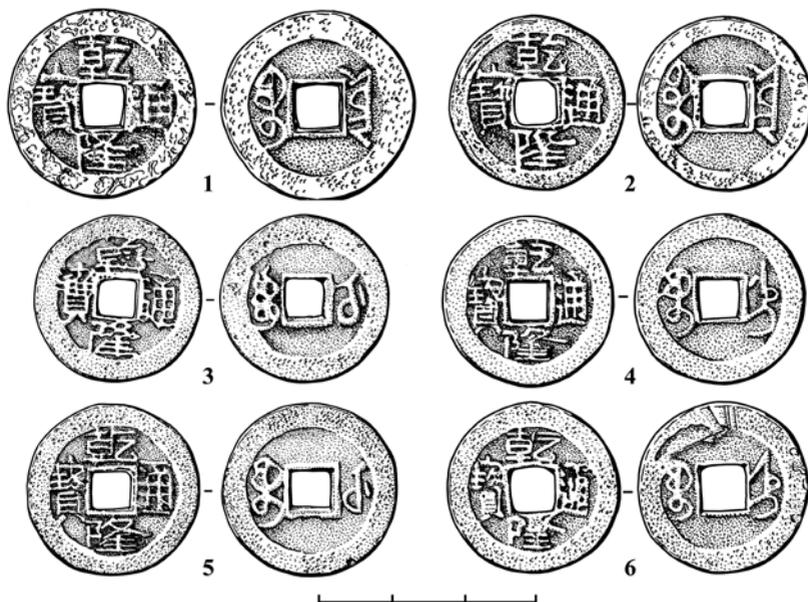

Рис. 2. Китайские монеты из цветного металла: 1, 2 – цяни провинции Юньнань; 3, 5 – цяни провинции Хэнань; 4, 6 – цяни провинции Чжуншу

Следующая партия произведена в г. Чэнду провинции Сычуань (рис. 1.-7, 8). Результаты тестирования первой монеты (рис. 1.-7) выражаются следующим образом:

A: Cu – 61,39%; Zn – 23,53%; Pb – 7,56%; Cr – 6,34%; Sn – 0,9%; Fe – 0,18%; Ni – 0,06%; Nb – 0,04%.

R: Cu – 64,87%; Zn – 27,41%; Pb – 5,85%; Sn – 0,98%; Cr – 0,59%; Fe – 0,15%; Ni – 0,08%; Nb – 0,07%.

Сплав второй монеты (рис. 1.-8) несколько отличается от первой прежде всего отсутствием олова:

A: Cu – 63,47%; Zn – 30,28%; Pb – 4,08%; Cr – 1,55%; Fe – 0,46%; Ni – 0,11%; Nb – 0,05%;

R: Cu – 64,56%; Zn – 30,39%; Pb – 3,51%; Cr – 0,97%; Fe – 0,4%; Ni – 0,11%; Nb – 0,06%.

В данном случае, равно как и в предыдущем из Юньнани, отметим стабильное присутствие хрома в существенном количестве. Кажется, этот металл претендует на роль своеобразного маркера для перемещавшихся по территории Юго-Восточной Азии металлических руд.

На монетном дворе в г. Ухане (провинция Хэнань) отлиты следующие два экземпляра (рис. 2.-3, 5). Для первого цянтя (рис. 2.-3) зафиксированы такие показатели:

A: Cu – 68,88%; Zn – 27,32%; Pb – 2,45%; Fe – 0,56%; Sn – 0,47%; Cr – 0,16%; Ni – 0,09%; Nb – 0,07%;

R: Cu – 61,65%; Zn – 33,33%; Pb – 3,46%; Fe – 0,62%; Sn – 0,61%; Cr – 0,12%; Ni – 0,12%; Nb – 0,09%.

Для второй монеты (рис. 2.-5) получены следующие результаты:

A: Cu – 59,4%; Zn – 24,38%; Pb – 14,06%; Fe – 0,64%; Cr – 0,6%; Sn – 0,53%; As – 0,24%; Ni – 0,08%; Nb – 0,07%;

R: Cu – 64,04%; Zn – 25,74%; Pb – 8,69%; Sn – 0,59%; Fe – 0,52%; Cr – 0,25%; Ni – 0,1%; Nb – 0,07%.

Принципиально состав двух монет отличается количеством свинца. При этом в обоих случаях это медно-цинково-свинцовый сплав с набором выявленных элементов, среди которых, по-видимому, имеются рудные примеси, а также инородные компоненты, попавшие в окислы. Отметим стабильное присутствие ниобия. Данный элемент очень часто выявляется при наличии в сплаве существенного количества цинка. Его содержание фиксируется на уровне возможной чувствительности спектрометра. Отмеченный факт требует специального рассмотрения, так как он может отражать рудную примесь или особенности технологического процесса изготовления монет.

Как уже было отмечено, в городе Баодин, на севере Китая (провинция Чжуншу), также производился отлив государственных монет. Изучены два экземпляра (рис. 2.-4, б). Сначала спектрометром тестировалась поверхность первой монеты (рис. 2.-6):

A: Cu – 60,39%; Zn – 30,16%; Pb – 5,65%; Sn – 2,96%; Cr – 0,59%; Fe – 0,11%; Ni – 0,07%; Nb – 0,07%;

R: Cu – 59,97%; Zn – 31,55%; Pb – 5,23%; Sn – 2,74%; Cr – 0,29%; Fe – 0,1%; Nb – 0,07%; Ni – 0,05%.

Следующий набор результатов получен по второму экземпляру (рис. 2.-4):

A: Cu – 70,29%; Zn – 23,07%; Pb – 4,3%; Sn – 1,75%; Cr – 0,28%; Fe – 0,21%; Nb – 0,06%; Ni – 0,04%;

R: Cu – 69,22%; Zn – 24,05%; Pb – 3,98%; Sn – 1,85%; Cr – 0,55%; Fe – 0,25%; Nb – 0,07%; Ni – 0,03%.

Как и в самом первом случае, имеется разница процентного содержания компонентов, но в целом рецептура схожа: медно-цинково-свинцово-оловянный сплав (Cu + Zn + Sn + Pb), или сложная лагунь.

Монеты, производившиеся в портовом городе Фучжоу провинции Чжэцзян (рис. 1.-1, 3), также тестировались указанным спектрометром. Получен набор показателей, схожих с предыдущими. Сначала исследовалась монета (рис. 1.-1), изображенная первой. Результаты представлены двумя поэлементными рядами:

A: Cu – 48,11%; Zn – 38,37%; Pb – 8,53%; Sn – 2,46%; Fe – 1,62%; As – 0,51%; Cr – 0,21%; Ni – 0,12%; Nb – 0,07%;

R: Cu – 47,02%; Zn – 37,28%; Pb – 10,55%; Sn – 2,29%; Fe – 1,73%; As – 0,66%; Cr – 0,29%; Ni – 0,12%; Nb – 0,06%.

Затем изучалась следующая монета (рис. 1.-3), и зафиксированы такие показатели:

A: Cu – 57,14%; Zn – 23,14%; Pb – 13,27%; Sn – 2,97%; Fe – 2,72%; As – 0,43%; Cr – 0,22%; Ni – 0,07%; Nb – 0,04%;

R: Cu – 57,92%; Zn – 24,71%; Pb – 11,17%; Sn – 3,04%; Fe – 2,58%; As – 0,33%; Cr – 0,12%; Ni – 0,09%; Nb – 0,04%.

И, наконец, рассмотрим результаты анализа монеты из провинции Синьцзян (рис. 1.-2). Эти данные важны в связи с имеющими аналогичными находками в Монголии, а также в качестве сравнительного материала. Судя по нижеприведенным данным, в Синьцзяне отливали не латунные, а медные монеты:

A: Cu – 98,7%; Cr – 0,72%; Pb – 0,32%; Fe – 0,22%; Ni – 0,04%.

R: Cu – 98,66%; Cr – 0,68%; Pb – 0,4%; Fe – 0,26%.

Таким образом, проведенные предварительные исследования демонстрируют общие и особенные показатели монетного производства в различных провинциях Китая в рассматриваемый период истории. Как и следовало ожидать, заметными оказались различия в составе металла, из которого изготавливались монеты на разных монетных дворах. Известную роль при подборе рецептуры на том или ином локальном дворе играла, конечно, вековая традиция. Однако нельзя отрицать и влияние на него такого фактора, как происхождение основных металлов зафиксированного сплава. Как бы то ни было, изучаемые монеты обнаруживают три типа металлического состава, обусловленных территориально. Первый из них объединяет монеты пекинского и чжэцзянского провинциального выпусков, а также продукцию монетных дворов в Шэньси. Второй тип представлен монетами из Юньнани, Чжуншу и Хэнани. Третий тип, отличающийся от второго гораздо меньшим количеством олова и увеличенным присутствием хрома, оказался характерен лишь для одной провинции Сычуань. Важно, что названные провинции группируются не по принципу близости своих территорий, а, вероятно, исторически. В данном смысле показателен феномен провинций-индивидуалистов вроде Сычуани и Синьцзяна, которые даже металлом своих монет стремились отличаться от прочих китайских областей.

Также необходимо отметить, что сделанное первоначально предположение о том, что качество монет, отливавшихся на одном государственном монетном дворе, со временем ухудшалось, не получило однозначного подтверждения. В случае с различными пекинскими выпусками нужно, по-видимому, говорить о разных номиналах или о каких-либо политически окрашенных установках императорского двора, сопровождавших изготовление монет уменьшенного размера (например, при выплате регулярных крупных фиксированных сумм с целью бюджетной экономии). Напротив, монеты из Шэньси, идентичные по весу и размеру, заметно различаются оформлением внешнего вида и составом металла, что может служить подтверждением факта неявной порчи монеты из-за ухудшения экономических условий.

В целом предпринятый анализ подтвердил потенциальные возможности анонсированного здесь метода нумизматического исследования. Зафиксированные результаты носят предварительный характер и отражают лишь один из этапов научного поиска авторов.

Библиографический список

- Быков А.А. Монеты Китая. Л., 1969. 80 с.
Дин Фубао. Каталог древних монет. Шанхай, 1988. 245 с. (на кит. яз.)
История Китая : учебник / под ред. А.В. Меликсетова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002. 736 с.
Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л. Монетные сплавы государств Причерноморья: Боспор, Ольвия, Тира. СПб., 2001. 227 с.

Е.М. Тургунбаев

*Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Алматы, Казахстан*

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАЗАХСКИХ ШЕЖИРЕ КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Изучение этнической истории народов Казахстана на протяжении последних лет плодотворно ведется усилиями археологов, этнографов, антропологов, языковедов. В целом уже решен ряд кардинальных проблем: установлены основные периоды истории и культуры населения Казахстана начиная со времени заселения этой территории в эпоху неолита, определены основные этапы этногенеза казахского народа и выявлены основные этнические компоненты, из которых с течением времени сложился казахский народ.

Казахи, как и другие народы Восточной Европы, Сибири и Центральной Азии, создали богатейшие памятники устного народного творчества. В поэмах, легендах, преданиях, исторических и бытовых песнях, поговорках и пословицах в образной форме запечатлены как конкретные исторические события, так и деятельность отдельных лиц. Во многих памятниках устного народного творчества содержатся материалы из истории обычного права и общественной организации казахов, сведения о социальной структуре общества и т.д. Эти материалы исторического фольклора, в частности шежире, привлекались, хотя и не систематически, в качестве дополнительного материала. Однако шежире еще не являлся объектом специального изучения казахстанских этнографов и историков – исследователей этногенетических проблем.

Шежире – один из интереснейших и информативных рукописных памятников XV–XIX вв., истоки которого восходят к более раннему периоду, когда еще бытовала традиция устных форм казахских родословных, генеалогических преданий. Шежире, которые в семантическом

аспекте толкуются как «генеалогическая летопись», во многих случаях, наряду с родословиями, содержат сведения о хозяйствах, общественном строе казахов в период феодализма, экономическом развитии и политической истории казахского народа. Они же донесли до нас древние предания и легенды.

Сведения, содержащиеся в различных памятниках устного творчества казахов и предшествовавших им степных народов Великого степного пояса, незаменимы при реконструкции исторического прошлого.

Шежире не есть сугубо казахское явление. В известных у казахов формах оно обнаружено почти у всех тюркских народов. Казахские шежире по сюжетам содержащихся в них сообщений можно подразделить на несколько видов, аналоги которых легко найти в произведениях Рашид-ад-Дина, Абул-Гази и др. Одни шежире отличаются смешением исторических или древних хроникальных сведений с библейскими сюжетами, другие – привязкой реальных исторических лиц или событий и чингизидами и их завоеваниями, третьи – переплетением исторических сведений и эпических сказаний, четвертые – включением в шежире исторических документов, грамот, пятые – содержат только генеалогические таблицы. По форме изложения известны шежире в прозе и стихах.

Между тем анализ данных шежире на фоне материалов смежных исторических дисциплин может быть весьма плодотворным для разрешения тех или иных спорных вопросов этногенеза и реконструкции этнической истории казахов, поскольку и в фольклорных материалах нашли отражение исторические судьбы этносов, показано их возникновение, развитие и трансформация.

Шежире ориентированы на воспроизведение реальных фактов прошлого. Установка на достоверность – характерное свойство этого жанра. Даже художественный вымысел, элементы поэтической условности передаются и воспринимаются в них как правдоподобие. Этот момент нельзя не учитывать при изучении исторических основ казахских шежире.

В то же время следует сказать, что при правильном методологическом подходе шежире могут служить чрезвычайно интересным дополнительным источником в изучении историко-этнографических проблем. Это обстоятельство, как известно, учитывалось еще дореволюционными исследователями. В трудах П.И. Рычкова, В.В. Радлова, Г.Н. Потанина, А. Харузина, А. Левшина, Н.А. Аристова, А. Диваева и других при описании жизни и быта казахов, а также родственных им народов встречаются очень частые ссылки на народные предания и легенды.

В изучении и использовании казахских шежире в исторических исследованиях большая заслуга принадлежит выдающемуся ученому казахского народа Чокану Валиханову. Предания и генеалогия, записанные им в середине XIX в. у казахов и киргизов, без существенных изменений были зафиксированы советскими исследователями у представителей старшего поколения названных народов через сто лет – в 1950-х гг.

Среди научных трудов Ч. Валиханова значительную научную ценность представляют исследования по истории и этнографии казахов, а также статьи, касающиеся социально-политических отношений в казахской степи: «Аблай», «Киргизское родословие», «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды» и др. [Валиханов, 1984–1985]. Его работы отличаются реалистичностью и большим количеством историко-этнографических, хозяйственно-бытовых сведений о казахах, а также данных об отношениях между древними племенами, населявшими территорию Казахстана.

В конце XIX и особенно в начале XX в. шежире становятся предметом внимания представителей формирующейся национальной интеллигенции. В сочинениях Ш. Кудайбердиева [1911], М.-Ж. Копеева [Рукописный фонд ЦНБ НАН РК. Папка 1176], Н. Наушабаева [1903], Курбангали Халида и других довольно часто используются шежире. Это был период, когда формирующаяся казахская национальная историография стремилась наряду с традиционными (обычно мусульманско-богословскими) источниками использовать и новые, а именно шежире, родоплеменные этнонимы, исторические предания, легенды и т.д. Эти произведения в настоящее время нуждаются во внимательном критическом анализе текстов и строгой источниковедческой оценке содержащихся в них сведений. При этом условия эти произведения как источники по истории средневековья приобретают первостепенное значение.

Исторический фольклор многократно привлекался специалистами по этнической истории народов для тех или иных исторических выводов. Важное место фольклор как исторический источник занимает в трудах Г.П. Снесарева, Б.Х. Кармышевой, К.Л. Задыхиной, С.М. Абрамзона, Г.П. Васильевой, Т.А. Жданко, Л.С. Толстовой, Л.П. Потапова, В.В. Вострова, М.С. Муканова, Х.А. Аргынбаева и др. Особый интерес в плане нашей темы представляют работы башкирского этнографа Р.Г. Кузеева [1960; 1974], исследовавшего десятки и сотни башкирских преданий, легенд, родословных (шежире). Интерпретация фольклорного материала (так же как и широкое привлечение ономастических данных) занимает весьма осязаемое место в плодотворных этногенетических поисках данного автора. Анализ башкирских текстов, предпринятый Р.Г. Кузеевым, привел к выводу о том, что мы имеем дело с источниками, возрастающий авторитет которых тесно связан с содержащимися в них историческими сообщениями, значение которых нередко выходит за пределы данного этноса.

Исходя из сказанного выше, нам представляется, что назрела необходимость ввести в научный оборот по этнической истории казахского народа данные шежире. И здесь следует особо подчеркнуть, что шежире является не только историко-этнографическим, но и бесценным литературным источником, а также источником по обычному праву казахского общества.

Поэтому предстоящие задачи в области изучения шежире можно сформулировать в следующей последовательности:

– во-первых, выявить и сконцентрировать в одном или нескольких архивах рукописные тексты шежире. Для этого весьма важно организовать археографические экспедиции в районы Казахстана, провести сбор текстов из личных архивов;

– во-вторых, необходимо планомерно и систематически готовить квалифицированные кадры, которые могли бы целенаправленно работать по поиску, выявлению, сбору и изучению старинных тюркоязычных текстов;

– в-третьих, начинать публикацию текстов.

Следует отметить, что за последние сто лет графика казахского письма менялась трижды, и в архивных фондах отложились документы на двух «мертвых» алфавитах – арабском и латинизированном. Они практически не введены в научный оборот.

Дальнейший успех изучения казахских шежире во многом зависит от совершенства их техники и текстологии. Наиболее правильным путем при этом нам представляется создание корпуса шежире, сохранившихся в оригиналах; подлинники должны сопровождаться унифицированной транскрипцией и переводом на русский язык. При этом условии появится возможность исправить ошибки и искажения как прежних публикаторов, так и поздних писцов-составителей.

Текстологическому изучению шежире должно предшествовать их археографическое и палеографическое обследование с установлением общностей и различий между отдельными документами или их группами. В связи с созданием корпуса шежире и снабжением их новым переводом возникает необходимость и филологического исследования казахских шежире, как это поставлено в башкирской шежириологии. Необходимо устанавливать смысловые значения, семантические оттенки целых фраз, оборотов, отдельных слов, терминов и даже грамматических форм. Однако здесь мы вновь возвращаемся к необходимости на высоком уровне выполнять археографические задачи, так как принципы в текстологии требуют тщательной организации научных описаний рукописных памятников, чтобы «ни один памятник не оказался погребенным под неряшливым, торопливым, неточным определением его в описании» [Лихачев, 1983, с. 109].

Таким образом, качество научного описания, его источниковедческий уровень не должны быть принесены в жертву скорости получения результатов.

Обобщая сказанное выше, заметим, что предлагаемый круг проблем по использованию шежире как историко-этнографического источника является выборочным и потому неполным. Тем не менее очевидна важность этих источников для изучения политической, социально-экономической и культурной истории средневекового Казахстана. Первостепенными задачами остаются поиск новых рукописей, исследование и запись устных преданий.

Библиографический список

- Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата, 1984–1985.
Копеев М.-Ж. Уш Жуз // Рукописный фонд ЦНБ АН КазССР. Папка 1176.
Қудайбергенов Ш. Түрік, кыргыз, казак һәм хандар шежіресі. Оренбург, 1911.
Кузеев Р.Г. Башкирские шежере / сост., перевод текстов, введение и комментарии Р.Г. Кузеева. Уфа, 1960.
Лихачев Д.С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. Л., 1983.
Наушабаев Н. Манзуман казахия. Казань, 1903 и многие другие рукописные варианты из рукописного фонда ЦНБ АН КазССР и Института литературы и искусства им. М. Ауезова АН КазССР.
Происхождение башкирского народа. М., 1974.

М.А. Целищева, М.А. Дышлюк

*Алтайская региональная краеведческая общественная организация
«Наследие Алтай», Барнаул, Россия*

«КУПЕЧЕСКИЙ ОСОБНЯК» – ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ (г. Барнаул, ул. Короленко, 63)

Двухэтажное кирпичное, прямоугольное в плане здание расположено в исторической части Барнаула, на красной линии улицы Короленко, вытянуто вглубь участка, с выступом лестничного блока на восточном фасаде (см. рис.).

г. Барнаул ул. Короленко 63. Купеческий особняк

В 1907 г. на участке по адресу: ул. Томская, 55 (в настоящее время – ул. Короленко, 63) находился дом наследников П. Сбитнева, которые сдавали в аренду одну квартиру [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1900. Л. 73]. От наследников П. Сбитнева участок перешел к Н.И. Новоселову. Так, 29 сентября 1911 г. была утверждена дарственная запись старшим нотариусом Барнаульского окружного суда на подаренное Н.И. Новоселовым своей жене Л.С. Новоселовой (Суховой) имущество, в том числе и по ул. Томская, 55 [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 15. Л. 125]. Рядом находилась усадьба купца Кульмаметьева, а в 1911 г. – Торговый Дом «Н.Ш. Кульмаметьев и С-я» [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1900. Л. 43; Д. 14. Л. 224]. Позже усадьбу Л.С. Новоселовой приобрел Смирнов. Так, в 1912 г. в городскую управу от А.П. Смирнова поступила просьба разрешить построить на втором участке по ул. Томской, 55 дом [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 24. Л. 136].

2 мая 1917 г. в Барнауле произошел большой пожар, в котором пострадало много жилых и административных построек. Выгорело 52 квартала, 506 усадеб с тысячей строений или 1/3 всей жилой площади города. Сгорели большинство общественных и торговых помещений, электростанция, новая водопроводная станция, много частных домов, всего около 30 000 куб. саж. каменных и 700 кубических сажень деревянных зданий [Целищева, 2013, с. 433]. Вместе с соседними постройками пострадал и дом М.М. Смирновой (кв. 136) по ул. Томская, 55, окладный лист 2139 [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 322. Л. 60об.]. В мае 1918 г. по ул. Томская, 55 находился недостроенный дом М.М. Смирновой. Владелица дома занимала четыре комнаты и кухню [ГААК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3. Л. 385]. После национализации в 1920 г. дом занимала Барнаульская уездная земская управа, затем центральная тарифо-расценочная комиссия, с сентября 1920 г. – алтайские губернские отделы: труда (Алтгубтруд) (внизу), учета и распределения рабочей силы, социального обеспечения, статистики [ГААК. Ф.Р. 9. Оп. 1. Д. 70. Л. 2; Д. 51. Л. 106; Д. 224. Л. 136. 142; Ф.Р. 77. Оп. 2. Д. 26. Л. 125; Ф.Р. 207. Оп. 1. Д. 16. Л. 74; Ф.Р. 10. Оп. 5. Д. 9. Л. 19].

В конце 1920 г. были рассмотрены сметы ремонтно-строительной секции на 1921 г. по восстановлению сгоревших зданий, в том числе была принята смета на постройку крыльца, лестницы и пробивки окон в здании по ул. Томская, 55, занимаемом отделом труда [ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 227. Л. 20]. В апреле 1921 г. в здании разместилась Алтайская губернская комиссия по борьбе с трудовым дезертирством [ГААК. Ф.Р. 141. Оп. 1. Д. 47. Л. 30]. Здесь же находилось Алтайское губернское управление учета и распределения рабочей силы (Губрабсил) и единая трудовая школа №14 Комиссариата просвещения [ГААК. Ф.Р. 141. Оп. 1. Д. 47. Л. 48; Ф.Р. 12. Оп. 2. Д. 202. Л. 95об.] В 1922 г. Барнаульская городская уездная милиция занимала в здании 13 комнат общей площадью 111,94 квадратных сажень с численностью в штате 292 человек, в здании также находились Губпродком и служба телеграфов 5-го линейного отделения Сибирского окружного путей сообщения [ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 338.

Л. 33. 72]. С мая по июль 1924 г. в двухэтажном каменном здании был проведен капитальный ремонт на сумму 1650 руб. с приспособлением его под детский дом беспризорников [ГААК. Ф.Р. 16. Оп. 3. Д. 54. Л. 141]. Но в дальнейшем планы изменились, и в июле 1925 г. на заседании Президиума Алтайского губисполкома (протокол №19/35) здание, занимаемое детским домом беспризорников, закрепили за окружным отделом Госполитуправления (ГПУ) [ГААК. Ф.Р. 102. Оп. 1. Д. 228. Л. 58]. В сентябре 1925 г. была составлена смета на ремонт двухэтажного здания на сумму 11078,94 руб. [ГААК. Ф.Р. 29. Оп. 1. Д. 96. Л. 66–69]. В 1926 г. Сибирский краевой суд подтвердил (протокол №3), что строения по ул. Короленко, 55(63) закреплены за окружным отделом ГПУ [ГААК. Ф.Р. 102. Оп. 1. Д. 155. Л. 4]. В 1928 г. был составлен список неплательщиков за воду и электроэнергию по состоянию на 1 июня. Госполитуправление (ГПУ), арендовавшее здание, имело задолженность за электроэнергию в сумме 384,77 рублей [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 178. Л. 22].

В августе 1928 г. был составлен акт осмотра здания, занимаемый отделом Госполитуправления. Помимо текущего ремонта (перестилки и покраски полов, побелки стен), в здании необходимо было провести капитальный ремонт: одновременно с переделкой стропильной системы убрать прогоны, передающие излишнюю нагрузку на потолочное перекрытие верхнего этажа. Две трещины, образовавшиеся на долевых наружных стенах по направлению сверху вниз, требовали предупреждения дальнейшего их увеличения путем скрепления в долевом направлении стен железными связками с анкерами. Общий осмотр и вскрытие в двух местах потолочного перекрытия верхнего этажа показали необходимость детального осмотра, для чего рекомендовано было пригласить опытного техника. До проведения капитального ремонта комиссия рекомендовала убрать с чердака куски кирпичной кладки, излишнюю местами подсыпку и лишние предметы, заделать щели в кровле во избежание дальнейшего проникновения воды в потолочное перекрытие и сделать сточные трубы [ГААК. Ф.Р. 529. Оп. 1. Д. 342]. В дальнейшем здание занимали различные организации. Одно время здание находилось на балансе Барнаульского меланжевого комбината (БМК). Так, 21 мая 1969 г. на заседании Горисполкома было принято решение (№238) о передаче безвозмездно с баланса БМК на баланс Горжилуправления дома по ул. Короленко, 63 [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 7. Д. 206. Л. 248]. А в июне 1969 г. решением Горисполкома (№278) здание по ул. Короленко, 63, с баланса управления ЖКХ передали на баланс вновь организованной лаборатории Урало-Сибирского научно-исследовательского института «Электроприбор» [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 7. Д. 207. Л. 47].

С 1980-х гг. в здании находились отделы Горисполкома. В это же время со стороны дворового южного фасада была выполнена двухэтажная кирпичная пристройка. С 1990-х гг. здание занимало унитарное муниципальное предприятие по благоустройству города, затем помещения сдавались в аренду ООО «Краевое Информационное Агентство». В 2010 г. были вы-

полнены работы по устранению протечек кровли, замене покрытия крыши оцинкованной листовой сталью. Проведена гидроизоляция фундаментов. Северный и западный фасады здания были оштукатурены. Восточный фасад не оштукатурен. Окна с лучковыми перемычками, выявленными кладкой. Коридорная планировка этажей идентична. Коридор делит здание по продольной оси на две половины с помещениями, обращенными окнами на боковые фасады. В северо-восточной части находится лестница.

В 2013 г. госорганом охраны памятников было заключено Охранное обязательство с ООО «Краевое Информационное Агентство» на здание – памятник архитектуры «Купеческий особняк» по адресу: ул. Короленко, 63, а специалисты НПЦ «Наследие» подготовили акт технического состояния объекта культурного наследия. В 2016 г. по заданию нового собственника здания ООО «Квартал» на основе архивно-библиографических изысканий и визуального обследования был выполнен проект реставрации и приспособления здания. В заключении о возможности приспособления объекта культурного наследия для современного использования инженер-реставратор Н.М. Тюкова, аттестованная в МК РФ, согласно результатам проведенных предварительных исследований на здании – памятнике архитектуры регионального значения «Купеческий особняк» конца XIX – начала XX в. и в целях сохранения объекта культурного наследия рекомендовала выполнить комплекс реставрационных и противоаварийных мероприятий. Так, наличие большого количества трещин в наружной версте кладки стен требует срочного выполнения противоаварийных работ по наружным стенам и реставрационных работ по фасадам в соответствии с согласованной проектной документацией. По результатам инженерного исследования конструкций собственнику необходимо выполнить противоаварийные работы по несущим конструкциям здания. Вынести инженерные сети от стен здания памятника архитектуры в соответствии с действующими строительными нормами и выполнить работы по благоустройству территории.

Здание, расположенное по адресу: г. Барнаул, ул. Короленко, 63, является объектом культурного наследия регионального значения «Купеческий особняк» конца XIX – начала XX в. согласно решению исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов от 24.03.1989 №108. Оно представляет собой пример жилого здания начала XX в. периода эклектики. 16 ноября 2012 г. приказом Министерства культуры РФ №1410 объект культурного наследия «Купеческий особняк» был зарегистрирован в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ с присвоением ему реестрового номера (№221210002820005).

Библиографический список

Целищева М.А., Слущкий М.А. Усадьба Платоновых (г. Барнаул, ул. Пушкина, 40) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2013. С. 429–437.

М.А. Целищева, М.А. Слуцкий

*Алтайская региональная краеведческая общественная организация
«Наследие Алтай», Барнаул, Россия*

**ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ «ЗАВЕДЕНИЯ
ИСКУССТВЕННЫХ И МИНЕРАЛЬНЫХ ФРУКТОВЫХ ВОД»:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
(г. Барнаул, пр. Красноармейский, 10)**

Здание, расположенное на углу Гоголевской улицы и Конюшенно-го переулка (пр. Красноармейского), можно найти на карте г. Барнаула за 1900 г., где оно обозначено как дом Зудилова [ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 58]. Затем дом перешел к другому хозяину. По архивным документам, в 1907 г. дом принадлежал Семену Савельевичу Карпову. 9 мая 1907 г. городская управа разрешила канцелярскому служащему С.С. Карпову произвести при существующем доме постройку деревянного одноэтажного флигеля на углу Гоголевской улицы и Конюшенного переулка: место по улице 19 сажень и по переулку 22 сажени [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 4. Л. 26]. 8 октября 1907 г. бийский мещанин Ф.П. Туев обратился с заявлением в городскую Думу, в котором указывал, что просит городскую управу разрешить ему открыть с 1 января 1908 г. трактир с продажей крепких напитков по Гоголевской улице в доме Карпова (Конюшенный переулок), но городская управа ему отказала ввиду близости Реального училища. Рассмотрев вопрос, городская Дума определила в ходатайстве мещанину Туеву отказать [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 6. Л. 224].

25 февраля 1909 г. городская Дума рассмотрела заявление Н.Г. Зыкова о переводе торговли телегами, санями и другими изделиями из дерева с площади у Городской рощи на Конюшенную площадь. Зыков мотивировал перевод тем, что место у городской рощи, рядом с полковыми цейхгаузами, совершенно неудобно для торговли санями, телегами и другими изделиями из дерева, так как оно находится за городом, и оставлять там товар на ночь было опасно. Торг из-за этого на том месте падает, и Зыков терпит убытки. Самым подходящим для этой торговли местом, по его словам, может быть Конюшенная площадь, состоящая в ведении местного Школьного общества. Нахождение в центре города даст жителям возможность посещать этот торг в любое время. Для удобства жителей города он предлагал в дальнейшем всю торговлю однородными товарами кустарного промысла перевести в одно место – на Конюшенную площадь и щепной ряд базарной площади. 9 февраля 1909 г. городская управа уже высказалась за удовлетворение ходатайства Зыкова, указывая, что в текущем году может быть занята только половина Конюшенной площади, прилегающей к Гоголевской улице. Об этом управе было сообщено Советом Общества попечения о начальном образовании в г. Барнауле. За это разрешение Зыков должен был заплатить Обществу

100 руб. Гласные Думы приводили в пользу перевода на Конюшенную площадь торгового участка и такой аргумент, как то, что занятие площади под этот торговый участок помимо удобства и выгоды для города даст возможность содержать ее в чистоте, тогда как теперь она служит только для свалки снега и навоза. Большинством голосов Дума постановила торговать телегами, санями и другими изделиями из дерева на текущий 1909 г. перевести на половину Конюшенной площади, прилегающую к Гоголевской улице, с условием, что за городом сохраняется право на извлечение дохода с площади во время ярмарки [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 51–52].

Дом, расположенный в таком выгодном месте, привлекал многих, и в 1909 г. там опять поменялся хозяин. Им стал И.Р. Довбенко, крестьянин Барнаульского уезда Шаховской волости с. Гоньбы. 28 сентября 1909 г. Довбенко также обратился в городскую Думу с просьбой разрешить ему открыть по Конюшенному переулку в собственном доме ресторан 2-го класса с продажей крепких напитков, горячих закусок и постановкой двух столов для игры в бильярд. По поручению городской управы предназначенное для ресторана помещение было осмотрено членом управы Т.П. Гончаровым и городским архитектором Б.Л. Шилловским и было найдено вполне отвечающим своему назначению. Но так как по Конюшенному переулку находилось два учебных заведения – Реальное училище и частная женская гимназия М.Ф. Будкевич – и учащиеся в них, проходя мимо трактира, могли быть невольными свидетелями нежелательных и оскорбительных нравственное чувство сцен, то управа решила вынести этот вопрос на усмотрение Думы. Городская Дума постановила оставить ходатайство И.Р. Довбенко без удовлетворения [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 361]. 16 ноября 1909 г. И.Р. Довбенко повторно обратился в городскую Думу с просьбой о выдаче ему разрешения на открытие в его доме по Конюшенному переулку ресторана. Вот как было доложено Думе: «Крестьянин И.Р. Довбенко двумя прошением, поданными в городскую Управу 10 октября и 2 ноября 1909 г., ходатайствует пред городской Думой о выдаче ему разрешения на открытие в текущем и в будущем 1910 г. в его доме по Конюшенному переулку заведения трактирного промысла с продажей крепких напитков, а именно – ресторан 2 класса/разряда». Вынося эти два прошения на рассмотрение городской Думы, городская управа предлагала учесть, что хотя дом Довбенко находится от учебных заведений менее чем в 40 саженьях, но по закону такое ограничение к трактирным заведениям не относится. В этот раз ходатайство крестьянина И.Р. Довбенко о выдаче ему разрешения на открытие заведения трактирного промысла с торговлей крепкими напитками в его доме по Конюшенному переулку городской Думой было удовлетворено [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 441].

5 декабря 1909 г. городская управа постановила (№549): разрешить крестьянину Барнаульского уезда, Шаховской волости Ивану Родионовичу Довбенко, согласно постановлению городской Думы от 16.11.1909

(№223), открытие заведения трактирного промысла: пивной зал с продажей горячей пищи во втором участке г. Барнаула, по Конюшенному переулку на углу Гоголевской улицы в собственном доме, а также выдало разрешительное свидетельство на первую половину 1910 г. За право открытия вышеназванного заведения было взыскано с Довбенко в доход города 100 руб. [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 10. Л. 135].

25 и 27 ноября 1909 г. городская Дума рассмотрела вопрос об оценке недвижимых имуществ в г. Барнауле за 1909 г., которые были открыты вновь или стоимость которых после оценки на трехлетие 1908–1910 гг. изменилась. В представленном списке под №4 значился И.Р. Довбенко (ул. Гоголевская). В 1908 г. имущество было оценено на сумму 2251 руб. и дополнительно в 1909 г. на сумму 2099 руб. [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 490–491]. В июне 1910 г. Довбенко запросил разрешение на торговлю в своем доме на вторую половину года. 23 июня 1910 г. городская управа (постановление №336) разрешила крестьянину И.Р. Довбенко открыть по второй половине 1910 г. пивную лавку на углу Гоголевской улицы и Конюшенного переулка в собственном доме и выдало ему свидетельство. За право открытия вышеназванного заведения с него взыскали в доход города 15 руб. [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 11. Л. 114]. Такое же заведение было у И.Р. Довбенко и в другом его доме. В марте 1910 г. он просил городскую управу разрешить ему построить дом на углу ул. Берской, 74 и Острожного проулка, а уже в июле 1910 г. городская управа разрешила ему там открыть пивной зал с продажей горячей пищи. За право открытия этого заведения с него взыскали в доход города 25 руб. [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 9. Л. 18; Ф. 219. Оп. 1. Д. 11. Л. 58, 126].

Еще 12 ноября 1907 г. городская Дума утвердила правила о содержании пивных лавок, состоящих из 21 пункта. В частности, среди требований были такие: строго соблюдать чистоту, иметь ледник, мебель, в том числе вешалки для верхней одежды, часы над стойкой, фонарь перед входом. Приказчиками могли быть только мужчины не моложе 21 года. Азартные игры в пивных лавках запрещались, отпуск разливного пива в одни руки – не более одного ведра. На примере одного пивного салона, открывшегося по Соборному переулку и описанного в газете «Жизнь Алтая» от 4 января 1911 г., можно представить, как эти помещения раньше выглядели и чем они торговали: «... шикарное помещение, состоящее из одного большого зала и четырех кабинетов с электрическим освещением. При салоне имеются: пиво, фруктовые воды, всевозможные холодные закуски, журналы и газеты на русском, польском и немецком языках. Пивной салон обставлен по образцу заграничных. Полный порядок, чистота, вежливость, верхнее платье принимается и хранится швейцаром».

7 мая 1912 г. городская Дума рассмотрела вопрос о разрешении Торговому Дому «Братья Ворсины» открыть в г. Барнауле два трактира 4-го разряда: один – в доме Аношиной на углу Павловской улицы и Соборного переулка и второй – в доме Довбенко по Конюшенному переулку

ку. Многие гласные выступали против трактира в доме Довбенко, ссылаясь на близость учебных заведений. Поставив вопрос на голосование, городская Дума большинством голосов постановила выдать Т.Д. «Братья Ворсины» разрешение на открытие трактирного заведения лишь на углу Павловской улицы и Соборного переулка, а в доме Довбенко – отказала [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 11. Л. 113]. 28 июля 1912 г. в городскую управу обратился доверенный Торгового Дома «И.И. Андроновский и сыновья» К.Я. Зеленевский. В заявлении он также просил разрешить перевести открытую Торговым Домом пивную лавку из дома Попова (Сузунская улица и Непроходной переулок) в дом Довбенко на углу Конюшенной площади и Гоголевской улицы. При рассмотрении данного вопроса члены городской управы учли, что дом Довбенко выходит на Конюшенную площадь, на которой ежегодно с 21 ноября по 6 декабря в течение двух недель проходит ярмарка, а в Пасхальную неделю – обычные народные гулянья. Кроме этого, означенный дом находится вблизи трех средних учебных заведений: с одной стороны – Реального училища, а с другой – частной женской гимназии М.Ф. Будкевич и Барнаульской торговой школы. От первого из них – на расстоянии менее 20 саженей. При рассмотрении данного вопроса городская управа также учла, что на основании ст. 18 и 24 «Положения о трактирном промысле 1906 г.» разрешение на открытие пивных лавок, относящихся по ст. 5 того же «Положения» к заведениям трактирного промысла, принадлежит городской Думе. По разъяснению правительствующего Сената в указах от 02.04.1908 и 16.06.1908 (№4400 и 7566), городская Дума не имеет права отказывать в разрешении на открытие пивных лавок, когда в интересах городского благоустройства это будет признано необходимым. На основании приведенных аргументов и находя, что дом И.Р. Довбенко находится в местности, на которой в силу ст. 559 и 602 Устава об акцизных сборах не допускается открытие заведений с продажей крепких напитков, и что открытие данной пивной лавки не может быть дозволено и в интересах городского благоустройства и общественной нравственности, городская Управа постановила в просьбе доверенного Торгового Дома «И.И. Андроновский и сыновья» о переводе пивной лавки в дом Довбенко на Конюшенной площади отказать [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 24. Л. 100].

12 сентября 1912 г. городская Дума рассмотрела вопрос о перенесении Введенской ярмарки с Демидовской и Конюшенной площадей на Коряковскую площадь. Жители Бийской, Сузунской, Бердской и десяти Алтайских улиц, а также района между первым и пятым Прудскими переулками неоднократно обращались в управу с просьбой в целях развития торговли на новой базарной площади, находящейся на Полковой (бывшей Коряковской) улице, о переводе на эту площадь ярмарки. Городская управа ранее уже высказывалась положительно в целях благоустройства и по экономическим соображениям, мотивируя это тем, что нахождение базарных площадей в центре города неблагоприятно отражается на населении,

живущем на окраинах, и полагала необходимым перевести Введенскую ярмарку в текущем 1912 г. на площадь в конце Полковой улицы и 4-го Прудского переулка. Несколько гласных Думы также дали свое согласие на перенесение ярмарки по причине, что на Демидовскую и Конюшенную площади, где происходит ярмарка, выходит пять учебных заведений: мужская гимназия, реальное училище, торговая школа, женская гимназия Будкевич и одно приходское училище. Ярмарка же со своим шумом мешала занятиям. Против этого выступил лишь один гласный, указывая, что город лишится части дохода. Вопрос был поставлен на закрытое голосование. Большинство голосов городская Дума постановила перевести Введенскую ярмарку с Демидовской и Конюшенной площадей на базарную площадь по Коряковской улице, а также предусмотреть управе устройство сквера на Демидовской площади [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 11. Л. 267].

12 октября 1912 г. городская Дума рассмотрела жалобу крестьянина Вятской губернии П.П. Овчинникова об отказе ему управой открыть пивную по Конюшенному переулку в доме Довбенко. В своей жалобе он указывал, что Торговому Дому «Братья Ворсины» управа разрешила открыть пивную в доме, который находится даже ближе к женской гимназии Будкевич, чем дом Довбенко. В ответ на эту жалобу городская управа сообщала в Думу, что с 1909 г. разными лицами неоднократно возбуждались ходатайства об открытии в доме Довбенко, на углу Конюшенной площади и Гоголевской улицы, трактирного заведения и пивных лавок. Такие ходатайства всегда оставались без удовлетворения, главным образом по причине близости этого дома к зданию Реального училища Императора Николая II. Так, по постановлению Хозяйственного комитета при Управлении акцизными сборами от 1909 г. №71 было отказано в открытии трактирного заведения с продажей крепких напитков и самому домовладельцу Довбенко. Кроме того, как указывалось в справке управы, дом выходит на Конюшенную площадь, на которой проходят ярмарки и народные гулянья, а по Уставу об акцизных сборах в таких местах запрещено открытие питейных заведений с продажей крепких напитков в целях городского благоустройства. По тем же основаниям Торговому Дому «Братья Ворсины» было отказано в открытии трактирного заведения в доме Довбенко. И хотя в 1912 г. ему разрешили открыть пивную лавку в соседнем с Довбенко доме купца И.Ф. Смирнова, управа выступает с ходатайством о закрытии этой пивной. Городская управа предлагала Думе признать просьбу Овчинникова не заслуживающей уважения. Дума присоединилась к заключению управы и высказалась вообще против разрешения каких-либо трактирных заведений, в том числе и пивных, в районе Демидовской и Конюшенной площадей [ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 11. Л. 283–284].

Чтобы хоть как-то выжить, хозяин дома был вынужден сдавал комнаты в аренду. Это подтверждается заявлением от 31 сентября 1911 г. Ф.Н. Кебеке и его жены Марии в Барнаульское по налогу с недвижки-

мого имущества присутствие о снятии с них налога на имущество по Томской улице в связи с тем, что они проживают с 27 февраля 1911 г. в г. Барнауле на углу Гоголевской улицы и Конюшенного переулка №80, в доме Довбенко [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 11. Л. 90]. Об этом можно было прочитать и в газете «Жизнь Алтая» от 27 февраля 1913 г. (№5480), где опубликовали объявление следующего содержания: «Отдаются три большие комнаты, пригодные для конторы и других предприятий. Гоголевская улица, Конюшенный пер. №80». Возможно, поэтому здание снова поменяло своего владельца. Так, домовладелицей этого дома, по расчетной книге городской управы за 1917–1919 гг., значится Елизавета Фортуловна Горенская [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 149. Л. 192]. Затем дом перешел к Барнаульскому обществу взаимного страхования.

В начале 1920-х гг. дом был национализирован. Причина национализации была указана – вследствие ликвидации общества. В списках национализированных домов за 1920 г. по данному адресу находилось следующее имущество: дом, флигель, амбары, коровники, уборная [ГААК. Ф.Р. 10. Оп. 2. Д. 8. С. 31]. На 15 ноября 1920 г. в здании размещались отделы Алтайского губернского совнархоза, а именно пожарно-страховой отдел (Губпожарстрах), меховой отдел (Губмех), который возглавлял А.А. Черепанов, и полиграфический отдел под руководством А.П. Медведева [ГААК. Ф.Р. 10. Оп. 5. Д. 9. Л. 54, 80, 96]. В 1921 г. в данном здании находился еще и текстильный отдел Губсовнархоза [ГААК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 74. Л. 243]. По сведениям за 1921 г. об учреждениях и организациях, которым городской коммунальный отдел отпускал воду, по адресу: ул. Гоголевская, 80, числится Губснаб. Его отделам в неделю отпускали 20 ведер воды [ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 74. Л. 244]. По нашим данным, один из отделов Губснаба находился в этом здании до середины 1950-х гг. После этого в здании разместился швейный цех надомного труда краевого управления местной промышленности. Впоследствии этот цех был преобразован в Барнаульскую швейную фабрику «Прогресс». В 1995 г. здание было продано ООО «Алвент». В этом году специалисты НПЦ «Наследие» выполнили обмерные чертежи и инженерное обследование здания по состоянию строительных конструкций здания с выдачей рекомендаций. Конструкции здания находились в неудовлетворительном состоянии, так как помещения длительное время не отапливались. Кровля, деревянные перекрытия и стены были частично разрушены, имели место массовые протечки от атмосферных осадков, грибковые отложения и замачивание стен от близкого расположения грунтовых вод при отсутствии горизонтальной гидроизоляции. На основании результатов обследования НПЦ «Наследие» в 1995 г. выполнен проект реставрации здания по пр. Красноармейскому, 10, согласно которому собственник (В.И. Мармыш) в 2001 г. провел реставрацию здания. Гидроизоляция стен была выполнена методом «Электроосмоса». Наружные и внутренние стены усилены стальными и железобетонными поясами в уровнях перекрытий.

По фасадам выполнена светозащита рулонным материалом для исключения роста грибковых образований с облицовкой фасадным керамическим кирпичом. Интерьеры были выполнены с локальным сохранением старой кирпичной кладки, а также с использованием естественных отделочных материалов – бука, ясеня, мрамора, гранита, керамики. После проведенной реставрации первоначальный облик здания изменился.

В 2004 г. специалисты НПЦ «Наследие» в присутствии собственника В.И. Мармыля составили акт технического состояния здания. В результате обследования было выявлено, что здание одноэтажное, из кирпича лицевой кладки, с пятью осями проемов с вальмовой крышей. Первоначальный облик здания был искажен, снаружи стены частично обложены кирпичом, с других сторон обстроены современными пристройками, не соответствующими первоначальному архитектурному облику здания, общее состояние – удовлетворительное. Внешнее декоративное убранство: по углам здания лопатки на момент осмотра были обложены кирпичом, первоначальные интерьеры не сохранились. Стены облицованы и защищены современными отделочными материалами, полы – керамическая плитка, мозаичный бетон. В результате обследования специалисты рекомендовали проводить текущий ремонт один раз в два года.

Объект культурного наследия «Заведение искусственных минеральных и фруктовых вод» конца XIX – начала XX в., расположенный по адресу: г. Барнаул, пр. Красноармейский, 10, является памятником архитектуры регионального значения на основании Постановления Алтайского краевого Законодательного собрания от 28.12.1994 №169.

Библиографический список

- Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. 14. Оп. 1. Д. 74.
- ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 10.
- ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 11.
- ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 24.
- ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 4.
- ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 58.
- ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 11.
- ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 6.
- ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 8.
- ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 149.
- ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 11.
- ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 9.
- ГААК. Ф.Р. 10. Оп. 2. Д. 8.
- ГААК. Ф.Р. 10. Оп. 5. Д. 9.
- ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 74.

РАЗДЕЛ 4. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

В.В. Горбунов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ИСТОРИЯ ПОСТУПЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ С ТЕРРИТОРИИ АЛТАЯ В СОБРАНИЕ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ регионального научного конкурса «Российское могущество прирастает будет Сибирью и Ледовитым океаном» №16-11-220007 «Археологические коллекции Алтайского государственного краеведческого музея»

В фондах Алтайского государственного краеведческого музея (далее – АГКМ) в течение XX в. сформировалась достаточно представительная серия предметов, отражающих развитие культур лесостепного и Горного Алтая в Средние века. В ее состав входят как коллекции, полученные в ходе раскопок погребальных, поселенческих и поминальных памятников археологами-профессионалами, так и случайные находки, переданные в АГКМ частными лицами и организациями.

Наиболее «старыми», относящимися к эпохе средневековья, являются два предмета, поступившие в АГКМ от студента Е. Гречанинова, который в 1912 г. произвел раскопки на горе Иикту, в 15 верстах от с. Кош-Агач. Одно изделие – это бронзовая «ложечковидная» подвеска на пояс «хуннского» типа [АГКМ. ОФ 22/1]. Подвеску можно отнести к раннему этапу булан-кобинской культуры и датировать II в. до н.э. – I в. н.э. Второе изделие – это железный «копьевидный» наконечник стрелы «монгольского» типа [АГКМ. ОФ 22/2]. Его датировка определяется периодом развитого и позднего средневековья, началом Нового времени – XIII–XVIII вв. [Горбунов, 2016, с. 151, 155, 157, рис. 3, 4.-9].

Следует отметить находки предметов, поступивших в АГКМ до 1951 г. без сведений о времени и находчиках. Это железные ножи, бронзовые и железные пряжки, железные наконечники стрел, керамический сосуд из окрестностей с. Фоминского Бийского района [АГКМ. ОФ 35, 36, 37, 38]. Данные вещи относятся к раннему этапу одицовской культуры (2-я половина IV – V в.). Далее это железная сабля с крестовидным перекрестием [АГКМ. ОФ 34] и железный наконечник стрелы с трехгранным пером [АГКМ. ОФ 40], найденные на пашне при устройстве избушки в окрестностях с. Бураново Калманского района. Их можно отнести к изделиям сrostкинской культуры и датировать X–XII вв.

Значительная серия средневековых предметов поступила в фонды АГКМ благодаря археологическим изысканиям, проводившимся на территории Алтайского края А.П. Уманским в 1950–1970-е гг. В первую очередь надо назвать курганный могильник Иня-1 на правом берегу р. Оби у одноименного села, раскопки которого были начаты А.П. Уманским в 1951 г. и продолжены в 1959 г. Здесь было исследовано шесть курганов, содержащих 12 могил с разнообразным инвентарем VIII–IX вв. [Уманский, 1970, с. 69, 72]. Лучшая часть материалов этого памятника (керамические сосуды, железная и бронзовая поясная гарнитура, железные наконечники стрел, ножи, тесла, панцирная пластина, вотивное стремя, браслет, бронзовые перстни, серьги и прочие вещи) была передана в музей [АГКМ. ОФ 11250]. На сегодняшний день могильник Иня-1 является базовым комплексом раннего этапа сrostкинской культуры (2-я половина VIII – 1-я половина IX в.), отражающим процесс ее формирования.

В 1960 г. А.П. Уманским были раскопаны два кургана на памятнике Степной Кучук-1 в Родинском районе [Уманский, 1993, с. 207–210]. Найденные там предметы (косяные накладки лука, железные наконечники стрел, пряжки, удила, нож и др. [АГКМ. ОФ 14796, 16873]) датируются 2-й половиной X – 1-й половиной XI в. и относятся к сrostкинской культуре.

Интересные материалы по сrostкинской культуре были получены А.П. Уманским, возглавлявшим археологическую экспедицию Алтайского краевого музея, в 1962 г. у совхоза «Поспелихинский», сел Нечунаево и Мало-Панюшово [Уманский, Неверов, 1982, с. 176–183]. Эти предметы (бронзовая гарнитура пояса с растительным орнаментом, железные наконечники стрел, ножи, удила, бронзовая серьга, орниморфные пряжки-застежки, бусы и др.) составили отдельную коллекцию [АГКМ. ОФ 11590].

Трудно переоценить сделанное Алексеем Павловичем для изучения начального периода средневековья на Алтае – периода, который он именовал «Великим переселением народов» [Уманский, 1978; 1985]. Прежде всего, стоит назвать доисследованное им в 1959 г., случайно обнаруженное «княжеское» погребение на р. Чарыше, около с. Тугозвонovo. Этот объект по богатству и разнообразию инвентаря, полихромному стилю многих вещей, обычаю кольцевой деформации головы занимает видное место в одном ряду среди элитных захоронений гуннов Восточной Европы и кочевников Средней Азии IV–V вв. [Уманский, 1978, с. 163]. Предметы из этого памятника были переданы в Государственный Эрмитаж, а для экспозиции АГКМ в лаборатории Эрмитажа изготовлены гальванокпии находок [АГКМ. ОФ 12069].

В 1962 г. А.П. Уманский в том же пункте раскопал еще три рядовых могилы этого периода, сопровождавшие захоронение вождя [Уманский, 1985, с. 56–57]. В 1961–1962 гг. на р. Алее им открыты и исследованы

еще несколько погребений «Великого переселения народов» на памятнике Елбан-2 близ с. Нечунаево [Уманский 1985, с. 57–58]. Материалы раскопок – костяные и железный наконечники стрел, костяной крючок-застежка для пояса, костяная пластина на устье колчана – поступили в фонды музея [АГКМ. ОФ 11199].

Не менее интересны и значимы результаты раскопок Алексея Павловича на правом берегу Оби. Здесь в 1963 и 1978 гг. на памятнике Татарские Могилки (р. Чумыш, около с. Степной Чумыш) им исследовано шесть погребений и введена в научный оборот одна могила, разрушенная в 1959 г., датированные IV–V вв. [Уманский, 1985, с. 59–60]. Большая часть материалов этих работ поступила в Бийский краеведческий музей [БКМ. ОФ 4160], но инвентарь могилы 1959 г. (железный котел, меч, наконечники стрел, бронзовые пряжки и др.) пополнил фонды краеведческого музея в Барнауле [АГКМ. ОФ 11203].

В 1961 г. А.П. Уманский проводил раскопки в урочище Раздутье в 5 км ниже по течению р. Оби от с. Дресвянки Каменского района. Здесь в грунтовом могильнике Раздутье-VII исследовано погребение, материалы которого: два железных ножа и берестяные ножи [АГКМ. ОФ 17424] – предположительно относятся к эпохе позднего средневековья и датируются XVI–XVII вв. [Уманский, 1987, с. 98].

В 1962 г. А.П. Уманский, бывший тогда научным сотрудником музея, привез в АГКМ из археологической командировки в Горный Алтай (Онгудайский район) три каменных изваяния, изображающих мужчин-воинов [АГКМ. ОФ 10825/1–3]. Эти скульптуры явно происходят из поминальных комплексов тюркской культуры и могут быть датированы VII–X вв.

А.П. Уманским было сдано в музей также несколько интересных средневековых случайных находок из сборов на местности и у населения. Это железный наконечник стрелы с трехгранно-трехлопастным пером из с. Каюшка Родинского района [АГКМ. ОФ 11330], обрывок железной кольчуги [АГКМ. ОФ 11880], железная сабля, орнаментированная изображениями драконов, из с. Кабаково [АГКМ. Экспозиция]. Наконечник стрелы характерен для сроткинской культуры 2-й половины IX – 1-й половины XI в., а кольчуга и сабля относятся к монгольскому времени – XIII–XIV вв. [Уманский, 1991, рис. 2–3; 1994, с. 85–89; Горбунов, 2006, рис. 59.-1–5].

В 1950–1960-е гг. в АГКМ поступили и другие случайные находки средневековых предметов. Это боевой железный топор с Г-образным клинком, найденный в Краснощековском районе в окрестностях с. Акимовка и переданный в дар музею гражданином Барнаула А.С. Никольским в декабре 1955 г. [АГКМ. ОФ 6123]. Данное изделие относится к развитому средневековью, к комплексу кармацкой культуры, и датируется XIII–XIV вв. [Горбунов, 2006, с. 84–85, рис. 70.-4].

Следующий предмет – железный наконечник копья-рогадины – найден в 1959 г. на склоне Караульной сопки в г. Змеиногорске

краеведом-любителем П.И. Козбаном [АГКМ. ОФ 9397]. Это изделие датируется IX–XII вв. и может быть отнесено к ареалу сrostкинской культуры [Горбунов, 2006, с. 48, 51, рис. 44.-3].

Коллекция редких предметов была передана в АГКМ в декабре 1969 г. агрономом В.В. Петровым из разрушенного памятника у пос. Троицк Калманского района. Она включала железные панцирные пластины (21 экз.), наконечник копья, наконечники стрел (2 экз.); бронзовые гривны (3 экз.), пряжку, серьгу, кольцо, поддон котла, пластины (3 экз.) [АГКМ. ОФ 12793]. Дальнейшие исследования этого памятника, получившего название Троицкий Елбан-I, позволили отнести его к раннему этапу одинцовской культуры и датировать 2-й половиной IV – V в. [Горбунов, 1993; 1995].

В 1960–1970-е гг. археологическое собрание АГКМ пополнилось благодаря работам сотрудника музея Э.М. Медниковой. В 1968 г. ею было начато, а в 1970–1971 гг. продолжено изучение городища Елбанка у одноименного села в Усть-Пристанском районе [АГКМ. ОФ 12693, 12909, 12985]. В этом многослойном памятнике к эпохе средневековья относятся: керамические сосуды, представленные горшками и чашами с орнаментом из треугольно-зубчатого штампа, насечек и ямок, образующих горизонтальные пояса, дуговидные и ромбовидные фестоны; длинная роговая пятиугольная подпружная пряжка с подвижным язычком [АГКМ. ОФ 12985/460]; крупный железный нож с прямыми плечиками [АГКМ. ОФ 12693/7]; железный наконечник остроги со втульчатым насадом и выступающим шипом [АГКМ. ОФ 12909/32]; железная панцирная пластина [АГКМ. ОФ 12909/82]; железный наконечник стрелы с трехгранным пером [АГКМ. ОФ 12985/495]. Данный комплекс оставлен на позднем этапе сrostкинской культуры и датируется 2-й половиной XI – XII в.

В 1970 г. экспедицией музея под руководством Э.М. Медниковой у поселка Лесная Дача Первомайского района были найдены железная сабля и втулка копья [АГКМ. ОФ 12908]. Эти предметы относятся к сrostкинской культуре и датируются X–XI вв.

Самая значительная серия средневековых предметов пополнила фонды АГКМ благодаря археологическим экспедициям, проводившимся в Алтайском крае под руководством Владислава Александровича Могильникова в 1970–1980-е гг. На 1971 г. приходится начало многолетних аварийных исследований в зоне строительства Гилевского водохранилища на Верхнем Алее, где В.А. Могильников раскопал 39 курганов в составе пяти групп – Гилево-I–V [Могильников, 2002, с. 8–18]. В этом же году были начаты раскопки курганной группы Гилево-VII [Могильников, 2002, с. 20–25]. Большая часть этих материалов – предметы вооружения, снаряжения верхового коня, костюма, быта и орудия труда из железа, цветных металлов, кости, керамики, стекла и камня – была сдана в музей [АГКМ. ОФ 13094, 13103, 13104, 13164, 13179, 13265 – Гилево-II; 13095, 13098, 13099, 13163, 13172, 13617 – Гилево-I; 13100, 13171,

13265 – Гилево-V; 13101, 13168, 13181, 13265, 13464, 13616, 14557, 14569 – Гилево-VII; 13102, 13166, 13185, 13467 – Гилево-IV; 13105, 13165, 13170, 13175, 13180 – Гилево-III].

В 1972 г. В.А. Могильников продолжил исследования в районе строительства Алейской оросительной системы. У сел Гилево и Корболиха он исследовал шесть курганных групп эпохи раннего средневековья – Гилево-XI–XIII, Корболиха-II–IV [Могильников, 2002, с. 29–40, 46–50]. В этом же году были начаты раскопки курганных групп Гилево-VIII–IX [Могильников, 2002, с. 25–29]. Значительная часть этих материалов также поступила в музей [АГКМ. ОФ 13167, 13174 – Гилево-VIII; 13169, 13265, 13477, 13733 – Гилево-IX; 13173, 13265, 14556 – Гилево-XIII; 13265 – Гилево-XI; 13265, 14558, 14559 – Гилево-XII; 13465 – Корболиха-III]. В целом они аналогичны предыдущим находкам, но помимо этого в могилах группы Гилево-XII оказались две уникальные бронзовые бляхи-подвески, изображающие воинов. Одна из блях представляет конного лучника в шлеме, с закинутым за спину щитом [АГКМ. ОФ 14559/1], а другая бляха воспроизводит мужскую личину в шлеме [АГКМ. ОФ 14559/95].

В 1973–1974 гг. В.А. Могильников производил раскопки курганных групп Гилево-VI, XV, Корболиха-V, VII [Могильников, 2002, с. 18–20, 42–44, 50–53]. В фондах музея имеется несколько коллекций с вещами из данных памятников [АГКМ. ОФ 13265, 13463, 13468, 13469 – Гилево-VI; 13265 – Гилево-XV; 13266 – Корболиха-V; 13266, 14562 – Корболиха-VII].

В 1975–1976 гг. В.А. Могильников в зоне Гилевского водохранилища исследовал курганные группы Гилево-XVI, Корболиха-VI, VIII, X, Павловка-I–II и грунтовый могильник Гилево-II [Могильников, 2002, с. 44–46, 51–66]. В фондах музея есть несколько коллекций с вещами из этих памятников [АГКМ. ОФ 13476 – Корболиха-VIII; 13478 – Павловка-I; 13478, 13733 – Павловка-II; 13615 – Корболиха-X; 13732 – Гилево-II; 14558 – Гилево-XVI; 14558 – Корболиха-VI].

В целом основные коллекции вещей, полученные В.А. Могильниковым из вышеперечисленных памятников, относятся к сросткинской культуре и датируются 2-й половиной IX – 1-й половиной XI в. н.э. Самым поздним сросткинским памятником этой серии является грунтовый могильник Гилево-II, который датируется 2-й половиной XI – XII в. Небольшая часть материалов относится к кыргызской культуре и датируется 2-й половиной IX – 1-й половиной X в.

В 1975 г. В.А. Могильников раскопал курган на могильнике Кармацкий в Первомайском районе. Найденные там вещи – колчан со стрелами, бронзовый поясной набор, кольца и др. [АГКМ. ОФ 15367] – относятся к кармацкой культуре и датируются XIII–XIV вв. [Тишкин, 2009, с. 80].

В 1980–1981 гг. В.А. Могильниковым [1990; 1992] были предприняты раскопки могильника Кара-Коба-I в Онгудайском районе. Эти материалы – удила и псалии, стремена, цурки, пряжки, накладки

на лук и луку седла, серьги и др. – также поступили в музей [АГКМ. ОФ 14567]. Они относятся к тюркской культуре и датируются 2-й половиной V – 1-й половиной VIII в.

В 1982–1983 гг. В.А. Могильниковым [1999] в Бурлинском районе были раскопаны курганные группы Хорошонок-I–II, Заозерная, Устьянка-I–II, Кирилловка-I–II. В них найдены предметы вооружения, снаряжения верхового коня, костюма, быта и орудия труда из железа, цветных металлов, кости, керамики, стекла и камня. Часть этих материалов поступила в музей [АГКМ. ОФ 14774, 15134 – Хорошонок-II; 14775, 15315 – Заозерная; 15367 – Устьянка-I, Кирилловка-I]. Эти памятники относятся к культуре кыпчаков и датируются 2-й половиной IX – 1-й половиной XI в.

В 1985 г. В.А. Могильниковым [1996] в Бурлинском районе раскопана курганная группа Кирилловка-V. Вещи из этого памятника – бронзовое зеркало, бляхи и подвеска – поступили в музей [АГКМ. ОФ 15367/34–40]. Сам памятник входит в ареал сросткинской культуры и датируется 2-й половиной IX – 1-й половиной X в.

В 1980–1990-е гг. фонды АГКМ пополнились средневековыми коллекциями благодаря деятельности археологов Алтайского государственного университета.

Серия находок была сдана в музей В.Б. Бородаевым, который произвел в 1981 г. раскопки на могильнике Усть-Алейка-V у с. Усть-Алейка в Калманском районе [АГКМ. ОФ 14483] и на могильнике Ближние Елбаны-VI у с. Чаузово в Топчихинском районе [АГКМ. ОФ 14484]. Найденные предметы (диадема, перстень, гребень, серьги, сумочка-кошель, пряжки, наконечники стрел, удила, подпружные пряжки, стремена и др.) относятся к кармацкой культуре монгольского времени и датируются XIII–XIV вв. [Тишкин, 2009, с. 62–72, 130–135].

Материалы раскопок 1990 г. на могильнике Белый Камень в Рубцовском районе были сданы в музей А.А. Тишкиным [1993]. В коллекции имеются бронзовые бляхи, пряжки, тренчики и наконечники от уздечной и поясной гарнитуры, железные стремена и удила с псалиями, ножи, наконечники стрел и др. [АГКМ. ОФ 15619]. Памятник относится к сросткинской культуре и датируется 2-й половиной IX – 1-й половиной X в.

Сборы с поселения Троицк-1 в Калманском районе 1986–1987 и 1992 гг. были сданы в музей В.Б. Бородаевым и В.В. Горбуновым [1993]. Они представлены фрагментами керамических сосудов [АГКМ. ОФ 16119], характерных для кулайской культуры. Сам памятник можно датировать концом I – II в.

В 1991 г. сотрудником АГКМ Я.В. Егоровым было доисследовано разрушенное погребение на р. Ераска в Калманском районе [Егоров, 1993]. В результате получена интересная коллекция предметов: меч, наконечники стрел, накладки лука, оковки щита, ножи, удила с псалиями,

пряжки, наконечники и бляхи [АГКМ. ОФ 15625, НВФ 6163], которые относятся к раннему этапу одинцовской культуры и датируются 2-й половиной IV – V в.

Из числа случайных находок, поступивших в АГКМ в 1980–1990-е гг., следует отметить небольшую серию предметов из разрушенного кургана у с. Пospelити – это роговые накладки на лук и бронзовая гривна [АГКМ. ОФ 14797/8–14; Тишкин, Григоров, 1995, с. 201, рис. 1], которые датируются ранним этапом одинцовской культуры – 2-я половина IV – V в.

В 1983 г. И. Мочалин около с. Чемал нашел железный наконечник стрелы с однолопастным пером [АГКМ. ОФ 15143/1]. Предмет относится к развитому или позднему средневековью и может быть датирован XIII–XVII вв.

В 1984 г. А.Е. Павловичем на дюнах берега озера Костраково в 5 км к юго-западу от с. Киприно обнаружен железный наконечник стрелы с трехлопастным пером [АГКМ. ОФ 14798/132]. Изделие можно отнести к комплексу сrostкинской культуры и датировать IX–XII вв.

В 1997 г. музеем через С.М. Кобзева был приобретен железный шлем [АГКМ. ОФ 17056], найденный во второй половине 1980-х гг. в среднем течении р. Мульты, притока верховьев р. Катуня. Данное изделие относится к монгольскому времени и датируется XIII – 1-й половиной XIV в. [Горбунов, 2003, с. 68, 74, рис. 47].

2000-е гг. отличаются поступлением в АГКМ средневековых предметов только случайного происхождения. Это железное стремя и бронзовая обкладка на деревянной основе, найденные местными жителями в кургане у с. Сычевки Смоленского района и переданные в музей в 2006 г. А.А. Козловым [АГКМ. ОФ 18246; Абдулганеев, Фролов, 2006, с. 150, рис. 1.-2–3]. Изделия можно отнести к сrostкинской культуре и датировать 2-й половиной IX – 1-й половиной XI в. Еще это железный полуторалезвийный меч из Красногорского района, переданный в дар музею С.М. Кобзевым в 2005 г. [АГКМ. ОФ 18247; Абдулганеев, Фролов, 2006, с. 150, рис. 1.-1]. По ареалу обнаружения его также можно отнести к сrostкинской культуре, а по особенностям перекрестия датировать X–XI вв.

Таким образом, за почти 100-летний период в археологическом собрании АГКМ сформировалась представительная серия коллекций, освещающих средневековую историю населения лесостепного и Горного Алтая. Большая их часть происходит с территории лесостепного Алтая, а коллекции с территории Горного Алтая малочисленны. Достаточно информативны материалы по началу средневековья, относящиеся к раннему этапу одинцовской культуры. Наиболее полно представлены материалы раннего – начала развитого средневековья, относящиеся к сrostкинской культуре. Единичны материалы тюркской и кыргызской культур. Материалы развитого средневековья также весьма информативны и в подавляющем большинстве относятся к кармацкой культуре. Позднее средневековье в собрании АГКМ представлено фрагментарно.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т., Фролов Я.В. Случайные находки эпохи раннего средневековья из северных предгорий Алтая // Сохранение и изучения культурного наследия Алтайского края. Вып. XV. Барнаул, 2006. С. 150–153.

Бородаев В.Б., Горбунов В.В. Троицк-1 – новое поселение кулайской культуры на левобережье Барнаульского Приобья // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. II. Барнаул, 1993. С. 183–189.

Горбунов В.В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-I // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 80–90.

Горбунов В.В. Грунтовый могильник Троицкий Елбан-I (новые материалы) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V, ч. II. Барнаул, 1995. С. 148–152.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003. 174 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.

Горбунов В.В. Монгольские «копьевидные» наконечники стрел из собрания Алтайского государственного краеведческого музея // Теория и практика археологических исследований. 2016. №3 (15). С. 150–159.

Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи Великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 77–80.

Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 137–185.

Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 175–212.

Могильников В.А. Находка китайского зеркала в Кулундинской степи // Сохранение и изучения культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 158–162.

Могильников В.А. Курганы с сырцовыми выкладками на юге Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 2. Тюмень, 1999. С. 64–68.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002. 362 с.

Тишкин А.А. Курганный могильник Белый Камень – новый памятник эпохи средневековья северо-западных предгорий Алтая // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 232–247.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул, 2009. 208 с.

Тишкин А.А., Григоров Е.В. Обследование археологических памятников в Поспелихинском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V, ч. 2. Барнаул, 1995. С. 199–203.

Уманский А.П. Археологические памятники у села Иня // Известия Алтайского отдела географического общества Союза ССР. Вып. 11. Барнаул, 1970. С. 45–74.

Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 136–149.

Уманский А.П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129–163.

Уманский А.П. Памятники эпохи «Великого переселения народов» на Алтае // Урало-Алтайстика. Археология, этнография, язык. Новосибирск, 1985. С. 55–63.

Уманский А.П. Археологические памятники урочища Раздумье // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 81–99.

Уманский А.П. Три находки кыргызского времени в Алтайском крае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 128–137.

Уманский А.П. Курганы железного века в Родинском районе // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 202–219.

Уманский А.П. Еще раз о кабаковской сабле-палаше // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 85–89.

Уманский А.П., Неверов С.В. Находки из погребений IX–X вв. в долине реки Алея на Алтае // Советская археология. 1982. №2. С. 176–182.

А.В. Кротов¹, В.А. Мелехин², К.П. Рехтина¹

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*

²*Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, Барнаул, Россия*

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ В ВОПРОСЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Историческое значение библиографической информации, накопленной на протяжении столетий развития печатной продукции, нельзя недооценивать, занимаясь историко-сравнительным и иным анализом современных социально-исторических процессов, ориентированным на изучение прошлого опыта человечества.

Историческая библиография, по мнению Л.Н. Простоволосовой, «это вспомогательная историческая дисциплина, формирующая и изучающая комплекс справочных и информационных пособий по социальным и гуманитарным наукам, который сложился в процессе выявления, учета, описания и систематизации публикаций источников, исследовательской литературы, а также различных библиографических пособий» [Простоволосова, Черемисина, 1990].

В предметную область исторической библиографии, осуществляющей научную информационную функцию, входит констатация того, что эта научная отрасль является вспомогательной исторической дисциплиной, которая разрабатывает приемы и методы поиска, библиографического описания, целевого отбора, научной систематизации источников и литературы с передачей полученных данных исследователю [Парфенов, 1990].

Несмотря на то, что мировое сообщество в целом и научный исследователь в частности погружены в информационные процессы, происходящие в научном мире, библиографическая информация по-прежнему остается актуальной. Особенно это касается достаточно узкого вопроса научного содержания. Библиографы приняли активное участие в разработке проблем информационного анализа, в создании информационно-поисковых систем, которые представляют собой совокупность средств хранения, поиска и выдачи по запросу необходимой информации. Хотя необходимо отметить, что в современное время происходит гиперускорение всех процессов, связанных с информацией. Следовательно, информация очень быстро удваивается, а это автоматически ведет к запросу на развитие технологий, ускоряющих процессы обработки информации, что, в свою очередь, ведет к развитию новых современных информационно-коммуникационных технологий. Таким образом идет дигитализация всей научно-исследовательской работы с математизацией научного аппарата.

Однако речь не идет о полном поглощении библиографического знания средствами научно-информационного поиска (интернет, современные информационно-коммуникационные технологии и т.д.).

Предметная область нашей статьи хорошо просматривается на рисунке 1, где показаны области пересечения или совпадения интересов таких областей знания, как историческая библиография, культурное наследие, информационно-коммуникационные технологии и способы сохранения, изучения и популяризации культурного наследия.

Рис. 1. Соотнесение областей знания и выявление общего предмета

Нельзя не упомянуть о том, что изучение культурного наследия происходит в разных научных направлениях поиска. Так, нельзя не согласиться с М.А. Поляковой [2005], утверждающей, что «характерной особенностью большинства современных исследований о памятниках (имеется в виду культурного наследия) является междисциплинар-

ность». И далее автор отмечает, что «именно междисциплинарный характер изучения памятников создал возможности для системного подхода к определению понятия „наследие“».

Специфика исторической библиографии состоит в том, что она является частью научно-исследовательского процесса, порождена развитием самой науки и отражает деятельностную компоненту науки. Историческая наука определяет проблематику, содержание и структуру исторической библиографии [Бернгардт, 2001]. В то же время историческая библиография оказывает влияние на развитие исторической науки, включая ряд функций:

- поисковая: определение приемов и методов «растекания» источников и литературы по теме исследования;
- оценочная: отбор из значительного количества разнообразной и доступной информации, значительной в научном отношении и соответствующей тематическому запросу;
- систематизирующая: приведение выявленной и отобранной литературы в определенную систему, соответствующую структуре научного поиска;
- коммуникативная: сообщение историку систематизированной информации в виде различных пособий.

Историческая библиография развивается в поле взаимодействия с двумя специальными дисциплинами – источниковедением и историографией, которые напрямую взаимодействуют с культурным наследием человечества как в широком, так и в узком смысле понимания. На рисунке 2 как раз и показано, насколько широко историческая библиография охватывает процессы работы с информацией.

Рис. 2. Место исторической библиографии в работе со значимой информацией

Историко-библиографическое наследие, позволим себе такое определение, своей составной частью включено в культурное наследие человечества, поскольку именно с изобретения письменности, становления книгопечатания и, как результата этого, с возникновения библиографической информации, предметом которой были списки различных рукописей, можно говорить о культуре в широком смысловом значении.

Историко-библиографическое наследие, используемое историками-исследователями, реализует главное целеполагание исторического знания – объяснить прошлым настоящее, помогать заглядывать в будущее, когда главной задачей, входящей в историческое образование, входит воспитание историей, формирование в сознании гуманистических принципов в целом и патриотических в частности.

Изучение исторических источников должно научить исследователя, наряду с анализом исторических источников, обращать внимание на роль в истории живых людей. За историческими фактами и битвами, классовой и национально-этнической (освободительной) борьбой, дворцовыми и иными переворотами и революциями, дворцовыми интригами, памятниками культуры [Голосенко, 1995], конечно же, необходимо видеть прежде всего «живых людей»: царей и священников, крестьян и полководцев, святых и ремесленников – всех тех, кто творит историю.

История как событийная система, в которую включены все социальные слои общества и которая зависит не столько от нас, сколько мы от нее, становится понятной лишь через конкретику отдельной человеческой судьбы и судеб, складывающих историю.

Историческая библиографическая информация в состоянии стремиться к исправлению того, чтобы у отечественной истории отсутствовало человеческое лицо, стереотипизированное под определенный плакатный образ, зачастую сильно политизированный [Бушуев, Миронов, 1991]. Характерным примером такого рода является исторический облик Ивана Грозного, «кубивающего своего сына», что оказалось в результате новейших историко-генетических и иных исследований ложью, связанной с дискредитацией и русского царя, и становящегося русского государства в результате, как сейчас бы сказали, «заговора спецслужб».

Для того чтобы культурное наследие несло в себе объективное начало, следует развивать и сохранять библиографическое знание, которое в известной мере стоит на принципах, предупреждающих исторические искажения и деформации.

Библиографический список

Бернгардт Т.В. Историческая библиография в структуре провинциальной исторической науки 1920-х гг. (по материалам Сибири). Омск, 2001. С. 60–66.

Бушуев С.В., Миронов Г.Е. История Государства Российского: Историко-библиогр. очерки. Книга первая. 9–16 вв. М., 1991. 544 с.

Голосенко И.А. Социологическая литература России второй половины 19 – начала 20 в. М., 1995. 224 с.

Парфенов И.Д. Основы исторической библиографии : учеб. пособие. М., 1990. 111 с.

Полякова М.А. Охрана культурного наследия России : учеб. пособие для вузов. М., 2005. 271 с.

Простоволосова Л.Н., Черемисина Н.М. Историческая библиография: история и современное состояние : учебное пособие. М., 1990. 81 с.

В.А. Мелехин¹, А.В. Кротов², Н.С. Мамешина²

¹Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, Барнаул, Россия;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КУЛЬТУРВИТАЛИСТСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ЭЛЕМЕНТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Физическая культура, по мнению большинства теоретиков и практиков [Выдрин, 1979; Быховская, 1996; Визитей, 2008; и др.], как из области физической культуры, так и из сферы философско-культурологического знания, является элементом культуры в широком его значении, и данные исследователи это доказательно определили. По нашему мнению, физическая культура, будучи элементом культуры, одновременно является и единицей культурного наследия человечества, начиная по меньшей мере с возникновения древнегреческих Олимпийских игр.

Мы присоединяемся к трактовке категории «культурное наследие», понимаемой как «сумма всех культурных достижений данного общества, его исторический опыт, сохраняющийся в арсенале общественной памяти, включая и подвергшееся переоценке прошлое. Такое наследие обладает для общества вневременной ценностью, так как к нему относятся различной давности достижения, которые сохраняют способность перехода к новым поколениям в новые эпохи» [Ерасов, 1997, с. 294].

В общественном мнении понятия «физическая культура» и «спорт» зачастую отождествляются и не разделяются – не будем этого делать и мы.

Учитывая рамки и предметность статьи, будем исходить из того, что «спорт» как общественный феномен является подсистемным образованием социокультурной системы, включающей, соответственно, и физкультурную деятельность, и спорт как элементы культуры в широком значении.

Физическая культура и спорт, будучи исторически связанными с физическим воспитанием, являются составной частью культурного наследия, которую, по нашему мнению, логично трактовать с позиции культурвитализма, выступающего как «основа методологии и технологий, методов реализации исследований жизненного потенциала, дее-

способности социальных групп современного российского общества и предполагает использование виталистской социологии» [Григорьев, Визер, Даровских, Торопчин, 2016, с. 10].

Было бы правильно при этом продолжить дополнительно данную цитату тем, что основной исследовательский метод виталистской социологии, как современной социологической парадигмы, предполагает «использование принципа интегративной взаимозависимости социокультурного жизненного пространства и жизненных сил, потенциала каждого из субъектов социальной жизни. При этом учитывается особая, базовая значимость основополагающих социальных отношений этих субъектов как их взаимозависимости по поводу ресурсов жизнеобеспечения, пространства социокультурного развития, культуры жизнедеятельности людей во всех основных сферах общественной жизни, взаимодействия природного и социокультурного» [Григорьев, Визер, Даровских, Торопчин, 2016, с. 10].

Физкультурно-спортивная деятельность, проявляющая себя в разных формах, от физкультурного оздоровления до профессионального спорта, несет в себя одухотворяющее (в разной мере) начало культурного наследия в вышеуказанной трактовке.

Древние греки, в определенный момент осознав в процессе беспрерывных войн, что следует хотя бы на время переставать истреблять друг друга, придумали Олимпийские игры, которые в своей сути несли состязательно-миротворческое начало. Эту идею актуализировал Пьер де Кубертен – организатор современного Олимпийского движения.

Последующее развитие физкультурно-спортивного движения, характеристика которого не входит в нашу задачу, показало, что физическую культуру следует рассматривать как «единство физической и духовной сторон человека, взаимосвязи его как соматопсихического (телесного), так и социокультурного (духовного) компонентов, при приоритете последнего (компоненты: потребностно-мотивационный, ценностно-ориентационный, информационно-познавательный, телесно-двигательный, проектно-деятельный» [Николаев, 2012, с. 96].

Физическую культуру как категорию культурного наследия следует рассматривать в контексте культуровиталистского анализа взаимозависимости в том смысле, что «духовная культура (о физической культуре будет сказано ниже) населения формируется и реализуется по преимуществу на основе художественно-эстетической и религиозной его деятельности в контексте взаимозависимости людей по поводу духовных ценностей, эволюции культуры духовной жизни человека. Здесь взаимозависимость людей по поводу формирования и применения духовных ценностей является основополагающей» [Николаев, 2012, с. 12]. Однако в силу специфики и особой роли в общественной жизни физической культуры ее роль в ценностном ряду человечества следует считать недопонятой, что требует уточнения.

Культурвиталистское осмысление вопросов физкультурно-спортивной деятельности направлено на «работу» с духом человека, его внутренним миром, формированием его культуросообразного теоретического сознания и мышления. Именно это сочетание определяет сознательное отношение личности к преобразованию своей телесно-двигательной сферы, активизации индивида к более интенсивному освоению им многообразных ценностей физической культуры и спорта.

Существующая (хотя и критикуемая в России) система занятий физической культурой и спортом в основном позволяет населению в значительной мере улучшать и поддерживать здоровье, вести здоровый образ жизни, способствовать заметному снижению асоциального поведения, эффективно поддерживать работоспособность и уменьшать количество пропущенных по болезни рабочих дней, способствовать проявлению социальной активности людей. Положительное воздействие на человека улучшается с повышением объема занятий спортивно-оздоровительной деятельностью. Значительные результаты достигаются при систематических занятиях (3 раза или 3 часа в неделю), но наилучшие успехи наблюдаются при активных занятиях физической культурой и спортом в объеме не менее 3 раз и не менее 6 часов в неделю [Виноградов, 2012, с. 22].

Личность и физкультурно-спортивная деятельность должны и обязаны «попадать» соответствующую взаимозависимость, повышая жизненный потенциал как общества в целом, так и жизненные силы каждого отдельного человека.

Культурвиталистское осмысление физической культуры с позиции культурного наследия заключается в том, что социогенетически мирное противоборство и состязательные игры оформились и возникли в недрах родо-племенного сообщества как эффективное средство разрешения внутренних межиндивидуальных и групповых конфликтов. Позже, с появлением процесса группировки, выработки соответствующих правил, они трансформировались в деятельность, названную спортивной. Народный (массовый) спорт стал основой физического воспитания в форме педагогического процесса, направленного на социализацию личности (труд, служба, защита Отечества, искусство и др.).

Культурное наследие спорта как социального института состоит в том, что он является специфической человеческой деятельностью, направленной на подготовку и проверку (в соревнованиях) ряда психофизических и интеллектуальных возможностей индивидов и команд в противоборстве (прямом или опосредованном) с соперниками с использованием (и без) технических средств и животных.

Ведущими социальными функциями, встраивающимися в культурвиталистское осмысление культурного наследия, являются мировоззренческая, воспитательная и зрелищная. Для их успешной реализации исторически сложились три темы спорта: народный, коммерческий

и олимпийский. Прогрессивное развитие каждого из них возможно при раздельной организации и управлении на основе норм и принципов, соответствующих их историческому предназначению и преемственности.

Области, где, по нашему мнению, необходимо сохранение достигнутого в области физической культуры и спорта, имеющего непосредственное отношение к культурному наследию, схематично показаны на рисунке.

Сохранение культурного наследия элементов физической культуры и спорта

Теоретико-прикладные аспекты историко-социологического понимания вопросов культурного наследия в отношении категории «физическая культура и спорт», предложенные нами, носят проективный и эскизный характер, который требует дальнейшей разработки с одновременными выявлениями научной значимости культуровитализма, с позиции которого есть смысл рассматривать практически любой спектр вопросов культурного наследия.

Библиографический список

Быховская Н.М. Физическая культура как практическая аксиология человеческого тела: методологические основания анализа проблемы // Физическая культура: воспитание, образование, трюковка. 1996. №2. С. 19–27.

Визитей Н.Н. Физическая культура и здоровье спортсмена (философско-антропологический аспект проблемы) // Теория и практика физической культуры и спорта. 2008. №2. С. 3–8.

Виноградов П.А. О влиянии физической культуры и спорта на развитие человеческого потенциала // Теория и практика физической культуры и спорта. 2012. №7. С. 17–22.

Выдрин В.М. Советская физическая культура как феномен культурной революции в СССР : дис. ... д-ра пед. наук. Л., 1979. С. 13–15.

Григорьев С.И., Визер В.Г., Даровских О.В., Торопчин М.В. Жизненный потенциал и роль современного российского казачества: экспертная оценка 2014–2015 г. М., 2016. С. 80.

Ерасов Б.С., Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. Издание третье, доп. и перераб. М., 2000. С. 591.

Николаев Ю.М. От теории физического воспитания – к теории физической культуры в контексте воспитания нового типа мышления // Теория и практика физической культуры. 2012. №10. С. 94–100.

Н.А. Тадина¹, Т.С. Ябыштаев²

¹Горно-Алтайский государственный университет,

²Институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, Горно-Алтайск, Россия

О МУЗЕЕ ЗАЙСАНА РОДА МАЙМАН

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №17-11-04004а(р)
«Пути возрожденного зайсаната в свете потестарной имагологии»)

В Республике Алтай известен музей «Алтайский культурный центр «Орныгу» (Возрождение)», созданный в с. Чемале в конце 1990-х гг. зайсаном сёока майман Александром Киндышевичем Бардиным (1932–2008). Открытие культурного центра алтайцев во дворе дома переселенца из Онгудайского района было событием в крупном русскоязычном поселке с населением 5 тыс. чел. Специально для музея построили алтайские жилища, называемые айил (юрта), что было непривычно для сельчан. Насколько помнят наши информаторы, в селе не стояли юрты, которые до последнего времени воспринимались как знак старой, отсталой жизни [Тадина, 2007]. Однако именно эта экзотика – алтайские юрты с расположенным в них музеем – привлекла отечественных и иностранных туристов в с. Чемал, многие жители которого стали жить за счет туризма – предлагать продукты питания (молоко, картошку, пирожки), а также домики для проживания, бани, катамараны для сплава и лошадей для поездки. Постепенно свыклись с тем, что в с. Чемале, где большинство населения – русские, работает культурный центр алтайцев, да к тому же созданный ага-зайсаном – старшим зайсаном.

Благодаря идеям энтузиаста А.К. Бардина произошел сдвиг во взаимоотношениях русских и алтайцев в отдельно взятом селе, наблюдалась эволюция национальных чувств алтайцев с. Чемал и всего Чемальского района. Первоначально музей «Алтайский культурный центр» показался ненужным и вызывал стыдливость у местных алтайцев, что можно считать вполне закономерным, когда складывается стереотип второсортности в условиях проживания в иноэтнической среде. После того как русское большинство села стало положительно отзываться о работе А.К. Бардина, у чемальских алтайцев появилось чувство гордости за то, что «алтайская культура оказалась привлекательной даже для иностранцев». В результате местные жители сами потянулись

в культурный центр посмотреть, что там привлекательного. Стали проявляться национальные чувства: стало «модным» общаться на родном языке; свободное владение детьми алтайским языком становится предметом гордости; начали шить или приобретать национальную одежду для посещения алтайских праздников, которые стали проводить в Чемальском районе. К примеру, в 2000 г. был организован праздник сёока мундус на родовой территории, в 2002 г. состоялся региональный праздник Эл Ойын.

Музей «Алтайский культурный центр» в с. Чемале стал Меккой для туристов. Он представляет этнографический комплекс, включающий четыре юрты. Сначала музей вмещался в бревенчатую юрту, построенную по чертежам художника Г.И. Чорос-Гуркина, и представлял небольшой сельский музей. Вторая юрта посвящена зайсанам – главам родов (сёоков), а также истории вхождения алтайцев в состав Российской империи в середине XVIII в. по решению 12 зайсанов. Третья названа юртой «единства религий и культур» и представляет экспонаты православия, буддизма, ислама и бурханизма. Четвертая юрта – почивальня построена как современный айил алтайцев и предназначена для приема гостей.

В музее А.К. Бардина хранятся старинные вещи: алтайская национальная одежда, головные уборы, обувь, предметы быта, такие как очаг, кресало, кровать, сундуки, посуда, аппарат для приготовления молочного опьяняющего напитка «*аракы*». Здесь же есть музыкальные инструменты: струнные «*икили*», щипковые «*топшуур*», варган «*комус*». Представлены экспонаты внутреннего убранства юрты, демонстрирующие быт и особенности культуры. Можно увидеть копии картин Г.И. Чорос-Гуркина, книги, альбомы его этнографических рисунков начала прошлого века. В этом музее побывали представители религиозных конфессий, которые оставили символы своей веры, например коран, библию, сутры.

Музей «Алтайский культурный центр «Орныгу» (Возрождение)» предназначен быть одним из центров возрождения этнической культуры и духовных ценностей алтайцев и рядом живущих народов. Эту цель продолжают претворять в жизнь жена А.К. Бардина – Таисия Петровна и его дочери. Об этом свидетельствуют витрины с подарками, оставленными не только отечественными посетителями, но и зарубежными – из Японии, Кореи, Канады, Китая, Финляндии, США, Германии, Испании, Англии, Франции.

Опыт деятельности музея «Алтайский культурный центр» в с. Чемале обнаруживает реальные возможности установления диалога между живущими по соседству народами, как это видно на примере адаптации русского большинства к культуре этнического меньшинства Чемальского района. Основными задачами культурного центра алтайцев являются:

1) развитие этнической, языковой и культурной самобытности алтайского народа;

- 2) изучение истории, традиций, духовной культуры алтайцев;
- 3) вовлечение молодежи в активную познавательную деятельность и оказание помощи в организации досуга;
- 4) преподавание молодежи основ экологической культуры;
- 5) укрепление дружбы и культурных связей между народами [В Чемальском..., элект. рес.].

Музей А.К. Бардина называют в народе «музеем зайсана». Его создатель из сёока – рода майман, подразделения «кара майман». Родился и вырос в Онгудайском районе, работал в колхозах и совхозах, поднимая сельское хозяйство, чем и приобрел авторитет организатора. В 1990 г. на родовом собрании майманов в долине р. Каракол, в местечке Текпенек, между селами Боочы и Кулады Онгудайского района, был избран родовым главой – зайсаном. В 1994 г. избран ага-зайсаном (старшим зайсаном) алтайского народа. С 1999 г. посвятил себя собиранию и популяризации истории и этнографии алтайцев, переехав с семьей в с. Чемал. Символичным является то, что зайсан майманов поселился в Чемальском районе, где проживают представители сёока – рода майман. Среди них был и Павел Васильевич Кучиак, первый драматург, зачинатель алтайской советской литературы, чье имя носит Национальный драматический театр Республики Алтай в г. Горно-Алтайске.

У сёока майман нет родственных сёоков, и этот факт объясняется тем, что майманы являются пришлыми. По преданиям о сёоке майман известно, что он появился на Алтае около трех столетий назад со стороны р. Иртыша [Соколов, 1900, с. 354]. В Горном Алтае этот сёок расселился в трех направлениях – по р. Кан-Кайракан (Усть-Канский район), верховью рек Короты и Каракол (Онгудайский район) и рек Чемал и Куюс (Чемальский район) [Екеев, 2005, с. 126], затем по рекам Каспа, Апшуюкту (Шебалинский район) и Кудурлу (Усть-Коксинский район). До сих пор на названных территориях проживают майманы, состоящие из двух экзогамных подразделений: *кара майман*, ведущий свое происхождение от пяти сыновей предка Солтона, и *көгөл майман* – разбросанный и малочисленный [Кыдыева, 2008, с. 26–27]. Көгөл (синие) майманы считаются «младшими» братьями кара (черных) майманов. Версия внутреннего деления сёока майман изложена в преданиях: старший брат Кара Майман изготовлял доспехи, фитильные ружья, бесшумный порох, а младший Көгөл Майман сжигал уголь [Екеев, 2005, с. 126; Ямаева, Шинжин, 1994, с. 174].

Майманы вели ратную жизнь: «они первые стали воевать с монголами, за что их „монгол“ и сейчас не любит» [Дыренкова, 1926, с. 249]. Воспето верховье р. Чемала, укрывавшее майманов. Их суровость как родовая черта запечатлена в фольклорных текстах, например в родовых присказках [Тадина, 2013, с. 49–50]. Так, история о казни зятя майманов родом из тубаларов, по одним сведениям, за отказ идти воевать [Екеев 2005, с. 126], по другим – за умыкание невесты из сёока майман [Ямаева,

ва, Шинжин, 1994, с. 174], объясняет тот факт, что одно из мест в память об этом случае названо «Күйүс» (Куюс) – дословно означает «наш зять». Чемальский район, где в основном живут обрусевшие алтайцы, остается в родовом сознании одним из регионов расселения сёока – рода майман.

В музее зайсана многое посвящено сёоку майман как одному из многочисленных, наряду с сёоками иркит, кылчак, тёлёс, тодош. Представлены родовые атрибуты майманов: родословная пяти сыновей предка Солтона, генеалогия семьи А.К. Бардиных от предка Боор, жившего в долине р. Каракола, перечислены природные хранители, тамга и плетка – символ власти зайсана. На знамени майманов голова родового животного – собаки изображена на трехцветном фоне: красный цвет – символ огня, желтый – символ солнца, синий – символ неба (рис. 1).

Рис. 1. Родовое знамя сёока майман. Фото Т.С. Ябыштаева

Каждый сёок алтайцев имеет покровительствующее ему божество, называемое «тёс», что означает «начало, корень, основание». У майманов таковым является Бай Каршыт. Природными атрибутами сёока майман считаются собака как родовое животное, береза – родовое де-

рево, Уч Энемек в верховье р. Каракола – родовая гора-вершина (рис. 2). Их называют «байлу», в смысле «заповедный, священный, запретный». Родовая тамга майманов – «чорго», что означает «трубка аппарата для перегонки кисломолочного напитка *чеген/айрак* в опьяняющий напиток *аракы*». Когда тамга была знаком собственности у майманов, были ее варианты, принятые наследниками: «*јүректү чорго*» (трубка с сердечком), «*айлу чорго*» (трубка с луной) [Тюхтенева, 2007, с. 34]. В наши дни родовую тамгу можно видеть на алтайском стилизованном костюме, безрукавке, футболке в качестве знака родовой принадлежности.

Рис. 2. Родовые маркеры сёока майман. Фото Т.С. Ябыштаева

Таким образом, открытие музея зайсана рода майман и его дальнейшая деятельность – яркий пример популяризации традиционной культуры алтайцев в с. Чемале, являющемся одним из центров развития туризма в Республике Алтай. Трудно переоценить роль зайсана майманов А.К. Бардина, сочетавшего в себе функции лидера-просветителя и лидера-политика, в сохранении и актуализации этнической культуры региона [Ябыштаев, 2016, с. 124]. Его силами Чемальский район приобрел этнокультурную значимость среди алтайцев как один из регионов расселения рода майман в историческом прошлом.

Библиографический список

В Чемальском районе открылся культурный центр, представленный тремя юртами // Банкфакс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bankfax.ru/news/31447/resonance> (дата обращения 27.02.2017 г.).

Дыренкова Н.А. Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Вып. 1. Л., 1926. С. 247–259.

Екеев Н.В. Алтайцы (Материалы по этнической истории). Горно-Алтайск, 2005. 176 с.

Кыдыева В.Я. Поземные отношения в Горном Алтае в XX веке. Горно-Алтайск, 2008. 135 с.

Соколов К. Записки миссионера Урсульского отделения Алтайской миссии за 1900 год // Православный благовестник. 1900. №24. С. 354–356.

Тадина Н.А. О роли Алтайского культурного центра в диалоге этнических культур Республики Алтай // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 8. Новосибирск, 2007. С. 255–256.

Тадина Н.А. Шуточные присказки как маркер сёока-рода в традиции общения алтайцев // Традиционная культура. 2013. №2. С. 47–56.

Тюхтенева С.П. «Люди с собачьей печенью» // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Элиста, 2007. С. 31–44.

Ябыштаев Т.С. О первом съезде-курултае алтайцев (по материалам местных газет 1997 года) // Вестник молодых ученых. №13. Горно-Алтайск, 2016. С. 121–127.

Ямаева Е.Е., Шинжин И.Б. Алтай кеп-куучындар. Горно-Алтайск, 1994. 415 с.

Т.В. Тишкина¹, З.Г. Дидик²

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*

²*Мамонтовский районный краеведческий музей,
Мамонтово, Алтайский край, Россия*

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ОПЫТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ «МАМОНТОВСКИЙ РАЙОННЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»

Работа частично выполнена в рамках гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культуры на территории Северной Азии»

В 1960-е гг. у истоков краеведческого движения в р.ц. Мамонтово стоял заведующий районным отделом культуры Иван Фатеевич Крюков. Это время отличалось общественной активностью населения. Встречи молодежи со старожилами, участниками войны и трудового фронта, устройство выставок прикладного искусства и другие мероприятия позволили выявить не только массу важных фактов из жизни земляков, но и удивительные, вышедшие из обихода предметы утвари, одежды, старые фотографии. Сбором краеведческих материалов активно занимались сотрудники библиотеки – М.Л. Ковшик,

Н.А. Украинская, Р.С. Боброва, А.С. Селина, инспектор отдела культуры А.М. Белькова. В результате с 1967 г. в р.ц. Мамонтово действовал общественный музей. Художественное оформление многих стендов выполнил художник районного Дома культуры Н.М. Сухих. Подготовленные И.Ф. Крюковым 12 кинофильмов красочно дополняли материалы о жизни района. Из-за отсутствия специального помещения экспозиция неоднократно перемещалась, и в результате оказалась утраченной часть экспонатов.

В конце 1970-х гг. намечались мероприятия к 200-летию населенного пункта (до 1922 г. село называлось Бутырское). В органах местной власти рассматривалось предложение об официальном создании районного музея в целях улучшения идейно-политического, трудового и военно-патриотического воспитания населения, сохранения боевых и трудовых традиций района, содействия развитию разнообразной краеведческой работы в общеобразовательных школах района. В 1979 г. организационную работу возглавил Иван Николаевич Ялымов, куратором выступил Николай Иванович Морозов – секретарь по идеологии районного комитета КПСС. В 1980 г. для музея было выделено специальное здание по ул. Пушкинской, 14.

Изучая документы Государственного архива Алтайского края, И.Н. Ялымов выявил ряд источников по истории Мамонтовского района. Краеведческие материалы пополнились воспоминаниями людей, внесших значительный вклад в общественную и политическую жизнь: И.А. Норенко, А.Е. Казариновой, А.М. Котовой (Кузнецовой), П.В. Мозгового, Е.А. Клименко, А.Ф. Кочегарова, родственников Е.М. Мамонтова и др. К сбору музейных материалов привлекались школьники. Учащиеся Мамонтовской средней школы В. Мусохранов, С. Юрченко, С. Снегирев, А. Ялымов, С. Комаров составили актив будущего музея. Помощь оказывали педагоги, руководители школьных музеев И.И. Золотарев (р.ц. Мамонтово) и Г.Е. Иванов (с. Черная Курья), исследователь местной природы, организатор экологического кружка «Экос» Ю.П. Бирюков (с. Гришенское).

В формировании музейного собрания участвовали местные жители, передававшие в дар фотоматериалы, предметы быта 1-й половины XX в. и т.д. Так, от пенсионера П.К. Фролова поступили настенные часы, изготовленные в начале XX в. По информации дарителя, они были приобретены в 1905 г. на ярмарке в с. Бутырском. От П.Я. Бурбах поступила швейная машинка фирмы «Зингер», вывезенная с территории Поволжья в годы Великой Отечественной войны. Эти предметы, а также патефоны 1-й половины XX в., деревянные настенные часы стали основой одной из первых музейных коллекций под названием «История техники». Зуб мамонта, подаренный музею в 1985 г. жителем с. Островное Е.И. Новоселовым, дал основание для палеонтологической коллекции, которая впоследствии пополни-

лась бивнем мамонта, фрагментом кости черепа ископаемого бизона и другими экспонатами. По инициативе В.В. Борисенко началось формирование коллекции «Оружие».

Музей финансировался местным отделом культуры. Оформлением экспозиции, призванной отражать историю района, занимались директор И.Н. Ялымов и художник из Волчихи А.С. Моисеев. Постепенно сформировалось восемь тематических разделов: «Дореволюционный период», «Гражданская война», «Его имя носит наш район», «Коллективизация», «Предвоенные пятилетки», «Великая Отечественная война», «Послевоенное соцстроительство и целина», «Современный раздел». Первоначально музей действовал как общественный, затем с 4 августа 1988 г. по 13 октября 1995 г. являлся филиалом Алтайского краевого краеведческого музея.

В 1994 г. музею были выделены помещения на 2-м и 3-м этажах в здании районного Дома культуры, расположенного по адресу ул. Советская, 142. Учреждение возглавила Л.А. Гульдерова. Под ее руководством осуществлялось оформление новых экспозиционных отделов: «Визитная карточка Мамонтовского района» и «Природа». Отдел «История» был размещен в четырех залах. Для демонстрации экспонатов использовалось специальное оборудование, были изготовлены витрины, диорамы. Кроме того, у музея появился выставочный зал. В 1997 г. музей распахнул свои двери для посетителей.

В стенах музея проводились различные мероприятия. Особое значение придавалось юбилейным датам периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). К ним были приурочены циклы встреч с ветеранами, участниками Курской и Сталинградской битв, жителями блокадного Ленинграда, тружениками тыла, вдовами погибших воинов и т.д. Ежегодно в выставочном зале демонстрировалось в среднем 10–12 сменных выставок. Сформировался совместный с сотрудниками комитетов по культуре и образованию Мамонтовского района опыт по реализации районных краеведческих конференций (раз в три года) с привлечением к участию ученых, краеведов, педагогов. В 1999 г. в преддверии 220-летия населенного пункта была организована районная краеведческая конференция школьников. Затем указанная и эколого-краеведческая конференции стали регулярными (проводятся раз в два года). Мероприятия способствуют привлечению внимания населения к проблемам местной истории и экологии.

В 1995 г. музей стал муниципальным учреждением культуры. В 1996 г. осуществилась регистрация во Всероссийском реестре музеев. В декабре 2005 г. было принято постановление администрации района о создании Муниципального учреждения культуры «Мамонтовский краеведческий музей». В декабре 2006 г. появилось постановление администрации района об изменении статуса на Муниципальное учреждение культуры «Мамонтовский районный краеведческий музей». Право-

преемником его является Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Мамонтовский районный краеведческий музей» (с 2012 г.).

В настоящее время в Мамонтовском районном краеведческом музее трудятся три сотрудника (директор, хранитель музейных предметов, экскурсовод). Общая площадь учреждения составляет 558,8 кв. м. На втором этаже здания размещены кабинеты сотрудников, постоянная экспозиция (площадь – 153 кв. м) и выставочные залы. Большой выставочный зал занимает площадь 266,8 кв. м, малый – 30,25 кв. м. На третьем этаже здания находится фондохранилище.

Основной фонд музея насчитывает 19330 единиц хранения (далее – ед. хр.), научно-вспомогательный фонд – 11810 ед. хр. (данные на 01.01.2017). В музее сформированы разнообразные коллекции. Нумизматическая коллекция состоит из 979 ед. хр. (бумажные купюры России и ряда зарубежных государств, монеты, значки, знак лесного объездчика Алтайского округа и др.). Коллекция «Этнография» включает более 500 ед. хр. Этнографические предметы поступали в музей стихийно, их приносили учащиеся школ, жители сел района, занимавшиеся в прошлом ручным трудом, различными ремеслами. Первые вещи, сформировавшие коллекцию, – самотканые полотенца, орудия труда (серпы, инструменты для намотки пряжи), крестьянская утварь конца XIX – начала XX в. и др. Ряд керамических экспонатов (корчага, изготовленная в 1-й трети XX в., горшки, датированные 1-й половиной XX в.) и полотенце, изготовленное в первой четверти XX в. из льняного полотна ручного прядения, украшенное вышивкой и кружевом, введены в научный оборот [Русская керамика..., 2012, с. 9, 27, 36; Полотенца..., 2013, с. 5].

Коллекция «Солдатские письма» насчитывает 120 ед. хр. (письма в конвертах, почтовые карточки, письма-треугольники), разделена на темы «Письма участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., пришедших с фронта» и «Письма погибших участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». При ее формировании музейные сотрудники уделяют внимание прежде всего подлинным письмам призывников на фронт с территории Мамонтовского района. В коллекции имеются и копии оригинальных текстов. Среди них – копия письма Василия Ивановича Захарова от 25 октября 1943 г. к родным с известием о представлении его к высокой награде Героя Советского Союза. В 2006 г. сотрудники музея при поддержке администрации, военного комиссариата Мамонтовского района подготовили к публикации некоторые материалы коллекции, дополнив их фотографическими снимками и сведениями из биографий воинов [Сердцем с фронта..., 2006].

Коллекция «Оружие» состоит из 42 ед. хр. Среди экспонатов – дореволюционная винтовка кустарного производства, штыки и винтовка системы С.И. Мосина, корпус револьвера и др.

В составе коллекции «Живопись» имеются картины А.С. Моисеева «Командующий армией алтайских партизан Е.М. Мамонтов»

(1979 г.) и «Бой с белогвардейцами» (1987 г.), К.П. Кинева «Уборка урожая в годы войны» (1987 г.) и др.

Начало комплектованию коллекции «Скульптура» было положено в 1997 г. Первым экспонатом стал гипсовый барельеф В.И. Ленина. В настоящее время в данном собрании находятся изделия, выполненные в технике резьбы (дерево), лепки (глина, пластилин), отливки (гипс), ковки, чеканки.

Коллекция «Документы, редкие книги» подразделяется на темы: «Фотография» (7 746 ед. хр.), «Письменные документы» (4 151 ед. хр.), «Редкие книги» (60 ед. хр.). Раритетными являются фотографические снимки, выполненные в первой половине XX в., среди них: «Держатели первых кирпичных сараев в с. Бутырском» (начало XX в.), «Вспашка земли» (1922 г.), «Первая детская площадка» (1925 г.), «Церковь Никольская во время пожара» (1931 г.) и др. Опубликован ряд фотографических экспонатов: «В фонд обороны. Артель им. К. Ворошилова Мамонтовского района. 1941 г.», «Добровольцы Мамонтовского района перед отправкой на фронт. 1941 г.», «А.Ф. Кочегаров – старший лейтенант, снайпер. 1940-е гг.», «Проводы на фронт в с. Мамонтово. 1941 г., август» [Память..., 2005, с. 9, 10, 17, 59].

В фонде музея имеются «Псалтырь поучительная» на старославянском языке (книга принадлежала Никольской церкви, с. Бутырское), книги религиозного содержания на немецком языке, подаренные гражданами, депортированными с Поволжья, учебник «Начальный курс географии» издания 1911 г. и др.

Среди уникальных экспонатов музея – свидетельство, выданное в 1905 г. В.П. Карпенко об участии в русско-японской войне (1904–1905 гг.); удостоверения бывших красных партизан – С.А. Беляева, Г.С. Бенедыки, И.Н. Юкина и др.; стенная газета, выпущенная к 7 ноября 1926 г. первым секретарем районного комитета Всероссийского ленинского коммунистического союза молодежи Яковом Турлаевым, которая поступила от А.Е. Казариновой, и др.

Следует отметить регулярные пополнения основного музейного фонда: в 2015 г. – на 200 ед. хр., в 2016 г. – на 167 ед. хр. и т.д. Источниками комплектования являются поступления от частных лиц и организаций района. Так, в 2015 г. в музей поступили грамоты и документы работников сельского хозяйства, фотографическими снимками пополнились тематические коллекции «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.», «Образование», «Виды села Мамонтова» и т.д. В 2016 г. А.М. Потапенко передал 14 фотоаппаратов отечественного и зарубежного производства, среди которых «Зенит Е», «Киев», «Любитель 166Б», «Canon FT» (1952 года выпуска), «Skina SK-107» и др.). В музей также поступили фотографические снимки и документы из Мамонтовской районной киносети, 16 елочных игрушек 1970–1980-х гг. и другие предметы.

Основная экспозиция музея состоит из нескольких отделов. Знакомство посетителей с информацией о территориальном образовании происходит в отделе «Визитная карточка Мамонтовского района».

В отделе природы демонстрируется многообразие форм окружающего мира. На территории района расположены три ленточных бора (Касмалинский, Кулундинский, Барнаульский), имеются обильные водные ресурсы (озера, реки, пруды), что способствует богатству местной флоры и фауны. В разделе экспозиции представлена значительная коллекция чучел животных.

Экспозиция отдела «История» размещена в нескольких залах. В разделе «Родной край в древности» представлены кости ископаемых животных (бивень мамонта, фрагмент черепа бизона и т.д.), 14 археологических предметов из 25, составляющих коллекцию «Археология» [Тишкин, Тишкина, Фролов, Филиппова, 2016, с. 280]. Раритетным экспонатом является бронзовый вислообушный топор – случайная находка из с. Мамонтово [Иванов, 2000, с. 21, 35, рис. 2.-5]. Демонстрируется карта с указанием месторасположения 105 археологических памятников, выявленных на территории Мамонтовского района.

Раздел «От века XVIII к веку XX» отражает особенности быта местного населения и традиционные ремесла: сапожное, скорняжное, ткацкое, кузнечное, гончарное. Экспонируются шило, березовые баклуши (шпильки), лапки, дратва, хомут и сбруя, стремя, подкова, кованые гвозди, замки, кувшины и прочие предметы.

Часть экспозиции раздела «От века XVIII к веку XX»
(Мамонтовский районный краеведческий музей)

В разделе «Дороги войны, судьбы людские» представлена информация о событиях Первой мировой войны 1914–1918 гг. Демонстрируются фотографические снимки унтер-офицера Макара Михайловича Ведякина (1893–1985 гг.), во время Гражданской войны командира партизанского отряда, ветерана Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.); прапорщика 12-го гренадерского Астраханского полка Климентия Кузьмича Кони́на, погибшего в бою 22 июня 1915 г.; служащих царской армии, сестер милосердия и др. Ряд документов повествуют о крупнейшем организаторе и руководителе партизанского движения на Алтае Е.М. Мамонтове (1889–1922 гг.) и событиях Гражданской войны.

Значительная часть экспозиции уделена отражению событий Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Вниманию посетителей представлены фотографические снимки воинов, призванных в армию с территории Мамонтовского района: «Команда лыжников-добровольцев перед отправкой на фронт», «Проводы мобилизованных в армию из с. Мамонтова» (1941 г.) и др., фотопортреты Героев Советского Союза П.С. Бочарникова, В.И. Захарова, Н.С. Шевелева, И.М. Ладушкина, И.Н. Черникова, И.Е. Выдрина. Демонстрируются фотография, военный билет, книжка снайпера лейтенанта А.Ф. Кочегарова (1943 г.). За боевые подвиги Алексей Федорович был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны, а также орденом Серебряная Звезда (США) [Память..., 2005, с. 59, 96, 97]. Среди вещественных материалов экспозиции: военная форма; топографическая карта Литовской и Латвийской ССР с карандашными пометками, принадлежавшая П.Ф. Симонову; сделанная из фрагмента крыла самолета табакерка, которой пользовался инструктор политотдела 415-й стрелковой дивизии В.А. Абрамович. В 1993 г. члены поискового отряда «Мужество. Героизм. Воля» средней школы №156 г. Новосибирска передали в музей солдатский медальон с сохранившейся адресной лентой рядового И.В. Машарова, уроженца с. Суслово, и комплекс предметов, обнаруженных на месте его гибели у г. Кириши Ленинградской области (заржавленный корпус гранаты, пробитую в нескольких местах металлическую каску советская образца 1939–1942 гг., фрагмент солдатского котелка, гильзы от патронов винтовки Мосина). Ряд экспонатов отражают жизнь населения в тылу. В экспозицию включен сохранившийся бланк обязательства А.Н. Мусориной на поставку государству в 1945 г. мяса [Память..., 2005, с. 33, 96].

Экспозиция зала современности демонстрирует историю района с 1945 г. до настоящего времени. Уделено внимание целинной эпопее и развитию сельского хозяйства, образования, здравоохранения, культуры.

В результате победы сотрудников в краевом конкурсе в номинации «Лучшее учреждение культуры», направление деятельности «Музейное дело», было получено денежное поощрение, которое использовали на

приобретение нового оборудования (выставочных шкафов, напольного стенда и др.), что позволило модернизировать раздел экспозиции «Горячие точки – горячие судьбы». Здесь представлены фотографии, документы, личные вещи жителей района – участников локальных войн XX в. В 2017 г. в экспозиции представлено 1498 ед. хр., что составляет 4,8% от общего состава фондов музея. В настоящее время разрабатывается проект концепции новой экспозиции зала современности.

Посетителям музея предлагаются экскурсии: «Здравствуй, музей», «Наш край в древности», «Из истории местных ремесел», «Эхо войны» и др. Особое внимание сотрудники музея уделяют работе с детьми и молодежью. Действуют музейные абонементы для групп дошкольников и школьников. Для воспитанников детских садов и учащихся начальных классов разработаны тематические экскурсии – «Обитатели озер», «Кто в лесу живет?», «Что такое памятник?», театрализованные – «В гостях у древнего человека», «Из истории ремесел», «Как жили наши прабабушки» и интерактивные занятия. Вниманию школьников средних и старших классов предлагаются разнообразные музейные мероприятия (экскурсии, лекции, краеведческие уроки, встречи с выдающимися людьми и пр.), объединенные в следующие циклы: «История Отечества», «Мы живем на Алтае», «Народные обычаи и традиции», «Флора и фауна Мамонтовского района», «Из истории православных праздников», «Декоративно-прикладное искусство». Учащимся старших классов также адресованы экскурсии «Земляки – участники Афганской и Чеченской войн», «Памятники истории и архитектуры района», «Земляки – жертвы политических репрессий» и т.д. В течение ряда лет вцелях пропаганды здорового образа жизни сотрудники музея разрабатывают и представляют вниманию школьников района различные мероприятия на тему «Твой выбор» [Гульдерова, Степанищева, 2001, с. 206].

Ежегодно в большом и малом залах музея проходит более 30 выставок. Значительные проекты последних лет: «Время, события, люди» (К 90-летию Мамонтовского района), «Магия карнавала», «Зимние мотивы», «Хвала рукам, что пахнут хлебом», «Навечно в памяти народной» (К 75-летней годовщине начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) и др. Благодаря сотрудничеству с музейными учреждениями Алтайского края осуществились выставки из фондов Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая «По Шукшинским местам. Образ Алтая в творчестве В.М. Шукшина» (2014 г.), Табунского районного краеведческого музея «По следам ушедших полков» (2016 г.). Старший научный сотрудник МБУ г. Барнаула «Музей „Город“» Д.В. Бирюкова представляла передвижную интерактивную выставку «Барнаул в чемодане: „Построй город сам“» (2014 г.). Организовывались выставки художественных работ «Павел Германов – герой мирных сражений за хлеб» из частной коллекции семьи Боруновых, современных мастеров В.В. Трушакова из с. Корчино, Н. Рожковой из

с. Ребрихи. В 2015–2016 г. сотрудники музея осуществили передвижные выставки «Наши прославленные герои-земляки», «Из охотника в снайперы», «Уголки родной природы в картинах местных художников», «Об истории создания пионерского лагеря „Чайка“» и др. Экспонаты из фондов музея представлялись на Международном туристическом форуме «Визит. Алтай» (2016 г.), «Фестивале вареника» в с. Романово.

Мамонтовский районный краеведческий музей участвует в Международной акции «Ночь музеев» и Всероссийской акции «Ночь искусств». Посетителям предлагаются разнообразные мероприятия: театрализованные экскурсии, мастер-классы, встречи с художниками на персональных выставках, музыкальные программы и т.д. В 2016 г. участниками «Музейной ночи» стали 70 человек.

Анонсы мероприятий размещаются на сайтах музея, администрации Мамонтовского района, управления архивного дела по культуре и архивному делу и др. Информация о работе регулярно представляется в публикациях на страницах газеты «Свет Октября».

Сотрудники музея занимаются исследованиями по темам «Из истории жизни немцев-переселенцев», «Эвакуация детских домов Ленинграда в Алтайский край» и др. Для краевого музейного фестиваля «Музейный перекресток» были подготовлены проекты «Депортация» (2006 г.), «Человек с кинокамерой» (2007 г.), «Талант от щедрот народных» (2009 г.). С выставочными проектами «Кукла в национальном костюме» (2008 г.) и «Алтайское многоголосие» (2012 г.) сотрудники музея принимали участие в краевом музейном этнофестивале «Мы живем на Алтае» (2012 г.). Экспонаты из фондов Мамонтовского районного краеведческого музея (документы, фотографии) были представлены в Алтайском государственном краеведческом музее на выставке «За веру и честь» (к 100-летию начала Первой мировой войны) (2014 г.). При музее действуют литературное объединение поэтов Мамонтовского района «Вдохновение» и любительское объединение декоративно-прикладного творчества «Параскева». За 2015–2016 гг. Мамонтовский районный краеведческий музей посетили более 21 тыс. человек, что свидетельствует о востребованной деятельности учреждения.

Библиографический список

Гульдерова Л.А., Степанищева Н.П. Из опыта работы с молодежью Мамонтовского районного историко-краеведческого музея // Краеведческие записки. Вып. 4. Барнаул, 2001. С. 205–207.

Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). Барнаул, 2000. 160 с.

Память. Реликвии Великой Отечественной войны в музеях Алтайского края : альбом-каталог / отв. ред. В.А. Скубневский. Барнаул, 2005. 96 с.

Полотенца восточно-славянских народов (русских, украинцев, белорусов). Из собраний музеев Алтайского края : каталог / сост. Н.С. Грибанова, И.В. Попова. Барнаул, 2013. 44 с.

Русская керамика Алтая (из собраний музеев Алтайского края) : каталог / сост. О.С. Мамонтова. Барнаул, 2012. 44 с.

Сердцем с фронта домой... : сборник фронтовых писем / сост. Л.А. Гульдерова. Мамонтово ; Барнаул, 2006. 60 с.

Тишкин А.А., Тишкина Т.В., Фролов Я.В., Филиппова О.Г. Археологические коллекции и отдельные находки в государственных, муниципальных и вузовских музеях Алтайского края // Известия Алтайского государственного университета. 2016. №4 (92). С. 277–285.

М.А. Целищева

*Алтайская региональная краеведческая общественная
организация «Наследие Алтая», Барнаул, Россия*

**ПАМЯТНИК ПРОМЫШЛЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ
«ЗМЕЕВСКИЙ СЕРЕБРОПЛАВИЛЬНЫЙ ЗАВОД»:
ИСТОРИЯ И ВОПРОСЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ**

В рамках выполнения гранта губернатора Алтайского края «Красная книга объектов культурного наследия Алтайского края, находящихся под угрозой исчезновения» были проведены архивно-библиографические изыскания по пяти сереброплавильным заводам, территориально находящимся сегодня в Алтайском крае. В Красную книгу вошли Барнаульский, Павловский, Алейский (Третьяковский район), Локтевский и Змеевский сереброплавильные заводы. Все сереброплавильные заводы Алтайского края стоят на государственной охране как памятники промышленной архитектуры регионального значения, кроме Барнаульского завода, который на основании Указа Президента РФ от 20.02.1995 №176 является памятником федерального значения. Рассмотрим судьбу лишь одного из пяти заводов – Змеевского сереброплавильного, построенного одним из последних – в начале XIX в.

7 мая 1804 г. в Змеиногорск прибыла группа специалистов во главе с механиком П.М. Залесовым, и уже 9 мая началось строительство сереброплавильного завода. В 1805 г. на правом берегу р. Корболихи, в двух верстах от Змеиногорского рудника, был построен Змеевский сереброплавильный завод. Завод был запланирован на десять печей и два горна – извлекательный и разделительный, первая очередь была сдана в 1805 г. – в ноябре работало восемь печей. Достройку завода закончили к 1806 г. Стены заводских строений, а также корпуса над машинами, печи и столбы, соединенные арками и поддерживающие стропила, были выполнены из гранита. Одну печь обслуживали три человека. Помимо сереброплавильной фабрики, при заводе были устроены толчея, рудная промывальня, мукомольная мельница и кожевня, находящаяся в особом каменном здании. Выше завода располагался пруд, подававший воду на заводские колеса через деривационный канал [Спасский, 1819,

с. 115–116]. В начале своей деятельности Змеевский завод производил промежуточный продукт плавки – роштейн, из которого на Барнаульском и Павловском заводах извлекали чистое серебро, но в 1815 г. на заводе были построены трейбофены, позволившие выплавлять серебро и свинец. Вплоть до 50-х гг. XIX в. себестоимость выплавки серебра на Змеевском заводе была ниже, чем на других заводах округа. В 1816 г. была начата постройка первой железной дороги в Сибири от Змеиногорского рудника до завода на расстоянии двух верст. Она предназначалась для перевозки руды и строилась пять лет. В 1835 г. архитектором Я.Н. Поповым было составлено описание плана Змеиногорского рудника, завода и состоящего при них селения. На заводе каменных зданий было несколько: гауптвахта, денежная кладовая, сереброплавильная фабрика, корпус для машин, кузница, пороховой магазин, затравочная, салотопня, кожевня, лаборатория, плотничная и конюшенная изба, горная плотина, сарай. Остальные строения на заводе были деревянные [ГААК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 1360. Л. 27]. В 1843 г. на Змеевском заводе майор Гернгрос проводил первые опыты по извлечению меди из блейштейнов [Гернгрос, 1847, с. 6–7, 16, 18, 19–20, 22–23]. Низкое качество строительства (по причине нехватки времени) обусловило обветшание заводских строений уже через сорок лет. В 1846 г. стало опасно работать в старых корпусах. Для осмотра заводских строений прибыл инспектор. Он отметил, что стены, построенные из кирпича и камня, крошатся от времени и нагрузки, что фундамент и стены шатаются от неправильного первоначального устройства строительных связей. В заключении инспектор написал, что поправлять здания бесполезно и работать в них в дальнейшем опасно. В 1850 г. архитектор Попов вновь отметил, что невозможно поддержать поправкою совершенно обветшалое здание. Но мер никаких не принималось. По статистическим данным по Алтайским заводам, за 1854 г. в Змеиногорском крае числились: сереброплавильный завод, выплавивший за год товара на сумму 64854,11 руб., который был отправлен в С-Петербург в Департамент Горных и Соляных дел; кожевенный завод – выпустил товара на сумму 408,38 руб.; салотопенный завод – на сумму 1455,63 руб.; кирпичный завод – на сумму 196,76 руб. Товары с кожевенного, салотопенного и кирпичного заводов употреблялись на нужды казны [РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 488. Л. 17–18].

В 1857 г. завод осмотрел главный начальник округа А.Р. Гернгрос, после чего советник Алтайского горного правления Платонов поставил вопрос о закрытии завода. В сентябре 1859 г. была создана комиссия для освидетельствования состояния завода, которая нашла, что крыша здания сереброплавильной фабрики до того ветхая, что угрожала падением [РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 810. Л. 1–2]. 29 декабря 1859 г. был составлен план сереброплавильного завода [ГААК. Ф. 50. Оп. 11. Д. 877]. В то время на заводе действовали четырнадцать шахтных печей, два извлекательных и два разделительных горна [ГААК. Ф. 50.

Оп. 11. Д. 878]. На чертеже №2 (без даты) на плане, фасаде и разрезе сереброплавильной фабрики при Змеевском заводе отображены стены существовавшие и стены, предполагаемые к возведению, а также показаны печи и машины [ГААК. Ф. 50. Оп. 11. Д. 879]. В 1859 г. на Змеевском заводе было расплавлено серебряных и свинцовых руд более 65177 пудов, выплавлено бликового серебра 203 пуда, свинца выплавлено 9728 пудов [РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 823. Л. 42, 47]. На основании заключения комиссии Главный начальник Алтайских заводов генерал-майор Озерский 13 сентября 1860 г. (№737) написал в Кабинет ЕИВ о необходимости в скорейшем времени перестройки сереброплавильной фабрики [РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 810. Л. 3]. Кабинет ЕИВ в письме от 14 января 1961 г. (№322) одобрил проект перестройки завода и утвердил смету на сумму 9208,6 руб., которую распорядился внести в смету Алтайских заводов на 1861 г. [РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 810. Л. 5–7]. По распоряжению Горного совета в 1860 г. крестьянам полагалось вырубить в лесосеках дров для Змеевского завода 5210 куренных сажень. Крестьяне, рудозовы и вольные возчики должны были перевезти на завод руды, содержащей серебро и свинец – 531951 пудов, а флюсов, глины, камня – 166 161 пудов [РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 823. Л. 94, 96, 98]. В 1870 г. было принято решение построить при Змеевском сереброплавильном заводе здание для весов с передвижным грузом, для взвешивания руды, металлов, флюсов и др. [ГААК. Ф. 50. Оп. 19. Д. 147]. В сентябре 1875 г. был составлен список недвижимого имущества, принадлежащих Алтайским горным заводам. Недвижимое имущество завода на данный период состояло из плавильной фабрики с техническими устройствами, магазинов, лазарета, горной конторы и шести домов для квартир служащих [РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 1165. Л. 6]. 31 октября 1878 г. Алтайское горное правление отправило два списка недвижимого имущества по Алтайским горным заводам в Кабинет ЕИВ (№2642). За Змеевским сереброплавильным заводом числилось следующее недвижимое имущество: каменных зданий – плавильная фабрика, при ней два флигеля, покрытые тесом, в ней пять корпусов с 10 печами; корпус с двумя плавильными печами; гиттеншрейберская комната с сенями, амбаром для размещения в нем свинца и др., и извлекательный горн с трейбофенами; корпус для двух трейбофенов; корпус с трубою из листового железа; две 4-цилиндрические воздуходувные машины; корпус, в котором четыре цилиндра; заводская кузница, обращенная из якорного горна; 11 капитальных труб над плавильными печами; печка для обжига кирпича; исправительная казарма, перестроенная из кожевенной фабрики, в трех отделениях с сенями и лабораторией; отражательная печь для расплавки жуков и криц. Деревянные здания – ограда в столбах, обнесенная вокруг плавильной фабрики, толчейная фабрика, сарай, покрытый тесом для размещения плавильных продуктов, 9 сараев, дом для пристава, казарма, обыска-

тельная изба, изба для письменных дел по приемке руд; плотина с водопроводным каналом, водопроводный ларь. Всего имущества по Змеевскому заводу числилось на сумму 25391,66 руб. [РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 1165. Л. 36–38]. Алтайское горное правление в рапорте от 10 октября 1880 г. донесло Кабинету, что заводские горные конторы опасаются за успешное выполнение нарядов по выплавке серебра. Причины, препятствующие успешной перевозке руд, флюсов и прочих заводских припасов, были разные. Так, управляющий Змеиногорским краем объяснил, что для подряда возчиков на доставку руды осенним путем в Змеевский завод от заводууправления был командирован особый чиновник, который объехал 60 деревень, выдавал крестьянам высшую против прежних лет провозную плату по 9 коп. с пуда, но успел зарядить возчиков только на 880 пудов. В заключение управляющий Змеиногорским краем просил разрешения повысить плату возчикам до 10 и даже 11 коп. за пуд, с тем, чтобы перерасход денег покрыть за счет заводских сбережений 1880 г. [РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 467. Л. 28–30]. В 1882 г. в Лейпциге вышла книга «Алтай, будущая Калифорния России, и царствовашие на Алтае порядки» в которой анализировалось современное положение горных заводов на Алтае. Автор приводит такие данные, что если в 1827 г. ежегодный доход со всех горных заводов составлял до 1000000 руб., то в 1880-х гг. доход вследствие отмены крепостного права и введения на заводах вольного найма упал до 300000 руб. Этот убыток отчасти пополнялся крестьянской подушной податью. Приводя цифры ежегодной выплавки по Алтайским заводам в 1880-х гг., автор отметил, что на Змеевском заводе в это время при 430 рабочих выплавлялось: золота – 7 пудов, серебра – 184 пуда, свинца – 11062 пуда [Алтай..., 1882, с. 46–49]. В 1883 г. в связи с сокращением добычи зырянских руд и уменьшением всего наряда серебра для Алтайских заводов, в Змеевском заводе предложено было выплавить бликового серебра 103 пуда, свинца на продажу – 79 пудов и медистого роштейна – 7500 пудов. [Июсса, 1885, с. 207–208]. В 1891 г. на заводе было проплавлено руды – 134000 пудов, выплавлено бликового серебра 99 пудов, из которого получено золота – 2 пуда, серебра – 90 пудов. В связи с упадком горнозаводского производства было принято во внимание, что в Западной Европе все более входит в употребление мокрый способ обработки убогих серебряных руд. В 1891 г. в Венгрию было отправлено с Алтая 671 пуд руды для производства опыта ее обработки мокрым путем по способу венгерского инженера Биджанского. Получив хорошие результаты опыта, приступили к постройке в Зырянске выщелачивательной фабрики для химической обработки руд, а в Змеиногорске – фабрики для разделения посредством электролиза получаемых в Зырянске металлов [Струков, 1896, с. 53–54]. В 1893 г. сереброплавильный завод был закрыт, в следующем 1894 г. его переоборудовали под электролитическую фабрику. В этот период был составлен гене-

ральный план Змеиногорского сереброплавильного завода и электролитической фабрики с прилегающими к ним казенными зданиями [ГААК. Ф. 50. Оп. 11. Д. 883]. В дальнейшем (в 1898 г.) Змеевская электролитическая фабрика была сдана Кабинетом в аренду купцам Мамонтову, Рукавишникову и Бурмистрову. В архиве сохранились документу о прекращении договора аренды и о приеме комиссией 2 ноября 1902 г. Змеевской фабрики. В 1910 г. вся горная деятельность Змеиногорского уезда ограничивалась Сугатовским медным рудником, вырабатывавшем до 2000 пудов меди в год, опытной электролитической фабрикой в Змеиногорске, годовое производство которой не превышало 21 фунта золота и приблизительно такого же количества серебра, и Риддерским рудником, в котором добывалось рудного золота около 20 фунтов, до 3,5 пудов серебра и около 1400 пудов свинца [Швецов, 1904, с. 756]. В дальнейшем из-за нерентабельности электролитическая фабрика была ликвидирована [РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 102].

К сожалению, здания Змеевского сереброплавильного завода к настоящему времени не сохранились. Остатки Змеевского сереброплавильного завода поставлены на государственную охрану как памятник регионального значения решением исполнительного комитета Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся от 7 июня 1974 г. №244. В 1990-х гг. П.И. Анисифоровым и А.Д. Сергеевым при участии НПЦ «Наследие» был предложен проект «Змеиногорский рудный комплекс XVIII–XIX вв.», в котором авторы на основе архивных материалов поставили задачу определить степень историко-архитектурной, инженерно-технической и духовно-культурной ценности Змеиногорского рудно-металлургического комплекса как исторического населенного места. С целью включения объекта промышленной архитектуры начала XIX в. в туристический показ на месте бывшего Змеевского сереброплавильного завода предлагаем на основе собранных архивных материалов установить баннеры с информацией, где представить историю завода, чертежи зданий и сооружений (печей), показать реконструкцию действующего завода, выполнить макеты заводских зданий и печей, подготовить научно-популярный фильм о работе данного завода [Целищева, электр. рес.].

Библиографический список

Алтай, будущая Калифорния России, и царствовавшие на Алтае порядки: продолжение к книге «Северные сияния» / ред.-изд. В. Отпетый. Лейпциг, 1882. С. 46–49.

Гернгрос А.Р. Об опытах извлечения меди из блейштейнов в Змеевском заводе, произведенных в 1846 году // Горный журнал. 1847. №1. С. 6–7, 16, 18, 19–20, 22–23.

Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. 50. Оп. 11. Д. 877.

ГААК. Ф. 50. Оп. 11. Д. 878.

ГААК. Ф. 50. Оп. 11. Д. 879.

ГААК. Ф. 50. Оп. 11. Д. 883.

ГААК. Ф. 50. Оп. 19. Д. 147.

ГААК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 1360.

Иосса Н. Причины упадка горнозаводского производства Алтая // Горный журнал. 1885. №9.

Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 468. Оп. 19. Д. 823.

РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 1165.

РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 488.

РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 810.

РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 823.

РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 102.

РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 467.

Спасский Г. Примечания к путешествиям на Тигирецкие белки и по южным Алтайским горам // Сибирский вестник. СПб., 1819. Ч. 5. С. 115–116.

Струков М.И. Краткий очерк Алтайского округа ведомства Кабинета Его Императорского Величества. СПб., 1896. С. 53–54.

Целищева М.А. Змеиногорский (Змеевский) сереброплавильный завод (1804–1893) // Красная книга объектов культурного наследия Алтайского края находящихся под угрозой исчезновения [Электронный ресурс]. URL: <http://library.altspu.ru/redbook/monument/zmeinogorsky>.

Швецов С. Змеиногорск // Новый энциклопедический словарь. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. СПб., 1904. Т. 18. С. 756.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АлтГАКИ – Алтайская государственная академия культуры и искусств.
АлтГУ – Алтайский государственный университет.
АО – Археологические открытия.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).
ГААК – Государственный архив Алтайского края
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГМЦ – горно-металлургический центр.
к.и.н. – кандидат исторических наук.
КемГУ – Кемеровский государственный университет.
КемГУКИ – Кемеровский государственный университет культуры и искусств.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
МАУ – муниципальное автономное учреждение.
МБОУ – муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение.
МБУ – муниципальное бюджетное учреждение.
МВД – Министерство внутренних дел.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР (книжная серия).
МУЦ – межрегиональный учебный центр.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
НОКМ – Новосибирский областной краеведческий музей.
НПФ – Научно-производственная фирма.
НПЦ – Научно-производственный центр.
НСО – Новосибирская область.
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление.
ОФ – основной фонд.
РАН – Российская академия наук.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд.
РЖВ – ранний железный век.
РКСМ – Российский коммунистический союз молодежи.
РПЦ – Русская православная церковь.
с.н.с. – старший научный сотрудник.
СНК – Совет народных комиссаров.
СО – Сибирское отделение.
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
ТОМК – Тюменский областной музейный комплекс им. И.Я. Словцова.
ТюмГУ – Тюменский государственный университет.
УрО – Уральское отделение.
ФГБОУ ВО – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования.
ЦНБ АН КазССР – Центральная научная библиотека Академии наук Казахской ССР.

Научное издание

**СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Выпуск XXIII

Редактор: Е.М. Федяева
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Подписано в печать 10.04.2017. Печать трафаретная.
Бумага офсетная. Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 15,34.
Тираж 500 экз. Заказ 40.

Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66